

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПРАВДА *The Truth*

Впервые
на русском
языке
от МАГИСТРА
КУЛЬТУРЫ

Терри Пратчетт

Правда

Порой работающий в жанре фэнтези автор просто не может пройти мимо странностей окружающей нас действительности. То, как Анк-Морпорк преодолевал связанные с наводнением трудности ([смотри с. 368 и далее](#)), любопытнейшим образом совпадает с происходившим в Сиэтле, штат Вашингтон, в конце девятнадцатого века. Честное слово. Отправляйтесь туда и убедитесь сами. Кстати, если все ж окажется там, не забудьте попробовать похлебку из моллюсков.

Слух распространялся по городу со скоростью пожара (которые распространялись по Анк-Морпорку достаточно часто — с тех самых пор, как горожане узнали значение слова «страховка»).

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Этот слух всколыхнул ядовитые покровы, нависающие над Кварталом Алхимиков. Превращать свинец в золото... Вот уже много веков алхимики бились над решением этой проблемы и были совершенно уверены в том, что удача ждет их не сегодня завтра. По крайней мере, в следующий вторник. К концу месяца — определенно.

Этот слух вызвал пересуды среди волшебников Незримого Университета. Превратить один элемент в другой? Легче легкого, при условии, что ты не будешь возражать, если на следующий день он превратится обратно, — ну и какая от этого польза? Кроме того, большинство элементов вполне довольны своей жизнью и не хотят ничего менять.

Этот слух не замедлил просочиться в покрытые рубцами, опухшие, а иногда и полностью отсутствующие уши Гильдии Воров, которая, впрочем, отреагировала достаточно равнодушно. Здесь больше привыкли полагаться на надежный ломик, ну а золото... Какая разница, откуда оно берется?

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Этот слух, конечно же, достиг холодных, но поразительно чутких ушей патриция, причем достиг их очень быстро: правитель такого города,

как Анк-Морпорк, просто обязан узнавать все новости первым, иначе во власти он не засидится. Вздохнув, патриций сделал соответствующую пометку и добавил листок в большую стопку похожих бумажек.

Гномы умеют превращать свинец в золото...

Наконец слух добрался и до остроконечных ушей самих гномов.

— Что, правда умеем?

— Откуда мне-то знать? Лично я — нет.

— Ну да, а если б умел, то сказал бы? Вот я б не сказал.

— А ты что, умеешь?

— Нет!

— *Ага!*

Этот слух не миновал и стражников, заступивших промозглым вечером на охрану городских ворот. Дежурство на анк-морпоркских воротах никогда не было особо утомительным занятием. Есть ворота, есть желающие проехать; ты машешь рукой, желающие едут — вот по большей части и все обязанности. Ну а в столь темную, холодную, буквально ледящую ночь движение было совсем минимальным.

Стражники, сгорбившись, прятались под аркой ворот и по очереди затягивались мокрой самокруткой.

— Нельзя превратить что-то одно во что-то совсем другое, — заявил капрал Шноббс. — Алхимики уже много лет пытаются это сделать.

— Пока что они освоили только один тип превращения: берешь дом, получаешь глубокую яму, — сказал сержант Колон.

— Вот и я о том же, — закивал капрал Шноббс. — Это попросту невозможно. Тут всё на эти, на элементы завязано. Один алхимик мне рассказывал. Все состоит из элементов, правильно? Из земли, воды, воздуха, огня и... еще чего-то там. Широкоизвестный факт. Главное — правильно смешать, но не взбалтывать.

Шноббс потопал ногами, которые потихоньку начинали отмерзать.

— Если б можно было превращать свинец в золото, все бы только этим и занимались, — добавил он.

— Волшебники это умеют, — напомнил сержант Колон.

— Ага, ну да, *волшебники...* — презрительно отмахнулся Шноббс.

Огромная повозка с грохотом вылетела из желтоватых клубов тумана и промчалась через арку, щедро окатив Колону грязью из фирменной анк-морпоркской рытвины.

— Клятые гномы, — выругался Колон вслед удаляющейся повозке.

Правда, на всякий случай не слишком громко.

— Никогда не видел, чтобы столько гномов толкало одну повозку... — задумчиво произнес капрал Шноббс.

Повозка, накренившись, завернула за угол и скрылась из виду.

— Наверное, доверху набита золотом, — сказал Колон.

— Ха. Конечно. Чем же еще?

А потом слух достиг ушей Вильяма де Словва, где в некотором роде и закончился его путь, поскольку слух был аккуратно зафиксирован и перенесен на бумагу.

В этом и состояла работа Вильяма де Словва. Леди Марголотта Убервальдская платила ему за это пять долларов в месяц. Вдовствующая герцогиня Щеботанская также пользовалась его услугами — за ту же плату. Таковую же сумму присылали король Ланкра Веренс и еще несколько аристократов с Овцепикских гор. Платил и сериф Аль-Хали, правда в данном случае плата составляла полтелеги фиг дважды в год.

В целом Вильяма такое положение дел вполне устраивало. Всего и делов-то: аккуратно написать одно письмо, перенести его (разумеется, в зеркальном виде) на кусок самшита, любезно предоставленный господином Резником, гравером с улицы Искусных Умельцев, а потом заплатить господину Резнику, дабы тот убрал те части дерева, которые не являются буквами, и сделал необходимое число оттисков на бумаге.

Разумеется, без внимательности тут никуда. К примеру, обязательно нужно было оставить пробел после вступительной фразы «Моему знатному клиенту...», который предстояло заполнить позднее, но даже после вычета всех расходов Вильям зарабатывал около тридцати долларов в месяц. Тогда как работа занимала всего-навсего один день.

Тридцать-сорок долларов в месяц — достаточная сумма для жизни в Анк-Морпорке, и не отягощенный излишними обязательствами молодой человек вполне мог на нее прожить. Фиги Вильям всегда продавал. Конечно, на фиги тоже можно было прожить, но это была, прямо скажем, фиговая жизнь.

Кроме того, имелись и побочные заработки. Для большинства жителей Анк-Морпорка мир букв был закрытой кни... загадочным бумажным объектом, поэтому обычный горожанин, если все ж у него возникала нужда верить что-либо бумаге, предпочитал воспользоваться скрипучей лестницей рядом с вывеской: «Вильям де Словв. Все По Писаному».

Взять, например, гномов. Любой гном, заявившийся в Анк-Морпорк в поисках работы, первым делом должен был отослать домой письмо, в котором бы рассказывалось о том, как здорово все сложилось. Такое

письмо писал каждый гном без исключения, в том числе и тот, у которого все настолько не сложилось, что ему, гному, от безысходности пришлось сожрать собственный шлем. Вильям даже заказал господину Резнику несколько дюжин стандартных форм — в этих шаблонах достаточно было заполнить лишь несколько пробелов, чтобы получилось письмо домой на любой вкус и цвет.

А любящие гномородители далеко в горах хранили эти письма как сокровища. Почти все эти «сокровища» выглядели примерно так:

«Дарагие [Мам и Пап]!

Доехал харашо подселился, по адресу [Анк-Мрпк Тени Заводильная 109]. У миня порядок полный. Подыскал клевую работенку у [господина С.-Р.-Б.-Н. Достабля, честного предпринимателя] и оченно скоро буду окалачивать кучу денег. Все ваши попутствия помню в трактиры, ни ногой со всякими троллями не икшаюсь. Ну вот и все пара, убежать, целую скучаю по вам и [Эрмилии], ваш любящий сын

[Томас Хмурбровь]»

...Который, надиктовывая письмо, как правило слегка пошатывался. Однако двадцать пенсов есть двадцать пенсов, а в качестве дополнительной услуги Вильям подгонял орфографию под клиента и позволял тому самостоятельно расставить знаки препинания.

В тот вечер шел мокрый снег. Он таял на крыше и с журчанием стекал по водосточным трубам рядом с окнами. Вильям сидел в своей крошечной конторке над Гильдией Заклинателей и выводил аккуратненькие буквы, вполуха слушая, как в комнате этажом ниже начинающие заклинатели мучаются на вечернем занятии.

— ...Внимательнее. Готовы? Хорошо. Яйцо. Стакан.

— *Яйцо. Стакан*, — без всякого интереса пробубнил класс.

— ...Стакан. Яйцо...

— *Стакан. Яйцо...*

— ...Волшебное слово...

— *Волшебное слово...*

— Фазам-м-м. Ничего сложного. А-ха-ха-ха-ха...

— *Фаз-ам-м-м. Ничего сложного. А-ха-ха-ха-ха...*

Вильям придвинул очередной лист бумаги, заточил свежее перо, посмотрел на стену и принялся писать дальше:

«И наконец, о Забавном. Ходят слухи, будто бы обучились Гномы Свинец в Золото Обращать. Откуда таковая сплетня возникла, никому не ведомо, но в последнее время Гномы, идущие по своим законопослушническим делам, частенько слышат на Городских Улицах оклики типа: „Эй, шибздик, а ну-ка, сотвори мне Золотишка!“ Разумеется, так неразумно ведут себя только всякие Вновь Прибывшие, ибо местные обитатели прекрасно знают: назвать гнома шибздином = верная смерть.

Вш. пкрн. слуга Вильям де Словв».

Вильяму нравилось заканчивать свои донесения на радостной ноте.

Затем он достал самшитовую доску, зажег еще одну свечу и положил письмо на доску чернилами вниз. Быстрые движения ложкой перенесли чернила на деревянную поверхность, и... тридцать долларов плюс полтелеги фиг, способных обеспечить офигенное расстройство желудка, считай, уже в кармане.

Чуть позже он занесет доску господину Резнику, завтра после неспешного обеда заберет копии, и к середине недели, если все сложится благополучно, письма будут разосланы адресатам.

Вильям надел пальто, аккуратно завернул самшитовую доску в вощеную бумагу и вышел в промозглую ночь.

Мир состоит из четырех элементов: земли, воздуха, огня и воды. Этот факт хорошо известен даже капралу Шноббсу. Вот только он не соответствует действительности. Есть еще и пятый элемент, так называемый Элемент Неожиданности.

Гномы действительно научились превращать свинец в золото, но весьма непростым способом. Непростой способ отличался от простого лишь тем, что обеспечивал успешный результат.

Гномы, напряженно всматриваясь в туман, толкали свою перегруженную повозку по улицам. Повозка потихоньку обрастала льдом, с бород гномов уже свисали сосульки.

Достаточно было всего-навсего одной замерзшей лужи.

Старая добрая Госпожа Удача. На нее всегда можно положиться.

Туман становился все гуще, делал тусклым свет, заглушал любые звуки. Как рассудили сержант Колон и капрал Шноббс, сегодня ночью Анк-Морпорку вторжение не грозило. Кровожадные орды варваров не

включили его в свой выездной план на нынешнюю ночь. И стражники ни в коем случае не осуждали их за это.

Наконец настало время закрывать ворота. На самом деле это действие значило куда меньше, чем могло показаться, ведь ключи от города были давным-давно потеряны, а опоздавшие, как правило, бросали камешки в окна построенных на стене домов, пока не находился добрый человек, готовый отодвинуть засов. Предполагалось, что чужеземные захватчики не знают, в какое именно окно следует бросить камешек.

Затем стражники, шлепая по талому снегу и грязи, направились к Шлюзовым воротам, через которые река Анк на свой страх и риск попадала в город. Вода была не видна в темноте, лишь иногда чуть ниже парапета проплывала призрачная тень льдины.

— Погоди, — сказал Шнобби, когда они схватились за рукоять опускавшей решетку лебедки. — Там кто-то есть.

— В реке? — не понял Колон.

Он прислушался: где-то внизу раздавался скрип весел в уключинах.

Сержант приставил сложенные ладони к губам и издал универсальный оклик всех стражников:

— Эй, ты!

Несколько мгновений не было слышно ничего, кроме свиста ветра и плеска воды. Потом до стражников донесся голос:

— Да?

— Ты решил вторгнуться в город или что?

Снова возникла пауза.

— Что?

— Что «что»? — осведомился Колон, поднимая ставки.

— Что за другие варианты?

— Ну, ты, в лодке, ты меня не путай... Ты *вторгаешься* в этот город или как?

— Нет.

— Ну и ладно, — сказал Колон, который в такую ночь готов был поверить любому на слово. — Тогда проваливай, да побыстрее: мы вот-вот опустим решетку.

После некоторых раздумий плеск весел возобновился и начал удаляться вниз по течению.

— Думаешь, было достаточно просто спросить? — поинтересовался Шнобби.

— А кому об этом знать, как не им? — пожал плечами Колон.

— Да, но...

— Это была крошечная лодчонка, Шнобби. Нет, конечно, если ты хочешь совершить приятную прогулку по обледеневшим ступеням вниз к причалу...

— Не хочу, сержант.

— Тогда давай возвращаться в штаб-квартиру.

Вильям, подняв воротник, спешил к граверу Резнику. На обычно оживленных улицах почти никого не было. Только неотложные дела способны выгнать людей из домов в такую погоду. Зима обещала быть действительно скверной, похожей на холодный овощной суп из промозглого тумана, снега и забористого анк-морпоркского смога.

Взгляд Вильяма вдруг привлекло небольшое освещенное пятно рядом со зданием Гильдии Часовщиков. В центре пятна сидела какая-то сгорбленная фигурка.

Он подошел ближе.

— Горячие сосиски? В тесте? — произнес лишенный всякой надежды голос.

— Господин Достабль? — удивился Вильям.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, самый предприимчиво неудачливый бизнесмен в Анк-Морпорке, посмотрел на Вильяма поверх лотка для жарки сосисок. Снежинки с шипением падали на застывающий жир.

Вильям вздохнул.

— А ты сегодня припозднился, господин Достабль, — заметил он вежливо.

— Ах, господин де Словв... Торговля горячими сосисками переживает кризис, — пожаловался Достабль.

— Да уж, судя по всему, не сосиской единой мертв человек, — хмыкнул Вильям. Он не смог бы удержаться даже за сто долларов и полное судно фиг.

— Определенно. На рынке легких и тяжелых закусок нынче спад, — откликнулся Достабль, слишком погруженный в свои мрачные думы, чтобы заметить издевку. — Такое впечатление, люди вообще перестали есть сосиски в тесте.

Вильям опустил взгляд на лоток. Если Себя-Ре-жу-Без-Ножа Достабль торговал сосисками, это было верным признаком того, что одно из его амбициозных предприятий снова потерпело крах. Торговля сосисками вразнос была нормальным состоянием в жизни Достабля, из которого он постоянно пытался выбраться и в которое неминуемо скатывался, когда очередное рискованное начинание заканчивалось неудачей. И слава богам,

ведь Достабль был исключительно хорошим продавцом горячих сосисок. Учитывая то, из чего делались его сосиски.

— Жаль, я не получил хорошего образования, как ты, — подавленно произнес Достабль. — Приятная работа в помещении, тяжести таскать не надо. Будь у меня образование, я бы точно нашел свою ницшу.

— Ницшу?

— Один волшебник рассказывал мне о них, — объяснил Достабль. — У каждого есть своя ницца, понимаешь? Место, где он должен находиться. Для чего он предназначен.

Вильям кивнул. Он знал много слов.

— То есть ницца?

— Во-во, она самая. — Достабль вздохнул. — Я прозевал свой шанс с семафором. Не понял вовремя, что надвигается. А потом — раз! Даже не успел оглянуться, как все вокруг стали владельцами клик-компаний. Большие деньги. А я рылом для такого не вышел. Но вот фенсуй... тогда у меня все карты на руках были. Просто не повезло.

— Я определенно почувствовал себя лучше, когда поставил стул в другое место, — сказал Вильям.

Совет стоил ему два доллара и включал в себя предписание держать крышку туалета закрытой, дабы Дракон Несчастья не проник в его организм через задний проход.

— Ты был моим первым клиентом, и я благодарен тебе за это, — продолжал Достабль. — У меня все было на мази, я заказал ветряные колокольчики Достабля и зеркала Достабля, оставалось только деньги загребать, ну, то есть все было создано для обеспечения максимальной гармонии, а потом... бац! Меня снова накрыло кармой.

— Это случилось ровно за неделю до того, как господин Проходи-проходи наконец оклемался, — кивнул Вильям.

Дело второго клиента Достабля оказалось весьма полезным для его новостных писем и с лихвой возместило два доллара.

— Откуда я мог знать, что Дракон Несчастья действительно существует? — попытался оправдаться Достабль.

— Изначально он и не существовал, но потом ты убедил его в этом, — сказал Вильям.

Достабль немного повеселел.

— Да уж, что ни говори, а идеи я всегда умел продавать. Вот, допустим... Сосиска в тесте — это то, в чем ты сейчас больше всего на свете нуждаешься. Убедительно?

— Честно говоря, я должен спешить к... — Вильям вдруг замолчал. —

Ты ничего не слышал?

— А еще у меня где-то есть пирожки с холодной свиной, — продолжал Достабль, копаясь в лотке. — И я могу предложить их тебе по *убедительно* низкой цене...

— Я точно что-то слышал, — сказал Вильям. Достабль наострил уши.

— Нечто похожее на грохот? — спросил он.

— Да.

Они стали пристально всматриваться в затянувшие Брод-авеню облака тумана.

Из которых весьма внезапно вынырнула огромная, закрытая брезентом повозка, надвигавшаяся неотвратно и очень-очень быстро...

— Станок! Держите станок!

Это были последние слова, услышанные Вильямом, перед тем как нечто вылетело из ночной тьмы и врезало ему промеж глаз.

Слух, пришипленный пером Вильяма к бумаге, точно бабочка к пробке, так и не добрался до ушей некоторых людей. А все потому, что головы этих людей были заняты иными, более темными мыслями.

Лодка с шипением взрезала речную гладь. Воды Анка неторопливо расступались перед ней и медленно смыкались за кормой.

Двое мужчин налегали на весла. Третий сидел на носу лодки. Периодически он что-то говорил. Например:

— У меня нос чешется.

— Придется потерпеть, пока на место не прибудем, — откликнулся один из гребцов,

— Вы не могли бы развязать мне руки? Он действительно чешется.

— Мы развязывали тебя, когда останавливались поужинать.

— Тогда он не чесался.

— А может, ять, еще раз треснуть его по голове, ять, веслом? А, господин Кноп?

— Неплохая мысль, господин Тюльпан. В темноте прозвучало глухое «бум!».

— Ай.

— Лучше не шуми, приятель, а то господин Тюльпан совсем разозлится.

— Вот именно, ять.

После чего послышался шум, как будто вдруг заработал промышленный насос.

— Слушай, ты, это, особо не налегай!

— Я ж, ять, всю жизнь налегаю и жив-живехонек, господин Кноп.

Лодка медленно остановилась у небольшого, редко используемого причала. Высокого человека, который совсем недавно был центром внимания господина Кнопа, сгрузили на берег и потащили в переулок.

Через мгновение раздался грохот колес удаляющейся в ночь кареты.

Трудно было даже представить, что в такую мерзкую ночь найдется хоть кто-нибудь, кто станет свидетелем происшедшего.

Но свидетели были. Вселенная требует наблюдения буквально за всем, иначе она тут же перестанет существовать.

Из темноты в переулок, шаркая ногами, вышла высокая фигура. Рядом с ней ковыляла фигура значительно меньших размеров.

Обе фигуры проводили взглядами исчезающую за снеговой завесой карету.

— Так, так, так, — произнесла та фигура, что поменьше. — Любопытственно. Человек связан и с мешком на голове. Очень любопытственно, а?

Высокая фигура кивнула. Она была одета в огромную серую накидку, которая была велика на несколько размеров, и фетровую шляпу, которая под воздействием времени и погоды превратилась в мягкий, облегающий голову владельца конус.

— Раздребань на все, — сказала высокая фигура. — Солома и штаны, туды его в качель. А я ведь ему говорил, говорил. Десница тысячелетия и моллюск. Разрази их гром.

Немного помолчав, фигура сунула руку в карман, достала сосиску и разделила ее на две части. Одна половина исчезла под шляпой, а вторая была брошена маленькой фигурке, той, что говорила за двоих, ну, или, по крайней мере, отвечала за связную часть разговора.

— Как-то это все плохо пахнет, — заявила та фигура, что поменьше и у которой было четыре ноги.

Сосиска была съедена в тишине. Потом странная парочка продолжила свой путь в ночь.

Как голубь не может ходить, не кивая головой, так высокая фигура, казалось, не могла двигаться без непрерывного негромкого бормотания:

— Я ведь им *говорил, говорил*. Десница тысячелетия и моллюск. Я сказал, сказал, сказал. О нет. А они как дадут деру. А я им *говорил*. В туду их. Пороги. Я сказал, сказал, сказал. Зубы. Как зовут этот век. Я сказал, говорил им, не виноват же, собственно говоря, собственно говоря, само собой разумеется...

Вышеупомянутый слух добрался до ушей фигуры чуть позже, но к

тому времени фигура и сама стала частью слуха.

Что же касается господина Кноп и господина Тюльпана, о них в данный момент следует знать лишь одно: когда подобные люди называют вас «приятелем», это вовсе не значит, что они испытывают к вам дружеские чувства.

Вильям открыл глаза. «Похоже, я ослеп», — подумал он.

Потом он откинул одеяло.

А потом пришла боль.

Она была резкой и настойчивой, сконцентрированной непосредственно над глазами. Вильям осторожно поднял руку и нащупал какую-то ссадину и нечто вроде вмятины на коже, если не на кости.

Он сел и увидел, что находится в комнате с наклонным потолком. В нижней части маленького окошка скопилось немного грязного снега. Помимо постели, которая состояла лишь из матраса и одеяла, никакой мебели в комнате не было.

Глухой удар потряс здание. С потолка посыпалась пыль. Вильям встал, схватился за лоб и, пошатываясь, побрел к двери. Она привела его в несколько большее помещение, а точнее, в мастерскую.

От следующего удара щелкнули зубы.

Вильям попытался сфокусировать взгляд.

В комнате было полно гномов, которые работали за двумя длинными верстаками. А в дальнем конце комнаты гномы толпились вокруг какого-то сооружения, напоминающего замысловатый ткацкий станок.

Снова раздался глухой удар.

Вильям потер лоб.

— Что происходит? — спросил он.

Стоявший ближе к нему гном поднял голову и толкнул локтем в ребра своего соседа. Толчок быстро распространился по гномьим рядам, и вдруг комната от стены до стены погрузилась в настороженную тишину. Несколько дюжин гномов с серьезными лицами уставились на Вильяма.

Никто не умеет смотреть пристальнее, чем гном. Возможно, это объясняется тем, что между положенным по уставу круглым железным шлемом и бородой виднеется лишь очень маленькая часть лица. Лица у гномов всегда очень *сосредоточенные*.

— Гм, — сказал Вильям. — Привет?

Первым вышел из оцепенения гном, стоявший возле станка.

— Приступайте к работе, ребята, — велел он, подошел к Вильяму и уставился ему в промежность. — С тобой все в порядке, ваша светлость?

Вильям поморщился.

— А что, собственно, произошло? Помню повозку, потом что-то вдруг ударило...

— Она от нас укатилась, — пояснил гном. — И груз соскользнул. Прошу прощения.

— А что с господином Достаблем?

Гном наклонил голову.

— С тощим типом, торговавшим сосисками?

— С ним. Он не пострадал?

— Вряд ли, — осторожно ответил гном. — Он даже умудрился продать молодому Громобоею сосиску в тесте. Это факт.

Вильям на секунду задумался. В Анк-Морпорке излишне доверчивых новичков поджидало множество ловушек.

— Ну хорошо, а с господином Громобоем все в порядке?

— Вероятно. Некоторое время назад он прокричал в щель под дверь, что чувствует себя гораздо лучше, но предпочитает оставаться там, где он есть. По крайней мере еще пару часов.

Гном наклонился и достал из-под верстака нечто прямоугольное, завернутое в грязную бумагу.

— По-моему, это твое.

Вильям развернул свою доску. Она была расколота ровно по центру, где по ней прокатилось колесо повозки. Все строчки были смазаны. Вильям тяжело вздохнул.

— Прости за любопытство, — сказал гном, — но что это за штука?

— Эта доска предназначалась для изготовления гравюры, — рассеянно ответил Вильям, сам не понимая, как разъяснить понятие гравюры гному, который совсем недавно приехал в город. — Ну, для гравюры, — повторил он. — Это... такой почти волшебный способ размножать написанное. Извини, но мне пора идти. Теперь придется делать другую доску.

Гном странно глянул него, взял доску и принялся вертеть в руках.

— Понимаешь, — продолжил Вильям, — гравер вырезает кусочки дерева...

— А оригинал у тебя остался? — перебил его гном.

— Прошу прощения?

— Оригиналу, — терпеливо повторил гном.

— Да, конечно.

Вильям достал письмо из-за пазухи.

— Можно посмотреть?

— Да, только верни, ведь мне еще...

Некоторое время гном рассматривал письмо, потом повернулся и ударил рукой по шлему своего соседа. По комнате прокатился громкий звон.

— Десять пунктов на три, — сказал гном, передавая письмо товарищу. Ударенный гном кивнул и начал что-то быстро выбирать из маленьких коробочек.

— Мне б домой, ведь... — начал было Вильям.

— Много времени это не займет, — заверил главный гном. — Иди сюда. Тебе как человеку букв это может показаться весьма любопытным.

Вильям двинулся за ним вдоль гномов к непрерывно клацающему станку.

— О, так это же гравюрная машина, — неуверенно произнес он.

— Только не совсем обычная, — сказал гном. — Мы ее немного... изменили.

Он взял лист бумаги из лежащей рядом с машиной пачки и передал его Вильяму.

«ГУНИЛЛА ХОРОШАГОРА И К°»

Зело просят

Предоставить работу для ихней новой

СЛОВОПЕЧАТНИ

В коей пользуется метод производства множественных отпечатков

Доселе никем не видимый.

Разумные Расценки

Под Вывеской «Ведро», Тусклая улица, Рядом с ул. Паточной
Шахты, Анк-Морпорк

— Ну, что скажешь? — застенчиво спросил гном.

— Ты — Гунилла Хорошагора?

— Да. Так что скажешь?

— Ну... Буквы красивые и расположены ровно, — похвалил Вильям. — Но ничего нового я не вижу. Только вот слово «доселе» у вас с ошибкой написано. Оно пишется через «е». Неплохо бы исправить, если, конечно, ты не хочешь, чтобы над вами смеялись.

— Правда? — спросил Хорошагора и пихнул локтем одного из своих коллег: — Кеслонг, передай мне строчную «е» девяносто шесть пунктов... Большое спасибо.

Хорошагора взял гаечный ключ, наклонился над станком и принялся

чем-то греметь в механическом полумраке.

— А у тебя тут работают хорошие мастера, — добавил Вильям. — Все буквы такие ровные и красивые...

Он чувствовал себя немного виноватым: ну зачем он сказал об ошибке? Скорее всего, ее никто не заметил бы. Жители Анк-Морпорка считали орфографию совершенно необязательной. Правила орфографии они соблюдали так же, как правила пунктуации. Какая разница, как располагаются эти закорючки, главное — чтобы они были.

Гном закончил свою загадочную деятельность, провел смоченной чернилами подушечкой по чему-то внутри машины и выпрямился.

— Впрочем, «е» или «и»... — Бух! — ...собственно, без разницы, — сказал Вильям.

Хорошагора открыл машину и без слов передал Вильяму лист бумаги.

Вильям прочел текст. Буква «е» была на месте.

— Но как?.. — поражение произнес он.

— Это такой почти волшебный способ быстро размножить написанное, — пояснил Хорошагора.

Рядом с ним вдруг возник гном с металлическим прямоугольником, который был заполнен написанными наоборот железными буквами. Хорошагора взял прямоугольник в руки и широко улыбнулся Вильяму.

— Не хочешь внести изменения, прежде чем мы начнем? — спросил он. — Только скажи. Пары дюжин отпечатков будет достаточно?

— О боги, — вымолвил Вильям, — Это же... отпечатная машина...

Таверна под названием «Ведро» никогда не могла похвастаться избытком посетителей. Тусклая улица была если не мертвой, то серьезно раненной в смысле деловой активности. Лишь немногие предприятия выходили на улицу фасадами, и большей частью она состояла из заборов и складских ворот. Никто уже и не помнил, почему эта улица называлась Тусклой. Хотя ничего блестящего тут отродясь не было.

Кроме того, решению назвать таверну «Ведром» вряд ли суждено было попасть в список Самых Удачных Маркетинговых Решений За Всю Историю. Владел «Ведром» господин Сыр — худой, иссохший тип, который улыбался крайне редко, в основном лишь когда ему сообщали о каком-нибудь очередном жестоком убийстве. Традиционно он торговал себе в убыток, а чтобы компенсировать потери, обсчитывал клиентов. Тем не менее таверну довольно быстро облюбовала Городская Стража и сделала ее своим неофициальным местом отдыха. Стражники предпочитали выпивать в местах, куда посторонние не заходят и где никто не может им напомнить,

что на самом деле они блюстители порядка.

В каком-то смысле это было преимуществом. Даже лицензированные воры больше не пытались обнести «Ведро». Стражники очень не любят, когда им мешают выпивать. С другой стороны, господин Сыр никогда не видел, чтобы в одном месте собиралось столько мелких воришек сразу, пусть и одетых в мундиры Городской Стражи. За первый же месяц работы на стойке таверны побывало столько поддельных долларов и всякой необычной иностранной валюты, сколько господин Сыр не встречал за все годы своей работы трактирщиком. В общем, было от чего впасть в депрессию — если б не рассказы стражников. Некоторые описания убийств были весьма и весьма занятными.

Также господин Сыр зарабатывал на жизнь тем, что сдавал в аренду близлежащие крысятники, а именно старые сараи и подвалы домов, примыкающих к таверне. Эти помещения — периодически и на довольно-таки короткий срок — снимались полными энтузиазма предпринимателями, которые свято верили в то, что современный мир никак не может больше прожить без, допустим, надувных мишеней для игры в дротики.

В данный момент у входа в «Ведро» собралась небольшая толпа, которая читала объявление о «доселе не видимой» словопечатне. Хорошагора вывел Вильяма на улицу и прибил к двери исправленный вариант.

— Еще раз извини, — сказал он. — Здорово мы тебя припечатали. Так что твое письмо — за счет заведения.

Домой Вильям пробирался боковыми улочками, чтобы случайно не наткнуться на господина Резника. Оказавшись у себя в камерке, он вложил отпечатанные листы в конверты и отнес их посыльным у Пуп-сторонних ворот. В этом месяце работа была исполнена на несколько дней раньше обычного.

Посыльные одарили его несколькими странными взглядами.

Снова вернувшись домой, Вильям первым делом подошел к зеркалу над раковиной. Большую часть лба занимал переливающийся всеми цветами радуги отпечаток буквы «Р».

Вильям наложил на лоб повязку.

Однако у него еще оставалось целых восемнадцать экземпляров отпечатанного гномами письма. И тут ему в голову пришла достаточно смелая мысль. Он отыскал в своей картотеке адреса восемнадцати самых влиятельных горожан, которые, возможно, могли бы себе позволить незначительные расходы, написал каждому краткую сопроводительную

записку, предложив свои услуги за... Немножко подумав, он аккуратно вписал «5\$» и вложил оставшиеся отпечатки в конверты. Конечно, он всегда мог попросить господина Резника изготовить дополнительные копии, но это почему-то казалось *неправильным*. Одну такую доску старик-гравер вырезал целый день, и просить его отпечатать побольше писем было своего рода неуважением к его труду. Но уважать какие-то куски железа и механизмы? Машины — это ж не живые люди.

С этого-то и начались все неприятности. Они просто не могли не начаться. И он честно предупредил об этом гномов, хотя они на удивление равнодушно отнеслись к его прогнозам.

Карета подъехала к большому городскому особняку. Дверца открылась. Дверца закрылась. В двери особняка постучались. Дверь открылась. Дверь закрылась. Карета уехала.

Тяжелые шторы в одной из комнат, располагавшейся на первом этаже, были плотно задернуты, и сквозь них на улицу пробивалось лишь тусклое свечение. Голоса, которые также проникали сквозь шторы, были едва слышны, но любой внимательный слушатель мог заметить, что вдруг шум разговора резко стих. Потом раздался стук упавшего на пол кресла, и внезапно несколько людей заорали во все горло:

— Это и в самом деле он!

— Над нами что, решили подшутить?!

— Будь я проклят!

— Да он такой же *он*, как и я!

Постепенно крики стихли. А потом раздался чей-то очень спокойный голос:

— Ну хорошо. Хорошо. Можете его увести, господа. Поместите его в подвал и обеспечьте ему максимальные удобства.

Послышались шаги. Дверь открылась и закрылась.

— Можно просто подменить... — раздраженно начал было кто-то.

— Нет, нельзя. К счастью, насколько мне известно, наш гость не отличается выдающимся интеллектом, — продолжил первый говоривший.

Возражать этому голосу было не то чтобы немислимо, а просто невозможно. Этот голос привык звучать в компании благодарных слушателей.

— Но он выглядит как точная копия...

— Да. Поразительно, не правда ли? И все же не будем чрезмерно усложнять ситуацию. Мы, господа, так сказать, караульные лжи. Мы одни стоим между этим городом и забвением, которое его ждет. Так не упустим

же свой шанс. Возможно. Витинари действительно желает, чтобы люди стали меньшинством в этом великом городе, но, честно говоря, его гибель от рук наемного убийцы была бы... очень некстати. Она бы вызвала смуту, а смутой трудно управлять. Кроме того, как всем нам известно, кое-кто также может воспользоваться данным исходом. Нет. Есть третий путь. Плавный переход из одного состояния в другое.

— А что будет с нашим новым другом?

— О, нанятые нами специалисты славятся своей изобретательностью. Уверен, они знают, как следует поступить с человеком, лицо которого более ему не подходит.

Раздался смех.

Обстановка в Незримом Университете была несколько напряженной. Глядя в небо, волшебники быстро-быстро перебежали от здания к зданию.

Первопричиной суеты были, разумеется, лягушки. Не дожди из лягушек (нынче подобные бедствия случались в Анк-Морпорке очень и очень редко), а древесные лягушки родом из влажных джунглей Клатча. Эти проворные разноцветные существа, выделявшие самый смертоносный токсин в мире, счастливо обитали в огромном виварии, уход за которым был поручен студентам-первокурсникам (типа, если что, то невелика потеря: общий образовательный уровень не слишком пострадает).

Но иногда клатчскую древесную лягушку извлекали из вивария и помещали в небольшую банку. Там она на короткое время становилась действительно счастливой, после чего засыпала и просыпалась уже в бескрайних небесных джунглях.

Именно таким образом Университет получал активный ингредиент для пилюль, скармливаемых казначею и поддерживающих его в здравом уме — по крайней мере, внешне, ибо не все было так просто в старом добром НУ. На самом деле казначей был неизлечимым сумасшедшим и галлюцинировал более или менее непрерывно, но как-то раз, испытав особо жестокий приступ вертикального мышления, его коллеги-волшебники пришли к дружному выводу, что проблему казначея все-таки можно решить. Главное — найти формулу, которая заставит его *постоянно галлюцинировать, что он абсолютно в здравом уме*^[1].

И эта идея действительно сработала. Правда, после нескольких неудачных попыток — на определенном этапе казначей несколько часов кряду считал себя книжным шкафом. Зато теперь он непрерывно галлюцинировал, будто является университетским казначеем. Это почти оправдывало побочные эффекты, а в частности — его уверенность в том,

что он умеет летать.

Вообще на просторах множественной вселенной подобная уверенность не такой уж редкий случай, особенно после приема местного эквивалента пилюль из сушеных лягушек. Съев пару таких таблеток, человек нередко решает, что тяготение — это дело наживное. В результате он доставляет массу хлопот элементарной физике, а на улице внизу возникает небольшая транспортная пробка. Но когда о способности летать галлюцинирует волшебник, все обстоит несколько иначе...

— Казначей! Сию минуту спускайся! — пролаял в мегафон аркканцлер Наверн Чудакулли. — Ты прекрасно знаешь, я запретил тебе взлетать выше стен!

Казначей пошел на посадку в сторону лужайки.

— Ты меня звал, аркканцлер?

Чудакулли помахал перед ним листком бумаги.

— Ты как-то говорил, что мы тратим уйму денег на граверов, верно?

Приложив некоторые усилия, казначей переключил свой мозг на более или менее нормальную скорость.

— Говорил? Я?

— Да. Обвинил нас в «подрывании бюджета». Именно так и выразился. Как сейчас помню.

Некоторое время коробка передач, заменявшая казначею мозг, натужно скрипела. Наконец одна из шестеренок зацепила другую.

— О. Да, да, да. Как верно, — согласился казначей. Со щелчком на место встала еще одна шестеренка. — Целое состояние, каждый год. Гильдия Граверов...

— А вот этот парень заявляет, — аркканцлер сверился с листком, — что у него каждая тысяча слов — доллар. При заказе не менее десяти копий. Это дешево?

— По-моему, гм, у него что-то не то с резьбой, аркканцлер, — сказал казначей, наконец заставив свой голос звучать льстиво и успокаивающе. Как он знал из собственного опыта, при разговоре с Чудакулли это было самым разумным поведением. — Такой мизерной суммы не хватит даже на то, чтобы оправдать самшит.

— А еще здесь говорится... — Зашуршала бумага. — Размер букв — до десятого кегля, — сообщил Чудакулли.

Казначей на мгновение потерял над собой контроль.

— Да этот человек просто чудакнутый!

— Что?

— Прости, аркканцлер, я хотел сказать, такого быть не может! Даже

если предположить, что кто-то способен вырезать столь мелкие буквы, дерево начнет крошиться уже после двух отпечатков!

— Судя по всему, ты в этом хорошо разбираешься...

— Мой двоюродный дедушка был гравером, аркканцлер. Счета за гравиров — одна из основных статей расхода, как тебе хорошо известно. Не хочу хвастать, но с полной уверенностью могу сказать: мне удалось снизить цены Гильдии до самого...

— Ага, и теперь ты посещаешь каждый их ежегодный кутеж.

— Ну, Университет — крупный заказчик. Естественно, он получает приглашение на официальный банкет, а я как человек, занимающий не последнюю должность, считаю частью своих обязанностей...

— Пятнадцать блюд, как я слышал.

— ...и, конечно, соблюдая нашу политику поддержания дружеских отношений с городскими Гиль...

— *Не считая* орешков и кофе.

Казначей замялся. Порой аркканцлер был туп как пробка, но порой демонстрировал очень неприятную для собеседника проницательность.

— Проблема в том, аркканцлер, — попытался объяснить он, — что мы всегда возражали против использования подвижных литер. По магическим причинам, ведь...

— Да, да, знаю, — перебил его аркканцлер. — Но каждый день появляется что-то новое, какие-то... бланки, таблицы и боги знают, что еще. Ненавижу все эти бумаги, они только кабинет засоряют...

— Да, аркканцлер. Поэтому ты рассовываешь их по ящикам, а ночами выбрасываешь в окно.

— Чистый стол — чистый ум, — наставительно произнес аркканцлер и сунул листовку в руку казначея. — Почему бы тебе не сбегать туда? Вдруг это не пустое сотрясение воздуха? Подчеркиваю: *сбегать*, а не слетать. Большое спасибо.

На следующий день Вильям решил прогуляться к расположившимся за «Ведром» сараям. Честно говоря, его туда тянуло. Да и работы не было, а бездельничать он не любил.

Считается, что мир населяют люди двух типов. Одни, когда им подносят наполовину полный стакан, говорят, что он наполовину полон, а другие — что наполовину пуст.

Однако на самом деле мир принадлежит тем, кто, посмотрев на стакан, воскликнет: «А что случилось с этим стаканом? Простите? Простите?! Это что, мой стакан? Вот уж *вряд ли*. Мой стакан был полон! И он был куда

больше!»

А на другом конце всемирной барной стойки сосредоточились люди другого типа, чей стакан разбит либо нечаянно опрокинут (как правило, теми, кто требует принести стакан большей емкости) или у которых совсем нет стакана, потому что они стоят в задних рядах и не могут привлечь внимание бармена.

Вильям принадлежал к «бесстаканным». Что было весьма странно, ведь он появился на свет в семье, которая не только владела очень большими стаканами, но и могла позволить себе содержать людей, дежуривших с бутылками наготове, дабы обеспечить постоянную наполненность этих самых стаканов.

Однако Вильям добровольно принял свою бесстаканность — и сделал это в достаточно раннем возрасте, сразу после окончания школы.

Брат Вильяма Руперт поступил в Анк-Морпоркскую школу наемных убийц, считавшуюся лучшим учебным заведением в мире для представителей полностаканного класса. А Вильяма, как менее важного сына, послали в Угарвард — школу-интернат, настолько мрачную и спартанскую, что только представителям высшего класса могло прийти в голову посылать туда своих сыновей.

Угарвард представлял собой гранитное здание, построенное на пропитанной нескончаемыми дождями вересковой пустоши, и здесь, как было заявлено в официальной презентации, из юношей делали мужчин. Применяемая концепция обучения предусматривала определенные потери и заключалась, насколько помнил Вильям, в очень простых и весьма насильственных играх под крайне полезным для здоровья дождем со снегом. Маленькие, медлительные, толстые и просто непопулярные ученики безжалостно отсеивались, как и было предназначено природой, но естественный отбор весьма многолика штука, и Вильям обнаружил в себе некоторые способности к выживанию. К примеру, для того чтобы выжить на спортивной площадке, следовало быстро бегать и громко кричать, все время оказываясь — необъяснимым образом! — подальше от мяча. Как ни странно, тем самым он заработал себе репутацию пронырливого юноши, а пронырливость всегда высоко ценилась в Угарварде хотя бы потому, что действительные достижения в этой школе встречались достаточно редко. Преподавательский состав Угарварда искренне верил в то, что хорошо развитая пронырливость способна заменить менее значимые качества характера, такие как ум, предусмотрительность и воспитанность.

Та же самая пронырливость помогла Вильяму подружиться со словами. В Угарварде грамотность была не в почете, поскольку

предполагалось, что тамошним выпускникам ручка понадобится лишь для того, чтобы написать свое имя (а этим искусством после трех-четырёх лет обучения овладевали многие, если не все), и, пока шкафообразные форварды, которым предстояло стать, как минимум, местечковыми управителями или головами, усердно сопя, пытались научиться держать ручку так, чтобы не сломать ее, Вильям мирно коротал долгие дни за чтением того, что он сам пожелает.

Школу Вильям покинул с хорошим табелем успеваемости — обычное дело для ученика, лицо которого преподаватели вспоминают лишь с очень большим трудом. Но после этого у де Словва-старшего возникла проблема, что делать дальше со своим отпрыском.

Вильям был младшим сыном, а по традиции таких посылают в какой-нибудь храм или еще куда-нибудь подальше, откуда они не могут нанести серьезного вреда. Но увлечение чтением уже принесло свои плоды. Вильям понял, что относится к молитве не иначе как к изощренному способу умиротворения природных бедствий.

Область земельного управления выглядела более привлекательно, но, по мнению Вильяма, земля в общем и целом неплохо управляла собой сама, без чьей-либо посторонней помощи. Он был полностью на стороне сельской местности — при условии, что она находилась по другую сторону окна.

Карьера военного его также не прельщала. Вильяму претило убивать людей, с которыми он даже не был знаком.

Зато ему нравилось читать и писать. Ему *нравились* слова. Слова не кричали, не издавали громких звуков, чего нельзя было сказать о членах его семьи. Они не требовали месить грязь в промозглую погоду. Не принуждали охотиться на безобидных животных. Они делали то, что им велели. Поэтому он сказал, что хочет выбрать карьеру писаря.

Его отец буквально взорвался. В его личном мире писари находились всего на одну ступень выше учителей. О боги, они ведь даже не знают, с какой стороны к лошади подходить! Дальше были и другие Слова.

Так Вильям очутился в Анк-Морпорке — там, куда съезжаются все потерянные и заблудшие души. Так он и стал зарабатывать на жизнь словами, на тихую, мирную жизнь. Но, как считал сам Вильям, он еще легко отделался по сравнению с братом Рупертом, который был большим и добродушным — прирожденным учеником Угарварда, вот только родился он первым, а не вторым.

А потом разразилась война с Клатчем...

Ее нельзя было назвать значительной, она закончилась, даже не

начавшись, — она была войной, в существовании которой не хотела признаваться ни одна из воевавших сторон, но одним из событий, произошедших за несколько бестолковых дней этой жалкой заварушки, была смерть Руперта де Словва. Он умер за свои убеждения, одним из которых — чисто угарвардская черта — была вера в то, что храбрость способна заменить доспехи. Что если заорать погромче, то клатчцы развернутся и обратятся в бегство.

Во время последней встречи с Вильямом отец достаточно долго распространялся о славных и благородных традициях де Словвов. Большой частью де Словвы считали традиционным нести весьма неприятную погибель всяким чужеземцам, но вторым почетным призом, насколько понял Вильям, было самим сложить голову на поле брани. Де Словвы всегда откликались на зов города. Только для этого они и *существовали*. Вот и семейный девиз гласил: «Верное Слово В Нужном Месте». Лорд де Словв никак не мог понять, почему Вильям не захотел поддержать столь славную традицию и поступил так, как всегда поступал в подобных случаях, то есть... никак не поступил.

Ныне между де Словвами пролегалла вечная мерзлота тишины, по сравнению с которой даже зимний мороз мог показаться сауной.

Предаваясь мрачным размышлениям о прошлом, Вильям наконец добрел до словопечатни, однако внутри его ждал приятный сюрприз: там университетский казначей оживленно спорил с Хорошагорой о теории слов.

— Погоди, погоди, — говорил казначей. — Несомненно, *фигурально* выражаясь, слово состоит из отдельных букв, но они, если можно так выразиться... — он грациозно помахал длинными пальцами, — существуют лишь теоретически. Несомненно, они, то есть буквы, — это всего-навсего потенциальные частицы слова, а потому в высшей степени наивно полагать, будто они обладают действительным существованием, так сказать, униально и сепаративно. Да и сама идея обладания буквами физического существования является с философской точки зрения крайне пугающей. Как, несомненно, и идея о носгах или пальцах, бегающих по миру самостоятельно...

«Три раза „несомненно“», — подумал Вильям, привыкший замечать подобные вещи. Если человек за достаточно короткое время целых три раза произносит «несомненно», это свидетельствует о том, что его внутренняя пружина вот-вот лопнет.

— У нас целые ящики букв, — без всякого выражения произнес Хорошагора. — Мы можем составить из них любые слова.

— В этом вся и беда, понимаешь! — воскликнул казначей. — А если металл запомнит слова, которые отпечатал? Граверы, по крайней мере, переплавляют пластины, и очищающая сила огня...

— Прошу прощения, ваша волшебность, — перебил его Хорошагора.

Один из гномов осторожно похлопал его по плечу и передал лист бумаги, который был тут же вручен казначею.

— Молодой Кеслонг приготовил тебе небольшой сувенир на память, — пояснил Хорошагора. — Пока ты говорил, он набирал. И вот, прямоком с отпечатной плиты. Быстрый паренек.

Казначей попробовал смерить молодого гнома строгим взглядом, хотя с гномами подобная тактика усмирения никогда не работала: там и мерить-то было особо нечего.

— Правда? — наконец буркнул казначей. — Как интересно... — Он пробежал взглядом лист.

И выпучил глаза.

— Но это же... Когда я говорил... Я ж только что это сказал... Как вы узнали, о чем я буду говорить... Мои точные слова... — заикаясь, забормотал казначей.

— Точные и совсем не оправданные, — добавил Хорошагора.

— *Минуточку...* — тут же вскинулся казначей. Вильям оставил их спорить дальше и отправился в экскурсию по словопечатне. Вот отпечатная плита — большой плоский камень, используемый в качестве верстака. Это понятно, все граверы пользуются таким. Вот гномы снимают листы бумаги с металлических букв, и это тоже понятно. Кстати, слова казначея были действительно ничем не оправданы. Душа у металла? Это же просто смешно.

Вильям заглянул через голову гнома, который усердно собирал буквы в маленьком железном лотке — короткие пальцы так и летали над подносом со шрифтом. Все прописные буквы лежали в коробочках в верхней части подноса, строчные — в нижней. По движениям рук можно было догадаться о том, какой текст набирал гном.

— \$\$\$-а-р-а-б-о-т-а-й-В-С-в-о-б-о-д-н-о-е-В-р-е-м-я... — пробормотал Вильям.

Вдруг его посетила догадка. Нет, не догадка — это была абсолютная уверенность. Вильям опустил взгляд на грязные листы бумаги, лежащие рядом с лотком.

Мелкий остроконечный почерк безошибочно идентифицировал автора как хапужного прощельгу, напрочь лишенного деловой хватки.

На Себя-Режу-Без-Ножа никогда не садились мухи — боялись, что он

сдерет с них арендную плату.

Вильям машинально достал из кармана блокнот и аккуратно записал в нем, используя придуманные им самим сокращения:

«Поразт. соб. нач. прсх. в Грд. в свз. с откp. Слвпчтнн гнм. Г. Хорошагорой (пд. вывес. „Ведрa“), чт. вызв. знч. инт. у мн. гржн., вкл. вед. торгвц.».

Прервавшись, он прислушался. Разговор в другом конце комнаты явно приобретал более дружелюбный характер.

— *Сколько-сколько?* И это за тысячу штук? — переспросил казначей.

— Чем партия больше, тем дешевле, — откликнулся Хорошагора. — Но мы работаем и с маленькими тиражами.

Лицо казначея засветилось теплотой, как у человека, который привык иметь дело с числами и который вдруг увидел, что некое огромное и очень неприятное число буквально на глазах уменьшается до незначительных размеров. В таких обстоятельствах у принципов нет ни единого шанса. А на видимой части лица Хорошагоры появилась жадная ухмылка, как у человека, который только что научился превращать свинец в еще большее количество золота.

— Конечно, такие большие контракты утверждает лично аркканцлер, — промолвил казначей, — но смею тебя уверить: он *очень внимательно прислушивается* ко всему, что я скажу.

— Нисколько не сомневаюсь в этом, ваша волшебность, — радостно откликнулся Хорошагора.

— Гм, кстати, — задумчиво произнес казначей, — у вас тут существует такая вещь, как ежегодный банкет?

— Да, определенно, — ответил гном.

— И когда он состоится?

— А когда надо?

«Сд. по всму, вт-вт. бдт. закл. круп. сдлк. с 1 Образ. Учр. Грд.», — написал Вильям, а потом, поскольку был честным человеком, добавил: «Инф. из Дов. Ист.».

Совсем неплохо. Только сегодня утром он разослал письма, а на руках уже важная информация для следующего послания...

...Которое заказчики ожидают получить не раньше через месяц. Однако к тому времени важная информация станет не столь уж важной — есть такое смутное, но вполне определенное ощущение. С другой стороны, если он не донесет эти новости, кто-нибудь обязательно выкажет недовольство. Как в прошлом году с тем дождем из собак, случившимся на улице Паточной Шахты. Ладно бы забыл сообщить, так ведь дождя и вовсе

не было!

Можно, конечно, попросить гномов подобрать буквы покрупнее... Но одной сплетни маловато будет.

Проклятье.

Нужно подсуетиться и найти что-нибудь еще.

Действуя скорее импульсивно, Вильям подскочил к уже собиравшемуся уходить казначею.

— Э-э, прошу прощения...

Казначей, пребывая в бодром и радостном расположении духа, доброжелательно поднял бровь.

— Гм? — спросил он. — Господин де Словв, если не ошибаюсь?

— Да, он самый... Я...

— Спасибо за предложение, но Университет располагает собственными записными кадрами, — отмахнулся казначей.

— Э-э... Я просто хотел узнать, что ты думаешь о новой отпечатной машине господина Хорошагоры, — сказал Вильям.

— Зачем?

— Э-э... Ну, я просто хотел бы знать. Чтобы рассказать об этом в своем новостном письме. Понимаешь? Точка зрения ведущего специалиста анк-морпоркского чарологического учреждения и всякое такое.

— О? — Казначей задумался. — Ты имеешь в виду те писульки, которые ты рассылал герцогине Щеботанской, герцогу Сто Гелитскому и прочим подобным людям?

— Именно, господин, — подтвердил Вильям. Волшебники были такими снобами.

— Гм... Что ж, пожалуй, ты можешь написать, что, по моему мнению, это шаг в нужном направлении, который... будет приветствован всеми прогрессивно мыслящими людьми и который наконец втащит наш брыкающийся и вопящий город в век Летучей Мыши. — Под орлиным взором казначея Вильям прилежно зафиксировал эти слова в своем блокнотике. — Кстати, мое полное имя — доктор А. А. Круттивертти, доктор математики (седьмой), доктор чарологии, бакалавр оккультизма, магистр кулинарии... Круттивертти через «о».

— Конечно, доктор Круттивертти. Вот только, э-э, век Летучей Мыши уже подходит к концу. Может, ты хочешь, чтобы наш брыкающийся и вопящий город наконец *вытащили* из века Летучей Мыши?

— Несомненно.

Вильям записал и это. Для него всегда было загадкой, почему кого-то, кто тем временем брыкается и вопит, обязательно нужно тащить. Почему

нельзя просто взять за руку и повести?

— Надеюсь, ты пришлешь мне экземпляр своего письма? — осведомился казначей.

— Конечно, доктор Круттивертти.

— Если еще что-нибудь понадобится, спрашивай, не стесняйся.

— Спасибо, доктор. Кстати, насколько мне известно, Незримый Университет всегда выступал против использования наборного шрифта.

— О, я думаю, настало время раскрыть свои объятия волнующим перспективам, которые сулит нам наступающий век Летучей Мыши, — пояснил казначей.

— Мы... Э-э, как я упоминал, доктор, он уже всю отступает.

— Стало быть, нужно поторопиться, не так ли?

— Верно подмечено.

— Что ж, мне пора лететь, — сказал казначей. — Жаль только, нельзя.

Лорд Витинари, патриций Анк-Морпорка, потыкал пером в чернильницу, проламывая покрывающую чернила тонкую корочку льда.

— Почему ты не заведешь себе нормальный камин? — спросил Гьюнон Чудакулли, первосвященник Слепого Ио и неофициальный представитель городского религиозного истеблишмента. — Я, конечно, не сторонник душных помещений, но здесь откровенно холодно!

— Слегка свежо, не без этого, — согласился лорд Витинари. — Странно, но лед светлее чернил. Чем это вызвано, как думаешь?

— Вероятно, наукой, — расплывчато изрек Гьюнон.

Подобно своему брату Наверну, волшебнику и аркканцлеру НУ, Гьюнон не любил занимать свою голову заведомо дурацкими вопросами. И боги, и магия нуждались в разумных, непоколебимых людях, а братья Чудакулли были непоколебимы, как скалы. И примерно так же разумны.

— А. Неважно... О чем мы там говорили?

— Хэвлок, ты должен положить этому конец, понимаешь? У нас ведь была договоренность.

Витинари, похоже, занимали только чернила.

— Должен, ваше преосвященство? — переспросил он спокойным тоном, не поднимая головы.

— Ты же знаешь, все мы дружно выступаем против этой чепухи с подвижными литерами!

— Напомни мне еще раз... Смотри, смотри, он постоянно всплывает на поверхность!

Гьюнон вздохнул.

— Слова слишком важны, чтобы доверить заботу о них механизмам. Мы ничего не имеем против граверов. Ничего не имеем против слов, которые надежно закреплены. Но слова, которые можно разобрать, а потом сделать из них другие слова... Это же чрезвычайно опасно! Мне казалось, ты тоже это не одобряешь?

— В широком смысле не одобрял и не одобряю, — подтвердил патриций. — Но долгие годы управления этим городом, ваше преосвященство, научили меня одной очень важной вещи: вулкану тормоза не приделаешь. Иногда разумнее позволить событиям развиваться естественным путем. Вскоре они перестают развиваться и умирают. Так происходит чаще всего.

— Раньше, Хэвлок, ты не отличался столь снисходительным отношением, — заметил Гьюнон.

Патриций посмотрел на него холодным взглядом, который длился ровно на пару секунд дольше, чем того требовала комфортность.

— Гибкость и понимание всегда были моим девизом, — сказал он.

— О боги, правда?

— Абсолютная. А сейчас я хочу, чтобы ты и твой брат, ваше преосвященство, проявили некоторую гибкость. Напоминаю, это предприятие основано гномами. Кстати, ваше преосвященство, назови-ка мне самый крупный гномий город.

— Что? О... Сейчас вспомню... По-моему, это...

— Да-да, именно так все и реагируют. Но на самом деле это Анк-Морпорк. Здесь сейчас живет *более* пятидесяти тысяч гномов.

— Не может быть!

— Уверяю тебя. Недавно мы установили очень хорошие связи с сообществами гномов Медной горы и Убервальда. Имея дело с гномами, я всегда старался, чтобы дружественная рука нашего города была слегка наклонена вниз. Кстати, учитывая нынешнее временное охлаждение в наших отношениях, все мы весьма рады, что баржи, груженные на гномьих рудниках углем и осветительным жиром, прибывают в город каждый день. Улавливаешь, что я имею в виду?

Гьюнон бросил взгляд на камин, в котором тлел одинокий кусочек угля.

— Кроме того, — продолжил патриций, — игнорировать этот новый тип, гм, отпечати становится все сложнее. Крупные отпечатки уже существуют в Агатовой империи, а также в Омнии, о чем ты наверняка знаешь. Именно из Омнии в огромных количествах поставляются «Книга Ома» и памфлеты, которые там так популярны.

— Фанатичные бредни... — пожал плечами Гьюнон. — Ты давно должен был их запретить.

На сей раз взгляд патриция был куда более продолжительным.

— *Запретить* религию, ваше преосвященство?

— Ну, под запретом я имел в виду...

— Никто и никогда не называл меня деспотом, ваше преосвященство, — отчетливо произнес лорд Витинари.

— По крайней мере, дважды, ха-ха-ха, — решил разрядить обстановку Гьюнон Чудакулли.

Правда, слегка неудачно.

— Прошу прощения?

— Я сказал: по крайней мере, дважды... Ха-ха-ха.

— Вынужден извиниться, но я действительно не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Так, небольшая шутка, Хэв... ваше сиятельство.

— А. Шутка. Ха-ха, — сказал лорд Витинари. Слова завяли еще в воздухе. — Да. Так вот. В общем и целом омниане обладают полной свободой в том, что касается распространения благих вестей, поступивших от Ома. Однако не стоит унывать! Думаю, Ио не менее исправно снабжает вас своими благими вестями.

— Что? О да, конечно. В прошлом месяце он немного простудился, но быстро поправился.

— Грандиозно. Воистину благая весть. Не сомневаюсь, наши отпечатники с радостью распространят ее по городу. Удовлетворят все ваши требования, даже самые строгие.

— Стало быть, ваше сиятельство, вы печетесь только о нашем благополучии?

— Разумеется, — подтвердил лорд Витинари. — Мои мотивы, как всегда, абсолютно прозрачны.

Гьюнон подумал, что «абсолютно прозрачны» может означать одно из двух: либо эти самые мотивы видны насквозь, либо их просто нельзя увидеть.

Лорд Витинари просмотрел несколько лежащих на столе бумаг.

— Как вижу, за прошедший год Гильдия Граверов трижды поднимала свои расценки.

— А... Понимаю... — протянул Гьюнон.

— В основе всякой цивилизации лежат слова, ваше преосвященство. Собственно, цивилизация — это и есть слова. А столь важными вещами разбрасываться не стоит. Мир крутится, ваше преосвященство, и мы

должны поспевать за ним. — Патриций улыбнулся. — Было время, когда народы дрались между собой, точно огромные хрюкающие животные в болоте. Анк-Морпорк правил большей частью этого болота, потому что у него были более острые когти. Но сейчас место железа заняло золото, и боги не дадут соврать, анк-морпоркский доллар стал самой надежной в мире валютой. А завтра... возможно, оружием станут слова. Самые лучшие слова, самые быстрые слова, последние слова. Выгляни в окно. Что ты там видишь?

— Туман, — ответил первосвященник. Витинари вздохнул. Иногда погода не помогала, а только мешала разговору.

— *Если бы день был ясным,* — резко произнес он, — ты увидел бы высокую клик-башню, стоящую на другом берегу реки. Слова прилетают сюда из самых дальних уголков континента. Еще недавно на то, чтобы обменяться письмами с послом в Орлее, у меня уходил целый месяц. А сейчас я могу получить его ответ на следующий день. Некоторые вещи стали гораздо проще, но одновременно все стало намного сложнее. Мы должны изменить наш образ мысли. Должны идти в ногу со временем. Ты о клик-торговле слышал?

— Конечно. Торговые суда постоянно...

— Я имею в виду, теперь ты можешь послать сообщение по семафору в Орлею и заказать, скажем... пинту креветок. Разве это не замечательно?

— Но они же протухнут, пока их сюда привезут!

— Конечно. Я просто привел пример. А теперь представь, что креветка — это сгусток информации! — воскликнул лорд Витинари, и глаза его засверкали.

— То есть... креветки могут путешествовать по семафору? — осторожно уточнил первосвященник. — Разумеется, их можно попробовать зашвырнуть как можно дальше, но...

— Я пытаюсь объяснить тебе тот факт, что информация тоже продается и покупается, — перебил лорд Витинари. — А также еще один простой факт: то, что раньше казалось невозможным, теперь вполне осуществимо. Короли и правители приходят и уходят, оставляя после себя лишь изваяния в пустыне, а пара молодых людей, скромно трудящихся в своей мастерской, меняет весь мировой уклад.

Патриций подошел к столу, на котором была разложена карта Диска. Это была рабочая карта, то есть человек, который ею пользовался, привык обращаться к ней довольно часто. Карта вся была испещрена надписями и пометками.

— Мы всегда боялись нашествия захватчиков извне, — сказал

патриций. — Всегда считали, что перемены придут из-за городских стен, несомые на острие меча. А потом огляделись и поняли, что перемены приходят из головы самого обычного человека. Встретив его на улице, мы даже не обратим на него внимания! В определенных условиях было бы разумнее отрубить эту голову, но в последние дни таких голов появилось слишком много.

Витинари показал на рабочую карту.

— Тысячу лет назад мы считали, что мир похож на чашу. Пятьсот лет назад мы точно знали, что мир — это шар. Сейчас мы уверены, что мир круглый и плоский и покоится на спине у слонов, которые стоят на гигантской черепахе. — Он повернулся и снова улыбнулся первосвященнику. — Интересно, какую форму мир приобретет завтра?

Славная семейная традиция Чудакулли гласила: не выпускай нить, пока не распустишь весь предмет одежды.

— А кроме того, у них такие маленькие, похожие на щипчики штучки, которые постоянно цепляются...

— У кого?

— У креветок. Они цепляются...

— Ты воспринял меня слишком буквально, ваше преосвященство, — резко произнес Витинари.

— О.

— Я просто пытался объяснить, что, если не поймать события за шиворот, они схватят нас за горло.

— О да, ваше сиятельство, это может закончиться большой бедой, — глубокомысленно изрек Чудакулли.

Эта фраза всегда работала, в любом споре. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев она соответствовала истине.

Лорд Витинари вздохнул.

— Закончиться большой бедой... — повторил он. — Что ж, так зачастую и происходит. Такова природа вещей. И нам остается лишь уйти с песней. — Он выпрямился. — И тем не менее я лично нанесу визит гномам, о которых шла речь.

Патриций протянул руку, чтобы позвонить в стоящий на столе колокольчик, но вдруг остановился, улыбнулся первосвященнику и снял со специальных крючков бронзовую, отделанную кожей трубку. Ее нижняя половина была исполнена в виде головы дракона.

Свистнув в трубку, он произнес:

— Господин Стукпостук? Мою карету...

— Мне кажется, — сказал Чудакулли, бросив беспокойный взгляд на

клякастую переговорную трубку, — или здесь действительно воняет?

Лорд Витинари непонимающе посмотрел на него, потом опустил глаза.

Под его столом стояла корзина. В ней, как могло показаться на первый взгляд (и определенно на первый нюх), лежаладохлая собака. Всеми четырьмя лапами вверх. Только периодическое дуновение ветерка свидетельствовало о том, что внутри животного еще происходят какие-то процессы.

— Это все из-за зубов, — холодно произнес Витинари.

Пес Ваффлз повернулся на бок и уставился на первосвященника злобным черным зраком.

— Выглядит совсем неплохо для песика его возраста, — похвалил Гьюнон, предприняв отчаянную попытку вскарабкаться вверх по склону, который вдруг стал очень и очень крутым. — Сколько ему сейчас?

— Шестнадцать, — ответил патриций. — То есть больше ста, если по человеческим меркам.

Выпустив из недр корзины зловонное облако, Ваффлз заставил себя принять сидячее положение и зарычал.

— А на вид такой здоровый... — сказал Гьюнон, стараясь не дышать. — Для своего возраста, разумеется. А к запаху... К нему ведь привыкаешь.

— К какому запаху? — спросил лорд Витинари.

— А. Ну да. Конечно, — тут же согласился Гьюнон.

Вскоре карета лорда Витинари, грохоча по покрытым грязным снегом бульжникам, направилась в сторону Тусклой улицы, и ее владельцу даже в голову не могло прийти, что совсем рядом, в одном подвале, сидит на цепи очень похожий на него человек.

Цепь была достаточно длинной и позволяла человеку добраться до кровати, дыры в полу и стола, рядом с которым стоял стул.

В данный момент человек сидел за столом. Напротив расположился господин Кноп. Господин Тюльпан с угрожающим видом стоял у стены. Любому мало-мальски опытному наблюдателю было件нятно, что они разыгрывают из себя хорошего стражника и плохого стражника. Вот только стражников тут не было. Зато присутствовал господин Тюльпан, который всегда готов был обеспечить своему ближнему пару-другую приятных минут.

— Ну... Чарли, — ухмыльнулся господин Кноп, — что скажешь?

— А это законно? — спросил человек, которого назвали Чарли.

Господин Кноп развел руками.

— А что есть закон? Просто слова на бумаге. Не волнуйся, Чарли, ты

не сделаешь ничего плохого.

Чарли неуверенно кивнул.

— Но десять тысяч долларов... За *хорошие* поступки таких денег не платят, — возразил он. — По крайней мере, за то, чтобы произнести всего-навсего несколько слов.

— Чарли, — успокаивающе промолвил господин Кноп, — присутствующий здесь господин Тюльпан однажды заработал куда больше, И он тоже всего-навсего сказал несколько слов.

— Ага, — подтвердил господин Тюльпан. — «Гони, ять, бабки или прощайся с девчонкой». Так и сказал.

— И что, это был *хороший* поступок? — спросил Чарли, которому, по мнению господина Кнопа, действительно не терпелось встретиться со Смертью.

— Ну, в той ситуации... Да, хороший, — ответил господин Кноп.

— Да, но чтоб платили такие деньги... — продолжал сомневаться Чарли, явно страдающий манией самоубийства.

Глазами он постоянно стрелял в сторону громадной фигуры господина Тюльпана, который в одной руке держал бумажный пакет, а в другой — ложку. Ложку он использовал для того, чтобы переправлять мелкий белый порошок из пакета в нос, рот и один раз — Чарли готов был поклясться! — в ухо.

— Ну, ты человек особый, Чарли, — сказал господин Кноп. — Кроме того, потом тебе придется скрывается. На достаточно долгое время.

— Ага, — кивнул господин Тюльпан, выдохнув облако порошка.

По комнате разнесся резкий запах нафталина.

— Хорошо, но зачем понадобилось меня похищать? Я спокойно запирал дверь на ночь, и вдруг... бац! А *еще* вы посадили меня на цепь.

Господин Кноп решил сменить тактику. Чарли слишком много спорил для человека, находящегося в одной комнате с господином Тюльпаном, и особенно с господином Тюльпаном, который уже съел почти половину пакета нафталиновых шариков.

— Дружище, ну что толку ворошить прошлое? — широко улыбнулся господин Кноп. — Это ведь бизнес. Нам и нужно-то всего пару дней твоего времени! А за это ты получишь целое состояние и, что особенно важно, Чарли, *долгую жизнь*, чтобы его истратить.

Как выяснилось, Чарли вдобавок страдал крайне запущенной формой тупости.

— А откуда вы знаете, что я никому ничего не расскажу? — с подозрением осведомился он.

Господин Кноп вздохнул.

— Мы тебе верим, Чарли.

Этот человек владел маленькой одежной лавкой в Псевдополисе. Мелкие лавочники просто обязаны быть хитрыми. Обсчитывая покупателя, они всякий раз демонстрируют исключительную ловкость. «Вот тебе и физиогномика...» — мрачно подумал господин Кноп. Этот человек был вылитый патриций, просто как две капли воды, вот только лорд Витинари давно бы уже понял, что за скверный сюрприз приготовило для него будущее, тогда как Чарли до сих пор лелеял надежду, что ему-таки удастся остаться в живых и даже перехитрить самого господина Кнопа. Он действительно пытался хитрить! Сидел всего в нескольких футах от господина Тюльпана — человека, который нюхал измельченное средство от моли, — и пытался юлить. Такой тип не мог не вызывать восхищения.

— Но в пятницу мне нужно быть дома, — строго сказал Чарли. — Мы ведь до пятницы уложимся?

Сарай, который сняли гномы, за всю свою неровную деловую жизнь успел побывать и кузницей, и прачечной, и дюжиной других предприятий. Предыдущий арендатор устроил тут фабрику по изготовлению коней-качалок, искренне считая эти игрушки Великим Прорывом и не понимая, что на самом деле находится на грани Громадного Провала. Ряды недоделанных коней, которых господин Сыр так и не смог продать, дабы возместить задолженность по арендной плате, до сих пор занимали одну из стен, поднимаясь к самой оловянной крыше. На полке, висящей неподалеку, стояли ржавеющие жестянки с красками. Из банок торчали окаменевшие кисти.

Отпечатный станок, вокруг которого суетились несколько гномов, оккупировал центр помещения. Вильяму и раньше доводилось видеть такие станки. Похожими пользовались граверы. Но этот станок обладал неким *органическим* свойством. Изменению станка гномы посвящали ничуть не меньше времени, чем его использованию. Постоянно доставлялись какие-то дополнительные валики, бесконечные ремни... Отпечатный станок рос буквально на глазах.

Хорошагора сосредоточенно склонился над одним из наклонных ящичков, поделенных на множество мелких отделений, и его пальцы резво порхали над маленькими, заполненными свинцовыми буквами отделениями.

— А почему для буквы «Е» отделение больше?

— Потому что она чаще используется.

— И поэтому оно расположено в центре ящика?

— Да, А также «П», потом «Т», потом «А»...

— По-моему, более привычным было бы увидеть в самом центре именно «А».

— Ну а мы положили «П».

— И у вас «Н» больше, чем «У», а «У» — гласная.

— Люди чаще используют «Н», чем тебе кажется.

В противоположном конце комнаты коротенькие пальцы Кеслонга танцевали над другим лотком с буквами.

— Знаешь, если приглядеться, можно понять, над чем он... — начал Вильям.

Хорошагора поднял голову и, прищурившись, посмотрел на Кеслонга.

— «...\$\$\$работай... В... Свободное...» — прочел он. — Похоже, господин Достабль опять приходил.

Вильям снова уставился на ящик с буквами. *Потенциально* перо тоже содержит все, что ты собираешься написать. Но содержит чисто теоретически, то есть *безопасно*. Перо — безвредная, обычная штука, в то время как эти тускло-серые кубики выглядели угрожающе. И он понимал людей, у которых они вызывали беспокойство. Эти кубики, казалось, говорили: «Соедини нас вместе, и мы станем всем, что ты захочешь. И тем, чего не захочешь, — тоже. Мы можем написать все, что угодно. Смотри: „б“, „е“, „д“, „а“. Получилось „беда“...»

Использовать подвижные буквы мог всякий, закон этого не запрещал, но граверы предпочитали работать по-своему: «Этот мир функционирует так, как нужно нам, большое спасибо». Поговаривали, что лорд Витинари тоже недолюбливает подвижные буквы, ведь чем больше слов, тем больше люди нервничают. Ну а волшебники и священнослужители выступали против, потому что, с их точки зрения, слова слишком важная штука, чтобы ими просто так разбрасываться.

Гравюра есть гравюра, это вещь цельная и уникальная. Но если ты берешь свинцовые буквы, которыми было набрано, допустим, слово божье, и используешь их для отпечатывания кулинарной книги, что происходит со священной мудростью? Что за пирог у тебя выйдет? А если для книг по навигации используется тот же шрифт, которым отпечатали книги заклинаний? О, твое путешествие может закончиться *где угодно*.

Именно в этот момент (история любит, чтобы все было аккуратненько) Вильям услышал, как к дому подъехала карета. И буквально через несколько секунд в сарай вошел лорд Витинари. Он остановился, тяжело опираясь на трость, и с умеренным интересом оглядел помещение.

— Надо же... Лорд де Словв, — немного удивленно произнес он. — Я и подумать не мог, что ты связан с данным предприятием...

Вильям, покраснев, поспешил навстречу верховному правителю города.

— *Господин де Словв*, ваше сиятельство.

— О да, конечно. Несомненно. — Взгляд лорда Витинари скользнул по заляпанной краской комнате, остановился на груди радостно скалящихся коней, потом перешел на кропотливо трудившихся гномов. — Да, конечно. И кто здесь главный? Ты?

— Здесь нет главных, ваше сиятельство, — откликнулся Вильям. — Но разговорами, как мне кажется, занимается господин Хорошагора.

— А в чем именно заключается цель твоего присутствия?

— Э... — Вильям замялся, хотя знал, что в разговоре с патрицием это не самый умный поступок. — Честно говоря, ваше сиятельство, в моей конторе безумно холодно, а здесь тепло и... очень увлекательно. Вообще-то я вовсе не...

Лорд Витинари вскинул руку, перебивая.

— Будь добр, попроси господина Хорошагору подойти ко мне.

Подводя Гуниллу к высокой фигуре патриция, Вильям торопливо шептал гному на ухо советы, как вести себя в сложившейся ситуации.

— Ага, вот и здорово, — сказал патриций. — Если позволишь, я бы хотел задать тебе пару вопросов.

Хорошагора кивнул.

— Во-первых, не занимает ли господин Себя-Режу-Без-Ножа Достабль какую-либо руководящую должность на данном предприятии?

— Что?! — изумился Вильям. Этого вопроса он точно не ожидал.

— Ну, такой пройдошливый типчик, сосисками торгует...

— Он? Нет, что вы. Тут участвуют только гномы.

— *Понятно*. Во-вторых, под этим зданием никакая трещина во времени-пространстве не проходит?

— Что?! — изумился на сей раз Гунилла.

Патриций вздохнул.

— Я правлю городом очень долго. А любой правитель, который находится у власти такой срок, с грустной неизбежностью осознает: если кто-либо, пусть далее из самых лучших побуждений, основывает новое предприятие, этот «кто-то» всегда с каким-то сверхъестественным предвидением размещает свое дело в месте, которое способно нанести максимальный ущерб структуре реальности. Несколько лет назад случилось фиаско с голывудскими движущимися картинками. А это дело с

Музыкой, В Которой Слышен Глас Рока? С ним мы так и не смогли до конца разобраться. Да и волшебники проникают в Подземельные Измерения настолько часто, что впору устанавливать вращающуюся дверь. Также, наверное, не стоит напоминать о том, что случилось, когда покойный господин Хонг решил открыть свои «Три Веселых Сколько-Съешь Рыбы» на Дагонской улице во время лунного затмения. А? Поэтому, господа, было бы очень приятно узнать, что в этом городе нашелся некто, занявшийся простым делом, которое *не вызовет* появления на улицах человекоядных монстров со щупальцами и всяких ужасных привидений.

— Что? — переспросил Хорошагора.

— Мы не заметили тут никаких трещин, — сказал Вильям.

— Но, может, именно на этом месте некогда проводились ужасные, связанные с таинственным культом обряды, суть которых пропитала все вокруг? А теперь эта суть только и ждет удобного момента, чтобы восстать, и все снова закончится пожиранием людей?

— Что? — в который раз повторил Гунилла и беспомощно посмотрел на Вильяма.

— Здесь раньше делали коней-качалок, — выдавил тот.

— Правда? Всегда считал, что в конях-качалках есть нечто зловещее, — сказал лорд Витинари.

Он выглядел немного разочарованным, но потом быстро повеселел и указал на огромный камень, на котором собирали шрифт.

— Ага! — воскликнул он. — Этот камень, ненарочно выкопанный в поросших кустарником руинах древнего мегалитического круга, окроплен кровью тысяч невинных душ, которые наверняка ждут своего часа, дабы восстать из мертвых и отомстить! Уж можете мне поверить.

— Он был специально вытесан для меня моим братом, — сообщил Гунилла. — И я не потерплю подобных разговоров, господин. Кто ты такой, чтобы являться сюда и обвинять нас в подобном непотребстве?

Вильям выскочил вперед со скоростью, равной безопасной для здоровья скорости ужаса.

— Может, ваше сиятельство, я отведу господина Хорошагору в сторонку и объясню ему кое-что? — быстро предложил он.

Губы патриция, растянутые в широкой и немного недоуменной улыбке, даже не дрогнули.

— Какая хорошая мысль, — кивнул он, и Вильям мгновенно потащил упирающегося гнома в угол. — Уверен, потом он будет тебе весьма благодарен.

Опершись на трость, лорд Витинари с благожелательным интересом

принялся рассматривать отпечатный станок, а тем временем за его спиной Вильям де Словв объяснял гному некоторые реалии политической жизни Анк-Морпорка, а именно те из них, что помогали очень быстро распрощаться с собственной жизнью. Руки Вильяма многозначительно жестикулировали.

Буквально через полминуты Хорошагора вернулся и встал перед патрицием, заткнув большие пальцы рук за ремень.

— Я говорю так, как считаю нужным. Да, — заявил он. — Всегда говорил, всегда буду...

— Кстати, давно терзался загадкой: что именно вы называете лопатой? — вдруг спросил лорд Витинари.

— Что?! Никогда не пользовался лопатой! — рявкнул рассерженный гном. — Крестьяне пользуются лопатами. А у нас, у гномов, лопатки!

— Да, так я и думал, — кивнул лорд Витинари.

— Молодой Вильям говорит, мол, ты безжалостный деспот, который терпеть не может отпечатное дело. А я говорю, что ты справедливый человек, который не станет мешать гному честно зарабатывать на жизнь. Ну и кто прав, он или я?

Улыбка никуда не девалась с лица патриция.

— Господин де Словв, можно тебя на минуту?

Витинари по-товарищески обнял Вильяма за плечи и ласково отвел в сторону от уставившихся на них гномов.

— Я лишь сказал, что кое-кто зовет вас... — попытался оправдаться Вильям.

— Что ж, господин де Словв, — перебил патриций, небрежно отмахнувшись от его объяснений. — Вопреки всему моему опыту, который говорит обратное, тебе почти удалось убедить меня в том, что здесь мы имеем дело с невинной попыткой ведения бизнеса, которая будет осуществлена без заполнения моих улиц всякой оккультной дрянью. Очень трудно представить, чтобы подобное *не случилось* в Анк-Морпорке, но я согласен признать: такое все ж возможно. Кстати, мне кажется, что касающийся словопечатен вопрос может быть пересмотрен. Ничего не обещаю, к данной проблеме следует подходить с большой осторожностью, однако такая вероятность присутствует.

— Правда?

— Да. Поэтому можешь передать своим друзьям: пусть продолжают то, что начали.

— Э-э, но они не совсем мои... — начал было Вильям.

— Но *конечно*, следует добавить: в случае возникновения каких-либо

щупальцеобразных проблем ты лично ответишь мне за это.

— Я? Но я...

— А, ты считаешь, я поступаю несправедливо? Как самый настоящий безжалостный деспот?

— Ну, я...

— Кроме всего прочего, гномы в нашем городе являются очень трудолюбивой и ценной этнической группой, — продолжил патриций. — И в данный момент я хочу избежать возникновения каких-либо неприятностей в наших нижних областях. Особенно учитывая неурегулированные проблемы в Убервальде и вопрос с За-Луном.

— С За-Луном? Где это?

— Вот именно. Кстати, как поживает лорд де Словв? Знаешь, тебе следовало бы почаще писать ему.

Вильям ничего не ответил.

— Когда семьи распадаются, это очень печально. Всегда так считал и считаю, — сказал лорд Витинари. — Слишком много в этом мире ничем не оправданной, глупой взаимной неприязни. — Он дружески похлопал Вильяма по плечу. — Уверен, ты сделаешь все, чтобы это отпечатное предприятие оставалось в дозволенных границах вероисповедания, благоразумия и познаваемости. Я ясно выражаюсь?

— Но у меня нет никакого контроля над...

— Гм?

— Да, лорд Витинари. Конечно, — поспешно согласился Вильям.

— Хорошо. Отлично! — Патриций выпрямился, повернулся и улыбнулся гномам. — Очень хорошо! — кивнул он. — Подумать только. Много-много маленьких букв собрались вместе. Возможно, время этой идеи наступило. Может, и у меня найдется для вас работа.

Вильям, стоящий за спиной у патриция, принялся отчаянно размахивать руками, привлекая внимание Гуниллы.

— На правительственные заказы у нас специальные расценки, — пробормотал гном.

— О, мне и в голову не приходило платить меньше других заказчиков... — запротестовал патриций.

— А я и не собираюсь брать с тебя меньше...

— Что ж, ваше сиятельство, заезжайте еще. Все будут очень рады увидеть вас снова, — жизнерадостно забормотал Вильям, поворачивая патриция к двери. — И с нетерпением будем ждать вашего заказа.

— Ты абсолютно уверен, что господин Достабль не участвует в этом предприятии?

— Кажется, для него что-то отпечатывают, но это и все его участие, — откликнулся Вильям.

— Поразительно, просто поразительно, — покачал головой лорд Витинари, садясь в карету. — Надеюсь, он не приболел?

С крыши расположенного напротив дома за отъездом патриция наблюдали два человека.

— Ять! — очень-очень тихо выразился один из них.

— У тебя есть на это своя точка зрения, господин Тюльпан? — уточнил другой,

— И *этот* человек правит городом?

— Да.

— А где, ять, его телохранители?

— Допустим, мы захотели бы его сейчас убрать. И предположим, у него четверо телохранителей. Думаешь, они быгодились ему?

— Как рыбе, ять, зонтик, господин Кноп.

— Вот ты сам и ответил.

— Но я мог бы достать его прямо отсюда! Простым, ять, кирпичом!

— Насколько мне известно, господин Тюльпан, многие организации имеют Виды на этого человека. И как мне рассказывали, эта помойка очень неплохо живет, даже процветает. А когда дела идут хорошо, человека, который сидит на самом вершине, поддерживает много друзей. На всех кирпичей не хватит.

Господин Тюльпан проводил взглядом удаляющуюся карету.

— Мне тоже кое-что рассказывали! Он же, ять, почти ничего и не делает! — недовольно пробормотал он.

— Ага, — спокойно ответил господин Кноп. — Это одно из самых сложных умений. Особенно в политике.

Господин Тюльпан и господин Кноп вносили в партнерство каждый свой вклад, и в данный момент господин Кноп вкладывал туда свою политическую сообразительность. Господин Тюльпан с уважением относился к партнеру, пусть даже понимал далеко не все. Поэтому он удовлетворился тем, что просто пробормотал:

— Было бы куда проще убить его к, ять, матери.

— О да, это бы значительно упростило наш, ять, мир, — усмехнулся господин Кноп. — Послушай, завязывал бы ты с хрюком. Эта дрянь — для *троллей*. Еще хуже «грязи». Они разбавляют его толченым стеклом.

— Все дело в химии, — угрюмо произнес господин Тюльпан.

Господин Кноп вздохнул.

— Еще раз объяснить? Слушай меня *внимательно*. Наркотики — это

химикаты, но, *вслушайся* в мои слова, химикаты — это не обязательно наркотики. Помнишь, что вышло с карбонатом кальция? За который ты заплатил какому-то паскуднику пять долларов?

— О да, меня тогда круто колбасило, — пробормотал господин Тюльпан.

— От карбоната кальция? — спросил господин Кноп. — Далее для тебя... Ну, то есть... Послушай, ты всосал своим носом столько мела, что твою голову теперь можно рубить и писать твоей шеей на классной доске!

«Да, для господина Тюльпана это всегда было большой проблемой», — размышлял господин Кноп, когда они спускались с крыши на мостовую. Дело было даже не в том, что у господина Тюльпана имелось пристрастие к наркотикам, а в том, что он страстно *хотел*, чтобы оно у него имелось. Тогда как на самом деле у него было пристрастие к глупости, которое овладевало всем его естеством, стоило ему увидеть, как что-то продается в маленьких пакетиках. Это приводило к тому, что господин Тюльпан искал блаженства в муке, соли, пекарном порошке и бутербродах с маринованной говядиной. Там, где улицы кишмя кишели людьми, старавшимися незаметно продать блям, скользь, сброс, «грусть», «дрянь», тридурь, сток, хрюк, хрюк винтом и штыб, господин Тюльпан безошибочно находил типа, который втюривал ему порошок карри по цене, как потом выяснялось, шестьсот долларов за фунт. Это было, ять, *неловко*.

В последнее время господин Тюльпан начал экспериментировать с ассортиментом рекреационных химикатов, щедро представленных на анк-морпоркском рынке и предназначенных для увеселения троллей (в случае с троллями господин Тюльпан имел сравнительно хороший шанс хоть кого-нибудь обдурить). Теоретически хрюк и «грязь» не должны были оказывать воздействие на человеческий мозг, за исключением, быть может, его полного растворения. Но господин Тюльпан упорно стоял на своем. Однажды он попробовал вернуться в реальность, и это ему очень не понравилось.

Господин Кноп снова вздохнул.

— Пошли, — сказал он. — Пора нашего глиста кормить.

В Анк-Морпорке практически невозможно следить за кем-нибудь так, чтобы никто не следил за тобой. И парочке партнеров, как они ни старались, не удалось остаться незамеченными.

А наблюдал за ними маленький песик пестрого окраса с преобладанием ржаво-серого оттенка. Периодически он принимался отчаянно чесаться задней лапой, и тогда раздавался звук, словно кто-то пытался побрить металлическую проволочную щетку.

Шея песика была обмотана веревкой, к которой была привязана другая веревка, вернее, несколько неумело связанных друг с другом обрывков веревки.

Конец этой импровизированной веревки находился в руке у некоего человека. По крайней мере, такой вывод можно было сделать, поскольку веревка исчезала в том же кармане поношенного грязного пальто, что и рукав того же пальто, в котором предположительно находилась рука, предположительно заканчивающаяся ладонью.

Пальто было очень странным. Оно тянулось вверх от мостовой до самых полей шляпы, которая своей формой напоминала оплывший холм. В месте соединения пальто со шляпой виднелся легкий намек на седые волосы. Рука порылась в подозрительных глубинах кармана и достала холодную сосиску.

— Двое мужчин следят за патрицием, — сказал песик. — Очень интересно.

— Разрази их гром, — сказал человек и разломал сосиску на две демократичные половинки.

Вильям написал короткую заметку о Посещении патрицием «Ведро» и принялся задумчиво листать последние страницы блокнота.

Просто удивительно. Всего за один день ему удалось найти не меньше дюжины тем для очередного новостного письма. И чего только тебе не понараскажут люди, главное — спросить.

К примеру, выяснилось, что кто-то упер один из золотых клыков у статуи Бога-Крокодила Оффлера. За эту новость Вильяму пришлось пообещать сержанту Колону выпивку, хотя отчасти он уже рассчитался за нее, закончив сообщение фразой: «Стража уже Следует за Правонарушителем по Пятам и Уверена, что Тот будет Задержан в Ближайшее же Время».

Сам Вильям не был так уверен в столь благополучном исходе, но сержант Колон произнес эту фразу с очень искренним видом.

Природа правды давно беспокоила Вильяма. Его с детства приучали всегда говорить правду (или, выражаясь иначе, никогда не кривить душой), а от некоторых привычек очень трудно избавиться, особенно если их хорошенько в тебя вколотили. Лорд де Словв руководствовался в жизни пословицей, гласившей: как согнешь ветку, такое дерево и вырастет.

Особой гибкостью Вильям не отличался, но и лорд де Словв не был жестоким человеком. Для этого он предпочитал нанимать специальных слуг. Насколько припоминал Вильям, лорд де Словв никогда не испытывал

особого энтузиазма по поводу занятий, связанных с прикосновением к людям.

Так или иначе, Вильям не обольщался насчет себя. С выдумкой у него было очень плохо. Всякая придуманная им ложь немедленно выплывала наружу и непременно приводила к беде. Даже такая незначительная, как «К концу недели у меня точно будут деньги». Это называлось «сочинять истории», и данный грех, по мнению де Словвов, был даже страшнее лжи. Ведь он был призван сделать ложь *интересной*.

Поэтому Вильям де Словв всегда говорил правду — в порядке космической самообороны. Для него самая суровая правда была менее суровой, чем самая невинная ложь.

В «Залатанном Барабане» случилась достойная внимания драка. Особенно удачным вышло окончание заметки: «И поднял Брезок-Варвар стол трактирный, и нанес удар мощнейший Ворюге Молтину, который в свою очередь хватъ канделябры да по сусалам ему, по сусалам, а сам приговаривает: „Получай, П*ск*да, что заслуживаешь!“; тут, конечно, драка общая затеялась, а пострадало в ней всего количеством 5 или 6 человек».

Потом Вильям отнес все записи в «Ведро».

Гунилла с интересом ознакомился с ними, ну а на то, чтобы набрать все это, у гномов ушло совсем немного времени.

Это было очень странно, но...

...когда текст *набирали* шрифтом, этими ровными и аккуратными буквами...

...он выглядел более реальным.

Боддони, который, судя по всему, был заместителем Гуниллы в словопечатне, выглянул из-за плеча Хорошагоры и, прищурившись, оглядел ровные колонки шрифта.

— Гм, — изрек он.

— Что такое? — встревожился Вильям.

— Выглядит немного... серо, — ответил гном. — Шрифт слишком однообразен. На книжку похоже.

— А разве это плохо? — удивился Вильям, искренне считавший, что все похожее на книгу может быть только хорошим.

— А что, если немного разредить? — спросил Гунилла.

Вильям смотрел на отпечатанную страницу, и в его сознании постепенно формировалась идея. Казалось, она развивалась под воздействием самой страницы.

— А что, если, — сказал он, — перед каждым разделом мы вставим

своего рода заглавие?

Он взял клочок бумаги и написал: «5/6 Пострадали в Пьяной Драке».

Боддони с серьезным видом прочел его каракули.

— Да, — одобрил он наконец. — Выглядит вполне... пристойно.

Он передал клочок бумаги обратно через стол.

— И как ты называешь этот новостной листок? — спросил он.

— Никак, — пожал плечами Вильям.

— Нужно придумать какое-нибудь название, — хмыкнул Боддони. —

К примеру, что ты пишешь сверху?

— Обычно что-нибудь типа: «Глубокоуважаемому господину Такому-то». Ну и так далее, — сказал Вильям.

— Не пойдет, — покачал головой Боддони. — Нужно написать что-нибудь более массовое. Более энергичное.

— Может, «Анк-Морпоркские Сообщения»? — предложил Вильям. — Извините, но я не мастер придумывать названия.

Гунилла достал из кармана фартука маленький лоток и принялся набирать буквы из стоящего на столе ящика. Соединив их вместе, он мазнул надпись чернилами и отпечатал на листе бумаги.

Получилось... «Анк-Морпоркская пРавда».

— Немного напутал, — пробормотал Гунилла. — Что-то я сегодня рассеянный...

Он было потянулся к шрифту, но Вильям его остановил.

— Не знаю... — неуверенно произнес Вильям. — Оставь все как есть. Только «п» должна быть большой, а «р» — маленькой.

— И все? — удивился Гунилла. — Вот, получай. Ну, юноша, сколько экземпляров тебе нужно?

— Э... Двадцать? Тридцать?

— А может, пару сотен? — Гунилла кивнул на гномов, энергично выполнявших свою работу. — Если меньше, то отпечатную машину и трогать не стоит.

— Да ты что! Я даже представить себе не могу, что в городе найдется столько людей, готовых заплатить за *это* по пять долларов!

— Неужели? А ты спрашивай по полдоллара. Пятьдесят долларов получим мы, и ты — столько же.

— Ну и ну! Что, в самом деле? — Вильям недоверчиво уставился на сияющего гнома. — Но их ведь нужно еще продать. Это тебе не пирожки в лавке. Да, это никак не...

Он принялся. У него вдруг начали слезиться глаза.

— О боги, — пробормотал он. — У нас вот-вот будет еще один

посетитель. Я узнаю этот запах.

— Какой запах? — не понял гном. Дверь со скрипом открылась.

Запах Старикашки Рона мог послужить отдельной темой для беседы. Он был настолько сильным, что обрел собственную индивидуальность и заслужил написания с большой буквы. После мощного потрясения людские органы обоняния сдавались и переставали работать, словно бы лишались способности охватить этот Запах в полном объеме, как устрица не способна познать бескрайность океана. А через несколько минут у людей начинала плавиться сера в ушах и выгорали волосы.

Этот Запах развился до такой степени, что вел в некотором роде независимую жизнь: посещал театр или читал томики поэзии. Рон по всем статьям проигрывал собственному Запаху. Его Запах был выше классом.

Руки Старикашки Рона скрывались глубоко в карманах, но из одного кармана торчала веревка, вернее, несколько неумело связанных друг с другом обрывков веревки, которые заканчивались на шее маленького песика непонятно-серой расцветки. Возможно, этот песик был терьером. Но только возможно. Двигался песик прихрамывая и немного косо, словно бы пытался как можно незаметнее просочиться в этот мир. Его походка говорила о немалом опыте; этот пес давным-давно понял: куда чаще в тебя швыряются башмаками, чем мозговыми косточками. У него была походка пса, готового в любой момент сделать лапы.

Песик поднял на Вильяма покрытые коркой глаза и сказал:

— Гав.

Вильям вдруг понял, что должен как-то вступить за человечество.

— Э-э... Приношу свои извинения за запах, — сказал он и посмотрел на песика.

— О каком запахе ты постоянно твердишь? — спросил Гунилла, на шлеме которого уже начали тускнеть заклепки.

— Он принадлежит... э... господину... э... Рону, — пояснил Вильям, по-прежнему не сводя с песика подозрительного взгляда. — Говорят, это что-то связанное с железами.

Он определенно видел эту дворнягу раньше. Этот пес всегда находился где-то рядом, бродил по улицам или сидел на перекрестке и наблюдал за течением жизни.

— И что ему нужно? — осведомился Гунилла. — Что-нибудь отпечатать?

— Вряд ли, — ответил Вильям. — Он в некотором роде нищий. Вот только из Гильдии Попрошачек его выгнали и обратно не пускают.

— А чего он молчит?

— Ну, обычно он просто стоит и ждет, пока ему что-нибудь не дадут, чтобы он ушел. Э-э... Ты слышал о таких специальных приветственных повозках? Которыми местные жители и торговцы приветствуют новых поселенцев?

— Да.

— Так вот это абсолютная противоположность данной традиции.

Старикашка Рон кивнул и протянул руку.

— Точняк, господин Прыщ. А я им говорил, меня на кривой не ого-го-го, дурни клятые, я им говорил. А не качелю я благородство, разрази их гром. Десница тысячелетия и моллюск. Вот фигня.

— Гав.

Вильям снова уставился на песика.

— Рык, — сообщил тот.

Гунилла поскреб в укромных уголках своей бороды.

— Вот что я заметил в этом городе, — произнес он. — Люди готовы покупать практически все, только вынеси это на улицу.

Он взял пачку новостных листков, еще не просохших после отпечатной машины.

— Эй, господин, ты меня понимаешь?

— Клятье.

Гунилла ткнул Вильяма локтем под ребра.

— Как ты думаешь, это значит «да» или «нет»?

— Вероятно, «да».

— Отлично. Слушай меня. Если ты продашь эти листки, скажем, по двадцать пенсов за штуку, можешь оставить себе...

— Эй, — перебил его Вильям. — Нельзя продавать их так дешево!

— Почему?

— Почему? Потому что... потому что... потому что тогда все смогут их читать, вот почему!

— Ну и хорошо, — спокойно сказал Гунилла, — Значит, все смогут заплатить по двадцать пенсов. В мире гораздо больше бедных, чем богатых, и с них куда проще получить деньги. — Он, поморщившись, посмотрел на Старикашку Рона. — Возможно, вопрос покажется тебе немного странным, но у тебя есть друзья?

— А я им говорил! *Говорил!* Разрази их гром!

— Наверное, есть, — ответил за нищего Вильям. — Он живет с группой... э... таких же горемык под одним из мостов. Ну, скорее не живет, а мыкается.

— Отлично, — кивнул Гунилла и помахал перед носом у Старикашки

Рона свежим номером «Правды». — Можешь им передать: если они продадут эти листки по двадцать пенсов за штуку, то я позволю им оставить себе по целому звонкому пенни!

— Правда? А знаешь, куда ты можешь засунуть свой целый звонкий пенни? — вдруг спросил Рон.

— О, значит, ты все-таки... — начал было Гунилла. Вильям положил руку ему на плечо.

— Извини, погоди-ка минуту. Рон, что ты сейчас сказал?

— Клятье, — изрек Старикашка Рон.

Преыдущие слова были произнесены голосом, весьма похожим на голос Рона, и доносились они примерно с того же места, где стоял нищий, но были на диво связными и разумными.

— Стало быть, одного пенса тебе мало? — осторожно уточнил Вильям.

— Это стоит никак не меньше пяти пенсов за штуку, — откликнулся Рон. Скорее всего, Рон. А может, и нет.

По какой-то причине взгляд Вильяма опять привлекла маленькая мышастая дворняга. Песик посмотрел ему прямо в глаза и осведомился:

— Гав?

Вильям поднял взгляд.

— Старикашка Рон, с тобой все в порядке?

— Уылка ива, уылка ива, — загадочно произнес Рон.

— Ну хорошо. Два пенса, — согласился Гунилла.

— Четыре, — вроде бы произнес Рон. — Впрочем, не будем жлобиться, лады? Один доллар за тридцать штук.

— Договорились, — сказал Хорошагора, плюнул на ладонь и уже хотел было скрепить контракт рукопожатием, но Вильям вовремя перехватил его руку.

— Не стоит.

— А что такое?

Вильям вздохнул.

— У тебя страшные обезображивающие болезни имеются?

— Нет!

— А хочешь, чтоб были?

— О. — Гунилла опустил руку. — Передай своим друзьям, чтобы приходили сюда, понял? — Он повернулся к Вильяму. — А они надежные парни?

— Ну... *Смотря в чем,* — пожал плечами Вильям. — К примеру, жидкости, которыми разводят краски, я бы им никогда не доверил.

Старикашка Рон и песик брели по улице. И как ни странно, вели беседу, хотя формально присутствовал только один человек.

— Видишь? Я ж *говорила*. Теперь я буду вести все переговоры.

— Клятье.

— Вот именно. Держись меня, мужик, и с тобой ничего плохого не случится. Почти ничего.

— Разрази их гром.

— В самом деле? Что ж, по-моему, неплохой план. Тяв, тяв.

Под мостом Признания жили двенадцать человек, и жили они, можно сказать, в роскоши. Впрочем, у каждого свое понятие о роскоши. Роскошь этих людей была вполне достигаемой, поскольку состояла в возможности раз в день съесть хоть что-то, причем у этого «чего-то» тоже был весьма широкий спектр определения. Официально эти люди считались нищими, правда попрошайничать им приходилось весьма редко. Отчасти они были ворами, но забирали они себе только то, что теряли прохожие, убегающие от них со всех ног.

Со стороны могло показаться, что лидером обитающих под мостом был Генри-Гроб, который мог бы занять место чемпиона города по отхаркиванию, если бы кто-нибудь еще претендовал на этот титул. Однако в группе существовала истинная демократия лишенных права голоса. Был еще Арнольд Косой, который благодаря отсутствию ног обладал серьезным преимуществом в любой пьяной драке, как и всякий человек с крепкими зубами, расположенными примерно на высоте вражеской промежности. Был Человек-Утка, на голове у которого сидела самая настоящая утка, чье существование он постоянно отрицал. В остальном, кстати, он слыл местным эрудитом, речь его была правильной и хорошо поставленной, и он мог бы сойти за совершенно здравомыслящего человека, прям как и четвертый из жителей подмостовья... Если бы этим четвертым не являлся Старикашка Рон.

Ну а остальными восемью нищими был Все-Вместе Эндрюс.

На самом деле Все-Вместе Эндрюс был одним человеком, который вмещал в себя больше чем один разум. В состоянии покоя, когда Эндрюсу не приходилось решать никаких проблем, это было практически незаметно, за исключением разве что легкого подергивания лица, которым по очереди завладевали: Джосси, леди Гермiona, Крошка Сидни, господин Виддль, Кучерявый, Судья и Лудильщик. Был еще Душила, его видели лишь однажды, но этого хватило по самое «не хочу», а поэтому Душилу похоронили поглубже и больше наружу никогда не выпускали. Что

характерно, на имя Эндрюс никто в теле не откликнулся. Как предположил Человек-Утка, единственный из подмостовья, обладающий способностью мыслить более или менее прямо, Эндрюс скорее всего был невинной, гостеприимной личностью, которая обладала исключительной психической восприимчивостью и которую задавили подчинившие себе тело души-переселенцы.

Только среди добрых обитателей подмостовья такая консенсусная личность, как Эндрюс, могла найти пригодную для существования нишу. Его, вернее, их сразу приняли в братство дымного костра. И этот человек, который и пяти минут не мог пробыть самим собой, пришелся здесь вполне к месту.

Впрочем, было еще кое-что, объединяющее живущих под мостом (хотя, разумеется, ничто не могло объединить Все-Вместе Эндрюса). Это готовность поверить в то, что собака может говорить. С ними много что разговаривало — допустим, те же стены. Поэтому поверить в говорящую собаку не представляло особого труда. А еще нищие уважали Господа за то, что он был самым сообразительным из них и никогда не пил жидкость, если та разъедала банку, в которую была налита.

— Итак, попробуем еще раз, — предложил Господ. — Вы продаете тридцать штук и получаете доллар. Целый доллар. Понятно?

— Клятье.

— Кряк.

— Хаааргххх... тьфу!

— А сколько это будет в старых башмаках?

Господ вздохнул.

— Нет, Арнольд. Ты получаешь деньги и на них покупаешь себе сколько угодно ста...

Все-Вместе Эндрюс вдруг заворчал, и остальные члены нищей братии мгновенно притихли. После того как Все-Вместе Эндрюс какое-то время молчал, абсолютно невозможно было предсказать, кем он станет.

К примеру, всегда существовала возможность того, что он станет Душилой.

— А можно вопрос? — спросил Все-Вместе Эндрюс хрипловатым сопрано.

Нищие сразу успокоились. Судя по голосу, он стал леди Гермионой, а с ней еще ни разу не возникало никаких проблем.

— Да... ваша светлость? — сказал Господ.

— Это ведь не будет считаться... *работой*?

Упоминание о работе ввергло нищих в состояние двигательного

возбуждения и растерянной паники.

— Хааарук... тьфу!

— Разрази их гром!

— Кряк!

— Нет, нет и нет, — торопливо произнес Гаспод. — Это едва ли работа. Вы просто раздаете листочки и собираете деньги. По-моему, никакая это не работа.

— Я не могу работать! — завопил Генри-Гроб. — Я производительно и социально неполноценен!

— Мы *не работаем*, — сказал Арнольд Косой. — Мы — господа, ведущие праздничный образ жизни.

— Кхе-кхе, — деликатно откашлялась леди Гермиона.

— Господа и дамы, — галантно исправился Арнольд.

— Но зима обещает быть суровой, — сказал Человек-Утка. — Лишние деньги нам бы не помешали.

— Для чего? — удивился Арнольд.

— Арнольд, на доллар в день мы будем жить как короли.

— Хочешь сказать, нам отрубят головы?

— Нет, я...

— Кто-нибудь взберется по сортирному отводу с раскаленной докрасна кочергой и...

— Нет! Я имел в виду...

— Нас утопят в бочке с вином?

— Нет, Арнольд, я сказал «жить», а не «умирать» как короли.

— Кроме того, ты из любой бочки с вином *выпьешься* наружу... — пробормотал Гаспод. — Ну, хозяева, что скажете? О да, конечно, и хозяйка. Я могу... *Рон* может передать тому парню, что мы согласны?

— Несомненно.

— Лады.

— Гавварк... птю!

— Разрази его гром!

Все посмотрели на Все-Вместе Эндрюса. Его губы задвигались, щеки задрожали. А потом он поднял вверх пять демократических пальцев.

— Большинство — за, — подытожил Гаспод.

Господин Кноп закурил сигару. Курение было единственным его пороком. Ну, или единственным пороком, который он считал таковым. Все остальные были не более чем профессиональными навыками.

Порочность же господина Тюльпана была беспредельной, однако он

признавался только в пристрастии к дешевому лосьону после бритья — нужно же человеку что-то *пить*. Наркотики он пороком не считал хотя бы потому, что настоящие наркотики попались ему лишь однажды, когда они обнесли одного лошадиного доктора. Тогда господин Тюльпан проглотил пару больших пилюль, от которых все вены в его теле вздулись как лиловые шланги.

И головорезами они не были. По крайней мере, они не считали себя головорезами. Не были они и ворами. По крайней мере, они не считали себя ворами. И наемными убийцами они себя тоже не считали. Наемные убийцы любили попонтоваться и строго следовали установленным правилам. А Кноп и Тюльпан («Новая Контора», как господин Кноп любил себя называть) никаких правил не соблюдали.

В общем и целом они считали себя *посредниками*. Людьми, которые заставляли вещи случаться. Людьми, хорошо справляющимися со своей работой.

Необходимо добавить: под фразой «мы думаем» всегда подразумевалось, что так думает господин Кноп. Господин Тюльпан тоже пользовался головой — как правило, с расстояния восьми дюймов, — но вот мозгами он пользовался очень редко. В основном он доверял всякие многоступенчатые *осозмышления* господину Кнопу.

Зато господин Кноп, в свою очередь, не был хорош в продолжительном, бессмысленном насилии, а потому искренне восхищался практически неиссякаемым запасом такого насилия у господина Тюльпана. Эти совершенно разные качества, которыми обладали партнеры, в сумме давали нечто большее, чем могло получиться при простом сложении. И только встретившись, господин Кноп и господин Тюльпан сразу почувствовали это. К примеру, господин Кноп с первого взгляда понял, что господин Тюльпан вовсе не псих, как это казалось всему окружающему миру. Некоторые негативные качества, достигая совершенства, перерождаются в самой своей природе. Так и господин Тюльпан превратил собственную ярость в подлинное искусство.

Это была не ярость *по отношению к*. Это была чистая платоническая ярость, поднимающаяся из змеиных глубин души, неиссякаемый фонтан раскаленного докрасна негодования. Всю свою жизнь господин Тюльпан балансировал на тонкой грани, к которой большинство людей подходит лишь в самый последний момент, перед тем как напрочь слететь с катушек и начать колотить кого-нибудь по башке гаечным ключом. Но для господина Тюльпана ярость была основным и естественным состоянием. «Что ж такое должно было приключиться с человеком, чтобы в нем

пробудилась подобная ярость?» — гадал иногда господин Кноп. Однако прошлое господина Тюльпана было иной страной с очень, очень хорошо охраняемыми границами. Иногда господин Кноп слышал по ночам, как господин Тюльпан кричит.

Нанять господина Кнопа и господина Тюльпана было не так-то просто. Для этого следовало обладать хорошими связями. Или, если выразиться точнее, *плохими* связями, которые появлялись у вас, только если вы посетили трактир определенного сорта и остались в живых, что являлось своего рода первым испытанием. Однако очень быстро выяснялось, что ваши новые «друзья» не знают ни господина Тюльпана, ни господина Кнопа. Зато знают некоего человека. И уже этот человек высказывал очень туманное предположение, что в принципе да, быть может, ему известно, как связаться с кнопоподобными и тюльпанообразными людьми. Сообщив это, он сразу замолкал вследствие внезапного отказа памяти, связанного с острой нехваткой наличных. Однако, немного подлечившись, он намекал вам, что существует еще один адрес, отправившись по которому вы встречались в темном углу с очередным человеком, который весьма категорически заявлял вам, что никогда не слышал о личностях по имени Кноп *или* Тюльпан. Лишь в самом конце беседы он лениво интересовался, где вы будете, скажем, в девять часов вечера.

И только после этого вы встречались с господином Тюльпаном и господином Кнопом. Они уже знали, что у вас есть деньги, знали, что вы что-то задумали, а в случае, если вы были непролазно тупы, знали и ваш домашний адрес.

Вот почему партнеры из Новой Конторы так удивились, когда последний клиент заявился напрямик к ним. Знак хуже не придумаешь. К тому же их новый клиент был мертв. Впрочем, трупы — это нормально. Ненормально, когда они разговаривают.

Господин Кривс, законник-зомби, откашлялся, выпустив изо рта облачко пыли.

— Вынужден повторить, — промолвил он, — я в этом деле лишь посредник...

— Совсем как мы, — встрял господин Тюльпан. Господин Кривс всем своим видом показал, что никогда, даже через тысячу лет, он не станет таким, как господин Тюльпан, но *белух* продолжил:

— Вот именно. Мои клиенты пожелали, чтобы я нашел... специалистов. Я нашел вас. Передал вам некие запечатанные в конверт инструкции. Вы взяли заказ. После чего, насколько понимаю, предприняли... определенные меры. Я не знаю, какие именно. И

предпочитаю оставаться в том же неведении касательно принятых вами мер. Встретившись на улице, я на вас, так сказать, даже пальцем не покажу. Вы меня понимаете?

— Еще б ты, ять, палец нам показал... — прорычал господин Тюльпан, немного нервничающий в присутствии мертвого законника.

— Я подразумевал, что видимся мы только в случае крайней необходимости и говорим друг другу как можно меньше.

— Ненавижу, ять, зомби, — сказал господин Тюльпан.

Еще утром он принял какой-то найденный под раковиной порошок, решив, что раз порошок чистит канализационные трубы, значит, точно должен быть химическим. Теперь толстая кишка господина Тюльпана посылала своему хозяину какие-то странные сигналы.

— Уверен, наши чувства взаимны, — откликнулся господин Кривс.

— Я, кажется, понял намек, — кивнул господин Кноп. — Ты имел в виду, что, если дельце не выгорит, ты нас в жизни не видел и...

— Кхе-кхе, — многозначительно кашлянул господин Кривс.

— То есть в смерти, — поправился господин Кноп. — Лады. А как насчет денежек?

— Как вы и просили, тридцать тысяч долларов на особые расходы будут приплюсованы к оговоренной сумме.

— Драгоценными камнями, не наличными.

— Конечно. Мои клиенты и не собирались выписывать вам чек. Деньги будут доставлены сегодня вечером. Также... Думаю, мне стоит обратить ваше внимание на следующее.

Его сухие пальцы зашуршали сухими бумажками в иссохшем портфеле, а потом законник передал господину Кнопу папку.

Господин Кноп изучил бумаги, быстро перелистывая страницы.

— Пусть твоя ручная обезьяна тоже глянет, — предложил господин Кривс.

Господину Кнопу удалось перехватить руку господина Тюльпана, прежде чем она опустилась на голову зомби. Господин Кривс даже глазом не моргнул.

— Господин Тюльпан, он слишком много о нас знает!

— И что, ять, с того? Это не мешает мне открутить его пришитую башку!

— Ошибаешься, — возразил господин Кривс. — И твой коллега объяснит почему.

— Потому что наш друг-законник сделал много-много копий. Не так ли, господин Кривс? И рассовал их по разным укромным уголкам. Чтоб не

пришлось раньше времени встретиться со Смер... Чтоб... Чтоб...

— Чтоб чего не произошло, — помог ему господин Кривс. — Абсолютно верно. Господа, как выяснилось, ваша предыдущая жизнь была весьма насыщенной. Вы еще весьма молоды, но благодаря своим талантам достигли очень многого и в своей области пользуетесь солидной репутацией. Повторюсь: о деле, за которое вы взялись, я не имею ни малейшего представления, но не сомневаюсь в том, что вы нас всех поразите.

— А он и о щелотанском контракте знает? — недоверчиво спросил господин Тюльпан.

— Знает, — ответил господин Кноп.

— А о том деле с проволочной сеткой, крабами и, ять, банкиром?

— Да.

— А о том пацане и щенках?

— Теперь знает, — буркнул господин Кноп. — В общем и целом он знает почти все. Очень толково. Господин Кривс, может, ты знаешь и то, где закопаны трупы?

— С парочкой из них я даже встречался, — усмехнулся господин Кривс. — Однако, насколько мне известно, в Анк-Морпорке вы пока ничего противозаконного не совершили. В противном случае мы бы сейчас не разговаривали.

— С чего это ты, ять, взял, что мы тут ничего не совершили? — оскорбленно спросил господин Тюльпан.

— По-моему, вы впервые в этом городе.

— И что? Мы, ять, здесь уже целый день!

— Вас поймали? — спросил господин Кривс.

— Нет!

— Значит, вы ничего не совершили. И могу я выразить надежду, что ваши дела здесь не будут связаны с какой-либо преступной деятельностью?

— Разумеется, — сказал господин Кноп.

— Местная Городская Стража весьма настойчива в определенных аспектах. А Гильдии ревностно охраняют свои профессиональные территории.

— Мы с большим уважением относимся к страже, — пожал плечами господин Кноп. — И к выполняемой ею работе.

— Мы, ять, просто обожаем стражников, — добавил господин Тюльпан.

— О да, мы готовы любить их днем и ночью, — продолжал господин Кноп.

— В самых разных местах и позах, — кивнул господин Тюльпан. — Потому что мы любим, ять, прекрасное.

— Я просто хотел убедиться в том, что мы понимаем друг друга, — сказал господин Кривс и захлопнул свой портфель.

Затем встал, кивнул и с чопорным видом покинул комнату.

— Что за... — воскликнул господин Тюльпан, но господин Кноп быстро поднес палец к губам.

Бесшумно подкравшись к двери, он выглянул в коридор. Законник ушел.

— Он знает, зачем мы сюда явились, — с жаром прошептал господин Тюльпан. — И какого ять он притворялся?

— Он — законник, — объяснил господин Кноп. — Кстати, славное тут местечко, — добавил он, чуть повысив голос.

Господин Тюльпан окинул взглядом комнату.

— Да не, — фыркнул он презрительно. — Мне тоже сначала так показалось, но потом, ять, я понял, что это всего лишь подражание баракко, поздний, ять, восемнадцатый век. Пропорции не выдержаны. И ты колонны в холле видел? А? Эфебские, ять, колонны шестнадцатого века с флеронами, ять, времен Второй Империи Джелибейби! Я чуть со смеху не обоссался.

— Да-а, — протянул господин Кноп. — Как я неоднократно подмечал, ты, господин Тюльпан, не перестаешь меня удивлять.

Господин Тюльпан подошел к занавешенной картине и откинул ткань.

— Не, ну ни ять себе. Это же, ять, сам Леонард Щеботанский! — изумился он. — Я видел репродукцию. «Женщина с дурностаем». Он написал эту, ять, картину сразу после того, как переехал в Орлею, где попал под влияние, ять, Каравати. Ты только посмотри на манеру письма! Вишь, как линия руки привлекает, ять, взгляд к картине? А качество освещения пейзажа, который виден, ять, сквозь окно! Обрати внимание, как нос дурностаемая словно бы следит за каждым твоим движением. Просто, ять, гениально. Честно говоря, я *разрыдался* бы, будь здесь один.

— Да, очень красиво.

— *Красиво?* — переспросил господин Тюльпан, впавший в отчаяние от недостатка вкуса у коллеги.

Он подошел к стоящей у двери статуи, стал пристально рассматривать ее, потом нежно коснулся пальцами мрамора...

— Так я и думал! Скольпини, ять! Готов поспорить на что угодно. Но я не видел эту статую в каталоге. И такой, ять, шедевр оставили в пустом доме, в который любой может войти?!

— Этот дом находится под могущественной защитой. Ты же сам видел печати на двери.

— Гильдии? Толпа *дилетантов*, ять. Мы можем проникнуть в этот дом, как горячий нож в тонкий, ять, лед, ты сам это знаешь. Дилетанты, булыганы и украшения лужаек, ходячие мертвецы... Этот город, ять, полный отстой.

Господин Кноп промолчал. Подобные мысли приходили ему в голову, но его действия (в отличие от действий компаньона) не сразу следовали за тем, что могло сойти за мысль.

Контора и вправду еще ни разу не работала в Анк-Морпорке. Господин Кноп старался держаться от него подальше, потому что, во-первых, хватает и других городов, а во-вторых, инстинкт самосохранения подсказывал: пока лучше бы в Большой Койхрен^[2] не соваться. В самую же первую встречу с господином Тюльпаном у господина Кнопа родился План. Его изобретательность вкупе с беспрестанной яростью господина Тюльпана обещала очень успешную карьеру. До нынешнего момента господин Кноп предпочитал действовать и развиваться в Орлее, Псевдополисе и Щеботане — эти города были меньше Анк-Морпорка, и ими было намного легче управлять, хотя в последнее время они все больше и больше напоминали своего старшего собрата.

Залог успеха Конторы крылся в достаточно простом факте: рано или поздно все — кто угодно! — дают слабину. Взять, к примеру, троллю Брекчию. Стоило проложить маршрут доставки хрюка и «грязи» до самого Убервальда и уничтожить конкурирующие кланы, как тролли сразу поплыли. Их старшие *тонны* стали вести себя как новомодные лорды. Так происходило повсеместно: старые банды и семейства достигали определенного равновесия с обществом и успокаивались, становясь своего рода бизнесменами. Они избавлялись от оруженосцев и нанимали дворецких. А потом, когда начинались трудности и возникала нужда в людях, способных не только действовать, но и думать головой... тогда-то и появлялась всегда готовая помощь Новая Контора.

Готовая на готовенькое.

Господин Кноп считал, что вот-вот придет время нового поколения. Поколения, которое станет делать все по-новому и которое не будет отягощено бременем традиций. Время людей, которые заставляют события происходить. Господин Тюльпан, к примеру, происходил постоянно.

— Эй, ты, ять, только посмотри! — воскликнул постоянно происходящий Тюльпан, открывая очередную картину. — Подписана Гогленом, но это ж, ять, подделка. Видишь, как свет падает? Если это, ять,

писал Гоглен, то разве что своей, ять, *ногой*. Скорее всего, халтура какого-нибудь евойного ученика.

Всякий раз, когда у компаньонов выдавалась свободная минутка, господин Тюльпан, рассыпая во все стороны абразивный порошок и собачьи таблетки от глистов, отправлялся в обход местных художественных галерей. И господину Кнопу ничего не оставалось делать, кроме как таскаться следом. На этом настаивал господин Тюльпан. Говорил, что это, мол, бесценный опыт. Во всяком случае, кураторы галерей таковой опыт действительно приобретали.

Господин Тюльпан был прирожденным искусствоведом, но, к сожалению, не химиком. Чихая сахарной пудрой и тальком для ног, он посещал частные галереи и разглядывал воспаленными глазками услужливо поданные подносы с миниатюрами из слоновой кости, а господин Кноп в молчаливом восхищении слушал, как его партнер красочно и подробно описывает разницу между старыми подделками, сделанными из кости, и ятскими новоделами, которые ятские гномы изготавливают из ятского рафинированного жира, мела и не менее ятского наклеинового спирта.

Потом господин Тюльпан нетвердой походкой направлялся к коврам и гобеленам, некоторое время рассуждал о способах ковротачества, пару минут обливался слезами у пасторали, после чего заявлял, что выставленному в галерее бесценному сто-латскому гобелену тринадцатого века никак не больше ста лет, потому что... не, ять, ты только глянь на эту вот лиловатость! В то время, ять, такого красителя просто быть не могло! А это что, ять, такое? Агатский котелок для бальзамирования времен династии П'ги Сю? Да вас просто, ять, *обобрали*, господин! Это не глазурь, а полное *фуфло!*

Пораженный до глубины души господин Кноп даже забывал прятать в карманах небольшие, но ценные вещицы. Честно говоря, он знал о том, что господин Тюльпан увлекается искусством. Когда им доводилось поджигать чье-либо жилище, господин Тюльпан всегда старался вынести из дома действительно ценные для истории произведения искусства, пусть даже для этого приходилось тратить время на то, чтобы привязать жильцов к кроватям. Где-то глубоко в этом заращенном толстым слоем рубцовой ткани и клокочущем яростью сердце пряталась душа истинного ценителя с безупречным чувством прекрасного. Странно было обнаружить ее в теле человека, готового постоянно всасывать в свой нос ароматические соли для ванн.

Огромные двери в противоположном конце комнаты распахнулись,

явив темный прямоугольник коридора.

— Господин Тюльпан? — окликнул господин Кноп.

Тюльпан неохотно оторвался от тщательного изучения столика (предположительно работы Топаси) с восхитительной инкрустацией, содержащей безумное количество невероятно редких, ять, пород дерева.

— А?

— Пора на очередную встречу с боссами, — сказал господин Кноп.

Вильям уже собирался навсегда покинуть свою конторку, когда кто-то вдруг постучал в дверь.

Он осторожно потянул за ручку, но внезапно дверь распахнулась от сильного толчка.

— Ты совершенно, абсолютно неблагодарный тип!

Подобное не больно-то приятно услышать, тем более от девушки и тем более что гостя произнесла слово «неблагодарный» таким тоном, что, допустим, господин Тюльпан применил бы тут немного иную характеристику. Типа «ятский».

Вильяму и раньше приходилось видеть Сахариссу Резник — она помогала своему отцу в крохотной мастерской, — однако он никогда не обращал на нее особого внимания. Привлекательная? Нет, не очень. Но и не дурнушка. Просто девушка в переднике, которая довольно элегантно выполняет свою работу на заднем плане, например, вытирает пыль или расставляет цветы. Пока у Вильяма о ней сложилось единственное впечатление: Сахарисса страдала неуместной учтивостью и ошибочно предполагала, что этикет может заменить хорошее воспитание. Она путала манерность с манерами.

Однако сейчас ему представилась возможность разглядеть ее получше. Сахарисса надвигалась прямо на него — той самой слегка пьяной походкой, которая присуща человеку, идущему на неминуемую гибель, — и Вильям вдруг подумал, что с точки зрения столетий девушка весьма привлекательна. Время идет, и концепция красоты все время меняется. Двести лет назад глаза Сахариссы заставили бы великого живописца Каравати перекусить пополам собственную кисть. А триста лет назад при виде ее подбородка скульптор Никудышный уронил бы долото себе на ногу. А тысячу лет назад эфебские поэты пришли бы к общему мнению, что ее нос отправил бы в путь по меньшей мере сорок кораблей. А еще у нее были хорошенькие средневековые ушки.

Рука, впрочем, была вполне современной. От сильной пощечины щека Вильяма мгновенно запылала.

— Эти двадцать долларов в месяц почти все, что у нас есть!

— Прости? Что?

— Да, согласна, он работает не очень быстро, но в свое время он был одним из лучших граверов в городе!

— О... Да... Э-э...

Вильям вдруг почувствовал приступ вины по отношению к господину Резнику.

— И ты лишил нас всего, взял и лишил!

— Но я же не хотел! Просто гномы... Просто так получилось!

— Ты работаешь на них?

— В некотором роде... С ними, — сказал Вильям.

— Пока мы умираем с голоду?

Сахарисса тяжело дышала. У нее было в избытке и других частей тела, которые никогда не выходили из моды и радостно принимались любим столетием. Очевидно, она полагала, что строгие старомодные платья помогут эти части тела скрыть. Она ошибалась.

— Послушай, я ничего не могу поделать, — взмолился Вильям, стараясь не смотреть на девушку. — Ну, то есть... мне от этих гномов теперь никуда не деться. Лорд Витинари выразился на сей счет весьма... недвусмысленно. Вдруг все стало таким запутанным...

— Гильдия Граверов будет очень и очень недовольна, ты это понимаешь? — спросила Сахарисса.

— Э... Да. — Внезапная, отчаянная мысль пришла в голову Вильяму и обожгла едва ли не сильнее, чем пощечина. — А ведь это интересно. Слушай, ты не хотела бы сделать по такому поводу официальное заявление? Скажем: «Мы этим очень и очень недовольны», — заявил представитель... представительница Гильдии Граверов?

— Зачем? — с подозрением в голосе осведомилась Сахарисса.

— Мне очень не хватает событий. Для моего следующего листка, — в отчаянии объяснил Вильям. — Кстати, ты не могла бы мне помочь? Я буду платить тебе... по двадцать пенсов за событие, и мне нужно не меньше пяти новостей в день.

Сахарисса открыла было рот, чтобы с гневом отвергнуть предложение, но тут в мыслительный процесс вмешались расчеты.

— Доллар в день? — уточнила она.

— И даже больше, если новости будут интересными и длинными! — с жаром воскликнул Вильям.

— Это для твоих писем?

— Да.

— Доллар?

— Да.

Она смотрела на него с недоверием.

— Ты же не можешь платить так много. Я думала, ты получаешь долларов тридцать в месяц. Ты рассказывал об этом дедушке.

— Ситуация немного изменилась. Честно говоря, я сам ничего не понимаю...

Девушка по-прежнему смотрела на него недоверчиво, но врожденный анк-морпоркский рефлекс, предчувствующий некую перспективу получения доллара, постепенно брал верх.

— Ну, я постоянно кое-что слышу. То тут, то там, — промолвила она. — И... записывать всякую всячину?

Полагаю, это достойной занятие для дамы. Практически *культурное*.

— Э... По крайней мере, близко к тому.

— Я не хотела бы заниматься тем, что считается... недостойным.

— О, я уверен, это занятие вполне достойное.

— И Гильдия ничего не сможет возразить... В конце концов, ты уже много лет этим занимаешься.

— Послушай, я — это я, — перебил Вильям. — Но если Гильдия решит что-то возразить, ей придется разбираться с патрицием.

— Ну... Хорошо. Раз ты считаешь такую работу приемлемой для молодой дамы...

— Вот и здорово, — кивнул Вильям. — Приходи завтра в словопечатню. Думаю, мы сможем выпустить очередной новостной листок буквально через пару дней.

Это был бальный зал. Благодаря красному бархату и позолоте он все еще выглядел шикарно, но одно-временно казался каким-то затхлым из-за царившего тут полумрака. Вдоль стен располагались закрытые тканью канделябры, чем-то напоминающие призраков. Свечи, горевшие в центре комнаты, тускло отражались в зеркалах. Вероятно, эти зеркала некогда оживляли помещение, но с годами они покрылись странными мутными пятнами, а потому огонь свечей напоминал тусклое подводное свечение, пробивавшееся сквозь заросли водорослей.

Господин Кноп пересек половину зала, когда вдруг понял, что слышит только собственные шаги. Господин Тюльпан успел отделиться от своего партнера и уже стаскивал покрывало с какого-то стоящего у стенки произведения искусства.

— Ну и ну, будь я... — восхитился он. — Это же, ять, сокровище!

Фига се! Настоящий, ять, Инталио Эрнесто. Видишь эти перламутровые вставки?

— Сейчас не время, господин Тюльпан...

— Он сделал всего шесть таких. Вот ведь ять, инструмент даже *не настроен!*

— Проклятье, нас же считают *профессионалами...*

— Быть может, твой... коллега желает получить его в подарок? — раздался чей-то голос в центре комнаты.

По периметру освещенного свечами круга было расставлено полдюжины кресел — давно вышедших из моды, с высокими изогнутыми спинками, образующими глубокие обитые кожей арки, которые предположительно предназначались для того, чтобы защищать от сквозняков, но сейчас весьма уместно скрывали от света.

Господину Кнопу уже приходилось бывать здесь, и он не мог не восхититься расстановкой мебели. Человек, находившийся в центре освещенного круга, не видел сидевших в креслах, но в то же время сам был как на ладони.

Вдруг ему пришло в голову, что кресла расставлены так еще и для того, чтобы сидевшие в них не видели друг друга.

Господин Кноп по характеру был крысой и совсем не обижался, если его вдруг так называли. В пользу крыс говорит многое. И такая расстановка кресел была придумана тем, кто думал в точности как господин Кноп.

— Твой друг господин Нарцисс...

— Тюльпан, — поправил господин Кноп.

— Твой друг господин Тюльпан, возможно, пожелает получить часть вознаграждения клавесином? — спросило кресло.

— Это вам не какой-то ятский клавесин, а самый настоящий ятский верджинел! — прорычал господин Тюльпан. — Одна, ять, струна на ноту вместо двух! А называют его так потому, что вставляет он исключительно, ять, молоденьким дамочкам! Ух, как он им вставляет!

— Ну и ну, неужели? — изумилось одно из кресел. — А я думал, это типа старый рояль!

— «Вставляет» в смысле «нравится», — совершенно спокойно пояснил господин Кноп. — И господин Тюльпан не коллекционирует произведения искусства, он просто... хорошо в них разбирается. Вознаграждение мы получим драгоценными камнями, как договаривались.

— Как будет угодно. Прошу, займите место в освещенном круге.

— Клавесин, ять... — пробормотал господин Тюльпан.

Сотрудники Новой Конторы заняли место в освещенном круге под

пристальными взглядами остававшихся невидимыми обитателей кресел. И обитатели кресел увидели следующее: Господин Кноп был маленьким, худеньким, и, как следовало из его имени, у него была слишком большая для туловища голова. Его можно было назвать не только «крысой», но и «живчиком». Спиртным он не баловался, тщательно следил за тем, чем питался, и считал свое тело, пусть несколько уродливое, храмом. Кроме того, он слишком обильно смазывал маслом волосы, расчесанные на пробор по центру, что вышло из моды лет этак двадцать назад. Его черный костюм был слегка засаленным, а маленькие глазки постоянно бегали по сторонам, стараясь за всем уследить.

Глаза господина Тюльпана было трудно рассмотреть из-за общей припухлости лица, вызванной, вероятно, неумеренным потреблением всяческих порошков в пакетиках^[3]. Этими же порошками скорее всего объяснялись обширная пятнистость и вздувшиеся вены на лбу. В общем и целом, несмотря на всю свою любовь к искусству, господин Тюльпан был коренастым, здоровенным типом, готовым в любой момент порвать мышцами свою рубашку, и производил впечатление кандидата в борцы, с треском провалившего тест на интеллектуальное развитие. Если его тело и было храмом, то в подвале этого святилища некие странные люди производили странные эксперименты над животными. Если он и следил за тем, чем питался, то только для того, чтобы убедиться, что его обед еще шевелится.

Некоторые из кресел задумались. Не о том, правильно ли они поступают (это было бесспорно), а о том, правильных ли людей они выбрали для того, чтобы так поступать. Господин Тюльпан производил впечатление человека, которого не стоит подпускать слишком близко к открытому огню.

— Когда вы будете готовы? — осведомилось одно из кресел. — Как себя чувствует сегодня ваш... протеже?

— Нам кажется, самым удачным моментом будет утро четверга, — сказал господин Кноп. — К тому времени он будет готов. Насколько это возможно.

— Только никаких смертей, — предупредило кресло. — Это очень важно.

— Господин Тюльпан будет кроток, как ягненок, — пообещал господин Кноп.

Невидимые глаза старались не смотреть на господина Тюльпана, который выбрал именно этот момент, чтобы отправить в ноздрию огромную порцию «грязи».

— Э... Разумеется, — кивнуло кресло. — Его сиятельство ни в коем случае не должен пострадать. Сверх необходимого, разумеется. Мертвый Витинари гораздо опаснее живого Витинари.

— И следует любой ценой избежать неприятностей со Стражей.

— Да, я наслышан о вашей Страже, — хмыкнул господин Кноп. — Господин Кривс меня просветил.

— Командор Ваймс руководит Стражей весьма... эффективно.

— Нет проблем, — сказал господин Кноп.

— У него на службе имеется вервольф.

Белый порошок фонтаном взлетел в воздух. Господину Кнопу даже пришлось похлопать своего партнера по спине.

— Вервольф, ять? Вы что, ять, рехнулись?

— Господин Кноп, почему твой напарник постоянно использует это слово? — спросило одно из кресел.

— Да вы, ять, просто, ять, спятили! — прорычал Тюльпан.

— Дефект речи, — пояснил господин Кноп. — Вервольф? Спасибо, что предупредили. Огромное спасибо. Они хуже вампиров, когда идут по следу! Вы в курсе?

— Вы были рекомендованы нам как весьма изобретательные люди.

— Изобретательные, но дорогостоящие, — добавил господин Кноп.

Кресло вздохнуло.

— Иначе редко бывает. Ну хорошо, хорошо. Данный вопрос вы обсудите с господином Кривсом.

— Но у них просто невероятное обоняние, — продолжал господин Тюльпан. — А на кой ять мертвецу деньги?

— Это все? Больше никаких сюрпризов? — уточнил господин Кноп. — У вас очень смышленные стражники, и один из них — вервольф. Это всё? Может, там и тролли имеются?

— О да. Несколько. А еще гномы и зомби.

— В *Страже*? Что за городом вы управляете?

— Мы не управляем городом, — парировало кресло.

— Но нам не безразлично, в каком направлении он движется, — добавило другое.

— А, — сказал господин Кноп. — Ну да. Помню, помню. Вы — сознательные граждане.

Он и раньше встречал данную категорию людей. Эти люди, где бы ни находились, говорили на одном и том же языке. Выражение «традиционные ценности», к примеру, означало, что «кого-то надо повесить». Подобное отношение к миру его нисколечко не смущало, но

полное понимание работодателя никогда не бывает лишним.

— И вы могли нанять кого-нибудь еще, — сказал он. — У вас здесь есть Гильдия Наемных Убийц.

Кресло с шумом втянуло воздух сквозь зубы.

— Вся беда с этим городом заключается в том, что некие люди, в остальном весьма разумные, находят существующее положение вещей вполне... удобным. Даже несмотря на то, что оно наносит Анк-Морпорку непоправимый вред.

— А, — догадался господин Кноп. — Это так называемые незнательные граждане.

— Именно.

— И много тут таких?

На этот вопрос кресло решило не отвечать.

— Что ж, будем рады встретиться с вами еще раз, господа. Завтра вечером. Надеюсь, вы сообщите нам о своей готовности. Доброго вам вечера.

Новая Контора откланялась. Круг кресел некоторое время молчал. Затем, открыв огромные двери, появилась фигура в черном, вошла в освещенный круг, кивнула и удалилась.

— Они ушли, — констатировало кресло.

— Какие *неприятные* типы.

— Лучше бы мы обратились в Гильдию Убийц.

— Ха! Им и при Витинари очень даже неплохо живется. Кроме того, мы ведь не желаем ему смерти. А для Гильдии у нас и так найдется работа, правда несколько позже.

— Вот именно. Когда наши друзья целыми и невредимыми покинут город... дороги могут быть такими опасными в это время года.

— *Нет*, господа. Давайте придерживаться плана. Пока все не успокоится, на случай возникновения непредвиденных ситуаций тот, кого мы называем Чарли, будет находиться у нас под присмотром, а потом наши друзья увезут его далеко, очень далеко, чтобы, ха, воздать ему сполна. И только после этого мы, быть может, обратимся в Гильдию, которая гарантирует нам молчание господина Кнопа.

— Разумно. Хотя, с другой стороны, такое расточительство... Используя Чарли, можно столького добиться...

— Я уже сказал, из этого ничего не выйдет. Этот человек — клоун.

— Полагаю, ты прав. Ну, как говорится, лучше синица в руке.

— Уверен, мы отлично понимаем друг друга. А сейчас... заседание Комитета по разызбанию патриция объявляется закрытым. И никогда не

имевшим места.

По привычке лорд Витинари встал так рано, что сон его можно было назвать лишь поводом переодеться.

Он любил время непосредственно перед зимним рассветом. Город, как правило, окутывал туман, сквозь который почти ничего не было видно, и в течение нескольких часов тишину нарушал лишь редкий крик.

Но на сей раз утренний покой разорвали жуткие вопли, доносившиеся от дворцовых ворот.

— Вздрызьзадрыгай!

Патриций подошел к окну.

— Кальмарнуй-взбрык!

Патриций вернулся к столу и вызвал колокольчиком своего секретаря Стукпостука, который немедленно был отправлен к дворцовым стенам с целью выяснения происходящего.

— Это нищий, более известный как Старикашка Рон, милорд, — доложил Стукпостук через пять минут. — Продает вот эти... листки со всякой всячиной.

Он держал бумажный лист двумя пальцами, словно опасался, что тот вот-вот взорвется.

Лорд Витинари взял у него листок и пробежал по строчкам взглядом. Потом проглядел еще раз, уже более внимательно.

— Ага, — сказал он, — «Анк-Морпоркская Правда», значит. И кто-нибудь покупает?

— Многие покупают, милорд. Люди, возвращающиеся домой с ночной смены, рыночные торговцы и так далее.

— Но тут ничего не говорится ни про Вздрызьзадрыгай, ни про Кальмарнуй-взбрык.

— Абсолютно ничего, милорд.

— Очень странно. — Лорд Витинари углубился в чтение. — Гм-гм. Отмени все встречи, назначенные на утро. В девять часов я приму Гильдию Глашатаев, а через десять минут — Гильдию Граверов.

— Я не знал, что им назначена встреча, милорд.

— Теперь назначена, — сказал лорд Витинари. — Они явятся, как только увидят вот это. Так-так... Здесь написано, что пятьдесят шесть человек пострадали в пьяной драке.

— Не слишком ли много, милорд?

— Вероятно, так оно все и было, Стукпостук. Ведь это отражено на бумаге, — пожал плечами патриций. — Кстати, пошли сообщение этому

милому господину де Словву. Я приму его в девять тридцать.

Он снова пробежал взглядом по отпечатанным серой краской буквам.

— А еще сделай так, чтобы все узнали: я не хочу, чтобы господин де Словв вдруг случайно пострадал.

Стукпостук, обычно понимавший хозяина с полуслова, почему-то медлил.

— Милорд, вы не хотите, чтобы господин де Словв пострадал или чтобы господин де Словв *вдруг* да еще и *случайно* пострадал?

— Стукпостук, ты мне что, подмигиваешь?

— Никак нет, милорд!

— Стукпостук, я считаю, что каждый гражданин Анк-Морпорка имеет право ходить по городским улицам, не подвергаясь нападениям.

— О боги, милорд! Неужели?

— Именно так.

— Но я думал, вы выступаете против использования подвижных литер, милорд. Вы говорили, что отпечатать станет слишком дешевой и люди...

— Шиирна-плп! — заорал у ворот продавец новостных листков.

— Стукпостук, ты готов к вступлению в новое, полное событий тысячелетие, которое лежит перед нами? Готов ли ты принять будущее в свои объятия?

— Не знаю точно, милорд. А какая форма одежды для этого требуется?

Когда Вильям торопливо спустился по лестнице, все остальные жильцы уже сидели за столом и завтракали. Он спешил потому, что у госпожи Эликсир было особое Мнение насчет опаздывающих к столу людей.

Госпожа Эвкразия Эликсир, хозяйка «Меблярованных Комнат для Приличных Работающих Людей», была тем самым будущим, к которому бессознательно стремилась Сахарисса. Сама госпожа Эликсир была не просто приличной, она была Приличной с большой буквы; Приличность заменяла ей стиль жизни, религию и хобби. Госпоже Эликсир нравились приличные люди, которые были Чистыми и Порядочными, и она произносила эту фразу так, словно одно качество непременно тянуло за собой другое. Она предоставляла приличные комнаты и готовила дешевую, но приличную еду. И все ее жильцы, разумеется, были приличными — неженатыми, весьма рассудительными мужчинами средних лет (за исключением Вильяма, который немного не дотягивал до возрастного порога). В основном это были мелкие лавочники и ремесленники;

коренастые и чисто вымытые, они носили удобные крепкие башмаки, а за столом вели себя неуклюже вежливо.

Как ни странно, к гномам и троллям госпожа Эликсир не испытывала отвращения. По крайней мере, к чистым и порядочным. Госпожа Эликсир ставила Приличность выше видовой принадлежности.

— Тут говорится, что в пьяной драке пострадало аж пятьдесят шесть человек, — сообщил господин Маклдафф, который на правах постояльца, выжившего в «Меблярованных Комнатах» дольше всех, возглавлял обеденный стол и выступал своего рода местным президентом.

Он купил экземпляр «Правды» по пути домой из пекарни, в которой работал бригадиром ночной смены.

— Подумать только! — изумилась госпожа Эликсир.

— По-моему, на самом деле их было пять или шесть, — поправил Вильям.

— А тут написано: пятьдесят шесть, — упорствовал господин Маклдафф. — Черным по белому.

— Все правильно, — вмешалась госпожа Эликсир. — Если б это не было правдой, разве это разрешили бы отпечатать?

— Интересно, кстати, кто делает этот листок? — спросил господин Ничок, который занимался оптовой туфельно-башмачной торговлей.

— О, для такой работы требуются особые люди, — заявил господин Маклдафф.

— Правда? — спросил Вильям.

— Ну разумеется, — важно кивнул господин Маклдафф, крупный мужчина, мгновенный эксперт в любой области. — Нельзя, чтоб кто попало писал что попало. Этого никогда не допустят.

До расположенного за «Ведром» сарая Вильям шагал в состоянии глубокой задумчивости.

Хорошагора поднял голову от камня, на котором аккуратно набирал шрифт для отпечати афиши.

— Я оставил тебе твою долю, — сказал он, кивая на верстак.

В основном это были медяки, но медяками набралось почти тридцать долларов. Вильям уставился на монеты.

— Здесь что-то не то... — прошептал он.

— Господин Рон и его друзья постоянно приходили за добавкой, — ухмыльнулся Хорошагора.

— Но... Но ведь в листке нет ничего особенного, обычные события, — ответил Вильям. — Абсолютно ничего важного... Вещи, которые случаются каждый день.

— Людям нравится знать о том, что случается каждый день, — возразил гном. — Думаю, завтра нам удастся продать раза в три больше, особенно если мы снизим цену вдвое.

— Вдвое?!

— Людям нравится быть в курсе. Это так, мысли вслух. — Гном снова усмехнулся. — Кстати, в задней комнате тебя дожидается молодая дамочка.

Когда сарай был прачечной, то есть еще в «доконную» свою эпоху, часть помещения отгородили дешевыми низкими панелями, чтобы разделить служащих и ответственное лицо, которое, как правило, занималось тем, что объясняло разъяренным заказчикам, куда подевались их носки. Сахарисса с чопорным видом сидела на табурете, крепко вцепившись в сумочку и прижав локти к бокам, чтобы как можно меньше подвергать себя воздействию окружающей грязи.

Она молча кивнула ему.

Ну и... зачем он пригласил ее сюда? Ах да... Она была более или менее разумной девушкой, читала принадлежавшие деду книги, а кроме того, была грамотной, тогда как Вильям в основном имел дело с людьми, которые на обычную ручку смотрели как на какой-нибудь безумно сложный механизм. Что ж, если она знает, что такое апостроф, он готов мириться с тем, что она ведет, себя так, будто живет в прошлом веке.

— Это теперь твоя новая контора? — шепотом спросила Сахарисса.

— Полагаю, что да.

— Ты не говорил мне о гномах.

— А ты имеешь что-то против?

— О нет. Гномы, насколько я знаю, очень законопослушные и приличные существа.

Судя по абсолютной уверенности, Сахариссе не доводилось посещать определенные улицы сразу после закрытия трактиров.

— Я уже приготовила целых две новости, — сказала Сахарисса таким голосом, словно доверяла Вильяму некую государственную тайну.

— Э... Правда?

— Дедушка говорит, что такой долгой и холодной зимы он не помнит.

— Неужели?

— А ему восемьдесят. Он прожил достаточно долго.

— О.

— Кроме того, Ежегодное Состязание по Выпечке и Букетчеству, проводимое в «Сестрах Долли», вчера вечером пришлось прервать, поскольку уронили стол с тортом. Я узнала об этом у тамошнего секретаря и все аккуратно записала.

— О? Гм. И ты думаешь, это действительно *интересно*?

Она передала ему вырванный из дешевой ученической тетради листок. Вильям начал читать:

«Ещегодное Состязание По Выпечке и Букетчеству от „Сестер Долли“ состоялось по адресу: Читальный зал „Сестер Долли“, Кассовая улица. Президентом была госпожа Речкинс. Она радушно приветствовала всех участников и поблагодарила за Роскошные Подношения. Призы распределились следующим образом...»

Вильям изучил подробный список имен и призов.

— «А Что Там У Нас В Банке?» Это как? — недоуменно уточнил он.

— Это было состязание орхидей, — объяснила Сахарисса.

Вильям добавил «(состязание орхидей)» и стал читать дальше.

— «Лучшая Коллекция Съемных Унитазовых Чехлов»?

— А что?

— Э... Ничего.

Вильям аккуратно изменил написанное на «Съемных Чехлов Для Унитазов», что едва ли улучшило текст, и продолжил чтение. Сейчас он ощущал себя исследователем джунглей. Из-за внешне невинного кустика мог в любой момент выпрыгнуть какой-нибудь экзотический зверь.

Статья завершалась следующим образом: «Однако Настроение всех присутствующих было Подмочено, когда голый мужик, преследуемый по пятам Членами Стражи, прыгнул в Окно и промчался через всю Комнату, вызвав немалый Беспорядок в Домашних Торгах, прежде чем быть Героически Остановленным Бисквитами. Состязание закончилось в девять часов вечера. Госпожа Речкинс поблагодарила всех Участников».

— Ну, что думаешь? — поинтересовалась Сахарисса с легким беспокойством в голосе.

— Знаешь, — как бы отстранение проговорил Вильям, — вряд ли мы сможем как-либо улучшить то, что ты написала. Вот, допустим... Какое событие, по-твоему, было самым *важным* в этом состязании?

Ладошка Сахариссы смятенно взлетела к губам.

— Ах да! Совсем забыла! Госпожа Подлиза получила первый приз за кислое тесто! Впервые за целых шесть лет.

Вильям уставился на стену.

— Здорово, — сказал он. — На твоём месте я бы обязательно осветил этот факт. А также ты могла бы заскочить в штаб-квартиру Стражи, что рядом с «Сестрами Долли», и порасспросить о том голом мужике...

— Ни за что на свете! Я девушка приличная и никаких дел со Стражей не имею!

— Просто узнай, почему за ним гнались.

— Но зачем?

Вильям попытался выразить свою смутную догадку вслух.

— Ну... Люди наверняка тоже захотят узнать об этом.

— А Стража возражать не будет?

— Это же наша Стража. Не понимаю, с чего бы ей возражать. А кроме того, может, ты разыщешь действительно старых людей и уточнишь у них насчет погоды? Вот, например, кто у нас самый старый житель города?

— Не знаю. Скорее всего, кто-нибудь из волшебников.

— Возможно, Не могла бы ты сходить в Университет и спросить там, помнят ли они более холодные зимы?

— Это здесь отпечатывают на бумаге всякие штуки? — раздался чей-то голос от двери.

Голос принадлежал невысокому человечку, чье красное лицо буквально лучилось — так, словно бы он только что услышал какую-то довольно сальную шутку.

— Я вот выращиваю морковь, — сообщил человечек. — И мне показалось, форма одной из морковин очень даже забавна. А? Что скажете? Разве не смешно? Я показал морковину в трактире, так там все чуть с хохоту не померли! Посоветовали обязательно у вас отпечатать.

Он поднял морковку, форма которой действительно была забавной. А лицо Вильяма мгновенно приобрело не менее забавный оттенок.

— Какая *странная* морковка, — сказала Сахарисса, критически рассматривая корнеплод. — Что скажешь, господин де Словв?

— Э... Э... Почему бы тебе не отправиться в Университет? А я разберусь с этим... посетителем, — выдавил Вильям, когда почувствовал, что к нему вернулся дар речи.

— Моя жена просто обхихикалась!

— У твоей жены замечательное чувство юмора. Тебе с ней очень повезло, — мрачно заметил Вильям.

— Жаль, вы не умеете отпечатывать картинки, а?

— Очень жаль. Правда, у меня и без того достаточно неприятностей, — буркнул Вильям, открывая блокнот.

Покончив с человечком и его уморительным корнеплодом, Вильям прошел в отпечатный цех. Гномы о чем-то спорили, столпившись вокруг люка в полу.

— Насос снова замерз, — сообщил Хорошагора. — Не можем смешивать чернила. Старина Сыр говорит, где-то рядом был колодец...

Из люка донесся крик. Два гнома полезли вниз по лестнице.

— Господин Хорошагора, назови мне хоть одну причину, почему я должен отпечатать вот это. — Вильям передал ему написанную Сахариссой статью о состязании по выпечке и букетчеству. — По-моему, это просто... скучно.

Гном прочел статью.

— Я насчитал аж целых семьдесят три причины, — сообщил он. — Потому что здесь семьдесят три имени. Думаю, люди придут в восторг, увидев свои имена отпечатанными на бумаге.

— А как насчет голого мужика?

— Да... Жаль, ей не удалось узнать его имя. Снизу снова кто-то закричал.

— Может, слазаем посмотрим? — предложил Хорошагора.

Вильям ничуть не удивился, обнаружив, что небольшой подвал под сараем построен гораздо добротнее самого сарая. Впрочем, в Анк-Морпорке было полным-полно подвалов, которые на самом деле являлись вторыми или даже третьими этажами древних зданий, построенных в ту или иную прошлую эпоху, когда люди еще считали, что будущее будет длиться вечно. Потом река разливалась, приносила ил, стены надстраивались, а затем все повторялось вновь... Сейчас Анк-Морпорт стоял в основном на Анк-Морпорке. Поговаривали, будто бы человек с хорошим чувством пространственной ориентации и надежной киркой может пересечь весь город под землей, просто прорубая дыры в стенах.

У одной стены валялись ржавые банки и доски, прогнившие до состояния салфеток, а в самом центре стены виднелся заложенный кирпичами дверной проем, причем эти созданные намного позже кирпичи выглядели куда более дряхлыми и обшарпанными, чем камни, из которых был изначально сложен подвал.

— А что за этой дверью? — спросил Боддони.

— Вероятно, какая-нибудь очень старая улица, — ответил Вильям.

— У улиц тоже бывают подвалы? И что там хранят?

— Ну, когда река, разливаясь, затопляла город, горожане просто надстраивали стены, — объяснил Вильям. — Понимаешь, эта комната некогда находилась на первом этаже. Люди просто заложили кирпичом двери и окна и надстроили еще один этаж. Говорят, в некоторых районах города существует шесть или даже семь подземных уровней. Все они в основном забиты илом. Подчеркиваю, илом. Забиты. Я не просто так упомянул об этом, ведь...

— Я отыскиваю господина Вильяма де Словва, — пророкотал чей-то глас над их головами.

Над люком нависал огромный тролль.

— Это я, — сказал Вильям.

— Патриций ждет тебя, — сообщил тролль.

— Но у меня не назначена встреча с лордом Витинари!

— Конечно, — согласился тролль. — Ты удивишься, когда узнаешь, сколько людей даже не подозревают о том, что у них с патрицием назначена встреча. Так что поторопись. Я бы на твоём месте поторопился.

Тишину нарушало только тиканье часов. Вильям, терзаемый дурным предчувствием, наблюдал, как лорд Витинари, словно бы совсем забыв о его присутствии, уже в который раз читает «Правду».

— Очень интересный... документ, — наконец промолвил патриций, резко откладывая листок в сторону. — Но я вынужден спросить... *Зачем?*

— Это мое обычное новостное письмо, — пояснил Вильям. — Только немного расширенное. Э... Людям нравится быть в курсе.

— Каким людям?

— Ну... Всем. Всяким.

— Правда? Они сами тебе об этом сказали? Вильям проглотил комок в горле.

— Нет, конечно... Но я уже давно пишу письма с новостями...

— Разным влиятельным заграничным личностям, — кивнул лорд Витинари. — То есть людям, которым *необходимо* знать. Для которых знание — неотъемлемая часть профессии. Но сейчас ты принялся торговать своими письмами на улице. Я не ошибаюсь?

— Все именно так, сэръ.

— Интересно. В таком случае, с твоего позволения, я попробую привести одну аналогию. Государство — это в некотором роде старинная гребная галера. Гребцы — на нижних палубах, а на верхней — рулевой и прочие командиры. И все они заинтересованы в одном: чтобы корабль не пошел ко дну. Вот только гребцам вовсе не обязательно знать о каждой мели, которую удалось миновать, о каждом столкновении, которого сумели избежать. Это их только расстроит, а значит, они могут сбиться с ритма, ну и так далее. А гребцы должны грести. Вот и все, что им нужно знать, гм?

— А еще о том, что у них хороший рулевой, — добавил Вильям, не сдержавшись. Фраза вырвалась сама собой. Вырвалась и повисла в воздухе.

Лорд Витинари наградил его взглядом, который длился на несколько секунд дольше, чем это было необходимо. А потом его лицо вдруг расплылось в широкой улыбке.

— Определенно. И это они тоже должны знать, ты прав. В конце

концов, у нас ведь сейчас век слов. Пятьдесят шесть человек пострадали в пьяной драке? Изумительно. А какие новости ты еще припас?

— Ну... нынешняя зима... довольно холодная...

— Правда? Неужели? Ну и ну! — Лорд Витинари глянул на свою чернильницу, в которой дрейфовал крошечный айсберг.

— Да, а еще возникла небольшая... сумятица... во время состязания по выпечке...

— Сумятица, говоришь?

— Ну, или кавардак^[4]. А кроме того... Один человек вырастил овощ забавной формы.

— Вот это новость. Какой именно?

— Очень... занятной, сэр.

— Господин де Словв, могу я дать тебе небольшой совет?

— Конечно, милорд.

— Будь осторожен. Людям нравится, когда им говорят то, что они уже знают. Помни об этом. Но когда им говоришь что-то новое, люди начинают нервничать. Новое... понимаешь ли, новое оказывается для них неожиданным. Им нравится узнавать, что, скажем, собака покусала человека, потому что собаки именно так и поступают. Но о том, что человек покусал собаку, людям не хочется знать, потому что так в этом мире случаться не должно. Короче говоря, людям *кажется*, что им нужны новости, но на самом деле они жаждут *страстей*. Вижу, ты уже начал понимать это.

— Да, сэр, — кивнул Вильям.

Он был не совсем уверен, что понял все до конца, однако ничуть не сомневался в том, что непонятая часть ему очень не нравится.

— Вильям, мне кажется, Гильдия Граверов хочет обсудить с господином Хорошагорой ряд вопросов, но лично я всегда считал, что мы должны уверенно двигаться в будущее.

— Разумеется, сэр. Очень сложно двигаться в противоположном направлении.

И снова этот слишком долгий и пронзительный взгляд, а потом лицо патриция как будто размерзло.

— Несомненно. Доброго тебе дня, господин де Словв. И... внимательно смотри себе под ноги. Ты ведь не хочешь и сам стать новостью, а?

Возвращаясь на Тусклую улицу, Вильям раздумывал над словами патриция, хотя на улицах Анк-Морпорка не рекомендуется слишком

глубоко уходить в собственные мысли.

Он прошел мимо Себя-Режу-Без-Ножа Достабля, даже не заметив его; впрочем, господин Достабль тоже был слишком занят, чтобы глазеть по сторонам. Рядом с ним стояли целых два покупателя. Два клиента одновременно, если, конечно, один не подначивал другого, — это большая редкость. Но эти два покупателя почему-то беспокоили Достабля. Они слишком внимательно рассматривали его товар.

С.-Р.-Б.-Н. Достабль продавал свои сосиски и пирожки по всему городу, даже у дверей Гильдии Убийц. Он хорошо разбирался в людях и особо тонко чувствовал момент, когда следовало тихонько завернуть за угол, а потом ноги в руки — и дёру. На сей раз он выбрал очень неудачное место для торговли. Но убежать было уже слишком поздно.

Ему не часто доводилось встречаться с просто убийцами. С бытовыми — да, неоднократно, но у бытовых убийц, как правило, имелся какой-нибудь мотив, а их жертвами обычно становились либо друзья, либо родственники. И с наемными убийцами Достабль тоже встречался, но убийство по найму — это определенный стиль плюс соблюдение неких правил.

А эти люди были просто убийцами. Тот, что поздоровее, со следами белого порошка на груди и насквозь провонявший нафталином, был самым обычным громилой, ничего особенного, но от того, что поменьше, с прилизанными волосами, пахло мучениями и какой-то извращенностью. Не часто приходится смотреть в глаза человеку, который может убить просто потому, что это показалось ему удачной идеей.

Осторожно передвинув руки, господин Достабль открыл специальное отделение лотка, где хранился высококачественный товар. Там лежали сосиски, в состав которых входило: 1) мясо, 2) известного четвероногого животного, 3) вероятно, обитающего на земле.

— Но, господа, лично я рекомендую вам вот это, — сказал Достабль и, не в силах противиться старым привычкам, добавил: — Первокласснейшая свинина.

— Значит, рекомендуешь?

— Вкус незабываемый, это я гарантирую.

— А как насчет чего-нибудь этакого? — спросил второй мужчина.

— Прошу прощения?

— Ну, ять, с копытами, свинными пяточками и крысами, которые случайно упали в мясорубку?

— Господин Тюльпан имеет в виду, — пояснил господин Кноп, — более органические сосиски.

— Ага, — подтвердил господин Тюльпан. — Органическое мне, ять, втыкает.

— Э-э, а вы уверены?.. Нет-нет, все в порядке! — резко вскинул руки Достабль при виде того, как изменились лица убийц. Эти люди были уверены всегда и во всем. — Та-ак, значит, вам нужны пло... менее хорошие сосиски, верно?

— Чтоб, ять, когти внутри, все такое, — сказал господин Тюльпан.

— Ну, я... я вообще-то... честно говоря... — Достабль сдался. В конце концов, он был продавцом. А что покупается, то ты и продаешь. — Позвольте же кое-что рассказать вам об этих сосисках, — продолжил он, плавно переключая внутренний двигатель на обратный ход. — Если кто-нибудь случайно отрубает себе палец на бойне, никто ведь мясорубку не останавливает. Но крыс в них вы скорее всего не найдете, потому что крысы предпочитают обходить это предприятие стороной. Зато там имеются животные, которые... ну, вы ж понимаете, говорят, жизнь зародилась в своего рода супе... То же самое можно сказать и об этих сосисках. Если вам нужны плохие сосиски, лучше этих вы не найдете.

— Ты приберегаешь их для особых покупателей, да? — спросил господин Кноп.

— Для меня, господин, каждый покупатель — особый.

— А перчица у тебя есть?

— Люди называют это перчицей, — понесло Достабля, — но лично я называю это...

— Перчицу, ять, я люблю, — сообщил господин Тюльпан.

— ...Просто *изумительной* перчицей, — мгновенно сориентировался Достабль.

— Берем две, — сказал господин Кноп, даже не собираясь вытаскивать кошелек.

— За счет заведения! — воскликнул Достабль, оглушил две сосиски, вложил их в булочки и протянул покупателям.

Господин Тюльпан заграбастал обе сосиски и прихватил перчицницу.

— А знаешь, как в Щеботане называют сосиски в тесте? — поинтересовался господин Кноп, когда они двинулись дальше по улице.

— Нет, — сказал господин Тюльпан.

— Они называют их «сосиска в ля тесте».

— Разве ж это по-инострански? Ты, ять, шутишь?

— Я, *ять*, никогда не шучу, господин Тюльпан.

— Ну, то есть скорее они должны называться как-нибудь более экзотично... К примеру, «сосу ля тестикль», — сказал господин Тюльпан и

щедро откусил от продукта Достабля. — Ять, на вкус так точь-в-точь... — пробурчал он с набитым ртом.

— Слово «тесто» переводится немного иначе, господин Тюльпан.

— Сам знаю. Я ж говорю о вкусе. Эта сосиска — настоящий кошмар.

Достабль проводил их взглядом. Ему еще ни разу не доводилось слышать подобную манеру речи. Кроме того, буква «ять» в Анк-Морпорке была отменена давным-давно.

Огромная толпа собралась у высокого здания на Желанно-Мыльной улице, а повозки выстроились аж до самой Брод-авеню. Толпа просто так не собирается, логично рассудил Вильям, а значит, кто-то должен написать о причине подобного сборища.

В данном случае причина была очевидной. На плоском карнизе у окна пятого этажа, прижавшись спиной к стене, стоял мужчина и остекленевшими глазами таращился вниз.

Собравшаяся толпа отчаянно пыталась ему помочь. Привыкшие ко всему жители Анк-Морпорка вовсе не хотели его ни в чем *разубеждать* — это было не в их натуре. В конце концов, они жили в свободном городе. Поэтому и советы были свободными и бесплатными.

— Заберись лучше на здание Гильдии Воров! — кричал один мужчина. — Целых шесть этажей и крепкая булыжная мостовая внизу! Череп раскroiшь с первой же попытки!

— И вокруг дворца неплохая мостовая из плит, — заметил стоявший рядом.

— Ага, точно, — подтвердил следующий. — Но попытайся он спрыгнуть с дворца, патриций его убил бы.

— Ну и что?

— Тут ведь главное *стиль*...

— Башня Искусства! Рекомендую, лучше не сыщете, — уверенно заявила одна дама. — Девятьсот футов почти. И вид открывается прекрасный.

— Согласен, согласен. Но слишком долго лететь, успеешь о многом подумать. По-моему, не самое удачное время для самоанализа.

— Послушайте, у меня целая телега креветок, и, если я задержусь здесь еще хоть немного, они отправятся домой своим ходом, — простонал возница. — Чего он не прыгает-то?

— Размышляет. В конце концов, это для него серьезный шаг.

Человек на карнизе, услышав шорох, резко повернул голову. К нему, стараясь не смотреть вниз, бочком подбирался Вильям.

— Доброе утро. Ты решил попробовать меня отговорить?

— Я... я... — Вильям отчаянно пытался глядеть прямо. Снизу карниз казался куда более широким. Он уже очень жалел о затеянном. — Что ты, мне такое даже в голову не приходило...

— Я всегда открыт для подобных бесед.

— Да, конечно, понимаю... Э-э, а не мог бы ты сообщить свое имя и адрес? — попросил Вильям.

Как оказалось, здесь наверху дул довольно противный ветер, предательские порывы которого скользили вдоль крыш и стен зданий. Страницы блокнота трепетали, как крылья бабочки.

— Но зачем?

— Э... Видишь ли, после того как человек падает с такой высоты — а земля внизу очень твердая, — он, как правило, не склонен отвечать на вопросы, — пояснил Вильям, стараясь не дышать. — А я собираюсь отпечатать об этом на бумаге. Вот и решил, что правильнее будет сообщить, кто ты и что.

— На какой-то бумаге?

Вильям достал из кармана экземпляр «Правды» и молча передал терзаемый ветром листок.

Мужчина сел на карниз и углубился в чтение. Ноги его болтались над улицей, а губы безмолвно шевелились.

— Тут, типа, рассказывается всякая всячина? — спросил он спустя какое-то время. — Это как глашатаи, только на бумаге?

— Именно. И так, как тебя звали?

— Что значит «звали»?

— Ну, понимаешь... ведь ты наверняка... — пробормотал Вильям. Он махнул рукой в пустоту и едва не потерял равновесие. — Если ты...

— Артур Тогось.

— И где ты жил, Артур?

— В Болтунном переулке.

— А твоя работа? Ну, чем ты занимался?

— Опять ты обо мне в прошедшем времени! Знаешь, стражники куда вежливее. Они меня даже чаем угощают.

В голове Вильяма прозвенел некий предупредительный колокольчик.

— То есть... ты частенько прыгаешь?

— Не совсем прыгаю... Скорее предпочитаю недопрыгивать.

— Это как?

— Ну, типа, останавливаюсь в самый последний миг. Я ведь не из этих, не из прыгунов. Чтобы прыгнуть, большого ума не требуется. Это

неквалифицированный труд. Я больше специализируюсь на «спасите-помогите», если ты меня понимаешь.

Вильям попытался покрепче уцепиться за гладкую стену.

— И в какой именно помощи ты нуждаешься?

— Ну, допустим, двадцатка меня бы вполне спасла.

— Иначе ты прыгнешь?

— *Недопрыгну*, то есть не совсем прыгну. Не до конца. Прыжок как таковой я не совершу. Но буду и дальше угрожать, что вот-вот прыгну. Улавливаешь?

Сейчас здание казалось Вильяму гораздо выше, чем когда он поднимался по лестнице. А зеваки внизу выглядели совсем маленькими. Лиц почти и не различишь. Он увидел там Старикашку Рона с его чесоточным песиком и остальными нищими — эти люди обладали сверхъестественной способностью появляться там, где начиналось импровизированное уличное представление. А вот плакат Генри-Гроба с надписью «За Иду Убить Гатов». А еще — вереницы телег, которые парализовали половину города. Вильям вдруг почувствовал, что колени начинают подгибаться... Артур схватил его за руку.

— Эй, здесь *мой* участок! Поищи себе другое место.

— Ты упомянул про неквалифицированный труд, — сказал Вильям, пытаюсь сосредоточиться на записях и не обращать внимания на завывающий ветер. — Так чем именно ты зарабатывал на жизнь, господин Тогось?

— Верхолазными работами.

— *Артур Тогось, слезай сию же минуту!*

Артур посмотрел вниз.

— О боги, жену притащили... — вздохнул он.

— *Констебль Пустомент утверждает...* — малюсенькое розовое лицо госпожи Тогось склонилось чуть вбок, выслушивая слова стоящего рядом стражника, — *что ты наносишь вред ком-зверческому благополучию города, старый дурак!*

— С ней не больно-то поспоришь, — сообщил Артур и застенчиво посмотрел на Вильяма.

— *Вот спрячу твои штаны, старый козел, посмотрим, как без них ты из дому выходить будешь! Немедленно спускайся, не то всыплю тебе по первое число!*

— Три счастливых года в браке, — радостно сообщил Артур, махая рукой далекой фигурке супруги. — Остальные тридцать два тоже были не так уж и плохи, но готовить капусту она совсем не умеет.

— Правда? — спросил Вильям и, будто бы во сне, упал вперед.

Очнулся он на земле, как и ожидал, но все еще в трехмерном состоянии, чего не ожидал совсем. «Я живой!» — вдруг осознал Вильям. Одним из оснований для такого вывода послужило лицо склонившегося над ним капрала Шноббса из Городской Стражи. Вильям считал, что прожил сравнительно праведную жизнь, а значит, никак не заслуживал того, чтобы, умерев, увидеть перед собой существо с лицом капрала Шноббса. Шноббс был худшим, что когда-либо постигало стражнический мундир. Если не считать чаячьего помета.

— А, ты в порядке, — несколько разочарованно произнес Шноббс.

— Чувствую... слабость, — пробормотал Вильям.

— Если хочешь, могу сделать тебе искусственное дыхание. Рот в рот, — с готовностью предложил Шноббс.

Все мышцы Вильяма непроизвольно сократились и вздернули тело в вертикальное положение так резко, что на мгновение его ноги оторвались от земли.

— Мне уже гораздо лучше! — заорал он.

— Нас обучили этому дыханию, а попробовать на практике так ни разу и не довелось...

— Я совершенно здоров! — завопил Вильям.

— ...Но я практиковался на руке и всякой всячине...

— Никогда не чувствовал себя лучше!

— Старина Артур Тогось частенько выкидывает подобные фокусы, — продолжал Шноббс. — Сшибает деньжат себе на курево. Он так ловко спустил тебя вниз, что все даже захлопали. Надо же, старик, а как скачет по водосточным трубам...

— Он что, правда?.. — Вильям ощутил какую-то странную пустоту внутри.

— А когда тебя стошнило, так ва-аще. С высоты четырех этажей. Прямо Краепад. Очень впечатляюще. Жаль, никто не догадался сделать иконографию...

— Мне пора! — закричал Вильям.

«Должно быть, я схожу с ума, — думал он, торопливо шагая к Тусклой улице. — И зачем я туда полез? Это ведь совсем не мое дело.

Впрочем, если подумать... Похоже, что теперь мое».

— Ну, чо теперь? — спросил господин Тюльпан и рыгнул.

Господин Кноп приобрел карту города и в данный момент внимательно ее изучал.

— Мы с тобой не какие-нибудь старомодные бакланы, господин Тюльпан. Мы — мыслящие люди. Мы *учимся*. И учимся быстро.

— Так чо теперь-то? — повторил господин Тюльпан, тщетно пытаясь поспеть за ходом мысли господина Кнопа.

— А теперь... Мы заручимся некими гарантиями. Это наша первостепенная задача. Не хочу, чтоб этот законник и дальше держал нас за горло. Мне это не нравится. А, вот это где. По другую сторону Незримого Университета.

— Мы что, за магией собрались? — изумился господин Тюльпан.

— *Не совсем* за магией.

— Ты ж сам сказал, что этот город, ять, полный отстой.

— Ну, в нем все же есть кое-что положительное, господин Тюльпан.

Господин Тюльпан улыбнулся.

— А ведь ты, ять, прав, — сказал он. — Пошли снова в Музей Диковиностей?

— Не сейчас, господин Тюльпан. Сначала дело, а развлечения потом, — провозгласил господин Кноп.

— А я хочу туда прямо, ять, сейчас!

— Потом. Потом. Ты можешь потерпеть двадцать минут, не взрываясь?

Карта привела их к Чародейственному парку, который располагался пупстороннее Незримого Университета. Район был таким новым, что современные плоские крыши, заработавшие несколько наград Гильдии Архитекторов, еще даже не начали пропускать воду, а окна домов — ветер.

Была предпринята попытка оживить местность травой и деревьями, но в связи с тем, что парк был разбит в старом районе, давно известном под названием «нереальной недвижимости», все вышло не совсем так, как планировалось. Многие тысячи лет здесь находилась свалка Незримого Университета, и местный дерн скрывал не только старые бараньи косточки и магические утечки. На любой карте чарного заражения нереальная недвижимость стала бы центром нескольких крайне концентрических окружностей.

Трава тут росла многоцветной, а некоторые деревья предпочли и вовсе уйти, покинув парк.

Тем не менее здесь процветали некоторые предприятия, торговавшие изделиями, которые аркканцлер — или, по крайней мере, составитель его речей — назвал бы «союзом между магией и современным бизнесом»; в конце концов, современный мир не особенно нуждается в магических кольцах или волшебных мечах, зато ему очень даже необходимы способы

поддерживать себя в форме. На самом деле все это большая помойка, но никто ведь особо не протестует. Кстати, а не пора ли нам перекусить?»

Один из результатов столь счастливого «союза» лежал сейчас на прилавке перед господином Кнопом.

— Это «Мк-II», — сообщил волшебник, который был весьма рад, что между ним и господином Тюльпаном находится прилавок. — Э-э... Чудо современной мысли.

— Отлично, ять, — одобрил господин Тюльпан. — Мы любим чудесать людей.

— А как он работает? — спросил господин Кноп.

— У него есть контекстная справка, — ответил волшебник, — Нужно только... э... открыть крышку.

К ужасу волшебника, тонкий острый нож словно по волшебству появился в руке заказчика и коснулся защелки.

Крышка откинулась. Из ящичка выпрыгнул маленький зеленый бесенок.

— Дзинь-дзинь-подзи...

Он замер. Приставленный к горлу нож действовал даже на состоящих из биочар существ.

— Это еще что за чертовщина? — поинтересовался господин Кноп. — Я ж сказал: нам нужно то, что *слушает!*

— Он слушает, слушает, — торопливо заверил волшебник. — А еще и говорить может!

— Что говорить? Дзынь-дзынь?

Бесенок нервно откашлялся.

— Поздравляю! — воскликнул он. — Вы поступили очень мудро, купив «Бес-органайзер Мк-II», последнее достижение биочарной науки с кучей полезных возможностей. Хотим известить вас, что данная модель не имеет ничего общего с «Бес-органайзером Мк-I», который, вероятно, вы неумышленно растоптали ногами!

Затем, чуть помолчав, бесенок куда тише добавил:

— Данное устройство продается без какой-либо гарантии, касающейся надежности, точности, существования или наоборот, а также пригодности для той или иной конкретной работы; кроме того, компания «Биоалхимические продукты» подчеркнуто не подтверждает, не гарантирует и даже не намекает на то, что данный продукт пригоден для выполнения какой-либо задачи, а следовательно, компания не берет на себя никаких обязательств и не несет никакой ответственности по отношению к тебе, другому лицу, организации или божеству в части утери или

повреждений устройства путем уничтожения онога ударами о стену, бросания онога в глубокий колодец или любыми другими способами, а также заявляет, что ты подтверждаешь одобрение данного соглашения или любого другого соглашения, которое может заменить данное соглашение и вступить в силу в случае приближения на расстояние менее чем на пять миль к данному изделию, наблюдения за ним при помощи сильного телескопа или любым другим способом, потому что ты — безмозглый лох, готовый с радостью одобрить любые наглые и односторонние условия, написанные на куске дорогостоящего мусора, которые тебе и в голову не пришло бы одобрить, будь они написаны на пакете с печеньем для собак, а потому ты обязуешься использовать устройство на свой страх и риск.

Бесенок перевел дыхание.

— Могу я предложить тебе ознакомиться со всем диапазоном воспроизводимых мной странных и забавных звуков, Введи-Сюда-Свое-Имя?

Господин Кноп посмотрел на господина Тюльпана.

— Ну давай.

— Например, я умею говорить: «Тра-ля-ля!»

— Нет.

— Забавно дудеть на горне.

— Нет.

— «Дзинь».

— Нет.

— Меня можно проинструктировать опускать чудные и смешные замечания во время выполнения различных действий.

— Зачем?

— Э... Некоторым людям нравится слышать, как мы выкрикиваем что-нибудь вроде: «Открой этот ящик, и я вернусь!» Ну и типа того.

— А зачем ты все это выкрикиваешь? К чему эти твои сигналы? — поинтересовался господин Кноп.

— Людям нравится шум.

— А нам — нет, — сказал господин Кноп.

— Шум, ять, мы *очень не любим*, — добавил господин Тюльпан.

— Поздравляю! Уверен, моя тишина придется вам по душе, — заверил бесенок, однако бесоубийственное программирование все ж заставило его добавить: — А может, вам нужно другое цветное сопровождение?

— Что?

— Я умею менять цвет. По вашему желанию. Какой цвет вам больше нравится?

Длинные уши бесенка медленно полиловели, а нос приобрел навевающий неприятные мысли синеватый оттенок.

— Нам не нужны никакие цвета, — сказал господин Кноп. — Нам не нужны шумы. Не нужны чудные замечания. Мы просто хотим, чтобы ты делал то, что приказано.

— Может, ты захочешь выделить минутку и заполнить регистрационную карточку? — в отчаянии предложил бесенок, вынужденный следовать инструкциям до конца.

Брошенный с молниеносной быстротой нож выбил из его лапки карточку и пригвоздил ее к столу.

— Хотя, наверное, ты предпочтешь зарегистрироваться как-нибудь в другой раз...

— Твой хозяин... — произнес господин Кноп. — Куда он подевался?

Господин Тюльпан выволок волшебника из-под прилавка.

— Твой хозяин утверждает, будто ты — один из тех бесов, которые могут в точности повторить все, что слышали.

— Да, Введи-Свое-Имя-Сюда, господин.

— Что, прямо так в точности? Ничего от себя не прибавляя?

— Они не могут ничего прибавлять, — задыхаясь, простонал волшебник. — Полностью лишены воображения.

— Значит, никто не усомнится в правдивости его слов?

— Никто.

— Кажется, мы нашли то, что искали, — сказал господин Кноп.

— Э-э... И как вы предпочитаете оплатить покупку?

Господин Кноп щелкнул пальцами. Господин Тюльпан вытянулся во весь рост, расправил плечи и захрустел суставами пальцев так, словно в руках у него находилось два пакета с грецкими орехами.

— Прежде чем оплату обсуждать, — сказал господин Тюльпан, — мы бы, ять, хотели пообщаться с тем, кто написал эти, ять, гарантированные обязательства.

Помещение, которое теперь Вильяму приходилось считать своей конторой, сильно изменилось. Исчезли расчлененные кони-качалки, всякие краны, оставшиеся от старой прачечной, и прочий мусор, а в центре комнаты теперь стояли, прижавшись друг к другу, два письменных стола.

Столбы были древними и потрепанными. Для того чтобы они не качались, потребовалось — вопреки всякому здравому смыслу — подложить картонки под *все четыре* ножки каждого стола.

— Я привезла их из лавки подержанных вещей, чуть дальше по улице,

— каким-то нервным тоном сообщила Сахарисса. — Обошлись совсем недорого.

— Да, я вижу. Госпожа Резник... я тут подумал... твой дедушка ведь умеет гравировать изображения?

— Да, конечно. А почему ты весь в грязи?

— А если мы приобретем иконограф и научимся им пользоваться, — продолжал Вильям, игнорируя ее вопрос, — твой дедушка сможет вырезать нарисованные бесенком картинки?

— Думаю, сможет.

— А ты, случаем, не знакома с какими-нибудь иконографистами? Хорошими и живущими в нашем городе?

— Могу узнать. Но что с тобой произошло?

— Да так, на Желанно-Мыльной улице один тип пытался покончить с собой.

— И как? Получилось? — Сахарисса, похоже, сама удивилась своему вопросу. — Ну, то есть я, конечно, ничего дурного не имела в виду, но у нас еще столько пустого места...

— Думаю, мне удастся сделать из этого что-нибудь интересное. Он... э-э... спас жизнь человеку, который поднялся наверх, чтобы попытаться отговорить его.

— Какой смелый поступок! А ты выяснил имя того храбреца?

— Гм... нет. Э-э... Это был Таинственный Спаситель, — сказал Вильям.

— Ну, это уже кое-что. Кстати, тебя ждут посетители, — вспомнила Сахарисса и заглянула в свои записи. — Человек, который потерял свои часы, зомби, который... Я так и не поняла, что он хочет. А еще тролль, который желает устроиться на работу, и мужчина с жалобой на новость о драке в «Залатанном Барабане». Последний жаждет оторвать тебе голову.

— Ну и ну. Ладно, начнем по очереди...

Разобраться с потерявшим часы было совсем просто.

— Это были совсем новые часы, подарок моего отца, — сообщил мужчина. — Я целую неделю их ищу!

— Послушай, здесь не...

— Если вы отпечатаете на бумаге о том, что я их потерял, быть может, тот, кто нашел, вернет мои часы? — спросил мужчина с совершенно неоправданной надеждой в голосе. — А я заплачу вам за хлопоты шесть пенсов.

Шесть пенсов есть шесть пенсов. Вильям, вздохнув, сделал пометку в блокноте.

Разобраться с зомби было сложнее. Он был серым, с прозеленью в отдельных местах, а еще от него воняло лосьоном после бритья с ароматом искусственных гиацинтов: некоторые совсем свежие зомби решили, что их шансы приобрести друзей в новой жизни после смерти сильно повысятся, если от них будет пахнуть цветами, а не ими самими.

— Люди хотят знать все о мертвецах, — с ходу заявил зомби.

Звали его Господин Скрюч, и произносил он свое имя так, чтобы всем сразу стало понятно: слово «Господин» пишется с большой буквы и является частью имени.

— Правда?

— Да, — многозначительно произнес Господин Скрюч. — И мертвецы порой попадают очень интересные. Полагаю, людям будет интересно читать о мертвых.

— Ты говоришь о некрологах?

— Да, и о них тоже. Я могу писать их весьма увлекательно.

— Хорошо. Плачу двадцать пенсов за штуку.

Господин Скрюч кивнул. Было ясно, что он согласился бы заниматься этим бесплатно. Зомби передал Вильяму пачку желтоватых хрустящих листков.

— Вот весьма увлекательный некролог. Для затравки, — сказал он.

— О. И чей именно?

— Мой. Очень занимательное чтение. Особенно тот кусок, в котором я умираю.

Следующий посетитель и в самом деле был троллем. Но в отличие от большинства троллей, которые носили лишь необходимый минимум одежды, дабы успокоить помешанных на приличиях людей, этот тролль был одет в костюм. Только так можно было назвать сшитые из ткани трубы, из которых торчала голова тролля.

— Я — Рокки, — пробормотал он, застенчиво потупив взор. — Согласен на любую работу, шеф.

— А чем ты занимался в последнее время? — спросил Вильям.

— Боксом, шеф. Но мне это не нравилось. Меня постоянно роняли на пол.

— А ты умеешь писать или, допустим, рисовать? — поморщившись, поинтересовался Вильям.

— Нет, дяденька. Но я умею поднимать тяжести и насвистывать мелодии.

— Не сомневаюсь, ты... очень талантлив, но боюсь...

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался человек в кожаных одеяниях

и с топором наперевес.

— Вы не имели права писать это обо мне! — заявил он, размахивая лезвием топора прямо у Вильяма перед носом.

— Конечно-конечно. А ты кто?

— Брезок-Варвар, и я...

Мозг начинает работать намного быстрее, если подозревает, что его вот-вот разрубят пополам.

— О, если у тебя жалоба, ты должен обратиться к редактору по Жалобам, Обезглавливаниям и Публичной Порке, — мгновенно отреагировал Вильям. — То есть к присутствующему здесь господину Рокки.

— Это я, — радостно сообщил Рокки и положил ладонь на плечо человека.

Места хватило только для трех пальцев. У Брезока-Варвара подкосились ноги.

— Я... просто хотел сказать, — пробормотал он, — вы написали, будто бы я ударил кого-то столом. А я этого не делал. Что подумают обо мне люди, когда узнают, что я хожу и колочу всех столами? Что будет с моей репутацией?

— Понимаю.

— Я ударил его ножом. Стол — оружие для баб и трусов.

— Мы непременно отпечатаем опровержение, — пообещал Вильям, взяв в руку карандаш.

— А ты не мог бы добавить, что я оторвал Резаку Гадли ухо? Вцепился зубами и оторвал? Вот народ подивится! Уши ведь отрывать нелегко.

Когда все ушли, в том числе и Рокки, который создал себе рабочее место на стуле рядом с дверью в контору, Вильям и Сахарисса долго смотрели друг на друга.

— Утро выдалось *странным*, если не сказать больше, — произнес наконец Вильям.

— Я все выяснила о зиме, — сообщила Сахарисса. — А еще была совершена нелицензированная кража из ювелирной лавки, что на улице Искусных Умельцев. Унесли много серебра.

— Откуда ты об этом узнала?

— Рассказал подмастерье ювелира. — Сахарисса смущенно откашлялась. — Он... всегда выглядывает поболтать, когда я прохожу мимо.

— Правда? Просто здорово!

— А пока я тебя ждала, у меня возникла идея, и я попросила Гуниллу

набрать шрифтом вот это.

Сахарисса застенчиво подвинула к нему по столу лист бумаги.

**[Анк-Морпоркская Правда
Истина Сделает Вас Свободными. И Всё Такое!]**

— Если поместить в верхней части листка, выглядит очень даже выразительно, — добавила она взволнованно. — Ну, что скажешь?

— А зачем этот фруктовый салат, листья и прочее? — спросил Вильям.

— Я придумала и сделала. — Сахарисса покраснела. — Выгравировала. Думала, что так будет выглядеть... ну, выразительно. Как высший класс. Тебе нравится?

— Очень красиво, — поспешил успокоить ее Вильям. — Очень красивые... э... вишенки...

— Виноградинки.

— Да, конечно, именно это я и хотел сказать. А откуда цитата? Очень многозначительная и... э-э... ничего не говорящая.

— Думаю, это просто цитата, — сказала Сахарисса.

Господин Кноп закурил сигарету и выпустил струйку дыма во все еще влажный воздух винного погреба.

— Итак, похоже, в данном случае мы имеем дело с каким-то недопониманием, — сказал он. — Мы же не просим тебя заучить наизусть целую книгу. Ничего сложного. Ты должен всего-навсего *посмотреть* на господина Тюльпана. Это так трудно? У подавляющего большинства людей это получается без специального обучения.

— Я где-то... бутылку потерял, — пробормотал Чарли, шаря руками между брякающих пустых бутылок.

— Господин Тюльпан совсем не страшный, — уверил господин Кноп.

Это было явным преуменьшением. Некоторое время назад его партнер

приобрел пакетик порошка, который, по заверениям торговца, был «дьявольской пылью», но, по мнению господина Кнопа, являлся не чем иным, как измельченным медным купоросом, который, очевидно, вступил в реакцию с входящими в состав «грязи» реактивами («грязью» господин Тюльпан закусил чуть раньше) и превратил одну из лобных пазух господина Тюльпана в электрический мешок. Сейчас его правый глаз медленно вращался, а по волоскам, торчащим из ноздри, периодически пробегали искры.

— То есть разве он так уж страшен? — поправился господин Кноп. — Не забывай, ты лорд Витинари. Понятно? А он простой стражник. Если он посмеет огрызнуться, просто *посмотри* на него.

— Вот *так*, ять, — продемонстрировал господин Тюльпан, половина лица которого то загоралась, то гасла.

Чарли с воплем отпрянул.

— Ну, возможно, не совсем так, — заметил господин Кноп, — но похоже.

— Я больше не хочу этим заниматься! — завопил Чарли.

— Десять тысяч долларов, Чарли, — посулил господин Кноп. — Очень большие деньги.

— Я слышал об этом Витинари, — сказал Чарли. — Если у нас ничего не выйдет, он бросит меня в яму со скорпионами!

Господин Кноп только развел руками.

— Яма со скорпионами — это не самое страшное, что может случиться. Ты меня понимаешь?

— Просто, ять, пикник по сравнению со мной, — пророкотал господин Тюльпан, светя носом.

Глаза Чарли заметались по сторонам в поисках пути к бегству. В такие моменты Чарли, как правило, прибегал к хитрости. Это было кошмарное зрелище. Примерно настолько же естественное, как собака, играющая на тромбоне.

— Нет, на десять тысяч я не согласен, — наконец сообщил Чарли. — То есть... без меня вы *никуда*...

Последняя фраза повисла в воздухе. Господин Кноп уже готов был подвесить рядышком и самого Чарли.

— Но, Чарли, мы же договорились, — мягко напомнил он.

— Да, а теперь мне кажется, что это стоит дороже, — упорствовал Чарли.

— А тебе что кажется, господин Тюльпан?

Тюльпан открыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого чихнул.

Ослепительно сверкнувшая молния ушла в землю через цепь Чарли.

— Думаю, мы можем повесить вознаграждение до пятнадцати тысяч, — согласился господин Кноп. — Но этим, Чарли, мы серьезно уменьшаем нашу долю.

— Ну хорошо... — неуверенно произнес Чарли. Он старался держаться от господина Тюльпана подальше. Волосы на голове господина Тюльпана стояли дыбом.

— Но мы хотели бы удостовериться, что ты действительно пытаешься помочь нам, — продолжил господин Кноп. — Прямо сейчас. Тебе нужно только сказать... Что тебе нужно сказать?

— «Ты освобожден от своей должности, дружище. Можешь идти на все четыре стороны», — сказал Чарли.

— Но говорить это нужно совсем не так. Понимаешь, Чарли? — поморщился господин Кноп. — Ты отдаешь приказ. Ты его босс. И смотреть ты должен высокомерно. Ну, как бы тебе объяснить... Допустим, ты хозяин лавки. И он просит у тебя кредит.

Было шесть часов утра. Морозный туман сжимал город в тисках, пытаясь выдавить из него все признаки дыхания.

Они появлялись из тумана, ныряли в словопечатню позади «Ведро», после чего снова исчезали в тумане — на разнообразных ногах, костылях и колесиках.

— Чавводам-прда!

Услышав этот вопль, лорд Витинари немедленно послал ночного чиновника к воротам.

Сначала он обратил внимание на название. Потом улыбнулся, увидев девиз.

И внимательно прочел слова:

**САМАЯ ХОЛОДНУЩАЯ ЗИМА
НА ПАМЯТИ НЫНЕШНЕГО ПОКОЛЕНИЯ,
И ЭТО - ОФИЦИАЛЬНО!**

«Уж и не припомню таковых холодов, — сообщил „Правде“ д-р Феттель Додгаст (132) из Незримого Университета. — Да, когда я был на 1/2 моложе, холода были совсем другие!»

Сосульки длиной с руку были зафиксированы на водосточных трубах по всему городу, многие насосы просто

замерзли.

Д-р Додгаст (132) заявил, что нынешняя зима много хуже зимы 1902 года, когда в город пришли волки. «И прикинь, — добавил он, — мы были им рады, потому что не видели свежего мяса аж две недели!»

Господин Йосия Винтлер (45) с Ласточкиной улицы, 12б, вырастил 100% Забавный Овоц, который готов продемонстрировать всем желающим за умеренную плату. Овоц и вправду чудной.

Господин Кларенс Гарри (39) умоляет информировать публику о том, что потерял ценные часы — вероятно, в районе «Сестер Долли». Награда нашедшему. Обращаться в контору «Правды».

Изданию требуется иконографист с собственным буродованием. Обращаться в контору «Правды». Под вывеской «Ведро».

Вчера пополудня некий злодей украл серебра на 200 \$ из ювелирной лавки «Г. Свиньленд и Сын», что на Ничевоподобной. Господин Свиньленд (32), которого держали на острие ножа, сообщил «Правде»: «Найти паскудника будет просто. Не так-то много людей ходят с чулками на головах».

И лорд Витинари улыбнулся. И кто-то тихо постучал в дверь. И патриций посмотрел на часы.

— Войдите, — сказал патриций.

Ничего не произошло. Через несколько секунд снова раздался вежливый стук.

— *Войдите.*

И снова ничего, кроме выжидающей тишины.

И лорд Витинари коснулся вполне обычной на вид части своего письменного стола.

И длинный ящик бесшумно, как по маслу, выдвинулся из массивной ореховой столешницы. На черном бархате лежали разнообразные тонкие предметы, все как один подходящие под определение «очень острый».

И патриций выбрал один из предметов, небрежно опустил руку вниз, бесшумно подошел к двери, повернул ручку и быстро отступил в сторону на случай, если дверь вдруг резко толкнут внутрь.

И опять ничего не произошло.

А потом дверь, несколько перекосившаяся из-за кривых петель, распахнулась.

Господин Маклдафф разложил на столе свежий экземпляр новостного листка. Все собравшиеся на завтрак единодушно согласились с тем, что господин Маклдафф как приобретший «Правду» является не просто владельцем, но своего рода священнослужителем, который должен донести содержание листка до признательных масс.

— Здесь говорится, что одному мужику с Ласточкиной удалось вырастить презабавный овощ, — сообщил господин Маклдафф.

— Надо будет обязательно сходить посмотреть, — сказала госпожа Эликсир.

На другом конце стола кто-то поперхнулся.

— Ты в порядке, господин де Словв? — спросила она, в то время как господин Ничок хлопал Вильяма по спине.

— Да-да, конечно, — задыхаясь, произнес Вильям. — Прошу прощения, чай попал не в то горло.

— В той части города хорошая почва, — заметил господин Каретник, торгующий семенами вразнос.

Вильям попытался сосредоточиться на тосте. Над его головой тщательно и даже благоговейно обсуждались новости.

— Кто-то угрожал ножом владельцу ювелирной лавки, — продолжал господин Маклдафф.

— Если так и дальше пойдет, скоро мы даже в собственных постелях не будем чувствовать себя в безопасности, — ответила госпожа Эликсир.

— А вот я не считаю, что это самая холодная зима за последние сю лет, — заявил господин Каретник. — Десять лет назад — вот то была зима! Чуть всю торговлю мне не сгубила.

— Бумага врать не может, — спокойно произнес господин Маклдафф, как будто выкладывая на стол туза.

— Кстати, тот некролог показался мне несколько странным, — сказала госпожа Эликсир. Вильям, склонившись над вареным яйцом, молча кивнул. — Обычно в некрологах описывается путь человека до смерти, а не *после*.

Господин Долгоствол, который был гномом и имел некое отношение к ювелирному бизнесу, взял с тарелки очередной хлебец.

— Видимо, у некоторых бывает не только до, но и после, — сказал он.

— И все же, кстати говоря, в нашем городе становится чересчур многолюдно, — вступил в разговор господин Крючоктвор, который занимался какой-то неустановленной конторской работой. — Зомби, они ведь почти как люди. Никого не хочу обидеть, разумеется.

Господин Долгоствол, намазывая тост маслом, едва заметно улыбнулся, а Вильям поморщился. Он всегда недолго любил людей, которые «никого не хотели обидеть». Удобная фраза: произнес ее — и обижай кого хочешь.

— Что ж, времена меняются, и мы должны меняться вместе с ними, — заявила госпожа Эликсир. — И я надеюсь, этот бедняга найдет свои часы.

На самом деле, господин Гарри уже поджидал Вильяма у дверей конторы. Подскочив к Вильяму, он принялся яростно трясти его руку.

— Поразительно, просто поразительно! Как вам это удалось? Просто чудо! Вы отпечатали это на бумаге, а когда я вернулся домой, будь я проклят, если часы не оказались в кармане другой моей куртки! Воистину да благословят боги ваш листок!

Хорошагора сообщил вошедшему Вильяму последние новости. С утра было продано восемьсот экземпляров «Правды». По пять пенсов. Доля Вильяма составила шестнадцать долларов. Медяки на столе образовывали довольно внушительную гору.

— Но это настоящее безумие, — покачал головой Вильям. — Мы просто рассказывали о том, что произошло!

— Возникла небольшая проблема, дружище, — сказал Хорошагора. — Ты собираешься завтра отпечатывать новый листок?

— О боги! Надеюсь, что нет!

— Ну а у меня есть для тебя хорошая история, — мрачно известил гном. — Гильдия Граверов устанавливает собственную отпечатную машину. Кроме того, за ними стоят солидные деньги. Если мы будем заниматься просто отпечатью, они нас разорят.

— Правда?

— Конечно. Они уже используют отпечатные прессы. А шрифт сделать совсем нетрудно, особенно если привлечь побольше граверов. Ну а работать они умеют. Честно говоря, не думал, что они так быстро ориентируются.

— Невероятно!

— Члены Гильдии, те, что помоложе, видели продукцию, которую привозили из Омнии и Агатской империи. И как выяснилось, просто ждали удобного момента. Я слышал, вчера состоялось посвященное этому

собрание. Произошли некоторые кадровые перестановки.

— Жаль, не удалось поприсутствовать.

— Поэтому если ты хочешь продолжать выпускать свой листок... — сказал гном.

— Мне не нужны все эти деньги! — завопил Вильям. — От денег одни проблемы!

— Мы могли бы продавать «Правду» дешевле, — странно глянув на Вильяма, предложила Сахарисса.

— Так мы заработаем *еще больше* денег, — мрачно произнес Вильям.

— Мы могли бы... могли бы платить больше уличным торговцам, — продолжила Сахарисса.

— Очень тонкий вопрос, — сказал Хорошагора. — У тела все же есть предел поглощения скипидара.

— Тогда мы могли бы, по крайней мере, позаботиться о том, чтобы они хорошо завтракали, — упорствовала Сахарисса. — Например, каждое утро ели рагу из какого-нибудь мяса.

— Но я не уверен, что у нас хватит новостей, чтобы заполнить даже... — начал было Вильям и замолчал.

Здесь он был немножко неправ. Все отпечатанное на бумаге автоматически становится *новостью*. Всякая новость попадает на бумагу, значит, то, что отпечатывается на бумаге, — новости. И в этом правда.

Он вспомнил слова госпожи Эликсир: «Если б это не было правдой, разве это разрешили бы отпечатать?»

Вильям никогда не интересовался политикой. И сейчас, размышляя о том, кто что и кому разрешает, он вдруг понял, что задействует какие-то незнакомые умственные мышцы. Некоторые из них имели прямое отношение к генетической памяти.

— Можно нанять побольше людей, которые будут собирать для нас новости, — сказала Сахарисса. — И как насчет новостей из других стран или городов? Из Псевдополиса и Щеботана? Достаточно поговорить с пассажирами почтовых карет...

— А гномам было бы интересно узнать, что происходит в Убервальде и на Медной горе, — заметил Хорошагора, оглаживая бороду.

— Да дотуда не меньше недели езды на карете! — воскликнул Вильям.

— Ну и что? Все равно это будет *новостями*.

— А что, если воспользоваться семафорами? — спросила Сахарисса.

— Клик-башнями? Да ты спятила! — изумился Вильям. — Это ведь ужасно дорого!

— И что с того? Ты же сам только что переживал, мол, у нас слишком

много денег.

Вдруг полыхнул какой-то свет, и Вильям резко обернулся.

Некое странное... существо занимало дверной проем. Была тренога. За ней — пара тощих ног в черных брюках, а на ней — черный ящик. Над ящиком торчала черная рука, в которой дымился какой-то странный лоток.

— Зер гут получается, — донесся голос. — Свет гут отражайтсЯ от гномий шлем, йа прямо не умейт удерживатьсЯ. Вы хотейт иконографист? Йа — Отто Шрик.

— О, — сказала Сахарисса. — Правда иконографист?

— Йа натюрлих волшебник и маг темной комнаты. Экспериментовайт всегда! — сообщил Отто Шрик. — Кроме того, оборудование мое собственное имейтсЯ, а также имейтсЯ энерговость и позитичность!

— Сахарисса! — прошипел Вильям.

— Ну, для начала мы могли бы предложить тебе доллар в день...

— Сахарисса!

— Да? Что?

— Он — *вампир!*

— Не могу не выражайт протест, — встрЯл прятАвшийся за ящиком Отто. — Очень легко предполагайт, что любой, кто имейт акцент из Убервальд, ист вампир. Но Убервальд имейт несколько тысяч уроженцев, которые не ист вампир.

Вильям смущенно замахал руками.

— Да-да, конечно, прошу меня извинить, но...

— Впрочем, йа ист натюрлих вампир, — продолжал Отто. — Однако если б йа приветствовайт вас как-нибудь подобно: «Хей, мужик, чо за дела, чувак, где пропАдал?», что бы вы говорийт?

— Мы ничего и не заподозрили бы, — признался Вильям.

— Как бы там ни бывайт, заметка применяйт слово «требуется», и мне показывайтсЯ в этом насущная безотлагательность, — сказал Отто. — А еще йа имейт вот это...

Он вскинул вверх тощую руку с голубыми венами, в которой была сжата свернутая черная ленточка.

— О? Ты дал зарок? — уточнила Сахарисса.

— В Зале Доверия, что в Скотобойном переулке, — триумфально провозгласил Отто, — который йа посещайт еженедельно для песнопеваний и чаераспитий с булочками, а также для благотворящих беседований на темы внутренней крепости, помогающих воздержанию от потреблений организмовых жидкостей. Йа больше не ист глупый кровососатель!

— А ты что скажешь, господин Хорошагора? — спросил Вильям.

Хорошагора задумчиво почесал нос.

— Тебе решать, — наконец промолвил он. — Но если этот тип попробует сотворить какую-нибудь гнусность с моими ребятами, я ему ноги по самую шею отсеку. Кстати, а что это за зарок?

— Движение Убервальдских Трезвенников, — объяснила Сахарисса. — Вступающий в него вампир дает зарок не прикасаться к человеческой крови...

Отто вздрогнул.

— Мы предпочитаем говорить «слово на букву „к“», — поправил он.

— К слову на букву «к», — быстро поправилась Сахарисса. — Кстати, это Движение пользуется большой популярностью. Вампиры знают, что это их единственная возможность влиться в ряды общества.

— Ну... хорошо, — согласился Вильям. В присутствии вампиров он ощущал некое смутное беспокойство, но после всего услышанного отказать Отто было все равно что пнуть щенка. — Ты не против, если мы разместим тебя в подвале?

— Подвал? — переспросил Отто. — Вундербар! «Сначала были гномы, — садясь за стол, думал Вильям. — Над их старательностью издевались, их обзывали коротышками, но они молча, не поднимая голов^[5], собственными руками выковали свое процветание. Потом появились тролли. Этим было немного проще, ведь швырнешь в такого камень, а обратно прилетит целый валун. Потом из гробов восстали зомби. Пара вервольфов проскользнула в плохо прикрытую дверь. Лепреконы, несмотря на неважное начало, тоже довольно быстро интегрировались в общество, поскольку отличались упрямством и обманывать их было гораздо опаснее, чем тех же троллей: тролль, по крайней мере, не может нырнуть тебе в штанину. *Остается* не так уж много видов...»

А вот вампирам так и не удалось ничего добиться. Общительностью они не отличались, даже друг с другом не больно-то ладили, и были неприятно странными. А кроме того, только представьте себе вампира, открывающего собственную продуктовую лавку!

Постепенно до самых толковых из них начало доходить: люди будут относиться к вампирам более благосклонно, если те перестанут *быть* вампирами. Достаточно высокая цена за общественное признание, а может, и не очень высокая, учитывая, что тебе в любой момент могли вбить кол в грудь, отрубить голову и развеять твой пепел над рекой. Жизнь в качестве бифштекса tartare не так уж и плоха по сравнению со смертью на коле au

naturelle^[6].

— Э-э... А также мы хотели бы поближе рассмотреть, кого именно берем на работу, — громко произнес Вильям.

Отто очень медленно и опасливо вылез из-за своего аппарата. Он был тощим, бледным и носил маленькие овальные темные очки. И все еще сжимал в руке черную ленточку так, словно она была спасительным талисманом, что отчасти соответствовало действительности.

— Все в порядке, мы не кусаемся, — сказала Сахарисса.

— Хотя долг платежом красен, — хмыкнул Хорошагора.

— Несколько бестактное замечание, господин Хорошагора, — упрекнула Сахарисса.

— Как и я сам, — буркнул гном, возвращаясь к отпечатной плите. — Зато все знают, что я из себя представляю.

— Вы не пожалеют, — уверил Отто. — Йа полностью исправляйтесь, уверяйт от всей души. Какие именно картинки йа должен для вас исполнять?

— Ты должен будешь иллюстрировать новости, — ответил Вильям.

— А что ист новости?

— Новости — это... — Вильям слегка замешкался. — Новости — это то, что мы отпечатываем на бумаге...

— Ну а как вам вот это?! — раздался чей-то жизнерадостный голос.

Вильям обернулся. Поверх картонной коробки на него смотрело ужасно знакомое лицо.

— Привет, господин Винтлер, — поздоровался Вильям. — Э-э... Сахарисса, не могла бы ты сходить к...

Он не успел. Господин Винтлер принадлежал к разновидности людей, считавших, что бодрое «эге-гей!» — наиболее остроумный ответ, который только возможно придумать. Таких людей обычным холодным приемом не остановишь.

— Так вот, копаюсь я сегодня утром в своем огороде, — сообщил он. — И представляешь, нахожу вот этот корень пастернака! Ну, думаю, тот молодой человек в словопечатне просто обхохочется, когда его увидит. Даже моя супружница не смогла удержаться от смеха...

К ужасу Вильяма, он запустил руку в коробку.

— Господин Винтлер, не думаю, что...

Но рука уже поднималась. Что-то громко заскребло по стенке коробки.

— Готов поспорить, молодая дамочка тоже не прочь похихикать.

Вильям закрыл глаза.

Он услышал, как удивленно ахнула Сахарисса.

— Право! Совсем как живой! Вильям открыл глаза.

— Так это ведь *нос*, — выдавил он. — Пастернак, похожий на шишковатое лицо с огромным *носом*!

— Возможно, йа делают картинку? — осведомился Отто.

— О да! — воскликнул опьяневший от облегчения Вильям. — Да, Отто, сделай большую картинку господина Винтлера и его восхитительно носатого пастернака! Это будет твоей первой работой! Да, конечно!

Господин Винтлер просиял.

— А может, сбегать домой и принести ту морковку? — услужливо предложил он.

— Нет! — одновременно рявкнули Вильям и Хорошагора.

— Картинку делают прямо сейчас? — уточнил Отто.

— А как иначе! — закричал Вильям. — Чем быстрее мы отпустим господина Винтлера домой, тем раньше он найдет очередной презабавный овощ, верно, господин Винтлер? Что будет в следующий раз? Стручок с ушами? Свекла, похожая на картофелину? Капуста с волосатым языком?

— То есть ты хочешь делать картинку прямо здесь и прямо сейчас? — отчетливо произнося каждый слог, переспросил Отто.

— Да, здесь и сейчас!

— Скоро брюква должна поспеть, — сообщил господин Винтлер. — Я возлагаю на нее большие надежды.

— О, гут, гут... Герр Винтлер, сюда вертайся, — велел Отто, открывая линзу и прячась за иконографом.

Из ящичка высунулся бесенок, держащий наготове кисточку. Свободной рукой Отто медленно поднял закрепленную на палке клетку, в которой дремала толстая саламандра; палец его лежал на курке, который должен был опустить на голову саламандры маленький молоточек — достаточно сильно, чтобы тварь взбесилась.

— Улыбочку, битте!

— Погоди, — вдруг вмешалась Сахарисса, — а разве вампир не...

Щелк.

Саламандра вспыхнула, залив комнату ослепительным светом и сделав тени еще более темными.

Отто заорал и упал на пол, схватившись за горло. Потом вскочил с выпученными глазами и на подкашивающихся, заплетающихся ногах заметался туда-сюда по комнате. Наконец он осел на пол за столом, нечаянно смахнув рукой бумаги.

— Ааргхааргхааргх...

После чего наступила напряженная тишина.

Отто встал, поправил шарф, стряхнул пыль с одежды и оглядел обращенные к нему взволнованные лица людей и гномов.

— Йа? — резко осведомился он. — Вы что смотрите? Нормальная реакция, и это ист всё. Йа работайт над этим. Свет любых видов ист моя пассия. Свет ист мой холст, тень ист мой кисти.

— Но сильный свет причиняет тебе боль! — воскликнула Сахарисса. — Он вреден вампирам!

— Да, несколько неприятственно, но ничего не поделайт.

— И такое происходит всякий раз, когда ты рисуешь картинку? — спросил Вильям.

— Найн. Иногда бывайт гораздо хуже.

— *Хуже?*

— Иногда йа превращайтся пепел. Но то, что не убивайт, делайт нас сильнее.

— Сильнее?

— Натюрлих!

Вильям перехватил взгляд Сахариссы. Ее глаза как бы говорили: «Мы его наняли. Неужели у нас хватит бессердечности выгнать его прямо сейчас? И не вздумай подтрунивать над его акцентом. Сам-то по-убервальдски хорошо говоришь?»

Отто настроил иконограф и вставил в него чистый лист бумаги.

— А сейчас, — весело произнес он, — мы делайт еще одну картинку. Все смеяться!

Доставили почту. Вильям привык получать определенное количество жалоб от своих клиентов, которые сетовали на то, что он не сообщил им о двухголовых великанах, эпидемиях и дождях из домашних животных, которые, по слухам, были зафиксированы в Анк-Морпорке. Его отец был прав в одном: пока правда надевает башмаки, ложь успеваеьт весь мир обежать. Просто поразительно, насколько охотно люди верят в подобную чушь.

Но сегодняшние письма... Он словно бы потряс дерево, и на него посыпались орехи. В некоторых посланиях люди выражали недовольство тем, что он назвал эту зиму самой холодной, случались зимы и похолоднее; правда, авторы расходились во мнениях, когда именно. В одном письме говорилось, что раньше овощи были гораздо смешнее, особенно лук-порей. Еще один человек интересовался, как собирается поступить Гильдия Воров с нелегальными кражами в городе. Другой утверждал, что все кражи и ограбления — дело рук гномов, которых нельзя было пускать в

город и которые теперь воруют работу из ртов честных горожан.

— Сделайте раздел «Письма» и отпечатайте все, — сказал Вильям. — За исключением письма о гномах. Очень похоже на стиль господина Крючкотвора. И на моего отца, но тот знает, как пишется слово «нежелательный», и терпеть не может цветные карандаши.

— А почему бы не опубликовать и это письмо?

— Потому что оно оскорбительное.

— Ну, кое-кто согласился бы с ним, — пожала плечами Сахарисса. — Последнее время в городе и в самом деле неспокойно.

— Разумеется. Но мы его отпечатывать не будем.

Вильям позвал Хорошагору и показал ему письмо. Гном внимательно прочел его.

— Отпечатавай, — предложил он. — Заполним еще одну дырку.

— Но многим это не понравится.

— Вот и отлично. Потом отпечатаем их письма тоже.

— Наверное, он прав, — вздохнула Сахарисса. — Чем больше писем, тем лучше. Вильям, дедушка говорит, что никто из Гильдии не будет гравировать для нас иконографии.

— Почему? Мы ведь можем себе позволить оплатить их услуги.

— Мы не являемся членами Гильдии. Ситуация накаляется с каждой минутой. Ты сам скажешь об этом Отто?

Вздыхнув, Вильям направился к люку.

Гномы использовали подвал в качестве спальни — им было намного уютнее, когда над их головами находился пол. Отто разрешили занять один из сырых углов, который иконографист отгородил, повесив на веревку старую простыню.

— А, привет, герр Вильям, — поздоровался Отто, переливая что-то ядовитое из одной бутылки в другую.

— Похоже, мы так никого и не нашли, чтобы гравировать твои картинки... — пробормотал Вильям.

На вампира его слова не произвели ни малейшего впечатления.

— Да, йа предрекайт это.

— Мне очень жаль, но...

— Найн проблем, герр Вильям. Выход поимеетса всегда.

— Но какой тут может быть выход? Ты ведь не умеешь гравировать?

— Наин, но... мы всё печатайт черно-белый, так? Бумага белая, то есть мы печатайт один черный, так? Йа наблюдайт, как гномы делайт свои буквы, а железау нас хватайт избыток... Ты знайт, что гравер гравировайт железо с возпоможением кислоты?

— Правда?

— То есть нужно учить бесов рисовать кислотой. И найн проблем. Оставайтесь придумывать, как получайт серый цвет, но, по-моему, йа уже знавайт это...

— Ты хочешь сказать, что можешь научить бесов вытравливать картинку прямо на форме?

— Йа. Это ист одна проблема, решение которых становийтс очевидностью, когда немного думайт. — Отто нахмурился. — И йа постоянно думайт про свет. Постоянно...

Вильям смутно припомнил услышанную им некогда фразу: «Опаснее вампира, помешанного на крови, может быть только вампир, помешанный на чем-то еще». Вот вампир рыскает по округе в поисках девушек, которые спят, не закрывая окон своих спален, но вдруг что-то происходит, и вся его целеустремленность фокусируется на утолении голода совсем иного рода...

— А почему ты работаешь в темной комнате? — спросил Вильям. — Насколько мне известно, бесам темнота не нужна.

— А, это требовайт мои опыты, — с гордостью заявил Отто. — Ты знавайт, что второе имя иконографистов — «фотограф»? От древнего латинского «фотус», что означайт...

— «Расхаживать с важным видом и помыкать всеми, словно ты тут хозяин», — перевел Вильям.

— А, ты знавайт!

Вильям кивнул. Это слово всегда вызывало у него интерес.

— Так вот, йа работайт над обскурограф.

Вильям наморщил лоб. День обещал быть длинным.

— Чтобы делать картинки при помощи темноты? — предположил он.

— Йа! Истинной темноты, йа уточняйт, — подтвердил Отто голосом, звенящим от возбуждения. — Не просто когда свет отсутсвовайт, но светом с другой стороны тьмы. Еще можно называйт это... живой темнотой. Мы не видайт ее, но бесы видайт. Ты знавайт, что убервальдский глубокопещерный сухопутный угорь давайт вспышка темного света, если его пугайт?

Вильям бросил взгляд на стоящую на верстаке большую стеклянную банку. На дне он увидел пару мерзких тварей, свернувшихся клубком.

— И ты думаешь, у тебя получится?

— Думайт, йа. Айн момент!

— Честно говоря, мне уже пора...

Отто осторожно извлек из банки одного угря и положил его в лоток, где обычно сидела саламандра. Потом аккуратно навел на Вильяма один из

своих иконографов и кивнул.

— Айн... цвай... драй... БУ!

Это был...

...это был бесшумный, направленный внутрь взрыв. У Вильяма на секунду возникло ощущение, что весь мир замер, а потом свернулся и превратился в крошечные острые булавки, которые пронзили каждую клеточку его тела^[7]. Затем вернулся привычный полумрак подвала.

— Странное... ощущение, — часто моргая, пробормотал Вильям. — Словно нечто холодное прошло сквозь меня.

— Многие еще предстоит узнавать о темном свете теперь, когда мы оставляют позади наше премерзкое прошлое и вступают в яркое будущее, в котором мы целыми днями совсем не думают о слове на букву «к», — возвестил Отто, копаясь в иконографе. Он долго рассматривал нарисованную бесенком картинку, а потом бросил взгляд на Вильяма. — Что ж, следовало бы возвращаться чертежный доска, — пробормотал он.

— А... посмотреть можно?

— Этим ты устанавливаешь меня неловкое положение, — сказал Отто и положил кусочек картона изображением вниз на свой самодельный верстак. — Йа псе деловат не есть правильно.

— О, но я...

— Господин де Словв, что-то очень плохое произошло!

Это кричал Рокки, заслонивший своей головой лаз в подвал.

— В чем дело?

— Во дворце! Там когой-то убили!

Вильям взлетел вверх по лестнице. Сахарисса сидела за столом и выглядела бледной.

— Что, покушение на Витинари? — спросил Вильям.

— Э... Нет, — сказала Сахарисса. — Не совсем.

В подвале Отто Шрик еще раз осмотрел сделанную темным светом иконографию. Затем царапнул картонку длинным бледным пальцем, словно убирая с нее что-то.

— Странственно... — пробормотал он.

Бес ничего не придумал, в этом он был абсолютно уверен. Чтобы придумывать, нужно воображение, которого бесенята напрочь лишены. Они не знают, что такое ложь.

Отто с подозрением окинул взглядом голые стены подвала.

— Здесь кто-нибудь имеются? — осведомился он. — Кто тут играет прятки?

К счастью, никакого ответа не последовало. Темный свет. Ну и ну...

Существовало много теорий относительно темного света...

— Отто!

— Он сунул картинку в карман и поднял голову.

— Йа, герр Вильям?

— Собирай аппаратуру, идем со мной! Лорд Витинари кого-то убил! — крикнул Вильям. — Похоже, что убил, — тут же добавил он. — Хотя этого просто не может быть.

Иногда Вильяму казалось, что все население Анк-Морпорка представляет собой толпу, которая только и ждет случая, чтобы где-то собраться. В обычном состоянии эта толпа распределялась тонким слоем по всему городу, подобно гигантской амебе. Но когда что-нибудь случалось, толпа тут же сжималась вокруг этой точки, как клетка вокруг кусочка пищи, и заполняла улицы людьми.

Сейчас толпа собиралась около главных ворот дворца. Как бы случайным образом. Группка людей привлекает внимание, подходят другие люди, и группа растет, становится более сложной. Кареты и паланкины останавливались, чтобы сидевшие внутри могли выяснить, что происходит. Невидимый зверь увеличивался в размерах.

У ворот вместо Дворцовой Стражи дежурили городские стражники. Это представляло собой некую проблему. «Пустите, мне интересно!» — подобное тут вряд ли прокатило бы. Этому доводу не хватало авторитетности.

— Почему мы останавливайтесь? — спросил Отто.

— На воротах стоит сержант Детрит, — ответил Вильям.

— А. Троль. Очень глупый, — высказал свое мнение Отто.

— Но с ним всякие выкрутасы не пройдут. Боюсь, придется говорить правду.

— А это помогут?

— Он стражник. А стражники не привыкли, когда им говорят правду. Поэтому они сразу теряются.

Огромный троль невозмутимо смотрел на приближавшегося Вильяма. Это был взгляд настоящего стражника. Непробиваемый взгляд. Он говорил лишь: «Я тебя вижу, и, когда ты совершишь что-то неправильное, я буду наготове».

— Доброе утро, сержант, — поздоровался Вильям.

Кивок тролля означал, что в случае предоставления убедительных доказательств он готов согласиться: сейчас действительно утро и в определенных обстоятельствах определенными людьми оно может

считаться добрым.

— Мне срочно нужно увидеться с командором Ваймсом.

— Правда?

— Да, очень нужно.

— А ему нужно срочно увидеться с тобой? — Тролль наклонился ближе. — Ты господин де Словв, верно?

— Да, работаю в «Правде».

— Я ее не читаю, — заявил тролль.

— В самом деле? Специально для тебя мы можем отпечатать ее шрифтом покрупнее, — предложил Вильям.

— Очень смешно, — сказал Детрит. — Но каким бы тупым я ни был, именно я тут говорю. А говорю я, что ты имеешь право оставаться снаружи и... Эй, чегой-то этот вампир делает?!

— Замирайт секунда! — выкрикнул Отто. БУМ.

— ...чертчертчертчерт!

Некоторое время Детрит спокойно смотрел, как отчаянно вопящий Отто катается по бульжной мостовой.

— Что енто было? — спросил он потом.

— Он сделал картинку, как ты не пускаешь меня во дворец, — объяснил Вильям.

Детрит родился в горах выше линии снега и увидел своего первого человека только пяти лет отроду. Тем не менее Детрит был стражником до самых кончиков своих крючковатых, волочащихся по земле пальцев и всегда поступал соответственно.

— Это запрещено.

Вильям достал свой блокнот и занес над ним карандаш.

— А ты не мог бы объяснить моим читателям почему?

Детрит с некоторым беспокойством огляделся.

— А где енти твои читателя?

— Я имел в виду, что в точности запишу твое объяснение.

Полученное в Страже начальное образование снова пришло Детриту на помощь.

— Это запрещено.

— Итак, я записываю: мне запрещено записывать какие-либо объяснения Стражи... — широко улыбнулся Вильям.

Вскинув руку, Детрит переключил на шлеме маленький рычажок. Едва слышное жужжание стало чуть громче. Шлем тролля был оборудован специальным вентилятором, обдувавшим кремниевый мозг, чья эффективность в случае перегрева резко падала. А в данный момент

Детриту нужна была холодная голова.

— Это как-то касается политики, да?

— Гм, возможно. Извини.

Отто, пошатываясь, поднялся на ноги и снова начал возиться со своим иконографом.

Детрит наконец принял решение и кивнул констеблю:

— Пустомент, проводи ентих... двоих к господину Ваймсу. Им запрещается падать с лестниц и все такое прочее.

«Господин Ваймс... — думал Вильям, спеша за констеблем. — Все стражники его так называют. Он был посвящен в рыцари, а недавно стал герцогом и командором Стражи, но его продолжают называть *господином*. Именно *господином*, а не каким-то затертым „г-н“. А еще к слову „господин“ прибегаешь, когда хочешь сказать что-нибудь вроде: „Эй, господин, опусти-ка арбалет и повернись ко мне, только очень медленно“. Интересно, почему его так называют?»

Вильям не был воспитан в духе уважения к Страже. Стражники не принадлежали к его кругу. Да, они приносят пользу, как, например, те же овчарки, ведь кто-то должен — боги тому свидетели! — поддерживать порядок в обществе, но овчарка должна жить на улице, а не в гостиной. Иными словами, Стража являлась прискорбно необходимым подклассом преступных элементов, частью населения с доходом менее тысячи долларов в год, как их неофициально определял лорд де Словв.

Члены семьи Вильяма и их знакомые нарисовали для себя некий умозрительный план города: вот часть, где живут честные горожане, а вот тут можно встретить преступников. И они были потрясены до глубины души... нет, скорее оскорблены, узнав, что Ваймс ориентируется по совсем иной карте. Он *специально* проинструктировал своих людей заходить в дома исключительно через парадный подъезд, тогда как всякий здравый смысл подсказывал: слугам подобает пользоваться черным ходом^[8]. Воистину, этот человек не ведал, что творил.

То, что Витинари сделал Ваймса герцогом, лишний раз говорило о том, что патриций перестал контролировать ситуацию.

Поэтому Вильям был склонен симпатизировать Ваймсу — хотя бы из-за того типа врагов, которых нажил себе командор Стражи. И в то же время по большей части этот человек ассоциировался у него со всякого рода кошмарами. Ваймс, к примеру, был кошмарно воспитан. Кошмарно выглядел. И похоже, все время *кошмарно* нуждался в выпивке.

Пустомент остановился в центре Главного зала дворца.

— Стойте тут, никуда ни ногой, — сказал он. — А я пойду и...

Но Ваймс уже спускался по широкой лестнице в сопровождении огромного стражника, в котором Вильям узнал капитана Моркоу.

А еще главнокомандующий Стражей кошмарно одевался. И не сказать, что он был плохо одет, но Ваймс словно бы излучал ауру общей неряшливости. Даже шлем на нем выглядел помятым.

Пустомент встретил Ваймса и Моркоу на полпути. Последовал приглушенный обмен репликами, из которого Вильям уловил лишь «Он кто?», слова, несомненно произнесенные голосом Ваймса. Командор мрачно воззрился на Вильяма. Этот взгляд выразил все. Он как будто говорил: «День и так был плохим, а тут еще ты явился...»

Спустившись в зал, Ваймс оглядел Вильяма с головы до ног.

— Тебе чего надо? — осведомился он.

— Я хочу узнать, что здесь произошло, если не возражаете, — сказал Вильям.

— Почему?

— Потому что люди тоже захотят узнать об этом.

— Ха! И так узнают, причем скоро.

— Но от кого, сэр?

Ваймс обошел Вильяма так, словно разглядывал диковинное существо.

— Ты ведь сынок лорда де Словва?

— Да, ваша светлость.

— Достаточно просто «сэр», — резко произнес Ваймс. — И ты выпускаешь этот листок со сплетнями, верно?

— В принципе да, сэр.

— А что ты сделал с сержантом Детритом?

— Всего-навсего записал его слова, сэр.

— Пригрозил ему ручкой, так сказать?

— Сэр?

— Писать о людях всякое... Ц-ц-ц... Из этого ничего хорошего не выйдет.

Ваймс наконец прекратил наматывать круги вокруг Вильяма, но легче от этого не стало. Теперь пылающие мрачной яростью глаза командующего смотрели на Вильяма с расстояния нескольких дюймов.

— День и так выдался не слишком приятным, — сказал Ваймс. — И обещает стать еще хуже. Почему я должен терять время на разговоры с тобой?

— Я могу назвать одну-единственную, но очень вескую причину, — ответил Вильям.

— Валяй.

— Вы должны поговорить со мной, сэр, чтобы я все записал. Аккуратно и правильно. Именно те слова, которые вы произнесете. И вы знаете, кто я и где меня найти, если я что-то навру.

— Значит, я поступлю так, как хочешь ты, а ты поступишь так, как хочешь сам? Ты это пытаешься сказать?

— Я лишь пытаюсь сказать, сэр, что, пока правда надевает башмаки, ложь успевает весь мир обежать.

— Ха! Сам только что придумал?

— Нет, сэр. Но вы знаете, что это именно так.

Ваймс задумался, попыхивая сигарой.

— А ты покажешь мне свою писанину?

— Конечно. Вы получите один из первых экземпляров листка, свежееотпечатанный.

— Я имел в виду: до того, как твои записи будут отпечатаны. И ты меня прекрасно понял.

— Честно говоря, не думаю, что я обязан это делать, сэр.

— Я — командующий Городской Стражей, юноша.

— Да, сэр. А я — нет. По-моему, это многое объясняет, но, если нужно, я могу придумать и другие причины.

Ваймс смотрел на него слишком долго. Потом уже несколько другим тоном произнес:

— Сегодня в семь часов утра встревоженные лаем Ваффлза, пса его сиятельства, три уборщицы из числа обслуживающего персонала, весьма почтенные дамы, поспешили к покоям патриция, возле которых встретили лорда Витинари. Он сказал... — Тут Ваймс был вынужден свериться со своим блокнотом. — «Я убил его, я убил его, мне очень жаль». На полу уборщицы увидели нечто очень напоминающее труп. Лорд Витинари сжимал в руке нож. Дамы кинулись вниз, чтобы позвать кого-нибудь на помощь, а когда вернулись, его сиятельства уже нигде не было. Тело принадлежало личному секретарю патриция Руфусу Стукпостуку. Ему был нанесен удар колющим оружием, и секретарь находится в тяжелом состоянии. В результате поспешно проведенного обыска дворца лорд Витинари обнаружился в конюшне лежащим на полу без чувств. Лошадь его была оседлана. В седельных сумках лежало... семьдесят тысяч долларов. Капитан, это просто *глупо*.

— Я знаю, сэр, — кивнул Моркоу. — Но таковы факты, сэр.

— Но это неправильные факты! Это *глупые* факты!

— Знаю, сэр. Чтобы его сиятельство кого-то убил? Это уму непостижимо!

— Ты совсем идиот? — прорычал Ваймс. — Чтобы он сказал: «Мне очень жаль» — вот что уму непостижимо!

Ваймс повернулся и уставился на Вильяма свирепым взглядом, словно удивляясь, что он до сих пор здесь.

— Ну, что еще? — осведомился он.

— А почему его сиятельство находился без чувств, Сэр?

Ваймс пожал плечами.

— Похоже, он пытался сесть на лошадь. У него нога покалечена. Может, патриций поскользнулся... Поверить не могу, что говорю это! Так или иначе, с тебя хватит, понятно?

— Я хотел бы запечатлеть вас на иконографии, сэр, — не сдавался Вильям.

— Зачем?

— Это убедит горожан в том, что вы лично занимаетесь расследованием этого дела, командор, — быстро сориентировался Вильям. — Мой иконографист уже здесь. Отто!

— О боги, это ведь чертов вам... — вырвалось у Ваймса, но он вовремя прикусил язык.

— Он черноленточник, сэр, — прошептал Моркоу.

Ваймс закатил глаза.

— Гутен морген, — поздоровался Отто. — Прошу не шевелиться, йа, йа, это есть замечательное равновесие света и тени.

Он пинком расставил ножки треноги, прильнул к иконографу и поднял вверх клетку с саламандрой.

— Смотреть сюда, битте!

БУМ.

— ...Вот дерь-мооо!..

На пол просыпался прах. Следом по спирали спикировала черная ленточка.

Наступила напряженная тишина.

— Какого черта только что произошло? — некоторое время спустя спросил Ваймс.

— Думаю, вспышка получилась слишком яркой, — объяснил Вильям.

Он протянул дрожащую руку и поднял с небольшой конусной кучки праха, которая некогда была Отто Шриком, маленькую картонную карточку.

— «НЕ ВОЛНОВАТЬСЯ! — прочел он. — С бывшим владельцем этой карточки происходит небольшой инцидент. Вы добывайте каплю крови любого вида, мусорный совок и веник».

— Что ж, — сказал Ваймс. — Кухни вон там. Разберись со своим

иконографистом, да побыстрее. Только не хватало, чтобы мои люди разнесли его по всему дворцу.

— Последний вопрос, сэр. Может, нам стоит отпечатать какое-нибудь воззвание? Ну, чтобы люди, заметившие что-либо подозрительное, немедленно сообщали об этом Страже?

— Что? В этом городе? Да все мои стражники не справятся с очередью, которая к нам выстроится! Просто думай, что пишешь, вот и все.

Стражники зашагали прочь. Моркоу, проходя мимо Вильяма, вымученно улыбнулся.

Проводив Стражу взглядом, Вильям собрал Отто двумя вырванными из блокнота страницами и аккуратно поместил прах в сумку, которую Отто обычно использовал для переноски своей аппаратуры.

А потом до него вдруг дошло, что он — единственный человек (Отто не в счет), получивший официальное разрешение командора Ваймса находиться во дворце, если, конечно, слова «кухни вон там» можно было трактовать как разрешение. Однако Вильям умел обращаться со словами. И говорил только правду. Тут, впрочем, следует учитывать: правдивость и честность — не всегда одно и то же.

Взяв сумку, он отыскал черную лестницу, а потом и кухню, из которой доносился шум голосов.

Слуги суетливо сновали по кухне с видом людей, которым совершенно нечего делать, но которым за это платят. Вильям бочком приблизился к рыдающей в грязный носовой платок горничной.

— Прошу прощения, госпожа, — сказал он, — не могла бы ты одолжить мне капельку своей крови... М-да, наверное, момент и в самом деле неподходящий, — задумчиво добавил он, когда служанка с криками бросилась прочь.

— Эй, что ты там сказал нашей Рене? — осведомился коренастый мужчина, поставив на стол поднос с горячими булочками.

— Ты пекарь? — в ответ спросил Вильям. Мужчина многозначительно посмотрел на него.

— А что, похож?

— Если б был похож, я б не спрашивал, — парировал Вильям.

На сей раз взгляд был не менее многозначительным, но уже с примесью уважения.

— Я задал вопрос, — упорствовал Вильям.

— Так получилось, что я мясник, — сказал мужчина. — А ты молодец, наблюдательный. Пекарь заболел. Ты кто такой, чтобы задавать тут вопросы?

— Меня прислал сюда командор Ваймс. — Вильям поразился, с какой легкостью правда превратилась в почти ложь. Главное — правильно расставить слова. Он открыл свой блокнот. — Я из «Правды». А ты...

— Что? Из этого листка? — изумился мясник.

— Именно. Так ты...

— Ха! Знаешь, насчет зимы ты полную хрень спорол. Самая холодная зима была в год Муравья. Нужно было меня спросить, уж я б тебе рассказал...

— А ты...

— «Сидни Клэнси и Сын», тридцать девять лет, Большая Мясницкая, одиннадцать. Поставщики Кошачье-Собачьих Деликатесов Ко Двору... А почему ты ничего не записываешь?

— Лорд Витинари питается кормом для животных?

— Насколько я знаю, он почти ничем не питается. Нет, я поставщик его пса. Мы на Большой Мясницкой улице, одиннадцать, продаем только самое лучшее, открыты с шести часов утра до...

— А, его пса... Понятно, — кивнул Вильям. — Э-э... Он глянул на спящих по кухне людей. Возможно, некоторые из них могли сообщить нечто важное, а он тратит время на болтовню с поставщиком собачьего питания. И все же...

— Ты не мог бы предоставить мне небольшой образец своих деликатесов? — спросил он.

— Собираешься поместить их в свой листок?

— Да. В некотором роде. До определенной степени.

Вильям отыскал укромный уголок подальше от посторонних глаз и осторожно выжал из мяса каплю крови.

Кровь упала на горку серого пепла, прах фонтаном взметнулся вверх, превратился в облако разноцветных крупинок, а потом — в Отто Шрика.

— Ну, как получаются картинка? — спросил он. — О...

— Кажется, ты и сам можешь нарисовать картину происшедшего, — сказал Вильям. — Э... Твой рукав... Рукав принадлежащей вампиру куртки ныне украшал довольно унылый узор в сине-красных тонах. Таких же цвета и текстуры были ковровые дорожки, устилавшие лестницы дворца.

— Полагайт, ковер примешивайтся, — пояснил Отто. — Волнения не нужны. Частый случай. — Он понюхал рукав. — Первосортный бифштекс? Данке!

— Это был собачий корм, — ответил Вильям Правдивый.

— Собачий прокорм?

— Да. А сейчас хватай свои вещи и иди за мной.

— Собачий прокорм?

— Ты ж сам сказал, что это был первосортный бифштекс. Лорд Витинари очень любил своего пса. Слушай, давай обойдемся без выражения недовольства. Раз такое случается часто, носил бы с собой аварийный запас крови в бутылочке! В противном случае люди будут использовать то, что под рукой!

— Йа, конечно, большое данке, — пробормотал вампир и послушно пошел за Вильямом. — Собачий прокорм, собачий прокорм, о майн готт... А куда мы шагайт?

— В Продолговатый кабинет. Осмотреть место происшествия, — откликнулся Вильям. — Надеюсь, его охраняет кто-нибудь не слишком умный.

— Нам грозит много-много неприятности.

— Почему? — спросил Вильям.

Ему в голову пришла похожая мысль, но... почему? Дворец — собственность города. Ну, более или менее. Стража, скорее всего, не придет в восторг от того, что по дворцу шляются посторонние, но Вильям буквально нутром чувал: нельзя управлять городом, исходя из того, что нравится или не нравится Страже. Если уж на то пошло, Стража предпочла бы, чтобы все сидели по домам, положив руки на столы и не совершая резких движений.

Дверь в Продолговатый кабинет была открыта. Охранял ее капрал Шноббс. Он бдительно привалился к стене и, направив пронзительно-ленивый взгляд в противоположную стену, тайком смолил самокрутку.

— Ага, ты-то мне и нужен! О лучшем и мечтать было нельзя! — воскликнул Вильям.

Это было чистой правдой. Он даже мечтать не мог, что здесь окажется именно Шнобби.

Самокрутка, как по волшебству, исчезла.

— Кто нужен? Я? — пропищал Шнобби, из ушей которого начал куриться дымок.

— Именно. Я разговаривал с командором Ваймсом, а сейчас хотел бы осмотреть комнату, в которой было совершено преступление.

Вильям возлагал большие надежды на эту фразу. Она как будто содержала слова «и он позволил мне», хотя на самом деле этих слов в ней не было.

Капрал Шноббс принялся было озираться по сторонам, но потом вдруг увидел блокнот. И Отто. Самокрутка снова появилась у него в уголке рта.

— А, так вы из того новостного листка?

— Точно, — подтвердил Вильям. — Мы подумали, что жителям города будет интересно узнать о тех энергичных действиях, которые предпринимает наша доблестная Стража.

Тощая грудь капрала Шноббса заметно увеличилась в объеме.

— Капрал Шноббс, господин, — доложил он. — Около тридцати четырех лет отроду, с молодых ногтей в мундире!

Вильям вдруг осознал, что неплохо бы сделать вид, будто эту важную информацию надо непременно занести в блокнот.

— Около тридцати четырех?

— Мамаша была плоха в цифрах, господин. Мало внимания обращала на всякие детали, наша мамуля.

— А... — Внимательно оглядев капрала, Вильям был вынужден признать, что тот действительно принадлежал к роду человеческому. Хотя бы потому, что обладал в общем и целом похожей формой тела, умел говорить и не был сплошь покрыт шерстью. — С молодых ногтей, значит?

— Так точно, — подтвердил капрал Шноббс. — Ногти пообломались, но сердце по-прежнему жжет!

— И наверное, капрал, ты первым появился на месте преступления?

— Последним, господин.

— И тебе поручили ответственное задание...

— Никого не впускать в эту дверь, господин, — сказал капрал Шноббс, пытаясь читать записи Вильяма вверх ногами. — «Шноббс» через «ш», а не через «с», господин. Поразительно, все так и норовят написать мое имя неправильно. Что он там возится со своим ящичком?

— Собирается нарисовать картинку лучшего стражника Анк-Морпорка, — пояснил Вильям, незаметно пробираясь к двери.

Да, тут он сказал неправду, но эта ложь была настолько очевидной, что, по мнению Вильяма, никак не могла считаться ложью. С таким же успехом можно было заявить, что небо — зеленое.

Ноги капрала Шноббса чуть не оторвались от пола под воздействием подъемной силы гордости.

— А могу я получить экземпляр для мамули?

— Улыбайтесь, битте... — скомандовал Отто.

— А я и улыбаюсь.

— Тогда переставайте улыбаться, битте...

Щелк. БУМ.

— Аааргхааргхааргх...

Вопящий вампир всегда привлекает к себе внимание, и Вильям,

воспользовавшись моментом, нырнул в кабинет.

Рядом с дверью на полу был обведен мелом силуэт. *Цветным* мелом. Скорее всего, тут трудился капрал Шноббс, потому что только он мог пририсовать силуэту трубку и обрамить его цветочками и облачками.

В комнате сильно пахло мятой.

На полу валялся стул.

В углу Вильям увидел перевернутую корзину.

Из пола под наклоном торчала металлическая стрела зловещего вида, к которой был привязан ярлык Городской Стражи.

А еще Вильям увидел гнома. Он, вернее, *она* (тут же поправился Вильям, отметив плотную кожаную юбку и башмаки на более высоких, чем положено по уставу, каблуках) лежала на животе и что-то собирала с пола пинцетом. Судя по всему, осколки какой-то банки.

Гномиха подняла голову.

— Новенький? А почему в гражданском?

— Ну, я... Э-э...

Она подозрительно прищурилась.

— Ты ведь не стражник! А господин Ваймс знает, что ты здесь?

Быть хронически честным все равно что участвовать в велосипедной гонке в кальсонах из наждачной бумаги. Но Вильям вцепился в неоспоримый факт.

— Я только что разговаривал с ним.

Однако сейчас он имел дело не с сержантом Детритом. И уж точно не с капралом Шноббсом.

— И он *сказал*, что ты можешь сюда войти? — осведомилась гномиха.

— Ну, не совсем *сказал*...

Гномиха быстро подошла к нему и распахнула дверь.

— В таком случае убира...

— О йа, какой чудесноватый кадр! — воскликнул Отто, стоявший сразу за порогом.

Щелк!

Вильям закрыл глаза.

БУМ.

— ...Ооосвволочь...

На этот раз Вильям успел поймать карточку, прежде чем она спланировала на пол.

Гномиха застыла с открытым ртом. Потом закрыла его и снова открыла для того, чтобы спросить:

— Что это было, черт побери?

— Полагаю, это можно назвать производственной травмой, — объяснил Вильям. — Минутку, кажется, у меня в кармане еще осталось немного собачьего корма. Честно говоря, думаю, должен быть более приемлемый способ...

Он развернул грязный клочок бумаги, взял двумя пальцами кусочек мяса и бросил его на кучку праха.

Снова вверх ударил фонтан пепла, из которого, часто моргая, возник Отто.

— Ну как? — спросил он. — Делайт еще одну попытку? Только используйте обскурограф?

Он быстро сунул руку в сумку.

— Убирайтесь отсюда немедленно! — заорала гномиха.

— О, пожалуйста... — Вильям быстро глянул на ее плечо. — Капрал, он просто выполняет свою работу. Дадим ему еще один шанс. Он, в конце концов, черноленточник...

За спиной у стражницы Отто уже доставал из банки безобразную, похожую на тритона тварь.

— Хочешь, чтобы я арестовала вас обоих? На этом месте случилось преступление, а вы...

— Какое преступление? Поподробнее, пожалуйста! — попросил Вильям, открывая блокнот.

— Убирайтесь, оба...

— У! — едва слышно выдохнул Отто.

Сухопутный угорь, продукт тысячелетней эволюции в высокомагической среде, уже находился под напряжением. И поэтому выделил такое количество темноты, какого хватило бы на целую ночь. На мгновение кабинет превратился в сплошную черноту, пронизываемую редкими лиловыми и синими сполохами. И снова Вильям буквально почувствовал, как темнота мягко ударила в его тело. А потом вернулся свет — кругами разошелся по комнате, будто волны после падения камешка в озеро. Капрал устала на Отто.

— Это был темный свет, да?

— А, ты тоже ист из Убервальд! — радостно воскликнул Отто.

— Да, и совсем не ожидала увидеть здесь *это!* Проваливайте!

Они поспешили прочь. Миновали ошеломленного капрала Шноббса, спустились по широкой лестнице и наконец вышли на заиндедевские бульжники внутреннего дворика.

— Отто, ты ничего не хочешь мне сказать? — спросил Вильям. — Мне показалось, она очень рассердилась, когда ты сделал вторую картинку.

— Ну, это достаточно сложно объяснят... — уклончиво ответил вампир.

— Это не вредно?

— О, никакого физического воздействия никто не фиксирует...

— А психического? — уточнил Вильям, который слишком много работал со словами, чтобы пропустить мимо ушей столь осторожное утверждение.

— Йа думайт, сейчас не вовсе время...

— Ты прав, сейчас не время. Расскажешь в другой раз. Но *прежде*, чем снова использовать эту штуковину.

Вильям торопливо шагал по Филигранной улице. Голова у него шла кругом. Всего час назад он копался в наиглупейших письмах, мучительно размышляя, какие из них поместить в новостной листок, и мир казался более или менее нормальным. А теперь все словно бы перевернулось вверх тормашками. Предполагалось, будто лорд Витинари пытался кого-то убить, — полнейший бред хотя бы потому, что человек, которого патриций якобы пытался убить, остался в живых. Затем Витинари предпринял попытку сбежать с мешком денег, и это тоже бред. О, человек, присвоивший деньги, а потом напавший на кого-то, — такая картина вполне нормальна, если не пытаться вписать на место главного героя патриция. И эта мята... Ею буквально провонял весь кабинет.

У Вильяма было много вопросов. Но взгляд гномихи, выпроваживающей его из кабинета, ясно дал понять: никаких ответов от Стражи он, скорее всего, не получит.

Сейчас в его сознании отчетливо маячил мрачный образ отпечатной машины. Он должен написать связный рассказ о происходящем и должен сделать это *немедленно*...

На входе в словопечатню его приветствовала фигура неунывающего господина Винтлера.

— А что ты скажешь об этом презабавнейшем кабачке, господин де Словв? — весело осведомился он.

— Он сводит меня с ума, господин Винтлер, — честно признался Вильям, проходя мимо.

— Представляешь, господин, моя жена сказала то же самое!

— Извини, я никак не могла его выпроводить, — прошептала Сахарисса, когда Вильям сел за стол. — Что происходит?

— Не знаю точно, — ответил Вильям, уставившись на свои записи.

— Кого убили?

— Э... Кажется, никого...

— Какое счастье. — Сахарисса опустила взгляд на заваленный бумагами стол. — Приходили еще пятеро, и все с презабавными овощами, — сообщила она.

— О.

— Да. Честно говоря, не все овощи были такими уж забавными.

— О.

— Но почти все были похожи на... гм... сам знаешь на что.

— О... И на что?

— Ну... — Сахарисса начала краснеть. — На мужской... сам знаешь.

— О-о.

— Причем, м-м, даже не особо похожи. Ну, то есть если сравнить с... гм... сам знаешь с чем. Ты меня понимаешь?

Вильям очень надеялся, что никто не слышит сейчас их разговор.

— О, — снова выразился он.

— Но я на всякий случай записала имена и адреса, — сказала Сахарисса. — Подумала, вдруг пригодятся. Если у нас не будет хватать материала.

— Не до такой же степени, — быстро произнес Вильям.

— Ты считаешь?

— Просто уверен.

— Возможно, ты прав, — кивнула она, глядя на разбросанные по столу бумаги. — Я была очень занята, пока тебя не было. Люди с разными новостями буквально выстроились в очередь. Рассказывали о том, что должно будет произойти, о потерянных собаках, о товарах, которые хотят продать...

— А это уже реклама, — заметил Вильям, пытаясь сосредоточиться на записях. — Пусть платят, если хотят, чтобы мы их отпечатали.

— Не думаю, что мы имеем право решать... Вильям стукнул кулаком по столу, чем сильно удивил и себя самого, и Сахариссу.

— Что-то *происходит*, ты что, не понимаешь?! Творятся какие-то реально реальные дела! И в этом нет ничего презабавного! Это действительно серьезно. И я должен написать об этом как можно быстрее. Можно я займусь своей работой?!

Он вдруг понял, что Сахарисса смотрит не на него, а на его кулак, и тоже опустил взгляд.

— О нет... А это что такое?

Из стола буквально в дюйме от его руки торчал длинный острый гвоздь. Не меньше шести дюймов длиной, с нанизанными клочками бумаги. Потрогав гвоздь, Вильям понял, что его вертикальное положение

объясняется тем, что гвоздь вбит в кусок доски.

— Это «наколка», — тихо пояснила Сахарисса. — Я принесла ее, чтобы навести порядок в бумагах. Мой дедушка такой пользуется. Все... все граверы пользуются. Это... нечто среднее между картотекой и корзиной для мусора. Мне показалось, что она нам пригодится. Позволит сэкономить место на полу.

— Э... Правильно... Хорошая идея, — сказал Вильям, глядя на ее краснеющее лицо. — Э...

Мысли путались.

— Господин Хорошагора! — закричал он. Гном оторвал взгляд от набираемой афиши.

— Ты сможешь набрать текст, который я буду диктовать?

— Конечно.

— Сахарисса, пожалуйста, найди Рона и его... друзей. Я хочу выпустить небольшой листок как можно скорее. Не завтра утром. А сейчас, немедленно. Пожалуйста!

Она уже собиралась возразить, но увидела, как он на нее смотрит.

— А ты уверен, что нам можно так делать?

— Нет! Не уверен! И узнаю это только после того, как сделаю. Именно поэтому я должен так поступить! Чтобы узнать! Извини, что кричу!

Оттолкнув стул, он подошел к Хорошагоре, терпеливо ожидающему у наборной кассы.

— Итак... Самая верхняя строка... — Вильям закрыл глаза и, потирая пальцами переносицу, задумался. — Э... «Поразительные события в Анк-Морпорке»... Набрал? Очень крупным шрифтом. Затем шрифтом помельче, строго под первой строкой... «Патриций нападает на секретаря с ножом»... Э... — Глупая фраза. Неправильная. Нож был у патриция, а не у секретаря. — Ладно, с этим потом разберемся... Э... Ниже мелким шрифтом... «Таинственное происшествие в конюшне»... Уменьши шрифт еще на один пункт... «Стража озадачена». Нормально? А теперь начинаем...

— Начинаем? — переспросил Хорошагора, пальцы которого порхали над кассой. — Я думал, мы уже почти закончили.

Вильям в отчаянии перелистывал записи. С чего бы начать, с чего бы начать... С чего-то интересного, нет, с чего-то удивительного. С необычного события... Нет... Нет... Вся эта история была поразительной и странной...

— «Крайне подозрительными обстоятельствами окружено нападение...» Набери «предполагаемое нападение»...

— Но ты ведь сам сказал, что он сознался, — встряла Сахарисса,

промакивая глаза носовым платком.

— Знаю, знаю. Просто думаю, что, если бы лорд Витинари действительно хотел кого-то убить, этот человек был бы гарантированно мертв... Кстати, найди его сиятельство в «Книге Пэров Твурпа». Уверен, патриций получил образование в Гильдии Наемных Убийц.

— Так оно «предполагаемое» или нет? — спросил Хорошагора, рука которого зависла над буквой «п». — Определись уже.

— Пусть будет «похоже что нападение», — решил Вильям, — «лорда Витинари на своего секретаря Руфуса Стукпостука во дворце сегодня». Э-э... «Прислуга услышала...»

— Мне самой заняться этим? Или мне все-таки отправиться на поиски нищих? — уточнила Сахарисса. — Я не могу заниматься и тем и другим одновременно.

Вильям некоторое время тупо смотрел на нее, потом кивнул.

— Рокки!

Сидевший у двери тролль, заворчав, проснулся.

— Чего, сэр?

— Найди Старикашку Рона и остальных, скажи, пусть собираются здесь, да побыстрее. Пообещай премиальные. Так, на чем я остановился?

— «Прислуга услышала...» — подсказал Хорошагора.

— «...как его сиятельство...»

— С отличием окончивший в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году школу Гильдии Наемных Убийц, — сообщила Сахарисса.

— Да, это тоже вставь, — кивнул Вильям, — а дальше: «...сказал: „Я убил его, я убил его, мне очень жаль...“» О боги, Ваймс прав, это бред какой-то. Чтобы сказать это, он должен был напрочь свихнуться.

— Господин де Словв, если не ошибаюсь? — раздался чей-то голос.

— Проклятье, что на *этот* раз?

Вильям обернулся. Сначала он увидел троллей, потому что четыре тролля, стоящие пусть даже на заднем плане, занимают метафорический передний план любой картины. Два человека перед троллями выглядели лишь мелкой деталью, к тому же один из них являлся человеком только, так сказать, по своей традиции. На самом деле он был зомби. И, судя по выражению его серовато-бледного лица, он относился к тем людям, основная цель существования которых — осложнять жизнь другим, но ни в коем случае не себе.

— Господин де Словв? Думаю, ты меня знаешь. Я — господин Кривс из Гильдии Законников, — представился господин Кривс и чопорно кивнул. — А это, — он показал на стоящего рядом невысокого молодого

мужчину, — господин Рональд Карней, новый председатель Гильдии Граверов и Отпечатников. Четыре господина за моей спиной, насколько мне известно, не принадлежат к какой-либо гильдии, но...

— Граверов и Отпечатников? — переспросил Хорошагора.

— Да, — подтвердил господин Карней, — мы дополнили нашу хартию. Членский взнос Гильдии составляет двести долларов в год...

— Я не собираюсь... — начал было Вильям, но Хорошагора остановил его, положив ладонь ему на предплечье.

— Это шантаж, — прошептал он, — но я думал, будет хуже. У нас нет времени на судебные тяжбы, а при наших тиражах мы отобьем деньги за несколько дней. И конец проблеме!

— Тем не менее, — продолжил господин Кривс особым законоведческим тоном, который способен высасывать деньги на расстоянии, — в данном случае, учитывая особые обстоятельства, предусмотрен единовременный платеж в размере, скажем, двух тысяч долларов.

Гномы затихли. Потом раздался нестройный хор металлических «бряков». Каждый гном, откладывая в сторону наборный лоток, доставал из-под верстака боевой топор.

— Значит, договорились, — подытожил господин Кривс, предусмотрительно отступая в сторону.

Тролли начали выпрямляться. Для того чтобы между гномами и троллями началась драка, серьезного повода не требовалось. Достаточно того, что они жили в одном мире.

На сей раз уже Вильям удержал Хорошагору.

— погоди, не торопись. Почему-то мне кажется, существует закон, согласно которому законников убивать запрещено.

— Ты уверен?

— Ну, многие из них до сих пор живы. Кроме того, он зомби. Разруби его пополам, и обе половинки подадут на тебя в суд. — Вильям повысил голос. — Мы не можем заплатить такую сумму, господин Кривс.

— В таком случае общепринятые законы и нормы позволяют мне...

— Я хочу видеть эту вашу хартию! — резко произнесла Сахарисса. — Я знаю тебя с самого детства, Ронни Карней, и чем-чем, а честностью ты никогда не отличался.

— День добрый, госпожа Резник, — поздоровался господин Кривс. — Собственно говоря, я предвидел такой поворот и специально захватил с собой экземпляр новой хартии. Надеюсь, мы имеем дело с законопослушными людьми?

Сахарисса выхватила из его руки свиток внушительного вида с большой печатью на веревочке и яростно воззрилась на строчки, как будто пытаюсь взглядом сжечь написанное там.

— О, — сказала она через некоторое время. — Кажется, документ... в полном порядке.

— Именно так.

— За исключением подписи патриция, — добавила Сахарисса, возвращая свиток.

— Это всего лишь формальность, моя дорогая.

— Я не твоя дорогая, и подпись отсутствует, формальность это или нет. А значит, юридической силы данный документ не имеет.

Господин Кривс поморщился.

— Но ведь это *совершенно очевидно*. Мы не можем получить подпись человека, находящегося в заключении по обвинению в тяжком преступлении, — пояснил он.

«Ага, — подумал Вильям. — Вот они, ключевые слова. Когда человек прибегает к помощи „совершенно очевидно“, это значит, что в их доводах существует солидная брешь и они знают: никакой очевидностью тут далее не пахнет».

— Тогда кто сейчас управляет городом? — спросил он.

— Понятия не имею, — пожал плечами господин Кривс. — И меня это совершенно не волнует. Я...

— Господин Хорошагора, — сказал Вильям, — крупным шрифтом, пожалуйста.

— Все понял, — кивнул гном и протянул руку к кассе с новым шрифтом.

— Прописными, на всю шапку: «КТО УПРАВЛЯЕТ ГОРОДОМ?» — продолжал Вильям. — Теперь основным шрифтом, двумя колонками: «Кто правит городом, пока лорд Витинари находится под стражей? Отвечая на данный вопрос, один из ведущих городских законников сказал сегодня, что понятия не имеет и это его совершенно не волнует. Далее господин Кривс из Гильдии Законников заявил, что...»

— Вы не можете отпечатать это в своем паршивом листке! — рявкнул господин Кривс.

— Прочитуй его дословно, господин Хорошагора.

— Уже набираю, — ухмыльнулся гном, щелкая свинцовыми литерами.

Краем глаза Вильям заметил, что из подвала, привлеченный шумом, показался Отто Шрик.

— А далее господин Кривс заявил, что?.. — спросил Вильям, пожирая

взглядом законника.

— Вам будет очень трудно это отпечатать, — сказал господин Карней, не обращая внимания на отчаянно машущие руки законника. — Когда у вас не станет отпечатной машины!

— «...Выразил свою точку зрения господин Карней из Гильдии Граверов»... Пишется: Кар-ней. «...Который чуть раньше предпринял попытку закрыть „Правду“, прибегнув к не имеющему законной силы документу. — Вильям вдруг осознал, что испытывает огромное наслаждение от происходящего, пусть даже во рту стоит нестерпимая горечь. — А на разумный вопрос о его отношении к столь грубому попранию городских законов господин Кривс сказал — цитата...»

— ПЕРЕСТАНЬТЕ НАБИРАТЬ КАЖДОЕ НАШЕ СЛОВО! — завопил Кривс.

— Эту фразу, пожалуйста, прописными буквами и жирным шрифтом, господин Хорошагора.

Тролли и гномы не спускали глаз с Вильяма и законника. Они понимали, что идет драка, но никак не могли взять в толк, почему нет крови.

— Отто, ты готов? — спросил Вильям, поворачиваясь к вампиру.

— Если гномы встают кучноватее... — ухмыльнулся Отто, прильнув к иконографу. — О, вот так гут, свет блистает на огромных топорах... тролли махают кулаками, так, йа... все улыбайтесь...

Просто удивительно, насколько послушными становятся люди, стоит только навести на них объектив. Конечно, уже через мгновение они придут в себя, но, как правило, этого мгновения вполне достаточно.

Щелк!

БУМ.

— ...Аааргхаааргхаааргхааааагх...

Вильям успел перехватить падающий иконограф раньше господина Кривса, который для человека, у которого, гудя по всему, не было коленей, перемещался поразительно быстро.

— Это наше имущество, — твердо заявил Вильям, прижимая к себе аппарат, пока прах господина Отто оседал на пол.

— И как ты собираешься поступить с этой картинкой?

— А вот отчитываться перед вами я не обязан. Это наша мастерская, и мы вас сюда не звали.

— Но я пришел, чтобы разрешить сложный юридический вопрос!

— Значит, ничего предосудительного *мы* не совершили? — уточнил Вильям. — Разумеется, если ты считаешь иначе, я с радостью процитирую

тебя в листке!

Наградив его испепеляющим взглядом, Кривс вернулся к кучкующейся у двери группке.

— Я, как опытный законник, рекомендую вам покинуть это помещение сию же секунду... — расслышал Вильям его слова.

— Но ты же утверждал, что с легкостью... — начал было Карней, свирепо уставившись на Вильяма.

— А сейчас со всей настойчивостью я *утверждаю*, — перебил господин Кривс, — что мы должны уйти немедленно и *молча*.

— Но ты сам...

— Я сказал — *молча!*

Они ушли.

С облегчением вздохнув, гномы принялись прятать топоры.

— И что дальше? Мы отпечатываем это? — спросил Хорошагора.

— У нас будут крупные неприятности, — предупредила Сахарисса.

— Да, но как можно оценить те неприятности, которые мы уже имеем? — пожал плечами Вильям. — По десятибалльной шкале?

— В данный момент... на восемь баллов, — сказала Сахарисса. — Но когда следующий выпуск нашего листка попадет на улицы... — Она закрыла глаза и зашевелила губами, подсчитывая, — На две тысячи триста семнадцать. Приблизительно.

— Значит, отпечатываем, — решил Вильям. Хорошагора повернулся к рабочим.

— Эй, парни, топоры далеко не убирайте.

— Послушайте, я не хочу, чтобы у кого-либо, кроме меня, возникли проблемы, — вмешался Вильям. — Я сам наберу остальной текст. И отпечатаю на машине несколько экземпляров.

— С машиной меньше чем втроем не справишься, — возразил Хорошагора. — И ты провозишься тут до утра. — Увидев выражение лица своего партнера, он ободряюще похлопал Вильяма по спине, ну, или по тому месту, до которого смог дотянуться. — Не волнуйся, приятель. Это ведь наши инвестиции, и мы должны их защищать.

— Я тоже никуда не уйду! — заявила Сахарисса. — Мне платят целый доллар!

— Два доллара, — рассеянно поправил Вильям. — Пора повысить тебе жалованье. Ну а ты, Отто, что ска... Эй, кто-нибудь, сметите Отто в кучку.

Через несколько минут восстановленный вампир выпрямился рядом с треногой и дрожащей рукой извлек из иконографа медную пластину.

— И что мы делаем дальше? — спросил он.

— Ты остаешься? Предупреждаю: возможно, будет опасно, — сказал Вильям и только потом понял, что говорит это вампиру, который умирает и возрождается после каждой иконографии.

— Какая именно поджидает нас угроза? — спросил Отто, поворачивая пластину, чтобы внимательно рассмотреть ее под разными углами.

— Ну, для начала юридическая, — сказал Вильям.

— Чеснок никто не упоминает?

— Нет.

— А вы получаете сто и восемьдесят долларов для новой двухдемонной иконографии «Акина TP-10» с телескопическим сиденьем и большим блестящим рычагом?

— Э... Пока нет.

— Гут, — философски согласился Отто. — Тогда вы хотели бы получить пять долларов для ремонта и усовершенствования. Полагают, будет много труда.

— Хорошо, хорошо, договорились.

Вильям окинул взглядом помещение. Все молчали, все смотрели на него.

Еще несколько дней назад будущее не сулило ничего... интересного. Так всегда бывало, после того как он рассылал очередное новостное письмо. Обычно он бесцельно бродил по городу или читал в своей крохотной конторке, ждал, когда придет очередной клиент, которому нужно написать или прочесть письмо.

Проблемы частенько возникали и с «написать», и с «прочесть». Работа почтовой системы напрямую зависела от передачи конверта заслуживающему доверия человеку, двигавшемуся в нужном направлении. И люди, решившие уверовать в эту систему, как правило, собирались сообщить нечто важное. Но это были не его трудности! Это не Вильям обращался к патрицию с ходатайством о помиловании, не он узнавал ужасные новости об обвале в шахте номер три, хотя, конечно, всячески пытался облегчить клиенту ношу. В большинстве случаев ему это удавалось. Если бы стрессом можно было питаться, его, Вильяма, жизнь сошла бы за кашу.

Отпечатанная машина ждала. Она была похожа на огромное страшное животное. Скоро он бросит в ее пасть много-много слов. А всего через несколько часов она снова проголодается. Как ни корми, досыта не накормишь.

Вильям поежился. Куда он всех тянет?

Но он чувствовал небывалое возбуждение. Где-то крылась правда, которую он пока никак не мог отыскать. Но он должен был это сделать, потому что знал, *знал*, что когда новостной листок попадет на улицы...

— Клятье!

— Хавррак... пфу!

— Кряк!

Он бросил взгляд на новоприбывших. Правда способна прятаться в самых неожиданных местах, и рабами ее могут становиться весьма странные люди,

— Запускай отпечатать, — велел он.

Прошел час. Продавцы уже начали возвращаться, чтобы набрать еще листов. От грохота отпечатной машины дрожала жестяная крыша. Быстро растущие горы мелочи перед Хорошагорой подпрыгивали при каждом оттиске.

Вильям глянул на свое отражение в полированной бронзовой пластине. Где-то он перемазался чернилами. Достав носовой платок, он стер пятна, насколько это было возможно.

Продавать листок у Псевдополис-Ярда он послал Все-Вместе Эндрюса, который по совокупности считался наиболее здравым из всего нищенского сообщества. По меньшей мере, пять его личностей могли поддерживать связную беседу.

К этому времени Стража наверняка прочла листок, пусть даже пришлось посылать за помощью, чтобы разобраться со словами подлиннее.

Вдруг Вильям почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, он увидел торопливо склонившуюся над столом Сахариссу.

За его спиной кто-то хихикнул.

При этом никто вроде бы не обращал на него никакого внимания. Хорошагора, Старикашка Рон и Старикашка Рон вели жаркий трехсторонний спор из-за шести пенсов, причем Рон периодически выдавал на диво длинные и связные фразы. Гномы суетились вокруг отпечатной машины. Отто вернулся в подвал, чтобы снова заняться своими таинственными экспериментами.

И только песик Рона наблюдал за Вильямом. Для собаки у этого пса был слишком наглый и всепонимающий взгляд.

Пару месяцев назад Вильяму снова попытались всучить старую байку о том, будто бы в городе живет собака, которая умеет разговаривать. Уже в третий раз за прошедший год. Очередная городская легенда — отмахнулся тогда Вильям. Хороший знакомый хорошего знакомого собственными

ушами слышал, как собака разговаривает. Но что за собака? Где она обитает? Этого никто не знал. Пес Старикашки Рона продолжал смотреть на Вильяма. Судя по всему, разговаривать он не умел, но явно умел ругаться.

Подобные легенды — дело житейское. К примеру, люди клялись и божились, что в городе инкогнито живет давно пропавший наследник анкморпоркского престола. Вильям очень быстро научился определять, когда желаемое выдают за действительное. Но сплетня сплетне рознь. Поговаривали, якобы в Страже служит оборотень. Еще недавно он отмахивался от этой байки, но в последнее время у него появились сомнения. В «Правде» ведь работает вампир...

Он уставился на стену, постукивая по зубам карандашом.

— Я должен встретиться с командором Ваймсом, — наконец пробормотал он. — Думаю, это разумнее, чем прятаться.

— К нам поступила куча приглашений, — сообщила Сахарисса, оторвавшись на мгновение от своей работы. — Я сказала «приглашений», но на самом деле леди Силачия *приказала* нам быть на ее бале в четверг на следующей неделе и написать об этом событии не менее пятисот слов, которые, *разумеется*, мы должны будем показать ей перед публикацией.

— Хорошая мысль, — бросил через плечо Хорошагора. — На балах много людей, много имен, а имена...

— ...Продают новостные листки, — закончил за него Вильям. — Да, конечно. Ты хочешь пойти?

— Я? Но мне даже надеть нечего! — воскликнула Сахарисса. — Платье, в котором не стыдно показаться на балу, стоит не меньше сорока долларов. Мы не можем себе этого позволить.

На секунду Вильям задумался.

— Не могла бы ты встать и покружиться? — попросил он.

Щеки Сахариссы ярко вспыхнули.

— Зачем?

— Хочу прикинуть тебя. В смысле, твои размеры.

Она встала и неуверенно крутнулась на месте. Продавцы-нищие восторженно засвистели, и со всех сторон донеслись непередаваемые комментарии гномов.

— Да, примерно подходишь, — кивнул Вильям. — А если я дам тебе действительно хорошее платье, ты найдешь портного, который сможет его подогнать? Мне кажется, его придется немного расширить в... ну, ты понимаешь, в верхней части...

— Какое платье? — спросила Сахарисса недоверчиво.

— У моей сестры сотни вечерних платьев, и она почти все время проводит в загородном имении, — объяснил Вильям. — В последнее время никто из моей семьи не приезжал в город. Вечером я дам тебе ключи от городского дома, и ты сама выберешь себе платье.

— А твоя сестра не будет против?

— Да она даже не заметит! Кстати, думаю, она была бы поражена до глубины души, узнав, что существуют платья всего за сорок долларов. Так что не стоит волноваться.

— Городской дом? Загородное имение? — переспросила Сахарисса, проявив чисто журналистскую склонность обращать внимание на слова, которые, как надеялся собеседник, останутся незамеченными.

— Моя семья очень богата, — сказал Вильям. — В отличие от меня.

Выйдя на улицу, он бросил взгляд на крышу противоположного дома, потому что, как ему показалось, ее очертания слегка изменились. На фоне полуденного неба торчала утыканная шипами голова.

Это была горгулья. Самая обычная горгулья, каковые встречались по всему городу. Иногда горгульи по нескольку месяцев сидели на одном и том же месте. Очень редко можно было увидеть, как они перебираются с крыши на крышу. Но еще реже их можно было встретить в этом районе города. Горгульи предпочитали высокие каменные здания с большим количеством водосточных труб и множеством архитектурных излишеств, которые так нравились голубям. Которые, в свою очередь, очень нравились горгульям.

Чуть дальше по улице кипела какая-то деятельность. Рядом с одним из старых складов стояли несколько огромных телег, с которых разгружали тяжелые ящики.

На своем пути к Псевдополис-Ярду Вильям увидел еще нескольких горгулий. Каждая неизменно поворачивала голову и провожала его взглядом.

В штаб-квартире сегодня дежурил сержант Детрит. Он удивленно воззрился на Вильяма.

— Ничё се скорость. Ты чё, бежал?

— О чем ты говоришь?

— Господин Ваймс послал за тобой всего пару минут назад, — пояснил Детрит. — Поднимайся. Не бойсь, кричать он уже перестал. — Детрит смерил Вильяма взглядом в духе «лучше-ты-чем-я». — Как говорится, раньше сядешь, раньше выйдешь.

— А что, командор приглашал меня на посиделки? — попытался

состричь Вильям.

— Ага. Евойная любимая игра, — сказал Детрит и зловеще улыбнулся.

Вильям поднялся по лестнице и постучал в дверь, которая мгновенно распахнулась.

Восседающий за столом командор Ваймс, прищурившись, посмотрел на него.

— Так, так, — процедил он. — Быстро ты. Что, бегом бежал?

— Нет, сэр. Я сам пришел сюда, чтобы задать вам ряд вопросов.

— Весьма любезно с твоей стороны, — кивнул Ваймс.

У Вильяма возникло вполне определенное чувство: несмотря на то что в маленькой деревеньке пока все было тихо и спокойно — женщины развешивали белье, кошки нежились на солнышке, — извержение вулкана должно было вот-вот начаться и погрести сотни людей под толстым слоем пепла.

— Итак... — начал Вильям.

— Ты зачем это делаешь? — не дал ему договорить Ваймс.

На столе командора Вильям увидел номер «Правды». Даже смог прочесть заголовки:

Патриций нападает на секретаря с ножом

(Нож был у него, а не у секретаря)

ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КОНЮШНЕ

Странный запах мяты

— СТРАЖА ОЗАДАЧЕНА —

[Анк-Морпоркская Правда

Истина Уделает Вас Свободными. И Всё Такое!

Патриций нападает на секретаря с ножом

(Нож был у него, а не у секретаря)
ТАИНСТВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КОНЮШНЕ
Странный запах мяты
СТРАЖА ОЗАДАЧЕНА]

— Стало быть, я озадачен? — уточнил Ваймс.

— Если вы утверждаете обратное, сэр, я с радостью запишу все...

— Оставь свой блокнот в покое!

Вильям с удивлением покачал головой. Блокнот был из самых дешевых, сделанный из бумаги, переработанной столько раз, что ее можно было использовать в качестве полотенца, но *уже* в который раз на этот самый блокнот смотрели так, словно он был самым страшным оружием на свете.

— Я тебе не Кривс! Со мной такие штуки не пройдут! — рявкнул Ваймс.

— Каждое слово в моем рассказе соответствует истине, сэр.

— Не сомневаюсь. Кривс тоже всегда говорит только правду.

— Послушайте, командор, если в моем отчете о происшедшем что-то не так, только скажите...

Ваймс откинулся на спинку стула и взмахнул рукой.

— Ты будешь отпечатывать все, что слышишь? — спросил он. — Хочешь носиться по моему городу как... как сорвавшееся с лафета осадное орудие? Сидишь здесь, обняв свою драгоценную честность, как плюшевого мишку, но ты ведь даже понятия не имеешь, слышишь, не имеешь *ни малейшего представления* о том, насколько ты усложняешь мою работу!

— Закон не запрещает...

— Не запрещает? Уверен в этом? В Анк-Морпорке? Отпечатать подобное? Лично мне это кажется Поведением, Направленным На Нарушение Мира и Покоя Горожан!

— Да, согласен, возможно, какая-то реакция действительно последует, но очень *важно*, чтобы...

— Интересно, о чем ты собираешься писать дальше?

— Я еще ничего не писал о том, что в Страже служит оборотень, — сказал Вильям и тут же пожалел об этом, но Ваймс начал действовать ему на нервы.

— Как ты об этом узнал? — услышал он чей-то тихий голос позади и обернулся.

За его спиной, прислонившись к стене, стояла светловолосая девушка в форме Стражи. Вероятно, она стояла там довольно давно.

— Это сержант Ангва, — представил Ваймс. — У меня от нее нет секретов.

— Ходят всякие слухи... — туманно выразился Вильям.

Он видел эту женщину на улицах города. Ему всегда казалось, что она слишком внимательно смотрит на людей.

— И?

— Гм, вижу, это вас беспокоит, — поспешно промолвил Вильям. — Но позвольте вас заверить, я никому не раскрою тайну капрала Шноббса.

На некоторое время воцарилась тишина. Вильям молча поздравил себя. Он сделал выстрел наугад, но, судя по глазам сержанта Ангвы, попал в цель. Ее лицо словно закрылось, разом лишившись какого бы то ни было выражения.

— Мы... не часто обсуждаем вид, к которому принадлежит капрал Шноббс, — наконец сказал Ваймс. — Я сочту услугой с твоей стороны, если ты будешь придерживаться того же поведения.

— Конечно, сэр. А могу я поинтересоваться, почему вы установили за мной слежку?

— Я?

— Горгульи, сэр. Все знают, что многие из них работают на Стражу.

— Мы следим не за тобой, — сказала сержант Ангва. — Мы следим за тем, что с тобой *происходит*.

— Из-за вот этого, — сказал Ваймс, хлопнув ладонью по новостному листку.

— Но я не делаю ничего плохого! — воскликнул Вильям.

— Согласен. Возможно, ты даже не делаешь ничего противозаконного, — кивнул Ваймс. — Хотя балансируешь на грани. Другие люди, в отличие от меня, не обладают столь отзывчивым характером. Я просто забочусь о чистоте улиц. Чтобы ты их случайно не залил собственной кровью.

— Попытаюсь.

— И не записывай мои слова.

— Хорошо.

— И не записывай то, что я просил их не записывать.

— Ладно. А можно я запишу, что вы сказали, что я не должен записывать то, что вы сказали, что... — Вильям замолчал. Из недр сидящего напротив вулкана донесся недвусмысленный рокот. — Шучу.

— Ха-ха. И не пытайся вытянуть информацию из моих офицеров.

— И не корми собачьим печеньем капрала Шноббса, — добавила сержант Ангва. Она заглянула Ваймсу через плечо и прочла: — «Истина уделает тебя свободным»?

— Опечатка, — коротко объяснил Вильям. — А чего еще мне нельзя делать?

— Не путайся под ногами.

— Я это запи... запомню, — ответил Вильям. — Но вы не будете возражать, если я спрошу... что мне с этого будет?

— Я главнокомандующий Стражей. И я прошу тебя очень вежливо.

— И это все?

— Могу попросить невежливо, господин де Словв. — Ваймс вздохнул. — Послушай, попытайся меня понять, хорошо? Было совершено преступление. Гильдии на ушах стоят. Слишком много начальников — слышал это выражение? Так вот, сейчас таких начальников сотни. Зато у меня подчиненных не так уж и много, а я был вынужден послать капитана Моркоу и стражников охранять Продолговатый кабинет и дворцовую прислугу. Это значит, что мне пришлось снять их с другой работы. Я должен учитывать все это, чтобы случайно... не *озадачиться*. У меня Витинари под стражей. Да еще Стукпостук...

— Но, сэр, разве он не жертва?

— Один из моих людей сейчас присматривает за ним.

— Кто-то из городских лекарей?

Ваймс не спускал глаз с блокнота.

— Лекари нашего города — замечательные люди, — произнес он спокойным голосом. — Я не позволю, чтобы о них отпечатали хоть одно дурное слово. Просто один из моих людей обладает... особым даром,

— Вы хотите сказать, он способен отличить локоть от задницы?

Ваймс быстро усваивал уроки. Он просто сложил руки и с ничего не выражающим лицом уставился вдаль.

— А можно еще вопрос? — спросил Вильям.

— А тебе нужно чье-то разрешение?

— Вы нашли пса лорда Витинари?

Снова полное отсутствие выражения на лице командора. Но Вильяму показалось, что он услышал, как в голове Ваймса вдруг завращались некие шестеренки.

— Пса? — переспросил Ваймс.

— Насколько я знаю, его звали Ваффлз.

Ваймс невозмутимо смотрел на него.

— Кажется, терьер.

Ни одна мышца не дрогнула на лице Ваймса.

— И почему из пола торчала арбалетная стрела? — продолжал Вильям. — Непонятно, откуда она взялась, ведь в комнате кроме патриция

и секретаря никого не было. А стрела вошла очень глубоко. То есть о рикошете речи быть не может. Кто-то стрелял во что-то находящееся на полу. Размером, допустим, с маленького песика.

И снова лицо Ваймса не дрогнуло.

— А запах мяты? — не успокаивался Вильям. — Вот загадка... Ну, в смысле, почему мята? А потом я подумал: может, кто-то не хотел, чтобы его нашли по запаху? Прослышали о вашем вервольфе, ну и... Чтобы напрочь отбить запах, достаточно разлить пару склянок мятного масла.

На сей раз едва заметная реакция все ж последовала — взгляд Ваймса скользнул на бумаги, лежащие перед ним на столе. «Точно в кочан!» — радостно подумал Вильям^[9].

— Я тебе не верю, господин де Словв, — наконец промолвил Ваймс голосом оракула, разверзающего свои уста не чаще одного раза в год. — И только сейчас понял почему. Причина не в том, что от тебя одни неприятности. Я привык иметь дело с неприятностями, именно за это мне и платят. Именно поэтому выдают так называемые «доспешные». Но перед кем несешь ответственность ты? Я должен отвечать за свои поступки, хотя сейчас... чтоб меня черти разорвали, если я знаю, перед кем я должен отчитываться! А вот как насчет тебя? Лично мне кажется, ты поступаешь так, как тебе заблагорассудится.

— Полагаю, сэр, я несу ответственность перед истиной.

— О, неужели? И в чем выражается твоя ответственность?

— Простите?

— Ну, если ты вдруг соврешь, эта твоя истина придет и влепит тебе пощечину? Я впечатлен. Обычные люди, такие как я, несут ответственность перед другими людьми. Даже Витинари всегда поступал... поступает с оглядкой на Гильдии. Но ты... ты несешь ответственность только перед истиной. Назови адрес. Кстати, она читает новостные листки?

— По-моему, сэр, — вмешалась сержант Ангва, — существует богиня, отвечающая за правду.

— Что-то маловато у нее почитателей, — хмыкнул Ваймс. — Или вообще один-единственный. В лице нашего друга.

Он глянул на Вильяма поверх сцепленных пальцев, и снова раздался скрежет колесиков, вращающихся в его голове.

— Предположим... только предположим... тебе в руки случайно попадет изображение одного песика, — вдруг сказал он. — Ты сможешь отпечатать его в своем листке?

— Мы ведь говорим о Ваффлзе? — уточнил Вильям.

— Сможешь?

— Думаю, что да. Уверен.

— Нам было бы интересно узнать, почему пес залаял непосредственно перед... происшествием, — промолвил Ваймс.

— И если вам удастся его отыскать, капрал Шноббс сможет поговорить с ним на собачьем языке, — улыбнулся Вильям. — Я угадал?

И снова Ваймс попытался изобразить из себя статую.

— Рисунок пса будет доставлен тебе в течение часа, — буркнул он.

— Спасибо. Командор, а кто в данный момент управляет городом?

— Я простой стражник, — сказал Ваймс. — Меня в подобные тонкости не посвящают. Возможно, будет избран новый патриций. Все это расписано в уставе города.

— А кто может просветить меня поподробнее? — спросил Вильям и мысленно добавил: «Ага, простой стражник, кому-нибудь другому расскажи».

— Тебе стоит обратиться к господину Кривсу, — сказал Ваймс и улыбнулся. — Он всегда готов помочь, насколько я знаю. Всего доброго, господин де Словв. Сержант, проводи господина де Словва.

— Я хочу видеть лорда Витинари, — заявил Вильям.

— *Что?*

— Это обоснованная просьба, сэр.

— Нет. Во-первых, он все еще без сознания, а во-вторых, он мой заключенный.

— Вы что, даже законников к нему не подпускаете?

— У него и так достаточно неприятностей, юноша.

— А Стукпостук? Он ведь не заключенный?

Ваймс посмотрел на сержанта Ангву. Та пожала плечами.

— Хорошо. Законом это не возбраняется, и мы не можем допустить, чтобы поползли слухи о том, будто бы он умер.

Ваймс снял переговорную трубку со стоящего на столе штатива из бронзы и кожи, но ко рту ее подносить не спешил.

— Сержант, неисправность уже устранена? — спросил он, не обращая внимания на Вильяма.

— Да, сэр. Пневматическая система доставки сообщений и переговорные трубки *теперь* разделены.

— Уверена? Ты знаешь, что вчера констеблю Ловкачу выбило все зубы?

— Говорят, это больше не повторится, сэр.

— Конечно не повторится. У него не осталось зубов. Ну ладно...

Некоторое время Ваймс держал переговорную трубку на некотором

расстоянии от лица, рассматривая ее, а потом наконец поднес к губам.

— Соедини меня с тюрьмой.

— Чвочво? Чвондо?

— Повтори.

— Гриткро спрш!

— Ваймс говорит!

— Крокро?

Ваймс положил трубку обратно на штатив и уставился на сержанта Ангву.

— Ремонт еще не закончен, сэр, — пояснила она. — Говорят, крысы прогрызли соединительные трубы.

— Крысы?

— Боюсь, что так, сэр.

Ваймс застонал и повернулся к Вильяму.

— Ангва проводит тебя в тюрьму.

Как-то незаметно для себя Вильям очутился уже по другую сторону двери.

— Ну, идем? — сказала сержант.

— Как я выглядел? — спросил Вильям.

— Бывало и хуже.

— Я правда не хотел упоминать про капрала Шноббса, но...

— О, не переживай, — отмахнулась Ангва. — О твоей небывалой наблюдательности будет говорить весь участок. Но на самом деле он пощадил тебя только потому, что не до конца понял, кто ты такой. Впредь будь осторожнее, вот и все.

— А ты, значит, меня расшифровала? — уточнил Вильям.

— Скажем так: я не привыкла полагаться на первое впечатление. Осторожнее, ступеньки.

Она проводила его вниз к камерам заключенных. Вильям отметил про себя (но все ж был не настолько глуп, чтобы заносить данный факт в блокнот), что внизу лестницу охраняют два стражника.

— А стражники всегда здесь стоят? То есть... разве у камер нет замков?

— Я слышала, у тебя в листке работает вампир? — в ответ спросила сержант Ангва.

— Отто? Да. В этом смысле у нас нет предубеждений...

Сержант ничего не сказала. Она просто открыла дверь в главный тюремный коридор и крикнула:

— Игорь, посетитель к пациентам!

— Уже иду, фержант.

Комнату заливал сверхъестественный, слегка мерцающий голубой свет. Полки вдоль одной из стен были заставлены стеклянными банками. В некоторых шевелились странные существа — очень странные существа. В других что-то просто плавало. Голубые искры с шипением сновали по необычного вида машине в углу, которая, казалось, состояла сплошь из медных шаров и стеклянных стержней. Но основное внимание Вильяма привлек огромный глаз.

Прежде чем он успел заорать во все горло, появилась рука, и гигантское глазное яблоко оказалось не менее гигантским увеличительным стеклом, вращающимся на специальном лобовом шарнире. Но появившееся лицо, если говорить об ужасах, от которых могло пересохнуть во рту, было ничуть не менее жутким зрелищем.

Глаза располагались на разных уровнях. Одно ухо было больше другого. Глубокие шрамы прочерчивали лицо. Но все это было полной чепухой по сравнению с кошмарной прической: надо лбом Игоря нависал большой гребень из черных сальных волос (в точности по последней моде, заведенной среди молодых и шумных городских музыкантов). Гребень этот был длинным и настолько острым, что запросто мог выколоть глаз какому-нибудь зазевавшемуся прохожему. Впрочем, судя по... *органической* природе выполняемой здесь работы, Игорь тут же приделал бы этот глаз на место.

На одном из верстаков стоял наполненный пузырящейся водой аквариум. В нем взад-вперед лениво плавали картофелины.

— Молодой Игорь служит у нас судебно-медицинским экспертом, — пояснила сержант Ангва. — Игорь, это господин де Словв. Хочет навестить пациентов.

Вильям заметил, что Игорь бросил на сержанта вопросительный взгляд.

— Господин Ваймс разрешил, — добавила Ангва.

— Тогда прошу фледовать за мной, — сказал Игорь и нетвердой походкой вышел в коридор. — Всегда рад видеть здесь посетителей, господин де Словв. Обфтановка у нас тут непринужденная. Хотя ты сам в этом убедишься. Я только возьму ключи.

— А почему он не всегда шепелявит? — шепотом спросил Вильям, когда Игорь, прихрамывая, отошел к стенному шкафу.

— Пытается быть современным. Тебе раньше не приходилось встречаться с Игорями?

— С такими — нет! У него два больших пальца на правой руке!

— Он из Убервальда, — пояснила сержант. — Игори просто помешаны на самоусовершенствовании, и все они превосходные хирурги. Главное — не пожимать им руки во время грозы...

— А вот и я, — возвестил приковылявший Игорь. — Ну, к кому первому?

— К лорду Витинари? — неуверенно произнес Вильям.

— Он еще отдыхает, — сказал Игорь,

— Что, так долго?

— Ну, удар был очень сильным...

Сержант Ангва громко откашлялась.

— А мне казалось, он свалился с лошади, — удивился Вильям.

— Э-э... Фвалился. И сильно ударился головой об пол. Да, примерно так.

Игорь еще раз глянул на Ангву и повернул ключ в замке.

Лорд Витинари лежал на узкой койке. Лицо его было немного бледным, но в общем и целом он производил впечатление человека, спящего мирным сном.

— Он что, с тех пор *не просыпался*? — спросил Вильям.

— Нет. Я заглядываю к нему каждые минут пятнадцать. Но такое вполне возможно. Иногда тело просто приказывает: «Фпать». И мы спим.

— А я слышал, будто бы он никогда не спит, — заметил Вильям.

— Может, решил воспользоваться удобной возможностью? — предположил Игорь, тихо закрывая дверь.

Он отпер замок следующей камеры.

Стукпостук с забинтованной головой сидел на койке и ел суп. Увидев гостей, он от удивления вздрогнул и едва не расплескал содержимое миски.

— Ну и как мы себя чувствуем? — осведомился Игорь как можно доброжелательнее, насколько это позволяло его шитое-перешитое лицо.

— Э... Лично я чувствую себя гораздо лучше... — ответил молодой человек, с недоуменным видом рассматривая вновь прибывших.

— Господин де Словв хотел бы пообщаться с тобой, — сказала сержант Ангва. — А я пока пойду помогу Игорю рассортировать глазные яблоки. Ну, или еще что-нибудь.

Вильям остался в камере. Возникла неловкая тишина. Стукпостук принадлежал к числу людей, характер которых невозможно определить с первого взгляда.

— Ты сын лорда де Словва? — наконец поинтересовался Стукпостук. — Производишь этот свой новостной листок?

— Да, — кивнул Вильям. Ему уже начинало казаться, что он всегда

будет лишь сыном своего отца. — Гм... Говорят, лорд Витинари ударил тебя ножом?

— Говорят, — подтвердил секретарь.

— Так это был ты или не ты?

— Я постучал в дверь, чтобы передать его сиятельству новостной листок, как он и просил. Его сиятельство открыл дверь. Я вошел в кабинет, а потом... Знаю только, что очнулся здесь и увидел господина Игоря.

— Вероятно, это было для тебя настоящим потрясением, — заметил Вильям, ощущая внутри некоторую гордость, ведь его «Правда» тоже участвовала в этом деле, пусть и опосредованно.

— Мне сказали, что я мог бы лишиться руки, если бы Игорь не владел иглой так мастерски, — с серьезным видом заявил Стукпостук.

— Но также у тебя забинтована голова, — указал Вильям.

— Наверное, ударился обо что-то, когда... когда это произошло, — сказал Стукпостук.

«О боги, — подумал Вильям, — да он смущен.»

— Я абсолютно уверен, что произошла какая-то ошибка, — продолжил Стукпостук.

— В последнее время его сиятельство был чем-то озабочен?

— Его сиятельство всегда чем-то озабочен. Это его работа, — ответил секретарь.

— Патриций сам признался, что убил тебя, и трое людей это слышали. Ты в курсе?

— Этого я объяснить не могу. Скорее всего, они что-то неправильно поняли.

Слова были произнесены резко и отчетливо. «Уже близко, вот-вот», — понял Вильям.

— А как тебе кажется, почему... Он оказался прав.

— Думаю, я не обязан разговаривать с тобой, — перебил Стукпостук. — Я прав?

— Конечно, но...

— Сержант! — заорал Стукпостук. Послышались быстрые шаги, и дверь в камеру распахнулась.

— Да? — спросила сержант Ангва.

— Я закончил разговор с этим господином, — объявил Стукпостук. — И я устал.

Вильям вздохнул и убрал блокнот.

— Спасибо, — поблагодарил он. — Ты... мне очень помог.

— Он никак не может поверить в то, что на него напал его

сиятельство, — сказал Вильям чуть позже, уже шагая по коридору.

— Вот как? — откликнулась Ангва.

— И его сильно треснули по голове, — продолжил Вильям.

— Правда?

— Слушай, даже я понимаю, что здесь что-то не так.

— В самом деле?

— Все ясно, — сказал Вильям. — Ты тоже посещала Школу Общения Командора Ваймса?

— Разве? — ответила сержант Ангва.

— Преданность — прекрасная черта характера.

— Неужели? Дверь вон там.

Выпроводив Вильяма, сержант Ангва вернулась в кабинет Ваймса и тихо закрыла за собой дверь.

— Значит, он видел только горгулий? — спросил Ваймс, наблюдая в окно за шагающим по улице Вильямом.

— Очевидно. Но я не стала бы его недооценивать, сэр. Весьма наблюдательный тип. Сразу догадался о мятной бомбе. А много ли стражников обратило внимание на то, насколько глубоко стрела вонзилась в пол?

— К сожалению, ты права.

— А еще он заметил второй большой палец на руке Игоря и явно заинтересовался плавающими картофелинами, на которые почти никто и не смотрит.

— Игорь еще не избавился от них?

— Нет, сэр. Он уверен, что чипсовобла вот-вот выведется. Если не в этом поколении, то в следующем.

Ваймс вздохнул.

— Хорошо, сержант. Забудем о картошке. Каковы ставки?

— Сэр?

— Я знаю, что происходит в караулке. Стражник, который не делает ставки, — не стражник вовсе.

— Вы имеете в виду ставки на господина де Словва?

— Да.

— Ну... Десять к шести, что он не доживет до понедельника, сэр.

— Послушай, намекни аккуратно, что мне все это не нравится.

— Так точно, сэр.

— Выясни, кто принимает деньги, а когда узнаешь, что это Шнобби, отбери у него блокнот со ставками.

— Слушаюсь, сэр. А что будем делать с господином де Словвом?
Ваймс уставился в потолок.

— Сколько офицеров следят за ним?

— Двое.

— Шнобби редко когда ошибается со ставками. Думаешь, двоих достаточно?

— Нет.

— Согласен. Но у нас катастрофическая нехватка людей. Что ж, похоже, господину де Словву придется учиться выживать самому. Вот только на уроках выживания не ставят двоек.

Господин Тюльпан появился из темного переулка, где только что договорился о покупке очень маленького пакетика, в котором, как вскоре выяснится, содержалась смесь крысиного яда, разбавленного измельченными кристаллами для мытья посуды.

Господина Кнопа он застал за чтением большого листа бумаги.

— Что это, ять, такое? — спросил он.

— Неприятности, как я полагаю, — ответил господин Кноп, складывая лист и убирая его в карман. — Да, несомненно.

— Этот, ять, город начинает действовать мне на нервы, — пожаловался господин Тюльпан, когда они зашагали дальше по улице. — У меня, ять, голова болит. И нога, ять, тоже болит.

— Ну и что? Меня он тоже укусил. Не надо было лезть к тому псу.

— Хочешь сказать, что не надо было в него стрелять?

— Хочу сказать, что не надо было промахиваться. Тогда бы он не удрал.

— Подумаешь, ять, псина какая-то, — проворчал господин Тюльпан.
— Что она нам сделает? Свидетелем, ять, выступит? И нас не предупреждали, ять, ни о каких собаках! — Лодыжка опухла и покраснела, то есть вела себя так, словно покусавший ее очень давно не чистил зубы. — Сам бы, ять, попробовал нести того типа, когда тебя, ять, хватают за лодыжки! Кстати, этот ятский зомби тоже хорош: мог бы предупредить, что клиент таким шустрым окажется. Если б он на нашего придурка не уставился, пришил бы меня как пить дать!

Господин Кноп пожал плечами, но про себя сделал пометку. Господин Кривс многое не сообщил Новой Конторе, включая и то, что Витинари был ловким и быстрым, как змея.

Это законнику дорого обойдется. Господина Кнопа едва не порезали!

Но господин Кноп успел-таки пырнуть секретаря и вытолкнуть на

лестничную площадку Чарли, чтобы тот пробормотал свою бредовую речь перед слугами. Этого в сценарии не было, однако Новая Контора тем и славилась. Они умели реагировать, умели импровизировать, могли подходить к работе *творчески*...

— Прошу прощения, господа?

Перед ними из темного переулка показалась фигура с ножом в каждой руке.

— Гильдия Воров, — сообщила фигура. — Прошу прощения. Официальное ограбление.

К немалому удивлению грабителя, господин Кноп и господин Тюльпан ничуть не испугались, даже глазом не моргнули, несмотря на внушительные размеры ножей. Эти двое сейчас больше походили на пару чешуекрылых, которые наткнулись на совершенно новый вид бабочки и вдруг обнаружили, что она пытается плести тонкую паутинку.

— Официальное ограбление? — медленно переспросил господин Тюльпан.

— А, так вы гости нашего прекрасного города? — обрадовался грабитель. — Тогда сегодня ваш счастливый день, сэр... и сэр. Ограбление на двадцать долларов обеспечит вам иммунитет от дальнейших уличных краж на период полных шести месяцев. Кроме того, только в течение этой недели вы можете получить в качестве подарка набор красивых хрустальных бокалов или полезный набор приборов для барбекю, которым позавидуют все ваши друзья.

— Ты хочешь сказать, что работаешь законно? — уточнил господин Кноп.

— Какие еще, ять, друзья? — спросил господин Тюльпан.

— Да, сэр. Лорд Витинари решил, что если преступность в городе все равно не искоренишь, так ее хотя бы стоит организовать.

Господин Кноп и господин Тюльпан переглянулись.

— Что ж, Закон — мое второе имя, — ухмыльнулся господин Кноп и пожал плечами. — Передаю правление в твои руки, господин Тюльпан.

— Как вновь прибывшим я могу предложить вам вступительное ограбление на сто долларов, которое обеспечит вам иммунитет на полных двадцать шесть месяцев, а еще вы получите рекламный буклет ресторана, карету напрокат, а также ваучеры на посещение портновской лавки и увеселительных заведений на двадцать пять долларов по существующим ценам. Ваши соседи просто обзавидуются...

Мелькнула рука господина Тюльпана. Похожая на гроздь бананов ладонь схватила несчастного грабителя за шею и ткнула лицом в стену.

— А Сволочь — это второе имя господина Тюльпана, — продолжил господин Кноп, закуривая.

Тяжелыми мясистыми ударами его коллега принялся выражать свой постоянный гнев, а господин Кноп нагнулся, поднял с земли коробку с бокалами и критически их осмотрел.

— Фу... Не хрусталь даже, дешевая подделка, — хмыкнул он. — Вот и верь после этого людям. Ну как тут не впасть в отчаяние!

Грабитель тяжело осел на землю.

— А набор для барбекю я, ять, заберу, — сказал господин Тюльпан, перешагивая через тело. — Вижу, в него входят о-всегда-такие-нужные шампуры и лопаточки, которые способны придать новое, ять, измерение вашему удовольствию от пребывания на свежем воздухе.

Он разорвал коробку, достал оттуда сине-белый передник и повертел в руках.

— «Замочи Повара!!!» — ухмыльнулся он, надевая передник через голову. — Слушай, классная, ять, вещь. Осталось только завести друзей, чтобы они мне, ять, завидовали, когда я буду есть на свежем, ять, воздухе. А что с ваучерами? Берем?

— Ничего хорошего на них не приобретешь, — пожал плечами господин Кноп. — Это лишь один из способов избавиться от всякого барахла, которое никто не покупает. И вот, смотри... «Скидка 25% в счастливый час в „Капустном замке Ферби“!»

Он небрежно отбросил буклет в сторону.

— Ладно, — сказал господин Тюльпан. — Все равно, ять, неплохо... У него как раз было двадцать долларов, так что мы, ять, квиты.

— Я буду просто счастлив, когда мы уедем отсюда. Пошли пуганем мертвяка, и пора собираться в дорогу.

— Айнннг... ЗЫК!

Крик дикого продавца новостных листков эхом разнесся по сумеречной площади и долетел до ушей Вильяма, шагавшего на Тусклую улицу. Листки по-прежнему шли нарасхват.

Совершенно случайно он увидел заголовок в листке, который нес спешащий куда-то прохожий.

ЖЕНЩИНА РОДИЛА КОБРУ

Но не могла же Сахарисса самостоятельно выпустить очередной номер?! Он бегом направился к продавцу.

Тот торговал не «Правдой». Название, набранное крупным жирным шрифтом, более аккуратным, чем используемый гномами, гласило:

**[Анк-Морпорк ИНФО
НОВОСТИ — ЭТО НАША ПРОХВЕССИЯ
2 пенса]**

— Что все это такое? — спросил он у продавца, который, судя по меньшему количеству слоев грязи, стоял социально выше братии Старикашки Рона.

— Что все?

— Вот *это* все? — Вильям никак не мог успокоиться после дурацкого разговора со Стукпостуком.

— Только меня не спрашивай, дядя. Мне платят один пенс за листок, больше я ничего не знаю.

— «На Орлею вылился суповой дождь»? «Курица во время урагана неслась три раза»? Откуда все это взялось?

— Послушай, дядя, умей я читать, разве я стоял бы тут с этими бумажками?

— Кто-то еще начал издавать новостной листок! — воскликнул Вильям. Он опустил взгляд на последнюю строчку. В этом листке даже мелкий шрифт был совсем не мелким. — На *Тусклой* улице?

Он вспомнил про рабочих, копошившихся рядом со старым складом. Как такое... но Гильдия Граверов как раз *такая*. У нее уже были отпечатные машины, и у нее определенно имелись деньги. Тем не менее два пенса — это слишком нелепая цена даже для одной страницы... всякой *чепухи*. Если продавец получает целый пенс, что тогда получает отпечатник? А потом он понял. Смысл был не в том, чтобы заработать денег. Смысл был в том, чтобы разорить «Правду».

Огромная красно-белая вывеска «Инфо» уже красовалась на противоположной от «Ведро» стороне улицы. К ней выстроилась длинная очередь повозок.

Один из гномов Хорошагоры осторожно выглядывал из-за угла.

— Они установили целых три отпечатных машины, — сообщил он. — Понимаешь? И выпустили листок всего за полчаса!

— Да, зато на одной странице. С придуманными кем-то новостями.

— Что? Даже про кобру придумали?

— Готов поспорить на тысячу долларов, — сказал Вильям, но потом вспомнил подпись мелким шрифтом, гласящую, что кобра уродилась в Ланкре. — Готов поспорить на сто долларов, — изменил ставку он.

— И это еще не самое плохое, — продолжал гном. — Ты заходи, заходи.

В сарае, поскрипывая, работала отпечатная машина, но почти все гномы бездельничали.

— Показать заголовки? — спросила Сахарисса, как только он вошел.

— Да, давай, — кивнул Вильям и сел за свой заваленный бумагами стол.

— «Граверы предложили гномам тысячу долларов за отпечатную машину».

— О нет...

— «Иконографиста-вампира и трудолюбивую писательницу соблазняли зарплатой в 500 долларов».

— Что, правда?

— «Гномов вздрюкнули бумагой».

— *Что?!*

— Точное цитирование господина Хорошагоры, — пояснила Сахарисса. — Не знаю *точно*, что это значит, но, насколько мне известно, бумаги осталось только на один номер.

— А если нам понадобится больше, цена будет в пять раз выше прежней, — добавил подошедший Хорошагора. — Всю бумагу скупают граверы. Король говорит, спрос рождает предложение.

— Король? — Вильям наморщил лоб. — Ты имеешь в виду господина Короля?

— Да, Короля Золотой Реки, — сказал гном. — И мы способны заплатить такую цену, но если эти, с другой стороны улицы, продолжают продавать свою дрянь по два пенса, мы будем работать практически бесплатно.

— Отто предупредил человека из Гильдии, что если увидит его здесь еще раз, то развяжется, — сообщила Сахарисса. — Отто очень разозлился. Этот тип пытался выведать, как он делает готовые для отпечати иконографии.

— Ну и что вы решили?

— Я остаюсь, Я им не доверяю, особенно когда они ведут себя так коварно. Лично мне они кажутся... людьми очень *низкого* происхождения,

— поморщились Сахарисса. — Но что нам делать?

Уставившись на стол, Вильям принялся грызть ногти. Его нога случайно наткнулась на сундук с деньгами. Раздался успокаивающе глухой звяк.

— Думаю, мы можем немного снизить тираж, — предложил Хорошагора.

— Да, но потом люди совсем перестанут покупать наш листок, — возразила Сахарисса. — А они должны покупать именно его, потому что там отпечатаны настоящие новости.

— Должен признать, новости в «Инфо» выглядят более интересными, — заметил Хорошагора.

— Это потому, что в них нет ни капельки правды! — резко произнесла Сахарисса. — Честно говоря, я согласна работать за доллар в день, а Отто сказал, что будет работать и за полдоллара, если мы позволим ему жить в подвале.

Вильям все еще смотрел в пустоту.

— Что у нас есть, чего нет у Гильдии? Ну, кроме правды, разумеется? — рассеянно спросил он. — Мы можем отпечатывать быстрее?

— На одной машине против их трех? Нет, — хмыкнул Хорошагора. — Но готов поспорить, мы можем быстрее набирать текст.

— А это значит...

— Это значит, что мы сможем раньше начинать продажи.

— Понял. Да, это может помочь. Сахарисса, ты случайно не знаешь людей, которым нужна работа?

— Случайно? Ты что, письма не читаешь?

— Читаю, но не часто...

— Да многим людям нужна работа! Мы же в Анк-Морпорке!

— Хорошо, выбери три письма, в которых поменьше ошибок, и пошли Рокки нанять их авторов.

— Один из них — Господин Скрюч, — предупредила Сахарисса. — Он хочет работать больше. Жалуется, что слишком мало интересных людей умирает. Он вообще посещает эти собрания только для собственного удовольствия, но аккуратно записывает все, слово в слово...

— А с грамотностью у него как?

— Думаю, что хорошо. По нему видно. Но у нас же совсем нет свободного места...

— Завтра утром начнем отпечатывать четыре полосы. И не смотрите на меня так. У меня есть материал о Витинари, и у нас осталось двенадцать часов, чтобы найти бумагу.

— Я уже говорил, Король взвинтил цены на бумагу до самых небес, — сказал Хорошагора.

— Этот вопрос мы не обойдем своим вниманием, — кивнул Вильям.

— Я имел в виду...

— Да, я понимаю. Сейчас мне нужно кое-что написать, а потом мы нанесем ему визит. Кстати, отправьте кого-нибудь на семафорную башню, хорошо? Хочу послать сообщение королю Ланкра. Кажется, я с ним встречался однажды.

— Семафор стоит денег. Больших денег.

— Неважно. Думаю, деньги мы найдем. — Вильям наклонился к лазу в подвал. — Отто?

Вампир высунулся до пояса. В руке он держал разобранный иконограф.

— Чем йа помогайт?

— Может, ты еще что-нибудь придумаешь? Ну, чтобы продавать побольше листков?

— Чего еще желайт герр мастер? Картинки прыгайт со страниц? Картинки разговаривайт? Картинки провожайт тебя взглядом?

— Зачем же сразу обижаться? — упрекнул Вильям. — Я ведь не прошу тебя сделать картинки цветными...

— Цветными? — переспросил вампир. — Всего-навсего? Простее простого. Когда требовайтсся?

— Это невозможно, — твердо заявил Хорошагора.

— Ты так думайт? Где-то рядом кто-то делает цветное стекло?

— Я знаю одного гнома, который владеет фабрикой цветного стекла на Федрской улице, — сказал Хорошагора. — Там выпускают стекло сотен оттенков, но...

— Мне образцы, унд срочно. И образцы красок тоже. Йа понадеюсь, вы находийт цветные краски?

— Это не трудно, — пожал плечами гном. — Но понадобятся сотни красок самых разных оттенков...

— Не ист так. Йа составляет необходимый список. Натюрлих йа не обещаит качества «Коренной-и-Рукисила». Это ведь ист первый раз. Йа не давайт едва уловимую игру света на осенний листва. Но гона йа насыщайт гарантированно. Этого хватайт?

— Более чем. — Данке. Вильям встал.

— Ну а теперь, — сказал он, — пора повидатьсся с Королем Золотой Реки.

— Никогда не понимала, — сказала Сахарисса, — почему его так

называют. Здесь ведь нет никакой Золотой реки.

— Господа.

Законник ждал их в зале пустого дома. Когда Новая Контора вошла, он встал, сжимая в руках свой портфель. Выглядел зомби так, словно пребывал в необычайно скверном расположении духа.

— Где вы были?

— Решили перекусить, господин Кривс. Утром ты не появился, а господин Тюльпан проголодался.

— Я же *просил* вести себя сдержанно.

— Господин Тюльпан не умеет вести себя сдержанно. Кроме того, в результате все прошло гладко. Правда, нас едва не убили, потому что ты кое-что забыл нам сообщить, и это дорого вам обойдется, но, эй, кого интересуют наши трудности! Итак, в чем проблема?

Господин Кривс смерил парочку испепеляющим взглядом.

— Мое время стоит очень дорого, господин Кноп, поэтому я не буду тратить его попусту. Что вы сделали с собакой?

— А нам, ять, кто-нибудь сказал о собаке? — ощерился господин Тюльпан.

В отличие от своего партнера господин Кноп уже понял, что тон разговора выбран неверно.

— Ага, значит, вы все-таки видели собаку, — констатировал господин Кривс. — И где она?

— Ушла. Сбежала. Покусила нам ноги и сбежала, ять.

Господин Кривс вздохнул. Словно пахнуло ветром из древней гробницы.

— Я же *говорил*, что в Страже служит вервольф.

— Да? И что с того? — пожал плечами господин Кноп.

— Вервольфы умеют говорить на собачьем.

— Что? Ты хочешь сказать, люди поверят какой-то там псине?

— К сожалению, да, — кивнул господин Кривс. — Собака обладает личностью. А личность многое значит. Кроме того, существуют судебные прецеденты. За всю историю этого города, господа, мы в разное время привлекали как свидетелей семь свиней, семейство крыс, четырех лошадей, одну блоху и рой пчел. В прошлом году в судебном разбирательстве убийства с отягчающими обстоятельствами участвовал попугай. На стороне обвинения. Мне даже пришлось включить его в программу защиты свидетелей. Насколько я знаю, сейчас он притворяется волнистым попугайчиком в одной очень далекой стране. — Господин Кривс покачал

головой. — Увы, показания животных признаются судами общей юрисдикции. Можно сколько угодно выражать свой протест, но самое главное, господин Кноп, заключается в том, что командор Ваймс построит на этих показаниях свое обвинение. Он начнет допрашивать... людей. Он уже подозревает, что это дело плохо пахнет, но пока вынужден опираться на имеющиеся улики и показания свидетелей. Однако если он найдет пса, все раскроется.

— Так суньте ему пару тысяч долларов, — посоветовал господин Кноп. — Со стражниками это всегда помогало.

— Насколько мне известно, последний человек, попытавшийся подкупить Ваймса, до сих пор лечит свою правую руку, — ответил господин Кривс.

— Мы, ять, сделали все так, как ты нам, ять, сказал! — заорал вдруг господин Тюльпан, тыча в законника похожим на сосиску пальцем.

Господин Кривс оглядел его с головы до ног, как будто видел впервые.

— «Замочи Повара!!!» — прочел он. — Очень смешно. И тем не менее я полагал, что мы имеем дело с *профессионалами*.

Господин Кноп догадался, что случится дальше. И успел перехватить кулак господина Тюльпана, хотя ноги его на мгновение оторвались от пола.

— *Конверты*, господин Тюльпан, — пропел он. — Он слишком много о нас *знает*.

— В могиле эти знания не больно-то помогут, — прорычал господин Тюльпан.

— На самом деле, — сказал господин Кривс, — мне ваша позиция кристально ясна.

Он встал, используя по очереди пары мышц. Скорее не встал, а разложился вверх.

— А твой... второй помощник жив и здоров? — спросил Кривс.

— Снова сидит в подвале, напился в хлам, — ответил господин Кноп. — Не понимаю, почему бы нам не придушить его прямо сейчас? Он едва не сбежал, увидев Витинари. Если бы патриций не замешкался, удивившись при виде двойника, у нас были бы большие неприятности. А так... в городе станет трупом больше, никто и не заметит.

— Стража заметит, господин Кноп. Сколько раз повторять? Стражники обладают невероятным умением замечать всякую всячину.

— Господин Тюльпан сделает все так, что и замечать-то будет нечего... — Господин Кноп вдруг замолчал, а потом спросил: — Неужели вы так боитесь Стражу?

— Это Анк-Морпорк, — резко произнес законник. — Весьма

космополитический город. Порой смерть в Анк-Морпорке не более чем временное неудобство, ты меня понимаешь? У нас есть волшебники, есть медиумы всех сортов и размеров. А тела имеют обыкновение всплывать на поверхность. Мы не хотим давать Страже лишних зацепок. Я ясно выражаюсь?

— Они что, ять, будут слушать какого-то жмурика? — изумился господин Тюльпан.

— Почему бы и нет? Вы же меня слушаете, — парировал зомби. Он немного успокоился. — Как бы то ни было, возможно, ваш... партнер нам еще пригодится. Может, ему придется слегка прогуляться, чтобы окончательно убедить еще не убедившихся. Столь ценное имущество слишком рано... *изымать из обращения.*

— Хорошо, согласен, — кивнул господин Кноп. — Будем держать его на бутылке. Но за того пса неплохо бы накинуть.

— Это всего лишь пес, господин Кноп, — сказал Кривс, удивленно поднимая брови. — Полагаю, даже господин Тюльпан способен перехитрить собаку.

— Сначала нужно ее найти, — напомнил господин Кноп, предусмотрительно загораживая путь своему напарнику. — Собак в этом городе много.

Зомби еще раз вздохнул.

— Могу добавить к вашему гонорару пять тысяч долларов драгоценными камнями, — сказал он и вскинул руку. — Пожалуйста, только не оскорбляй нас обоих, поднимая по привычке до десяти. Задание не такое уж сложное. В этом городе потерявшаяся собака либо прибивается к какой-нибудь бродячей стае, либо быстро начинает новую жизнь в виде пары перчаток.

— Я хочу знать, кто именно отдает нам приказы, — заявил господин Кноп, незаметно поправляя во внутреннем кармане бес-органайзер.

Господин Кривс выглядел удивленным.

— Я, господин Кноп.

— Я имел в виду твоих клиентов.

— Правда?

— Тут явно замешана политика, — настаивал господин Кноп. — А с политикой бороться бесполезно. Мне необходимо знать, как далеко нам придется убежать, когда все выплывет наружу. И кто встанет на нашу защиту, если скрыться нам не удастся.

— В этом городе, господа, у любого факта имеется обратная сторона, — промолвил господин Кривс. — Позаботьтесь о собаке, и... другие

позаботятся о вас. План уже приведен в действие. И кто потом скажет, что именно произошло? Людей легко ввести в заблуждение, это я говорю как специалист, прошедший в судебных залах много веков. Говорят, пока правда надевает башмаки, ложь успевает весь мир обежать. Несколько оскорбительная поговорка, не так ли? Поэтому... не паникуйте, и все будет в полном порядке. И не глупите. У моих... клиентов хорошая память и глубокие карманы. Можно ведь и других убийц нанять. Вы меня понимаете? — Он защелкнул замки на портфеле. — Всего вам доброго.

Зомби вышел, и дверь за ним закрылась.

Стоящий за спиной господина Кнопа господин Тюльпан загремел своими стильными приборами для барбекю.

— Что ты делаешь?

— Этот, ять, зомби закончит свои дни на паре удобных и универсальных шампуров для кебаба, — пообещал господин Тюльпан. — А потом я пушу в действие эту не менее, ять, универсальную лопаточку. А потом... потом я устрою его заднице настоящее средневековье.

Несмотря на наличие более неотложных проблем, его слова явно заинтриговали господина Кнопа.

— И как же это? — спросил он.

— Ну, там майское дерево, — задумчиво произнес господин Тюльпан. — Народные хороводы, обработка почвы по системе тройного севооборота, несколько эпидемий чумы, и, если рука не слишком устанет, изобретение, ять, хомута.

— Звучит неплохо, — согласился господин Кноп. — А покамест давай отыщем эту треклятую псину.

— Как же мы это сделаем?

— Интеллигентно, — сказал господин Кноп.

— Ненавижу, ять, когда интеллигентно.

Его называли Королем Золотой Реки. Это было признанием его богатства и успехов в жизни, а также обозначением источника этих успехов, который не был *классической* золотой рекой. От своей предыдущей клички — Гарри-Моча — Король проделал значительный путь.

Гарри Король в буквальном смысле известной поговорки поднялся из грязи в князи. Деньги можно сделать на многом. В том числе и на том, что человек выбрасывает. В том числе и на том, что человек выбрасывает из себя.

Фундамент будущего богатства был заложен, когда Гарри начал

оставлять пустые баки рядом с находящимися в центре города постоянными дворами (а в частности, рядом с теми, что были расположены далеко от сточных канав, по которым нечистоты стекали в реку). Когда бачки наполнялись, Гарри их увозил, взимая за это весьма скромную плату. И очень скоро, услышав звон посреди ночи, владелец постоянного двора просто переворачивался на другой бок в твердой уверенности, что один из работников Гарри-Мочи вносит сейчас свой скромный вклад в то, чтобы сделать мир чуть менее пахучим.

Эти люди даже не задумывались о том, что происходит с полными бачками, а Гарри Король между тем открыл очень простую истину, ведущую к поистине несметным богатствам. И истина эта гласит: нет на свете такой вещи, даже самой отвратительной, которая бы не использовалась в той или иной отрасли производства. Есть люди, которым в огромных объемах необходимы аммиак или селитра. Если что-то нельзя продать алхимикам, скорее всего это заинтересует фермеров. А если даже фермеры не проявят интереса, в мире нет ничего, буквально ничего сколь угодно отвратительного, что нельзя было бы продать дубильщикам.

Гарри чувствовал себя единственным человеком в поселке рудокопов, который знал, как выглядит золото.

Он подминал под себя улицу за улицей, его дело стремительно росло и расширялось. В районах, где жили состоятельные люди, ему платили — *платили!* — за то, чтобы он вывозил нечистоты в уже ставших привычными бачках, конский навоз, мусорные баки и даже собачье дерьмо. Собачье дерьмо? Да разве они имели представление о том, сколько дают дубильщики за первосортное белое собачье дерьмо? Он вывозил настоящие жидкие бриллианты, а ему еще и приплачивали.

Гарри ничего не мог поделать. Весь мир лез из кожи вон, только бы всучить ему деньги. Тут ему платят за мертвую лошадь, а тут — за две тонны креветок, дату годности которых невозможно разглядеть даже в телескоп. Но самое замечательное состояло в том, что *кто-то другой уже заплатил ему*. За то, чтобы он *вывез* всю эту гниль. А если покупатель так и не находился — даже среди дубильщиков, даже в лице самого господина Достабля, — то ниже по реке, за городскими воротами, располагались огромные кучи компоста, в которых под воздействием вулканического тепла, выделяемого в процессе разложения, рождалась плодороднейшая почва («10 пенсов за пакет, приходите со своей тарой!»). Эти кучи переваривали все, что в них попадало, включая, по слухам, некоторых темных дельцов, проигравших в извечной битве за выживание («Исключительное угощение для ваших георгин!»).

Предприятия по переработке древесной массы и тряпок (а также огромные чаны, в которых плескалась золотистая основа богатства Гарри) находились рядом с его домом, потому что только к этой части мужниного бизнеса соглашалась иметь отношение его жена Эффи. По слухам, именно она настояла на том, чтобы сняли прославившуюся на весь город вывеску над воротами, которая гласила: «Г. Король — С. С. У. (с 1961 г.)»^[10]. Теперь там красовалась другая вывеска: «Г. Король — Круговорот Даров Природы».

Небольшую дверцу в гигантской створке ворот открыл тролль. Гарри придерживался весьма прогрессивных взглядов, когда дело касалось приема на работу представителей нечеловеческих видов, и был одним из первых предпринимателей в городе, задействовавших в своем производстве троллей. У троллей отсутствовало обоняние, и они идеально подходили для работы с органическими веществами.

— Да?

— Я хотел бы поговорить с господином Королем.

— О чем?

— О покупке крупной партии бумаги. Скажи, что пришел господин де Словв.

— Лады.

Дверь захлопнулась. Они стали ждать. Через несколько минут дверь снова распахнулась.

— Господин Король примет вас, — провозгласил тролль.

Так Вильям и Хорошагора очутились в святой святых человека, который, как поговаривали, хранил использованные носовые платки на тот случай, если кто-нибудь вдруг откроет способ извлечения серебра из козьяков.

Огромные ротвейлеры бросались на прутья клеток, стоявших по обе стороны от двери. А ночью Гарри выпускал их во двор, и об этом знали все. Он лично позаботился о том, чтобы об этом знали все. Любой ночной злоумышленник должен был очень хорошо уметь ладить с собаками, если, конечно, не хотел превратиться в несколько фунтов столь ценимого дубильщиками первосортного собачьего дерьма (белого).

Кабинет Короля Золотой Реки находился на втором этаже склада, и окна его выходили во двор, чтобы хозяин мог в любой момент насладиться видом исходящих паром куч и цистерн своей империи.

Даже сидя за столом, Гарри Король производил впечатление настоящего великана. Лицо его розово лоснилось, а несколько оставшихся прядей были аккуратно зачесаны через лысину. Представить его иначе как

в рубахе и подтяжках было невозможно (даже когда он одевался во что-то другое), как и без огромной сигары, которую он не выпускал изо рта. Возможно, впрочем, эта сигара служила одним из средств защиты от ужасной вони, которая была своеобразной торговой маркой Гарри.

— Добрый вечер, парни, — приветливо поздоровался Король. — Чем могу? Ха, как будто я и сам этого не знаю.

— Ты помнишь меня, господин Король? — спросил Вильям.

Гарри кивнул.

— Ты ведь сынок лорда де Словва? В прошлом году ты написал в своем письме о свадьбе моей дочери Дафны. Подумать только, о нашей Дафночке прочли все эти шишки. Моя Эффи была вне себя от счастья.

— Письмо теперь несколько разрослось, господин Король.

— Слышал, слышал, — откликнулся толстяк. — Пару твоих писем уже привезли с мусором. Полезный материал, я попросил ребят складывать твои листки отдельно.

Сигара переместилась из одного уголка рта в другой. Гарри не умел ни читать, ни писать, но это ничуть не мешало ему занимать положение куда выше тех, кто умел и то и другое. Несколько сотен рабочих разбирали его мусор. Наймет еще парочку, которые будут разбирать еще и слова.

— Господин Король... — произнес Вильям.

— Слушайте, парни, я не идиот, — перебил его Гарри. — Догадываюсь, почему вы здесь. Но бизнес есть бизнес. Сами знаете, как бывает.

— Но без бумаги у нас этого самого бизнеса как раз не будет! — взорвался Хорошагора.

Сигара снова переместилась.

— А ты, значит...

— Господин Хорошагора, — представил Вильям. — Мой отпечатник.

— Гном, стало быть? — сказал Гарри, оглядывая Хорошагору с головы до ног. — Ничего не имею против гномов, правда, сортировщики из вас дерьмовые. Гнолли обходятся дешево, но съедают половину мусора. А вот с троллями нет проблем. Они работают на меня, потому что я хорошо плачу. Но лучше всех големы, могут сортировать мусор днем и ночью. Целятся на вес золота и почти столько же хотят получать. — Сигара отправилась в очередное путешествие по рту. — Извините, парни. Сделка есть сделка. Рад бы помочь, да не могу. Продал всю бумагу. Правда не могу.

— Ты просто решил нас кинуть, да? — спросил Хорошагора.

Гарри, прищурившись, посмотрел на него сквозь сигарный дым.

— И ты будешь рассказывать мне о кидалове? Ты хоть знаешь, что

такое тошерун?

Гном пожал плечами.

— Я знаю, — встрял Вильям. — Существует несколько значений, но мне кажется, ты имеешь в виду большой комок грязи вперемешку с монетами, который встречается в старой канализации, в местах, где возникают водовороты. Порой из таких комков можно наковырять немало монет.

— Что? — Гарри был настолько удивлен, что даже сигара у него во рту замерла. — Да у тебя руки как у девчонки. Откуда ты это знаешь?

— Просто люблю разные слова, господин Король.

— Я пошел чистить канализацию, когда мне было три года, — поделился Гарри, вставая со стула. — И в первый же день нашел свой первый тошерун. Конечно, один из пацанов постарше отобрал его у меня. И ты говоришь мне о кидалове? Но уже тогда у меня был нюх на деньги. А потом...

Они сидели и слушали. Вильям более терпеливо, чем Хорошагора. История и вправду была увлекательной, если, конечно, у тебя был соответствующий склад ума, хотя большую ее часть Вильям и так знал — Гарри любил поговорить о своем прошлом.

Молодой Гарри Король был уличным мальчишкой с большой мечтой. Он прочесывал берега и даже поверхность мутного Анка в поисках монет, кусочков металла, годных для использования комков угля, буквально всего, что могло хоть *где-то* хоть *чего-то* стоить. Когда ему исполнилось восемь, на него уже работали другие мальчишки. Целые участки речных берегов принадлежали ему. Другие банды предпочитали держаться от выскочки подальше. Гарри и сам неплохо дрался, но, кроме того, он мог позволить себе нанять тех, кто умел это делать еще лучше.

Так продолжалось достаточно долго, а потом началось восхождение Короля на трон: через конский навоз, продаваемый ведрами (на каждом из которых был указан точный источник), к тряпкам и костям, металлолому, бытовому мусору и знаменитым бачкам. Восхождение к поистине золотому будущему. Это было похоже на историю цивилизации, но только увиденную с самого дна.

— А ты состоишь в какой-нибудь Гильдии, господин Король? — спросил Вильям, когда тот замолчал, чтобы перевести дыхание.

Сигара перековывала из одного угла рта в другой так быстро, что Вильям понял: ему удалось нащупать болевую точку.

— Проклятые Гильдии, — пробормотал Гарри. — Меня пытались записать в Гильдию Нищих! Меня! Человека, который ни разу в жизни не

попрошайничал! Какое *нахальство!* Но я их всех послал куда подальше. Связываться еще с этими Гильдиями... Я хорошо плачу своим ребятам и могу на них положиться.

— Именно Гильдии пытаются нас разорить, господин Король. Ты это знаешь. Насколько я понимаю, ты предпочитаешь знать буквально все. И если ты не продашь нам бумагу, мы проиграем.

— Но как я могу нарушить уже заключенный контракт? — буркнул Гарри Король.

— Это *мой* тошерун, господин Король, — сказал Вильям. — И сейчас его пытаются отобрать пацаны *постарше*.

Гарри помолчал, потом тяжело встал из-за стола и подошел к огромному окну.

— Парни, гляньте-ка вон туда, — позвал он.

Часть двора занимало огромное колесо, управляла которым пара големов. Колесо приводило в действие скрипучий бесконечный транспортер, тянущийся вдоль всего двора. На одном конце транспортера тролли широкими лопатами грузили мусор из кучи, которая пополнялась непрерывно подъезжающими телегами.

Вдоль транспортера стояли големы, тролли и даже люди. Они внимательно рассматривали в мерцающем свете факелов движущийся перед ними мусор. Периодически один из рабочих что-то выхватывал и бросал в стоящие за спинами бачки.

— Рыбьи головы, кости, тряпье, бумага... У меня пока двадцать семь бачков, включая один для золота и серебра. Вы удивитесь, что люди иногда выбрасывают по ошибке. «Ложка-ложечка, звени, нам колечко подмани...» — частенько напевал я своим дочерям, когда они были маленькими. Твой листок с новостями попадает в бачок номер шесть для низкосортных бумажных отходов. Большую их часть я продаю Бобу Холтли, который занимает пятый и седьмой склады.

— А что он с ними делает? — спросил Вильям, отмечая про себя характеристику «низкосортные».

— Массу для туалетной бумаги, — ответил Гарри. — Жена от нее просто в восторге. Наверное, уже пора убирать посредника... — Он вздохнул, не замечая резкого перепада в самоуважении Вильяма. — Знаешь, иногда я стою здесь по вечерам, слушаю, как грохочет транспортер, смотрю, как отражается заходящее солнце на стенках баков-отстойников, и слезы наворачиваются на глаза.

— Честно говоря, сэръ, со мной сейчас происходит то же самое, — признался Вильям.

— Послушай меня, парень... Когда тот пацан отобрал у меня мой первый тошерун, я ж не стал никому жаловаться. Я знал, что у меня есть способности. Я просто не сдался и нашел другой. А на свое восьмилетие я сделал себе подарок: нанял пару троллей, чтобы они отыскивали моего обидчика и выбили из него всю дурь. Ты знаешь об этом?

— Нет, господин Король.

Гарри Король долго-долго смотрел на Вильяма сквозь сигарный дым. Вильям чувствовал себя так, словно его переворачивают и разглядывают, как нечто найденное в мусоре.

— Моя младшенькая, Гермiona, выходит замуж и конце следующей недели, — сообщил Гарри. — Крутой будет праздник. В храме Оффлера. Хоры и все такое. Я пригласил всех главных шишек. Эффи настояла. Не придут, конечно. Только не к Гарри-Моче.

— «Правда» могла бы присутствовать, — заметил Вильям. — И сделать цветные картинки. Но уже завтра нас не станет.

— Цветные, говоришь? Наняли кого-то раскрашивать?

— Нет. У нас... особый метод, — сказал Вильям, безнадежно надеясь, что Отто говорил правду.

Он уже не цеплялся за тонюсенькую веточку, а стремительно летел вниз с дерева.

— Интересно было бы глянуть... — пробормотал Гарри.

Взял сигару двумя пальцами, внимательно осмотрел тлеющий конец и снова сунул сигару в зубы. Затем сквозь клубы дыма воззрился на Вильяма.

Вильям почувствовал себя крайне неудобно. Так чувствует себя образованный человек, понимая, что совсем необразованный человек, который в данный момент его рассматривает, на самом деле в три раза хитрее и умнее его.

— Господин Король, нам действительно нужна эта бумага, — сказал он, чтобы как-то нарушить напряженную тишину.

— А в тебе что-то есть, господин де Словв, — сказал Король. — Я покупаю и продаю чинуш, когда мне заблагорассудится, но ты не кажешься мне обычным чинушей. Ты кажешься мне человеком, который готов перелопатить тонну дерьма, чтобы найти один-единственный фартинг. И я никак не могу понять, почему мне так кажется.

— Послушай, господин Король, продай нам немного бумаги по старой цене, — взмолился Вильям.

— Не могу. Я ж сказал. Сделка есть сделка. Граверы мне заплатили, — отрезал Гарри.

Вильям открыл было рот, но Хорошагора схватил его за руку. Король

явно размышлял о чем-то и хотел сам принять решение.

Гарри снова подошел к окну, долго и задумчиво смотрел на испускающие пар кучи мусора во дворе. А потом...

— О, вы только посмотрите! — воскликнул он и даже отошел на шаг от окна, словно чему-то крайне удивившись. — Видите телегу вон у тех ворот?

Они видели телегу.

— Сотню раз говорил своим парням: никогда не оставляйте у открытых ворот груженую телегу! Рано или поздно ее обязательно сопрут.

Вильям даже представить себе не мог человека, который посмел бы украсть хоть что-нибудь у Короля Золотой Реки, владельца множества раскаленных докрасна компостных куч.

— Последняя четверть заказа для Гильдии Граверов, — ни к кому не обращаясь, заметил Гарри. — Если кто уведет эту телегу прямо с моего двора, мне ж придется платить. Обязательно надо сказать об этом бригадиру. Совсем растяпистым в последнее время стал.

— Вильям, нам *пора*, — намекнул Хорошагора, хватая Вильяма за рукав.

— Почему? Мы ведь еще не...

— Как мы сможем отблагодарить тебя, господин Король? — спросил гном, толкая упирающегося Вильяма к двери.

— Подружки невесты будут одеты в платья о-де-ниль, хотя я понятия не имею, что это такое, — сказал Король Золотой Реки. — Да, и если до конца месяца я не получу свои восемьдесят долларов, вы, парни, окажетесь по уши... — сигара совершила круиз по рту, — в беде. Причем головой вниз.

Через две минуты телега со скрипом выехала за ворота, провожаемая взглядом на удивление безразличного бригадира-тролля.

— И совсем это не воровство, — убежденно произнес Хорошагора, подстегивая лошадей. — Король вернет этим гадам их деньги, а мы рассчитаемся с ним по старой цене. Все останутся довольны, за исключением «Инфо», но кому до этого есть дело?

— Мне не очень понравилось про «по уши... в беде», — заметил Вильям. — Да еще и головой вниз.

— Я ниже тебя ростом. Так что мне все равно, чем вниз — головой или ногами.

Проводив взглядом телегу, Король вызвал снизу одного из своих помощников и приказал принести из шестого бачка номер «Правды». Он сидел совершенно неподвижно, шевелилась только сигара во рту, пока ему

читали замызганный мятый листок.

Потом он широко улыбнулся и попросил помощника повторить несколько особенно понравившихся мест.

— Ага, — сказал Гарри, когда тот закончил. — Я так и думал. Этот юноша — прирожденный разгребатель грязи. Жаль, что он родился так далеко от настоящего дерьма.

— Господин Король, мне составить кредитовую записку граверам?

— Да.

— И вы полагаете, они вернут деньги, господин Король?

Обычно Гарри Король не терпел подобных вопросов со стороны помощников. Его работники находились здесь, чтобы складывать и вычитать, а не обсуждать политику. С другой стороны, Гарри стал богатым только благодаря тому, что умел разглядеть звезды в грязи. А специалистам нужно доверять. Хотя бы иногда.

— Что это за цвет «о-де-ниль»? — спросил он.

— Очень сложный цвет, господин Король. Бледно-голубой с зеленоватым оттенком.

— А можно найти краску такого цвета?

— Я могу выяснить, но это будет дорого стоить.

Сигара совершила очередное путешествие по рту Гарри Короля. Со своих дочерей он пылинки сдувал, это было всем известно. И очень переживал, что его дочери страдают из-за такого отца, как он, которому нужно как минимум дважды принять ванну, чтобы выглядеть просто грязным.

— Мы будем приглядывать за нашим писателем, — сказал он. — Намекни парням, хорошо? Не хочу, чтобы Эффочка расстроилась.

Сахарисса краем глаза заметила, что гномы опять засуетились вокруг своей отпечатной машины. Примерно каждые два часа станок менял свой внешний вид. Гномы постоянно переделывали и реконструировали его.

Сахарисса всегда считала, что из подручных материалов гномам нужны лишь топоры плюс какое-нибудь средство для разведения огня. А оттуда и до кузнечного горна недалеко, при помощи которого гномы могли изготовить простейшие инструменты. Благодаря им изготавливались сложные инструменты, а уж при помощи *сложных* инструментов любой гном может сделать практически все, что угодно.

Двое гномов копались в промышленном мусоре, кучи которого высились у стен. Пару железных отжимных катков уже отправили в переплавку, а останками коней-качалок подкармливали печку с

булькающим свинцом. Несколько гномов, получив таинственное поручение, куда-то ушли, но скоро вернулись с небольшими мешками и хитрыми ухмылками на физиономиях. Гномы тоже умели использовать вещи, которые люди выбрасывали на помойку. В том числе даже те вещи, которые еще *не были* выброшены.

Сахарисса уже собиралась вернуться к изучению отчета о ежегодном собрании Веселых Корешей с Сонного холма, когда грохот и ругань на убервальдском, то есть на языке, который очень хорошо подходил для ругани, заставили ее торопливо подбежать к люку в подвал.

— Господин Шрик, с тобой все в порядке? Мне принести веник и совок?

— *Бодрожвацкий жалтцайт!* О, извиняйт, госпожа Сахарисса! Небольшой рытвина по пути к прогрессированию.

Сахарисса спустилась по лестнице в подвал.

Отто стоял у своего самодельного верстака. На стене были развешаны коробки с бесенятами. Саламандры дремали в клетках. В большой темной банке извивались сухопутные угри. Но стоящая рядом с Отто банка была разбита.

— По неосторожности опрокидывают и разбивают, — со смущенным видом пояснил Отто. — А теперь этот придурочный угря прятаться за верстаком.

— Они кусаются?

— О найн, они чересчур леноватые...

— Отто, а что ты тут делаешь? — спросила Сахарисса, пытаясь рассмотреть лежащий на верстаке большой предмет.

Отто неуклюже влез между нею и верстаком.

— О, это ист всего лишь экспериментаторный...

— Ты работаешь над формами для цветной отпечати?

— Йа, но это ист грубый прототайп...

Сахарисса краем глаза заметила какое-то движение. Сбежавшему сухопутному угрю стало скучно за верстаком, и сейчас он весьма лениво двигался к новым горизонтам, туда, где угорь может извиваться величаво и горизонтально.

— Найн, найн, не надо! — крикнул Отто.

— О, все в порядке. Я не так уж брезглива...

Пальцы Сахариссы сомкнулись на угре.

Она очнулась оттого, что Отто отчаянно махал на нее своим черным носовым платком.

— О боги... — пробормотала Сахарисса и попыталась сесть.

Лицо Отто выражало такой ужас, что она на мгновение даже забыла про кошмарную головную боль.

— Что с тобой? — воскликнула она. — Ты выглядишь просто ужасно!

Отто дернулся назад, попытался встать, потом схватился за грудь и повалился на верстак.

— Сыр! — простонал он. — Умоляйт, давать сыр! Или большое яблоко! Что угодно, лишь бы *вонзайт клык! Умоляйт!*

— Но здесь ничего нет...

— Не ходите ко мне! И не вздыхайте так! — взвыл Отто.

— Как так?

— Так, что грудь подниматься-опускаться, вздыматься-опадать! Йа ист вампир! Девушка, потерявшая чувства, она так вздыхает, ее грудь всколыхиваться, вы меня понимаете? Это вызывает нечто страшное из погребов души... — Он с трудом выпрямился и сорвал черную ленточку с лацкана. — *Но йа не отдамся!* — закричал он. — Йа оправдывают доверие!

Отто встал по стойке смирно (правда, силуэт его был слегка размытым из-за дрожи, которая сотрясала все его тело с головы до ног) и дрожащим голосом запел:

— *В миссию к нам ты приходи. Много преград на твоём пути...*

Лестница заходила ходуном от буквально посыпавшихся вниз по ней гномов.

— С тобой все в порядке, госпожа? — спросил выбежавший вперед Боддони с топором в руках. — Он ничего *не пытался* с тобой сделать?

— Нет-нет. Он...

— *...Вена живая — не для меня. Буду силен и счастлив я...*

Пот градом катился по лицу Отто. Одной рукой он держался за сердце.

— Отто, ты молодец! — закричала Сахарисса. — Борись! Не сдавайся! — Она повернулась к гномам. — У вас сырого мяса случайно нет?

— *...Жизни новой себя посвятим, Водой ключевой себя напоим...* — Вены пульсировали на бледном челе Отто.

— У меня наверху есть свежее крысиное филе, — пробормотал один из гномов. — Целых два пенса заплатил...

— Отлично, Гауди, немедленно неси! — рявкнул Боддони. — Ему очень плохо!

— *...Бренди и джин мы с радостью пьем, Можем лакать мы виски и ром, И лишь одному мы «нет» говорим, Этот напиток нам не любим. «Нет, нет и нет!» — повторяем мы вновь. Худшее зло на земле — это...*

— Два пенса — это тебе не хухры-мухры, но разве ж я спорю...

— У него уже судороги начались! — воскликнула Сахарисса.

— Стишки так себе, и петь он совсем не умеет, — буркнул Гауди. — Хорошо-хорошо, иду...

Сахарисса похлопала Отто по липкой ладони.

— Ты сможешь! — настойчиво произнесла она. — Мы все здесь собрались ради тебя! Правда? *Правда?*

Увидев ее пронизывающий взгляд, гномы неуверенно ответили хором, что «да, конечно, разумеется». Хотя Боддони, судя по выражению его лица, считал, что данную проблему можно разрешить куда эффективнее.

Вернулся Гауди с небольшим свертком. Сахарисса буквально вырвала его из рук гнома и сунула под нос Отто. Вампир отпрянул.

— Это всего лишь крыса! — крикнула Сахарисса. — Не бойся! Ведь крыс вам можно?

Отто замер на мгновение, а потом жадно схватил сверток.

И вонзил в мясо клыки.

Во внезапно наступившей тишине раздался звук, похожий на тот, что издает соломинка, опущенная на дно стакана с молочным коктейлем.

Через несколько секунд Отто открыл глаза, искоса глянул на гномов и выронил сверток.

— О, как йа устыжен! Куда девайт свое лицо? Что вы думайт сейчас обо мне?..

Сахарисса отчаянно захлопала в ладоши.

— Нет-нет! Мы все восхищаемся тобой! *Правда?*

Незаметно для Отто она махнула рукой гномам, которые нестройным хором выразили свое согласие.

— Йа уже три месяца как вставайт ступень «холодная летучая мышь», — пробормотал Отто. — Просто ужаснительно... Срываться в такой момент и...

— Сырое мясо — это пустяки, — возразила Сахарисса. — Вам ведь оно разрешено?

— Да, но йа чуть-чуть не...

— «Чуть-чуть» не считается, — парировала Сахарисса. — Важно другое: ты хотел, но не сделал. — Она повернулась к гномам. — Можете возвращаться к работе. С Отто все в *полном* порядке.

— Ты уверена, что... — начал было Боддони, но потом кивнул. В данный момент он предпочел бы иметь дело с разъяренным вампиром, а не с Сахариссой. — Как скажешь, госпожа.

Когда гномы ушли, Отто сел и вытер со лба пот. Сахарисса похлопала его по руке.

— Хочешь попить...

— О!

— .. воды?

— Найд, со мной все ист хорошо, мне казаться. Гм. О боги. Йа премного извиняться. Ты думайт, что уже совсем здоровый, как вдруг все цурюк... Ну и денек...

— Отто?

— Йа, госпожа?

— Что на самом деле произошло, когда я схватила угря?

Он поморщился.

— Йа думайт, сейчас вряд ли время...

— Отто, я что-то видела. Видела... пламя. И людей. А еще был страшный шум. На одно мгновение.

Словно все события дня пролетели за одну секунду! Что *произошло*?

— Ну, — неохотно произнес Отто, — ты знавайт, что саламандра поглощайт свет?

— Да, конечно.

— А угри поглощайт *темный* свет. Не *темнота*, а темный свет внутри темнота. Темный свет... ты понимайт... темный свет еще до конца не ист изучен. Он тяжелей обычный свет, поэтому чаще появляться дно моря или самый глубокий пещера Убервальда, но маловатая часть из темный свет ист даже в нормальная темнота. Очень увлекающе, йа?

— Это своего рода волшебный свет. Понятно. Мы можем побыстрее перейти к сути?

— Йа слыхайт, темный свет называйт свет изначальный, который порождайт другие виды света...

— Отто!

Он поднял руку.

— Йа обвязан рассказать тебе это! Ты слыхайт теории, согласно который такой время как настоящее не существовайт вовсе? Потому что если настоящее признавайт делимое, оно не может быть настоящее, а если оно ист неделимое, тогда оно не может имеют начало, которое соединяют его с прошлое, и конец, который соединяйт его с будущее? Философ Хайдехоллен говорийт, что вселенная ист холодный суп времени, в котором перемешивайтс я все-все времена, а то, что мы называйт течение времени, ист не более чем квантовые колебания пространственно-временной полотно.

— У вас в Убервальде очень долгие зимние вечера, да?

— И темный свет засчитываться как доказательство всего этого, — продолжал Отто, не обращая на нее внимания. — Это ист свет без времени.

Он освещайт то, что не обязательно ходийт *сейчас*.

Он замолчал, словно ждал чего-то.

— Ты хочешь сказать, темный свет снимает картинки *прошлого*? — уточнила Сахарисса.

— Или будущего. Или чевовато там еще. Йа, ведь в реальности нет никакая разница.

— И эту штуку ты нацеливаешь на людей?

Отто явно забеспокоился.

— Йа обнаруживают странные вещи. Гномы утверждают, темный свет вызывает... неуверенные последствия, но гномы ист суеверные существа, поэтому йа не воспринимайт их слова как серьезность. Тем не менее...

Он покопался в горах хлама на верстаке и нашел иконографию.

— О боги, все ист зер сложно, — пробормотал Отто. — Ведь философ Клинг заявляйт, разум имеют темная сторона и светлая сторона, и только темные глаза разума способны различайт... темный свет...

Он снова замолчал.

— Ну и? — вежливо подтолкнула его Сахарисса.

— Йа ожидайт слышать раскат грома, — признался вампир. — Но, увы, мы не ист в Убервальд.

— Не понимаю... — растерянно промолвила Сахарисса.

— Если бы йа говорийт нечто такой зловеций, как «темные глаза разума», в Убервальде, сразу же раздаваться бы раскат грома, — пояснил Отто. — А если йа указайт на замок или нависший над голова скала и произносийт: «Вот ист он, *этот замок*», в лесу обязательно завывайт волк. — Он вздохнул. — В древняя страна вся местность ист психотропна. Всегда знавайт, что от нее ожидать, а что нет. А здесь, увы, люди глядят тебя как на дурак.

— Хорошо, хорошо, стало быть, это волшебный свет, который снимает сверхъестественные картинки, — подвела итог Сахарисса.

— Ты говорийт это как-то... по-новостному, — вежливо заметил Отто. Он протянул ей иконографию. — Вот, имей взгляд. Йа хотейт делать картинку гномихи, которая работайт кабинет патриция. А вот что получаться.

Снимок был нечетким, с какими-то странными завихрениями, на нем можно было различить размытый силуэт лежащей на полу и что-то рассматривающей гномихи. Но на все это было наложено вполне отчетливое изображение лорда Витинари. Вернее, изображение двух Витинари, уставившихся друг на друга.

— Ну, это кабинет патриция, лорд Витинари постоянно там работает,

— сказала Сахарисса. — Это было снято при помощи... волшебного света?

— Йа, — кивнул Отто. — Это подтверждает идея: то, что ист здесь физически, не обязательно ист здесь *реально*. Вот еще имей взгляд.

Он передал ей другую иконографию.

— О, Вильям хорошо получился. Это в подвале, да? А у него за спиной... лорд де Словв?

— В самый деле? — удивился вампир. — Йа этот человек не знавайт. Знавайт только, его не бывайт подвал, когда йа делает снимок. Но... достаточно иметь короткий разговор герр Вильям, чтобы понимайт: его отец всегда стоит позади его спины...

— Как *жутко*.

Сахарисса окинула взглядом подвал. Каменные стены были старыми и грязными, но определенно не были закопченными.

— А я просто видела... людей. Сражающихся людей. Пламя. И... серебряный дождь. Но разве под землей может идти дождь?

— Йа не знавайт. Вот почему йа изучайт темный свет.

Донесшийся сверху шум сообщил, что вернулись Вильям с Хорошагорой.

— Наверное, не стоит об этом лишний раз рассказывать, — задумчиво промолвила Сахарисса, направляясь к лестнице. — У нас и так достаточно неприятностей. А это... слишком уж жутко.

Никакой вывески рядом с трактиром не было. Те, кто знал о его существовании, в вывеске не нуждались, а тому, кто не знал, тем более не стоило туда заходить. Умертвия Анк-Морпорка в целом были законопослушными гражданами, поскольку стражи порядка всегда уделяли им особое внимание, но если вы темной ночью заглянули в «Заупокой», не имея на то серьезных оснований... кто об этом прознает?

Для вампиров^[11] этот трактир был местом, где всегда можно зависнуть. Для вервольфов — местом, где можно вволю пособачиться. Страшили тут могли спокойно выйти из тени. А гулям здесь подавали приличный пирог с мясом и чипсы.

Все глаза, количество которых не обязательно равнялось количеству голов, помноженному на два, уставились на заскрипевшую дверь. Вновь пришедшие подверглись внимательному осмотру из всех темных углов. Это были люди в черном, но это ничего не значило. Кто угодно может натянуть на себя черную одежду.

Они подошли к трактирной стойке, и господин Кноп постучал по испещренному пятнами дереву.

Трактирщик кивнул. Он давным-давно понял, что с обычных людей деньги за напитки нужно брать сразу. Не стоит рассчитывать на то, что они расплатятся потом. Это было бы ничем не оправданным оптимизмом по отношению к их будущему.

— Чем могу... — начал было он, но рука господина Тюльпана схватила его за шею и треснула головой об стойку.

— У меня выдался не слишком удачный день, — сообщил господин Кноп, обращаясь к окружающему миру. — А господин Тюльпан страдает из-за неразрешимых личностных конфликтов. У кого-нибудь еще вопросы есть?

В полумраке поднялась чья-то рука.

— Какого повара? — раздался голос.

Господин Кноп уже открыл было рот, но потом повернулся к своему коллеге, который тем временем рассматривал предлагаемые в трактире напитки. Весьма странные напитки. Разумеется, красного цвета коктейлей достаточно много, но в «Заупокое» все коктейли были красными и какими-то вязкими.

— Там написано: «Замочи Повара!!!» — пояснил тот же голос.

Господин Тюльпан воткнул в трактирную стойку два длинных шампура с такой силой, что доски завибрировали.

— А какие, ять, повара тут имеются? — спросил он.

— *Клевый* передничек, — донесся из полумрака еще чей-то голос.

— Предмет, ять, зависти всех моих друзей, — прорычал господин Тюльпан.

В наступившей тишине господин Кноп *услышал*, как невидимые посетители «Заупокоя» пытаются подсчитать примерное число друзей господина Тюльпана. Судя по звукам, кое-кто для более верного подсчета решил даже снять башмаки.

— Ну да. Наверное, — наконец сказал кто-то.

— Итак, нам не нужны неприятности, — продолжил господин Кноп. — Совсем не нужны. Мы просто хотим поговорить с каким-нибудь вервольфом.

— Зачем? — раздался еще чей-то голос из полумрака.

— У нас есть для него одна работенка, — ответил господин Кноп.

Раздался глухой смех, и вперед, шаркая лапами, вышла темная фигура. Ростом фигура была не выше господина Кнопа, у нее были остроконечные уши и густые волосы, которые, похоже, покрывали все тело до самых лодыжек. Пучки волос торчали из дыр на рваной рубахе и густо покрывали обратные стороны ладоней.

— Я частично вервольф, — сказала фигура.

— Какой именно частью?

— Смешно.

— Ты умеешь разговаривать на собачьем?

Частично-вервольф окинул взглядом невидимых зрителей, и тут господин Кноп впервые ощутил легкое беспокойство. Судя по всему, безумно вращающийся глаз господина Тюльпана и пульсирующие вены на его лбу не произвели на посетителей трактира должного впечатления. Из темноты доносились зловещие шорохи. Кто-то гнусно захихикал.

— Ага, — буркнул почти-вервольф.

«Да пошли они», — подумал господин Кноп, отработанным движением выхватывая миниатюрный арбалет и вскидывая его к морде недовервольфа.

— Наконечник серебряный, — предупредил он.

Реакция последовала незамедлительно и очень-очень быстро. Лапа недовервольфа в одно мгновение оказалась у него на шее, а пять острейших когтей впились в кожу.

— А когти обыкновенные, — сказал недовервольф. — Ну что, проверим, кто быстрее, а?

— С радостью, ять, — откликнулся господин Тюльпан, сжав в руке какой-то предмет.

— Обычная вилка для барбекю, — фыркнул недовервольф, едва удостоив Тюльпана взглядом.

— А хочешь проверить, как быстро я ее метну? — предложил господин Тюльпан.

Господин Кноп попытался проглотить комок в горле, но это удалось ему лишь наполовину. К мертвякам и умертвиям он никогда всерьез не относился, но сейчас до двери было шагов десять, и с каждым ударом сердца это расстояние увеличивалось.

— Эй-эй... — воззвал он. — Зачем такая суета? К чему так напрягаться? Кстати, приятель, с тобой было бы куда проще разговаривать, если бы ты принял свое нормальное обличье...

— Нет проблем, *приятель*. Недовервольф сожмурился и задрожал, впрочем не разжимая когтистой лапы, сомкнувшейся вокруг шеи господина Кнопа. Черты лица его так исказились, сливаясь воедино, что даже господин Кноп, который в другой ситуации не преминул бы насладиться столь захватывающим зрелищем, отвел взгляд.

Который тут же приковала тень на стене. Она, вопреки всем ожиданиям, становилась все больше, особенно в области ушей.

— Еффе вонрофы еффть? — спросил вервольф. Огромные зубы явно мешали ему говорить. А из пасти воняло хуже, чем от костюма господина Тюльпана.

— А... — выдавил господин Кноп, вставая на цыпочки. — Кажется, нас тут не ждали.

— Мне тоже так кажетфя.

Стоящий у стойки господин Тюльпан многозначительно откусил горлышко у бутылки.

И снова зал трактира погрузился в напряженную тишину расчетов. Каждый из присутствовавших пытался определить потенциальные личные прибыли и потери.

Господин Тюльпан треснул себя бутылкой по лбу. И вовсе не для того, чтобы произвести на окружающих какое-то впечатление. Просто у него в руке оказалась бутылка, которая больше не была нужна. Для того чтобы поставить ее на стойку, потребовалось бы приложить некоторые усилия для координации глаз и рук.

Посетители произвели расчеты заново.

— Он челофек? — уточнил вервольф.

— Что есть человек? Всего лишь слово... — уклончиво ответил господин Кноп.

Пальцы ног вновь ощутили приятный вес тела, когда вервольф медленно опустил его на пол.

— Наверное, мы пойдём? — осторожно предложил господин Кноп.

— Наверное, — согласился вервольф.

Господин Тюльпан разбил большую банку с пикулями, или, по крайней мере, с какими-то длинными пупырчатыми и зеленоватыми предметами, и сейчас пытался засунуть один из них себе в ноздрю.

— Разумеется, мы могли бы остаться, если б захотели, — сказал господин Кноп.

— Рафумеетффа. Но ты решил уйти. Как и твой... друг, — откликнулся вервольф.

Господин Кноп попятился к двери.

— Господин Тюльпан, у нас появились другие дела. И в другом месте, — позвал он. — И вытащи из носа этот дурацкий пикуль! Мы ведь профессионалы!

— Это не пикуль, — раздался чей-то голос в темноте.

Когда за их спинами закрылась дверь, господин Кноп даже испытал благодарность — чувство, абсолютно ему несвойственное. Но затем, к своему вящему удивлению, он услышал грохот задвигающихся изнутри

засовов.

— Что ж, а могло бы и получиться... — констатировал он, стряхивая с лацканов шерсть.

— А дальше, ять, что? — поинтересовался господин Тюльпан.

— Пора задуматься о плане «Б», — сказал Кноп.

— Будем давать по башке всем подряд, пока кто-нибудь не скажет нам, куда, ять, подевалась эта шавка? — предложил господин Тюльпан.

— Заманчиво, — признал господин Кноп. — Но пусть это будет план «В»...

— Клятье!

Они обернулись.

— Загибай края патоки, я же грю, — бормотал Старикашка Рон, ковыляя по улице с охапкой «Правды» под мышкой и веревкой в руке, на которой он тащил неопределенного вида дворняжку.

Вдруг ему на глаза попалась Новая Контора.

— Харлегарли-юп? — взвыл он. — *ЛайарррБнип!* Не желаете ли новостной листок, господа?

Господину Кнопу показалось, что последняя фраза, хотя и произнесенная тем же голосом, прозвучала как-то не совсем правильно. Как-то лишне. Кроме того, в отличие от остальных реплик, в ней наличествовал смысл.

— У тебя мелочь есть? — похлопав по карманам, обратился он к господину Тюльпану.

— Ты чё, ять, правда заплатишь? — недоуменно спросил его партнер.

— Всему свое место и время, господин Тюльпан. Место и время. Пожалуйста, господин.

— Десница тысячелетия и моллюск! — воскликнул Рон и добавил: — Премного благодарен, господа.

Господин Кноп развернул «Правду».

— Эта новомодная штукавина... — Он вдруг замолчал и уставился на листок. — «А Ты Видел Эту Собаку?» — прочел господин Кноп. — Вот дерь... — Он посмотрел на Рона. — И много ты таких листков продаешь?

— Соверен за пойло, я же грю. Много. Сотни.

У господина Кнопа снова возникло едва заметное ощущение того, что он слышит не один голос, а два.

— Сотни... — повторил господин Кноп и опустил взгляд на дворнягу.

Она была очень похожа на того пса, чье изображение отпечатали в листке. Впрочем, все терьеры похожи друг на друга. Только у этого был поводок.

— Сотни, — повторил господин Кноп и снова прочел короткую заметку.

Потом уставился в пространство.

— Похоже, у нас имеется план «Б», — сказал он еще через некоторое время.

Удаляющуюся Новую Контору проводили внимательным взглядом. Примерно с уровня земли.

— Уф-ф, похоже, что пронесло, — выдохнул песик, когда парочка скрылась за углом.

Старикашка Рон бросил пачку листов в лужу и выудил из глубин кармана своего бесформенного пальто холодную сосиску.

И честно разделил ее на три равные части.

☞ А ТЫ ВИДЕЛ ЭТУ СОБАКУ? ☞

Награда 25\$ за любую информацию

**[Анк-Морпоркская Правда
Истина Сделает Вас Свободно. Экстренно!
А ТЫ ВИДЕЛ ЭТУ СОБАКУ?
Награда 25\$ за любую информацию]**

Вильям долго сомневался насчет этого объявления, но Стража предоставила очень неплохой рисунок песика. Кроме того, пришел к выводу он, дружеский жест в данном направлении — это весьма неплохая идея. Если он окажется глубоко в беде головой вниз, потребуется кто-нибудь, кто сможет его из этой беды вытянуть.

Вильям переписал статью о патриции, добавив в материал факты, в которых был абсолютно уверен, хотя таких фактов насчитывалось очень

немного. Но иначе он поступить не мог.

Сахарисса, в свою очередь, написала заметку об открытии «Инфо». Насчет данного материала Вильям тоже сначала сомневался. Но это ведь новости, а значит, их нельзя игнорировать. Более того, эта заметка помогала заполнить свободное место,

А еще ему понравились вступительные строки: «На Тусклой улице начал выходить потенциальный конкурент „Правды“, самого старого в Анк-Морпорке новостной листка, давно получившего читательское признание...»

— А ты научилась хорошо писать, — заметил Вильям, посмотрев на сидевшую напротив Сахариссу.

— Ага, — сказала она. — Теперь я знаю, что, увидев на улице голого мужика, нужно первым делом узнать его имя и адрес, потому что...

— Имена — это то, что нас продает, — вместе с ней произнес Вильям.

Он откинулся на спинку стула и сделал глоток действительно ужасного чая, заваренного гномами. Буквально на миг возникло ощущение блаженства. «Странное слово, — подумал он. — Подобными словами описывают нечто совершенно бесшумное. Оно если и издает звуки, то они совершенно не вызывают раздражения, как, например, тихо плавящиеся на горячей сковороде меренги...»

Здесь и сейчас он был свободен. Новостной листок уложили в постельку, укутали одеяльцем, сказку на ночь прочитали. Дело было сделано. Разносчики, ругаясь и плюясь, уже начинали возвращаться за дополнительными экземплярами. Они раздобыли где-то тележки и детские коляски, чтобы быстрее развозить листки по городу. Конечно, где-то через час алчная отпечатная машина снова раззявит свою пасть, и ему опять придется толкать в высокую гору огромный камень, как тому герою... как же его звали?..

— Как звали того героя, которого приговорили толкать в гору камень, а камень с вершины все время скатывался обратно вниз? — спросил он.

Сахарисса даже не подняла голову.

— Он что, не мог тачку взять? — спросила она, с излишней яростью надевая на наколку бумажный лист.

По ее голосу Вильям понял, что ей еще предстоит выполнить какую-то неприятную работу.

— Над чем ты трудишься?

— Над отчетом о собрании анк-морпоркского Общества Реабилитированных Аккордеонистов, — буркнула Сахарисса, что-то быстро записывая.

— А с ним что-нибудь не так?
— Очень не так. С пунктуацией. Ее просто нет. Думаю, нам придется заказать еще один ящик запятых.
— Тогда почему ты этим занимаешься?
— Двадцать шесть человек упомянуты поименно.
— Как аккордеонисты?
— Да.
— А они не будут жаловаться?
— Им *не обязательно было* уметь играть на аккордеоне. А еще на Брод-авеню случилась крупная авария. Телега перевернулась, и несколько тонн муки высыпались на землю, из-за чего две лошади в испуге встали на дыбы и перевернули груз сырых яиц, а потом опрокинулась еще одна телега, и на землю вылилось молоко из тридцати больших бидонов... Что скажешь о вот таком заголовке?

Она показала клочок бумаги, на котором было написано:

БОЛЬШОЙ ЗАМЕС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ!!

Вильям прочел. Да. Каким-то образом в заголовке оказалось все, что нужно. И попытка печально пошутить оказалась к месту. Именно такая шутка могла вызвать смех за столом госпожи Эликсир.

— Убери второй восклицательный знак, — посоветовал он. — А в остальном все просто идеально. Но как ты об этом узнала?

— О, констебль Пустомент заглядывал на минутку, он и рассказал, — объяснила Сахарисса. Она опустила взгляд и принялась перебирать бумаги на столе. — Честно говоря, мне кажется, он в меня немного влюблен.

Крохотная часть самолюбия Вильяма, до сей поры начисто игнорируемая, мгновенно проснулась. Слишком много молодых мужчин готовы были поделиться с Сахариссой всякими новостями.

— Ваймс будет очень недоволен, если узнает, что его офицеры общаются с нами, — услышал свой голос Вильям.

— Да, я понимаю. Но вряд ли это относится к сведениям, касающимся огромного количества разбитых яиц.

— Но...

— Что я могу поделать, если молодые мужчины сами мне все рассказывают?

— Полагаю, ничего, но...

— Все, на сегодня хватит. — Сахарисса зевнула. — Я иду домой.

Вильям вскочил так быстро, что едва не ободрал коленки о край стола.

— Я тебя провожу.

— Ничего себе, уже почти без четверти восемь, — заметила Сахарисса, надевая пальто. — Почему мы столько работаем?

— Потому что отпечатная машина никогда не спит, — пожал плечами Вильям.

Когда они вышли на безлюдную улицу, Вильям вдруг вспомнил слова лорда Витинари об отпечатной машине. Этот безжизненный механизм действительно... *притягивал*. Он походил на собаку, которая не сводит с тебя глаз, пока ее не покормишь. Немного опасную собаку. «Собаки кусают людей, — подумал он. — Но это не новости. Это *старости*».

Сахарисса позволила проводить себя до начала улицы, на которой жила.

— Дедушка расстроится, если увидит меня с тобой, — объяснила она. — Знаю, это глупо, но... соседи, ты ж понимаешь. А еще эти непонятки с Гильдией...

— Да. Понимаю. Гм.

Тишина тяжело повисла в воздухе. Они долго смотрели друг на друга.

— Э... Не знаю, как правильно выразиться, — наконец нарушил молчание Вильям, понимая, что рано или поздно эти слова придется произнести. — Я считаю тебя очень привлекательной девушкой, но ты не мой тип.

Она посмотрела на него так, как не смотрела никогда прежде, — очень *странно*, — а потом ответила:

— Это и без слов ясно. И все равно спасибо.

— Я просто подумал, мы работаем вместе, ну и...

— Я рада, что один из нас это сказал, — перебила его Сахарисса. — Уверена, за таким сладкоречивым мужчиной, как ты, девушки табунами бегают. До завтра.

Он проводил ее взглядом до самой двери. Через несколько секунд в верхнем окне загорелась лампа.

А затем он бросился бегом к себе домой и опоздал ровно настолько, чтобы удостоиться Взгляда госпожи Эликсир, но не настолько, чтобы быть отлученным от стола за невежливость — серьезно опоздавшие к столу отправлялись ужинать на кухню.

Сегодня был вечер карри. Одной из странностей питания у госпожи Эликсир было то, что на стол чаще подавали объедки, чем нормальную еду. Есть блюда, которые готовятся из того, что традиционно считается годными для употребления остатками от ранее приготовленных кушаний, — допустим, рагу, гуляш и карри. Так вот, эти блюда появлялись на столе

госпожи Эликсир гораздо чаще, чем блюда, в результате употребления которых таковые остатки могли возникнуть.

Блюда с карри были особо необычными на вкус, поскольку госпожа Эликсир считала заморские товары опасными и провоцирующими на самые чудные заморские выходки. Поэтому таинственный желтоватый порошок карри она добавляла специальной очень маленькой ложечкой, чтобы никто за ее столом вдруг не вздумал сорвать с себя одежды и заняться чем-нибудь этаким заморским. Основными ингредиентами местного карри были безвкусная и водянистая курятина, брюква и жалкие останки холодной баранины. Хотя Вильям не припоминал, чтобы когда-либо к местному столу подавали баранину любой температуры.

Впрочем, постояльцы не жаловались. Порции у госпожи Эликсир были огромными, а большинство местных постояльцев относились к тому типу людей, которые определяют степень кулинарного искусства по количеству положенного на тарелку. Вкус, возможно, был не таким уж восхитительным, но спать ты ложишься с полным животом, и это главное.

В данный момент обсуждались новости прошедшего дня. Господин Маклдафф на правах хранителя огня общения принес «Инфо» и оба выпуска «Правды».

В итоге было высказано общее мнение, что новости в «Инфо» куда более занимательные, хотя госпожа Эликсир строго постановила, что змеи — это не предмет для обсуждения за обеденным столом и вообще новостным листкам следует запретить отпечатывать подобные, способные расстроить людей вещи. Зато вести о дождях из насекомых и всем таком прочем лишний раз подтвердили мнение присутствующих о дальних странах.

«Старости... — подумал Вильям, препарируя курятину. — Его сиятельство был абсолютно прав. Не новости, а *старости*. Правда для людей — это то, что, как им кажется, они и так знают...»

Затем собрание постановило, что «а патриций-то, оказывается, изворотливый типчик, не лыком шит». И все они там одинаковые. В ответ господин Крючоктвор заявил, что в городе все перепуталось и что грядут перемены. А господин Долгоствол сказал, что он, Долгоствол, за весь город, конечно, говорить не может, но, судя по слухам, торговля драгоценными камнями весьма оживилась. А господин Крючоктвор ответил, что это, разумеется, некоторым очень даже на руку. Господин Ничок тоже высказал свою точку зрения, сообщив, что Стража даже собственную задницу найти не может, за каковой оборот речи едва не отправился доедать ужин на кухню. Потом все согласились, что Витинари,

в принципе, неплохо справлялся со своими обязанностями, но пора бы ему и честь знать. Поглощение основного блюда закончилось в восемь сорок пять, после чего подали раскисшие сливы в заваренном креме. Причем господин Ничок получил слив гораздо меньше остальных — в качестве наказания.

Из-за стола Вильям поднялся первым. Его организм давно адаптировался к местной кухне, но только радикальное хирургическое вмешательство могло заставить его полюбить кофе госпожи Эликсир.

Он поднялся в свою темную комнатку (госпожа Эликсир выдавала по одной свече в неделю, а он, замотавшись, постоянно забывал купить своих свечек), вытянулся на узкой кровати и долго-долго лежал, пытаясь думать.

Громко шаркая по паркетному полу пустующего бального зала, господин Кривс занял свое место в центре освещенного круга и нервно огляделся по сторонам. Как и все зомби, открытый огонь он недолюбливал.

Затем господин Кривс откашлялся.

— Итак? — сказала кресло.

— Пес пока не найден, — сообщил господин Кривс. — Во всех других аспектах, смею заверить, работа была выполнена мастерски.

— Что нам грозит, если пса найдет Стража?

— Насколько мне известно, обсуждаемый нами пес весьма и весьма стар, — ответил господин Кривс освещенному кругу. — Я поручил нашим подручным заняться поисками беглеца, но очень сомневаюсь, что господину Кнопу удастся проникнуть в городское собачье подполье.

— Однако в городе есть и другие вервольфы, не так ли?

— Да, — охотно согласился господин Кривс, — но они вряд ли будут с нами сотрудничать. Их не так уж много, а сержант Ангва из Стражи пользуется в вервольфском сообществе большим уважением. Они не станут помогать, потому что она обязательно *узнает*.

— И что она сделает таким помощникам? Натравит на них Стражу?

— Скорее всего, разберется сама, — пожал плечами Кривс.

— Думаю, гномы уже сделали из этого пса рагу, — сказала кресло.

Все рассмеялись.

— Если все пойдет... не так, как мы рассчитываем, — спросило кресло, — кого эти люди знают?

— Они знают меня, — ответил господин Кривс. — Я бы не стал чрезмерно беспокоиться. Ваймс работает по правилам.

— Я всегда считал его склонным к насилию, жестоким человеком, —

пробормотало кресло.

— Это справедливое мнение. Он себя тоже таковым считает, потому и работает по правилам. Как бы то ни было, собрание Гильдий намечено на завтра.

— И кто станет новым патрицием? — поинтересовалось кресло.

— Данный вопрос подлежит внимательнейшему обсуждению с учетом всех возможных точек зрения и нюансов, — пообещал господин Кривс. Его голосом можно было смазывать часы.

— Господин Кривс! — окликнуло кресло.

— Да?

— Не лукавь с нами. Это будет господин Скрыб, не так ли?

— Господин Скрыб пользуется уважением многих выдающихся жителей нашего города, — признал законник.

— Хорошо.

И затхлый воздух буквально взорвался от оживленного, не выраженного вслух обмена мнениями.

«Почти все могущественные жители города обязаны своим положением лорду Витинари», — не напомнил абсолютно никто.

«Да, конечно, — не возразил никто в ответ. — Но у благодарности тех, кто ищет власти, очень короткий срок хранения. Ищущие власти предпочитают иметь дело с тем, что есть, а не с тем, что было. Они никогда не попытались бы сместить Витинари, но, если он уйдет сам, они поступят *практично*».

«Неужели ни один человек не вступится за Витинари?» — не спросил никто.

«О, за него вступятся *все*, — ответила тишина. — „Бедняга, — скажут они, — не выдержал напряжения...“ А еще скажут: „Такие вот тихони громче всех ломаются“. „Да-да, — скажут, — надо бы поместить его куда-нибудь подальше, где он не сможет причинить вреда ни себе, ни остальным. Как думаете?“ „И поставим ему небольшую статую, он все ж заслужил...“ — скажут они. „Самое меньшее, что мы можем сделать для него, — скажут, — это распустить Стражу. Мы просто обязаны так поступить“. „Мы должны смотреть в будущее“, — скажут они. И таким вот образом все очень тихо изменится. Без суеты, треволений и беспорядков».

«Убить словом, — не промолвил никто. — Обычным оружием убивают только однажды, а словом убивают снова и снова».

Зато вслух одно кресло спросило:

— Интересно, а вдруг лорд Низз или господин Боггис...

— Ой, да ладно! — воскликнуло другое. — Им-то это зачем? Так

гораздо лучше.

— Верно, верно. Господин Скрыб — чудесный человек.

— Прекрасный семьянин, насколько мне известно.

— Прислушивается к мнению простых людей.

— Надеюсь, *не только* простых?

— Само собой! Он охотно прислушивается к советам информированных... рабочих групп.

— Без таких групп, конечно, никуда.

«Он удобный для всех идиот», — не сказал никто вслух.

— Тем не менее... Стражу необходимо приструнить.

— Ваймс сделает то, что ему *прикажут*. Иначе он не может. Скрыб станет не менее законным правителем, чем Витинари, а Ваймс принадлежит к категории людей, которым нужен начальник, ведь только тогда его действия законны.

Кривс откашлялся.

— Это все, господа?

— А как быть с «Анк-морпоркской правдой»? — спросило вдруг кресло. — Этот листок становится проблемой.

— Люди находят его забавным, — пожал плечами господин Кривс. — И никто не воспринимает всерьез.

«Инфо» уже продается в два раза лучше, а ведь прошел всего один день. Кроме того, «Правда» недостаточно финансируется. И у нее возникли трудности со снабжением.

— А смешную историю отпечатали в «Инфо» про женщину и кобру, да?

— Неужели? — спросил господин Кривс. Кресло, которое первым упомянуло «Правду», явно к чему-то вело.

— Я бы не стал возражать, если бы какие-нибудь громилы разнесли их отпечатную машину.

— Это привлечет внимание, — ответило другое кресло. — А именно внимания «Правде» так не хватает. Любой... писатель жаждет быть замеченным.

— Ну хорошо, хорошо, раз вы так настаиваете...

— И в голову не приходило настаивать, — парировало кресло, к мнению которого прислушивались остальные кресла. — Кроме того, этот молодой человек — идеалист. Ему еще предстоит многое узнать. Например, одну простую истину: то, что интересует общество, не всегда в интересах общества.

— Что-что?

— Люди, господа, главное — люди. Они могут считать, что этот юноша молодец, что он хорошо работает, но покупают они «Инфо». Там новости интереснее. Я когда-нибудь говорил тебе, господин Кривс, что, пока правда надевает башмаки, ложь успевает весь мир обежать?

— И не раз, сэр, — ответил Кривс с несколько меньшей, чем обычно, дипломатичностью. Но он сразу это понял и добавил: — Тем не менее весьма ценное замечание.

— Хорошо. — Главное кресло презрительно фыркнуло, — Присматривай за нашими... работниками, господин Кривс.

В полночь в храме Ома на улице Мелких Богов свет горел только в ризнице. Чадила свеча в очень тяжелом витиеватом подсвечнике, и она в некотором роде возносила молитву небесам. Согласно Евангелию от Злодеев, эта молитва гласит: о боже всемилостивый, только б нас не взяли за зад.

Господин Кноп рылся в шкафу.

— Никак не могу найти твой размер, — буркнул он наконец. — Судя по всему... Слушай, ты совсем обалдел? Ладан *воскуривают!*

Тюльпан чихнул, густо обрызгав противоположную стену слюной вперемешку с опилками сандалового дерева.

— Раньше, ять, не мог сказать? — пробормотал он. — У меня и специальная бумажка имеется.

— Опять пар гонял? — осуждающе произнес господин Кноп. — Я хочу, чтобы ты сосредоточился, понятно? Слушай, я нашел только одну вещь, которая придется тебе впору...

Дверь со скрипом приоткрылась, и в комнату вошел престарелый жрец. Господин Кноп машинально схватил тяжелый подсвечник.

— Здравствуйте. Вы пришли на полночную? — неуверенно спросил старик, щурясь от яркого света.

На сей раз господин Тюльпан остановил господина Кнопа, вовремя перехватив его руку.

— Ты, ять, с ума сошел! Ну что ты за человек такой?! — прорычал он.

— Что? Но он же нас...

Господин Тюльпан буквально вырвал подсвечник из руки напарника.

— Ты только посмотри на эту *вещь*, — продолжал он, не обращая внимания на ошеломленного жреца. — Настоящий, ять, Селлини! Да этому подсвечнику, ять, пятьсот лет! Вот, глянь гравировку на чашечке. Но нет, ять, для тебя это всего-навсего пять фунтов серебра!

— На самом деле, гм, — произнес жрец, мысли которого пока еще не

поспевали за событиями, — это Жадница.

— Что? Ученик? — воскликнул господин Тюльпан, и от изумления его глаза даже перестали бешено вращаться. Он перевернул подсвечник и посмотрел на основание. — Эй, а ведь ты, ять, прав! Стоит клеймо Селлини, но с маленькой буквой «ж». Впервые вижу, ять, предмет, относящийся к столь раннему периоду его творчества. Жадница куда лучше работал по серебру, жаль, имя, ять, такое дурацкое. Ваше преподобие, ты хоть представляешь, сколько за эту вещицу можно, ять, выручить?

— Мы думали, долларов семьдесят...—сказал жрец полным надежд голосом. — Одна старая дама много мебели завещала храму. На самом деле мы храним все это как дорогое воспоминание...

— А футляр, ять, остался? — спросил господин Тюльпан, вертя подсвечник в руках. — Он делал великолепные, ять, подарочные футляры. Из вишневого, ять, дерева.

— Э... Нет, кажется, нет...

— Уроды, ять.

— Э... А он что-нибудь стоит? Без футляра? Кажется, у нас где-то есть еще один.

— Если продать хорошему коллекционеру, тысячи четыре, ять, долларов, — просветил господин Тюльпан. — А за пару не меньше двенадцати штук можно снять. Сейчас коллекционеры, ять, очень интересуются работами Жадницы.

— Двенадцать тысяч! — пробормотал старик, и глаза его зажглись огнем смертного греха.

— А может, ять, и больше, — подтвердил господин Тюльпан. — Очаровательная вещица. Для меня большая, ять, честь держать ее в руках. — Он мрачно посмотрел на господин Кнопа. — А ты хотел использовать этот шедевр в качестве тупого, ять, предмета.

Он аккуратно, почти благоговейно поставил подсвечник на стол и аккуратно протер его рукавом. Потом резко развернулся и треснул жреца кулаком по голове. Старик, охнув, осел на пол.

— И они хранили его в каком-то, ять, шкафу, — вздохнул господин Тюльпан. — Духовные, ять, люди.

— Хочешь — забери, — предложил господин Кноп, запихивая одежду в мешок.

— Не, местные барыги просто, ять, расплавят его, — сказал господин Тюльпан. — Мне, ять, совесть не позволяет так поступить. Слушай, давай найдем эту, ять, псину, эта помойка меня уже достала. Она меня угнетает.

Вильям перевернулся с боку на бок, проснулся и уставился, выпучив глаза, на потолок.

А еще через две минуты госпожа Эликсир спустилась в кухню, вооруженная лампой, кочергой и, что важнее всего, в бигуди. Не спасовать перед такой комбинацией мог лишь обладающий действительно железным желудком злоумышленник.

— Господин де Словв! Что ты себе позволяешь? Уже полночь!

Вильям лишь на мгновение поднял взгляд, продолжая открывать ящики буфета.

— Прошу прощения, госпожа Эликсир, я случайно уронил кастрюлю, готов возместить любой ущерб. Где же эти весы?

— Весы?

— Весы! Кухонные весы! Где они?

— Господин де Словв, я...

— Где эти клятые весы, госпожа Эликсир? — в отчаянии заорал Вильям.

— Господин де Словв! Как тебе не стыдно!

— Госпожа Эликсир, на чашу этих весов может быть положено будущее всего города!

Выражение смертельного оскорбления на лице госпожи Эликсир постепенно исчезло, сменившись полным недоумением.

— Что? На чашу *моих* весов?

— Да! Да! Вполне возможно!

— Э... Они в чулане, рядом с мешком муки. Всего города, говоришь?

— Весьма вероятно!

Вильям торопливо сунул в карман тяжелые бронзовые гирьки.

— Возьми старый мешок из-под картошки, — посоветовала госпожа Эликсир, очень взволнованная услышанным.

Вильям схватил мешок, запихнул в него весы и бросился к двери.

— То есть с Университетом, рекой и всем прочим? — с беспокойством уточнила хозяйка пансиона.

— Да! Да, конечно!

— На моих весах?

— Да!

— В таком случае, молодой человек, — высокомерным тоном произнесла ему вслед госпожа Эликсир, — не забудь потом *хорошенько* их вымыть!

Бег Вильяма замедлился уже в конце улицы. Тащить огромные чугунные кухонные весы и полный набор гирек оказалось весьма нелегко.

Но именно в этом и крылась разгадка. В весе! Он то бегом, то шагом волок проклятый мешок, через скованный морозом ночной город, пока наконец не добрался до Тусклой улицы.

В конторе «Инфо» еще горел, свет. «Зачем торчать допоздна на работе, если все новости можно придумать днем? — подумал Вильям. — Вот у меня новости настоящие. Весомые такие новости».

Он долго барабанил в дверь «Правды», пока ему не открыл заспанный гном. Оттолкнув пораженного гнома, Вильям подбежал к своему столу и с грохотом водрузил на него мешок с весами и гирьки.

— Буди господина Хорошагору! — крикнул он. — Мы должны срочно выпустить следующий номер! А еще мне нужны десять долларов!

Хорошагора, поднявшийся из подвала в ночной рубашке, но в шлеме, не сразу понял, что от него требуется.

— Не просто десять долларов, — попытлся втолковать озадаченным гномам Вильям. — А десять долларов *монетами*. Не сумма в десять долларов.

— Зачем?

— Чтобы узнать, сколько весят семьдесят тысяч долларов!

— Но у нас нет семидесяти тысяч долларов!

— Послушайте, одного доллара тоже хватит. В смысле, монеты, — терпеливо объяснил Вильям. — Но с десятью будет точнее, вот и все.

Десять нужных монет наконец появились из денежного сундука гномов и были тщательно взвешены. Потом Вильям открыл блокнот на чистой странице и углубился в расчеты. Гномы, затаив дыхание, словно перед ними вершился какой-то алхимический опыт, наблюдали за ним. В конце концов Вильям поднял голову. Глаза его светились так, будто он раскрыл страшную тайну.

— Почти треть тонны, — объявил он. — Вот сколько весят семьдесят тысяч долларов. Полагаю, хорошая лошадь способна везти такой груз и всадника, но... Витинари всегда ходил с тростью, вы же сами *видели*, У него ушла бы целая вечность на то, чтобы навьючить лошадь, а даже если бы ему удалось сбежать, он не смог бы ехать слишком быстро. Ваймс должен был догадаться! Он ведь говорил, что это неправильные факты, *глупые факты!*

Хорошагора уже занял свое привычное место у кассы со шрифтами.

— Жду указаний, шеф, — сказал он.

— Итак...

Вильям задумался. Он знал факты, но... что эти факты предполагают?

— Э... Набирай заголовок: «Кто подставил лорда Витинари?» А статья

будет начинаться... будет начинаться... э... — Вильям смотрел, как порхают пальцы Хорошагоры, выхватывая из ящичков нужные буквы. — Э... «Анк-морпоркская Стража полагает, что по крайней мере еще одно лицо было участником...»

— Перипетии? — подсказал Хорошагора.

— Нет.

— Кавардака?

— «...Нападения, совершенного во дворце утром во вторник». — Вильям сделал паузу, чтобы гном успел набрать произнесенные слова. Он уже научился читать набираемое по пальцам Хорошагоры, танцующим над ящичками с буквами. — Ты пропустил букву «ц».

— О, извини. Давай дальше.

— Э... «Улики указывают на то, что лорд Витинари не нападал на своего секретаря, как считалось раньше, а стал свидетелем совершаемого преступления...»

Пальцы стремительно летали над ящичками. С-о-в-е-р-ш-а-е-м-о-г-о — пробел — п-р-е-с-т-у... И вдруг они остановились.

— Ты *уверен*? — спросил Хорошагора.

— Нет, но эта теория ничуть не хуже остальных, — пожал плечами Вильям. — Лошадь навьючили не для того, чтобы сбежать, а для того, чтобы ее *обнаружили*. У кого-то был план, но он сорвался. Вот в этом я практически уверен. Так, дальше, с новой строки. «Обнаруженная в конюшне лошадь была нагружена третьей тонны монет, но, учитывая состояние здоровья патриция...»

Один из гномов разжег печь. Другой снимал с машины отпечатные формы прошлого выпуска новостного листка. Помещение снова оживало.

— Итого около восьми дюймов плюс заголовок, — подытожил Хорошагора, когда Вильям закончил диктовать. — Люди будут ошеломлены. Ты хочешь еще что-нибудь добавить? Госпожа Сахарисса написала статью о приеме у леди Силачии, есть еще пара коротких заметок.

Вильям зевнул. Последнее время он совсем мало спал.

— Добавляйте, — махнул рукой он.

— Кстати, когда ты уже ушел домой, пришло сообщение из Ланкра, — вспомнил Хорошагора. — Посыльный обошелся нам в пятьдесят пенсов. Помнишь, ты днем посылаешь сообщение по семафору? Ну, насчет змей? — добавил он, увидев лишенное выражения лицо Вильяма.

Вильям взял в руки лист папиросной бумаги. Сообщение было аккуратно записано четким почерком клик-оператора. Вероятно, это было самое странное сообщение, когда-либо переданное при помощи передовых

технологий.

Король Ланкра Веренс тоже понимал, что стоимость семафорных услуг напрямую зависит от количества слов.

*ЖЕНЩИНЫ ЛАНКРА НЕ ИМЕЮТ ПВТ НЕ ИМЕЮТ
ОБЫКНОВЕНИЯ ВЫНАШИВАТЬ ЗМЕЙ ТЧК РОДИВШИЕСЯ
ЭТОМ МЕСЯЦЕ ВИЛЬЯМ ТКАЧ КОНСТАНЦИЯ ПРУТОПЛЕТС
КАТАСТРОФА ВОЗЧИК ВСЕ ПЛЮС РУКИ НОГИ МИНУС
ЧЕШУЯ КЛЫКИ.*

— Ха! — воскликнул Вильям. — Попались! Дайте мне пять минут, я быстренько напишу об этом заметку. Скоро мы увидим, способен ли меч правды сразить дракона лжи.

Боддони ласково посмотрел на него.

— А разве не ты говорил, что, пока правда надевает башмаки, ложь успевает весь мир обежать?

— Но это самая что ни на есть *правда!*

— Неужели? А где тогда ее башмаки?

Хорошагора кивнул зевающим гномам.

— Парни, можете отправляться спать. Я сам справлюсь.

Он подождал, пока все спустятся по лестнице в подвал, а потом сел на стул и достал маленькую серебряную коробочку.

— Понюшку хочешь? — спросил он, открывая коробочку и протягивая ее Вильяму. — Лучшее, что удалось придумать людям. Ватсоповский ядреный.

Вильям покачал головой.

— Господин де Словв, ради чего ты всем этим занимаешься? — спросил Хорошагора, заправляя в каждую ноздрю по гигантской порции табака.

— Ты о чем?

— На самом деле я тебе благодарен, и даже очень, — признался Хорошагора. — Благодаря твоему листку мы хоть как-то держимся. Ведь заказов с каждым днем все меньше. Похоже, скоро в каждой граверной мастерской будет своя отпечатка. А мы этим прохвостам проложили дорогу. Впрочем, они все равно рано или поздно покончили бы с нами. Ведь за ними деньги. Кое-кто из парней уже поговаривает, мол, надо продавать дело и возвращаться на свинцовые рудники.

— Вы не можете так поступить!

— Вернее сказать, это *ты* не хочешь, чтобы мы так поступили, —

поправил Хорошагора. — И я тебя понимаю. Но мы скопили чуток денег. С нами все будет в порядке. Отпечатную машину мы без труда продадим. Наверняка продадим. То есть мы сможем вернуться домой с деньгами. Мы и занимались этим только ради денег. А вот ради чего этим занимаешься ты?

— Я? Ради...

Вильям замолчал. На самом деле он никогда не задумывался о том, чем хочет заниматься, а чем не хочет. Не принимал такого решения. Одно плавно переходило в другое, а потом понадобилось кормить отпечатную машину... Она и сейчас ждала, когда ее покормят. Ты работаешь изо всех сил, кормишь ее, но буквально через час выясняется, что она снова проголодалась, а в результате все твои труды оказываются в бочке номер шесть на фабрике Гарри-Мочи. И на этом неприятности вовсе не заканчиваются, а только начинаются. У него вдруг появилась реальная работа с реальными рабочими часами, но в действительности все сделанное им было не более реальным, чем песочный замок на заливаемом волнами берегу.

— Я не знаю, — наконец признался он. — Наверное, я занимаюсь этим потому, что больше ничего не умею. А теперь и вовсе не представляю для себя другого занятия.

— Но я слышал, у твоей семьи куча денег.

— Господин Хорошагора, я абсолютно бесполезный человек. Воспитан быть таким. Согласно традиции, я должен просто шляться по улицам и ждать, пока не разразится война, чтобы совершить на ней какой-нибудь безумно храбрый поступок и быстренько погибнуть. Основное наше занятие — таких людей, как я, — сохранять верность. Главным образом неким идеалам.

— Вижу, с родственниками ты не ладишь.

— Послушай, ты хочешь поговорить по душам? А вот мне этого не хочется. Мой отец — не очень приятный человек. Нарисовать картинку? Он не любит меня, я не люблю его. Если уж на то пошло, он никого не любит. Особенно гномов и троллей.

— Нет такого закона, в котором говорится, что нужно любить гномов и троллей, — заметил Хорошагора.

— Да, но должен быть закон, который запрещал бы не любить их так, как не любит он.

— Ага. Ты действительно нарисовал картинку.

— Может, ты слышал термин «низшие виды»?

— А теперь еще и раскрасил.

— Он именно поэтому отказался жить в Анк-Морпорке. Говорит, что здесь слишком много грязи.

— А он весьма наблюдателен.

— Я имею в виду...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — перебил его Хорошагора. — Мне приходилось встречаться с такими людьми.

— Ты сказал, что делал все это ради денег, — промолвил Вильям. — Неужели это действительно так?

Гном кивнул на аккуратно сложенные у отпечатной машины свинцовые слитки.

— Мы хотели превратить свинец в золото, — сказал он. — Свинца у нас много, а золота — мало.

Вильям вздохнул.

— Гномы только и думают, что о золоте. Так говаривал мой отец.

— В чем-то он прав, — подтвердил Хорошагора, засовывая в ноздри очередную порцию табака. — Но люди ошибаются в одном... Понимаешь ли, если человек думает только о золоте, значит, он скряга. А если гном думает только о золоте, он просто гном. Есть разница. Взять к примеру этих черных людей, из Очудноземья, как вы их там называете?

— Я знаю, как их называет мой отец, — буркнул Вильям. — Но лично я называю их «люди, живущие в Очудноземье».

— Правда? Ладно, неважно. Так вот, я слышал, там существует племя, в котором мужчине разрешают жениться только после того, как он убьет леопарда и подарит его шкуру женщине. У нас примерно то же самое. Гному, чтобы жениться, нужно золото.

— Что? В качестве приданого? Но я думал, в гномьем сообществе нет разницы между...

— Ее и нет. Поэтому когда два гнома женятся, каждый из них выкупает другого у его родителей.

— *Выкупает?* — недоверчиво спросил Вильям. — Как вообще можно покупать людей?

— Вот видишь! — хмыкнул Хорошагора. — Типичное культурное недопонимание. Для того чтобы вырастить гнома с молодых ногтей до брачного возраста, требуется много денег. Еда, одежда, кольчуги... За много лет набегает приличная сумма. Ее следует возместить. Ведь ты забираешь нечто такое, во что очень долго вкладывали деньги. И возместить эту сумму необходимо золотом. Такова *традиция*. Или драгоценными камнями. Они тоже подойдут. Слыхал нашу присказку «ценится на вес золота»? Конечно, если гном работал на своих родителей,

это учитывается в соседнем разделе бухгалтерской книги. Но тянуть со свадьбой не стоит, ведь твой долг все копится и копится и к зрелым годам может достичь приличной суммы... Ты как-то странно на меня смотришь.

— Просто... Мы так не поступаем... — пробормотал Вильям.

Хорошагора внимательно посмотрел на него.

— Правда? В самом деле? А что вы используете вместо денег?

— Э... Говорим спасибо, все такое, — пожал плечами Вильям.

Он хотел, чтобы этот разговор прекратился. Немедленно. Лед под ногами становился все тоньше.

— Спасибо на хлеб не намажешь.

— Ну да... но...

— И что, всё? И никаких проблем?

— Ну, иногда проблемы все ж бывают...

— Мы тоже умеем быть благодарными. Но по нашим обычаям, молодожены должны начать совместную жизнь в состоянии, которое называется г'дарака... то есть как свободные, не обремененные долгами, *новые* гномы. Кроме того, родители могут преподнести им очень щедрый свадебный подарок, который стоит гораздо дороже выкупа. Этот вопрос решается между гномами на основе любви и уважения, а не по результатам дебита-кредита... Очень человеческие, кстати, слова, которые совсем не подходят для описания отношений между нами. Данная традиция существует давно, уже много тысяч лет, и вполне всех устраивает.

— А вот человеку все это кажется несколько холодным и расчетливым, — ответил Вильям.

Хорошагора снова наградил его внимательным взглядом.

— Это по сравнению с теплыми и прекрасными отношениями между людьми? — уточнил он. — Можешь не отвечать. Как бы то ни было, я и Боддони хотим вместе открыть шахту, а мы очень ценные гномы. Мы знаем, как добывать свинец, и думаем, нам хватит пары лет, чтобы полностью рассчитаться.

— Вы намереваетесь пожениться?

— Хотим, — кивнул Хорошагора.

— О... Примите мои поздравления, — сказал Вильям.

Он был достаточно умен и не стал комментировать тот факт, что будущие счастливые новобрачные больше смахивают на низкорослых и длиннобородых воинов-варваров. Впрочем, именно так выглядят все традиционные гномы ^[12].

Хорошагора усмехнулся.

— Не стоит так волноваться об отце, юноша. Люди с возрастом

меняются. Вот моя бабушка раньше считала людей безволосыми медведями. Теперь она так не считает.

— И что заставило ее изменить свое мнение?

— Я бы сказал, что могила.

Хорошагора встал и похлопал Вильяма по плечу.

— Давай закончим листок. А как ребята проснутся, начнем отпечатать.

Когда Вильям вернулся, его уже ждали завтрак и госпожа Эликсир. Губы ее были решительно сжаты, поскольку в данный момент речь шла о поправлении приличности.

— Я требую объяснений по поводу твоего поведения ночью, — сказала госпожа Эликсир, преграждая ему дорогу. — И предупреждаю: через неделю ты должен съехать.

Вильям был слишком измотан, чтобы врать.

— Просто мне нужно было выяснить, сколько весят семьдесят тысяч долларов, — сказал он.

Мышцы на различных участках лица хозяйки задрожали. Она знала биографию Вильяма, поскольку принадлежала к типу женщин, которые выясняют подобные сведения в первую очередь, а нервный тик объяснялся внутренней борьбой, вызванной тем, что семьдесят тысяч долларов определенно являлись *приличной суммой*.

— Что ж, быть может, я была чрезмерно строга, — произнесла она неуверенно. — И тебе удалось выяснить, сколько весят семьдесят тысяч долларов?

— Да, большое спасибо.

— Может, желаешь оставить весы у себя на несколько дней? Вдруг понадобится еще что-нибудь взвесить?

— Думаю, со взвешиванием покончено, госпожа Эликсир, Тем не менее спасибо за предложение.

— Завтрак уже начался, господин де Словв, но... на сей раз, полагаю, у тебя были веские оправдания.

Ему также подали второе вареное яйцо, а это было редким знаком расположения.

Последние новости уже были предметом оживленного обсуждения.

— Честно говоря, я просто поражен, — заявил господин Каретник. — Не понимаю, как им удалось это выяснить.

— Это заставляет задуматься, о чем еще нам на самом деле не говорят, — намекнул господин Крючоктвор.

Некоторое время Вильям слушал, пока у него не лопнуло терпение.

— Что-нибудь интересное в новостном листке? — осведомился он с невинным видом.

— Женщина с Пиночной улицы заявляет, что ее мужа похитили эльфы, — сказал господин Маклдафф, показывая ему номер «Инфо».

Заголовок не оставлял ни малейших сомнений в содержании статьи.

ЭЛЬФЫ ПОХИТИЛИ МОЕГО МУЖА!

— Очередные выдумки! — воскликнул Вильям.

— Не, вряд ли, — возразил Маклдафф. — Здесь приводится фамилия женщины, указан ее адрес. Думаешь, они стали бы такое отпечатывать, если б это было враньем?

Вильям прочел фамилию и адрес.

— Но я знаю эту даму! — изумился он.

— А-га!

— Примерно месяц назад она заявила, что ее мужа увезли на спустившейся с неба серебристой тарелке, — сказал Вильям, у которого была хорошая память на подобные вещи. Он едва не внес это в свое новостное письмо под заголовком «Нарочно не придумаешь», но потом все же решил не делать этого. — Господин Ничок, ты ведь сам рассказывал: мол, всем известно, этот тип просто увлекся некой дамочкой по имени Фло, которая работала официанткой в «Реберном доме» Харги...

Госпожа Эликсир смерила Вильяма взглядом, который ясно давал понять: в любой момент дело о ночной краже кухонной утвари может быть вновь открыто независимо от того, подали ему второе яйцо или нет.

— Я не потерплю за столом подобных разговоров, — произнесла она категорическим тоном.

— Ну так все очевидно, — обрадовался господин Каретник. — Он вернулся.

— С серебристой тарелки или от Фло? — уточнил Вильям.

— Господин де Словв!

— Просто спросил, — пожал плечами Вильям. — О, вижу, они назвали имя грабителя, который на днях ворвался в ювелирную лавку. Жаль только, что им, как всегда, оказался бедняга Это-Все-Я Дункан.

— Судя по всему, закоренелый преступник, — заметил господин Крючоктвор. — Удивительно, что стражники не арестовали его раньше.

— Особенно учитывая то, что он почти каждый день у них бывает.

— Зачем?

— Чтобы получить горячий ужин и ночлег, — ответил Вильям. — Это-

Все-Я Дункан готов сознаться буквально во всем. В первородном грехе, убийствах, мелких кражах... А когда дела у него совсем плохи, он пытается сдаться в обмен на вознаграждение.

— В таком случае его просто обязаны как-нибудь наказать, — заявила госпожа Эликсир.

— Насколько я знаю, обычно его наказывают чашкой чая, — произнес Вильям. — А в другом листке нет ничего интересного?

— О, эти всё доказывают, что Витинари ни в чем не виноват, — хмыкнул господин Маклдафф. — И король Ланкра тоже все отрицает. Говорит, мол, в его королевстве женщины змей не рожают.

— А что еще ему остается, кроме как отрицать? — логично возразила госпожа Эликсир.

— Витинари наверняка что-то совершил, — сказал господин Крючкотвор. — Иначе с чего бы ему помогать Страже? Так невиновные не поступают, по моему скромному мнению, разумеется^[13].

— Насколько я знаю, имеется много улик, подвергающих сомнению его виновность, — ответил Вильям.

— Правда? — изумился господин Крючкотвор, своим тоном предлагая всему миру сделать вывод, что мнение Вильяма еще более скромное, чем его собственное. — А вот я знаю кое-что другое. Сегодня состоится собрание глав всех Гильдий. — Он фыркнул. — Настало время перемен. Честно говоря, нам всем не помешал бы правитель, который с большей готовностью реагировал бы на мнение простых людей.

Вильям бросил взгляд на господина Долгоствола, который в данный момент мирно вырезал из тоста солдатиков. Наверное, гном ничего не заметил. А может, и замечать было нечего. Просто у Вильяма в результате многолетнего общения с лордом де Словвом развился особый слух. И слух этот говорил ему, что такие фразы, как «мнение простых людей», какими бы невинными и достойными они ни казались, обычно означают лишь одно: кого-то нужно хорошенько выпороть.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Город становится слишком... большим, — пояснил господин Крючкотвор. — В старые времена ворота держали на запоре, а не открытыми настежь для всяких там. Зато никто не знал, что такое замок на двери.

— Потому что у нас нечего было воровать, — напомнил господин Каретник.

— Верно. Сейчас в городе гораздо больше денег, — подтвердил господин Ничок.

— Но не все они здесь остаются, — парировал господин Крючоктвор.

По крайней мере, это было правдой. «Отправка денег домой» была основной экспортной операцией в Анк-Морпорке, и на передовой стояли, разумеется, гномы. Но Вильям знал, что большая часть денег все равно возвращается в город, потому что гномы предпочитали покупать товары у лучших мастеров-гномов, а лучшие мастера-гномы работали теперь в Анк-Морпорке. И они тоже отправляли деньги домой. Волны золотых монет гуляли взад-вперед, и круговорот золота в природе почти не замирал. Но это немало беспокоило Крючоктворов города.

Господин Долгоствол спокойно взял вареное яйцо и положил его в специальную чашечку.

— В городе слишком много народа, — продолжал господин Крючоктвор. — Я ничего не имею против... посторонних, боги тому свидетели, но Витинари позволил происходящему зайти слишком далеко. И все сейчас понимают: нам нужен человек, более твердый в решении этих вопросов.

Что-то звякнуло. Господин Долгоствол, не спуская глаз с яйца, опустил руку и достал из своей сумки топорик. Маленький, но очень похожий на настоящий. Внимательно глядя на яйцо, словно оно могло убежать, господин Долгоствол медленно откинулся на спинку стула, замер на мгновение, а затем резко нанес удар по дуге.

Верхняя часть яйца беззвучно взлетела на несколько футов над столом, перевернулась в воздухе и упала рядом с чашечкой.

Господин Долгоствол удовлетворенно кивнул и только потом окинул взглядом застывшие лица сидящих вокруг.

— Прошу прощения, — извинился он. — Я не следил за разговором.

На этой жизнеутверждающей ноте, как написала бы Сахарисса, собрание было объявлено закрытым.

По пути на Тусклую улицу Вильям купил номер «Инфо» и уже в который раз задумался: кто же придумывает всю эту чушь? Причем стоило признать: написано было талантливо. Сам Вильям как-то раз собрался написать парочку вполне невинных по содержанию новостных писем — в городе тогда не происходило буквально ничего заслуживающего внимания, — но быстро понял, что сделать это гораздо сложнее, чем могло показаться. Как он ни старался, здравый смысл и интеллект брали верх. Кроме того, врать было Неправильно.

Он с печалью отметил, что конкуренты не побрезговали старой байкой о говорящей собаке. А вот еще одна сплетня, на сей раз свеженькая. О странной фигуре, которую видели порхающей по ночам над крышами

Незримого Университета. «ПОЛУЧЕЛОВЕК-ПОЛУМОТЫЛЕК?» Скорее, полупридумка-полувывдумка.

Самое любопытное, опровергать все эти истории было бессмысленно. Это только доказывало их правдивость — судя по реакции собравшегося за завтраком жюри. Раз опровергают, значит, что-то тут есть.

Он решил сократить путь через расположенные в Канальном переулке конюшни. Подобно Тусклой улице, Канальный переулок существовал лишь для того, чтобы на него выходили своими задками какие-нибудь здания. Да и вся эта часть города существовала лишь для того, чтобы люди могли пройти по ней к чему-нибудь более интересному. В этом унылом переулке располагались только склады с высокими окнами да полуразвалившиеся сараи, и единственной местной достопримечательностью была «Прокатная конюшня Гобсона».

Конюшня была просто огромной, а особенно она разрослась, когда Гобсон узнал значение слова «стоянка».

Вилли Гобсон был еще одним анк-морпоркским бизнесменом, похожим на Короля Золотой Реки. Он нашел свою нишу, занял ее и расширил настолько, что в нее стало падать много-много денег. Лошадь в городе — животное порой очень нужное, но где ты ее будешь парковать? Для этого тебе требуется целая конюшня, конюхи, сеновал... а для того, чтобы взять лошадь напрокат у Вилли, достаточно иметь несколько долларов.

Кроме того, здесь было удобно держать своих лошадей. Люди постоянно приходили и уходили. Кривоногие, похожие на гоблинов конюхи, которые обслуживали конюшню, могли остановить вас только в одном случае: если бы вы попытались вынести за пазухой какую-нибудь лошадь.

— Эй, друг! — позвал вдруг из одного темного денника чей-то голос.

Вильям уставился в полумрак. За ним настороженно наблюдали немногочисленные лошади. Чуть подальше лошадей куда-то уводили, люди кричали что-то друг другу, то есть царила обычная для конюшен суматоха. Но голос доносился со стороны островка зловещей тишины.

— Мне еще два месяца жить на оставшиеся деньги, — сообщил Вильям темноте. — А мои столовые приборы сделаны, как мне кажется, из сплава свинца с конским навозом.

— Я не вор, друг.

— Тогда кто?

— Знаешь, что может тебе помочь?

— Э... Да. Полезный моцион, регулярное питание и хороший сон по

ночам. — Вильям оглядел длинный ряд денников. — По-моему, на самом деле ты хотел спросить, знаю ли я, что может мне навредить. В общем контексте тупых предметов и острых лезвий. Верно?

— В широком смысле — да. Не двигайся, господин. Стой так, чтобы я тебя видел, и с тобой ничего не случится.

Вильям проанализировал услышанное.

— Понятно, но если я встану так, чтобы ты меня не видел, со мной ведь тоже ничего не случится?

Кто-то вздохнул.

— Послушай, давай пойдем друг другу навстречу... Нет! Стой на месте!

— Но ты сказал...

— Просто стой. Молча. И *слушай*, понятно?

— Понятно.

— До меня дошли слухи, что люди разыскивают одну собачку, — произнес таинственный голос.

— Да. Стража разыскивает ее. Вернее, его. Ну и?

Вильяму показалось, что он видит какой-то силуэт чуть темнее общего фона. Более того, ему показалось, что он чувствует Запах. Этот Запах перебивал даже обычную для конюшен вонь.

— Рон? — окликнул он.

— Я что, похож на Рона? — донеслось в ответ.

— Не совсем. Так с кем я разговариваю?

— Называй меня... Вгорлекость.

— *Вгорлекость*?

— Что-нибудь не так?

— Да нет, все нормально. Ну и чем могу помочь, господин Вгорлекость?

— Предположим, кто-то знает, где находится песик, но этот кто-то не хочет связываться со Стражей... — произнес голос Вгорлекости.

— Почему?

— Скажем так, не у всех со Стражей такие уж теплые отношения. Это первая причина.

— Понятно.

— А еще скажем, что есть определенные люди, которые предпочли бы, чтобы этот песик замолчал навсегда. Стража может... проявить недостаточно заботы. Она вообще плохо заботится о собаках, эта Стража.

— Правда?

— Да, конечно. Стража считает, что у собаки совсем нет человеческих

прав. Это еще одна причина.

— А что, есть и третья?

— Да. Я прочел в новостном листке о вознаграждении.

— Неужели?

— Только в текст вкралась маленькая опечатка. Там говорилось «двадцать пять долларов», а не «сто». Понятно?

— *Понятно.* Но сто долларов за собаку — это слишком большие деньги, господин Вгорлекость.

— Только не за эту, если понимаешь, что я имею в виду, — хмыкнула тень. — Этому песику *есть* что рассказать.

— А, кажется, я догадался. Ты намекаешь на знаменитую говорящую собаку Анк-Морпорка, да?

— Собаки не умеют разговаривать, все это знают, — прорычал Вгорлекость. — Но есть те, кто понимает собачий язык.

— То есть оборотни, они же вервольфы?

— Да. Существа подобного типа.

— Но единственный оборотень, о котором я знаю, служит в Страже, — ответил Вильям. — Итак, попробуем подытожить. Я плачу тебе сто долларов, получаю в обмен Ваффлза и передаю его Страже. Все правильно?

— Старина Ваймс будет тебе по гроб обязан, — фыркнул Вгорлекость.

— Но ты сам сказал, что не больно-то доверяешь Страже, господин Вгорлекость. Знаешь, я внимательно слушаю то, что мне говорят.

Некоторое время Вгорлекость молчал.

— Ну хорошо, — наконец сказал он. — Собака и переводчик. Сто пятьдесят долларов.

— А история, которую этот песик может рассказать, имеет какое-то отношение к событиям, произошедшим несколько дней назад во дворце?

— Возможно, возможно. Вполне возможно. Очень даже возможно, что именно эти события я и имел в виду.

— Я хочу видеть, с кем разговариваю, — заявил Вильям.

— А вот это невозможно.

— О да, — покачал головой Вильям. — Очень обнадеживает. Значит, я сейчас бегу, нахожу сто пятьдесят долларов, возвращаюсь сюда и передаю их тебе. Так?

— Неплохая мысль.

— Не выйдет.

— Ты мне что, не доверяешь? — обиженно произнес Вгорлекость.

— Конечно не доверяю.

— А если я сообщу тебе часть информации бесплатно, то есть даром? Чтобы ты лизнул леденец, попробовал на вкус, а?

— Выкладывай.

— Секретаря ударил ножом вовсе не лорд Витинари, а совсем другой человек.

Вильям аккуратно записал все в блокнот и перечитал написанное.

— Отлично. И чем мне это поможет?

— Это настоящая новость. Почти никто об этом не знает.

— А что тут знать? Где описание, приметы?

— У преступника собачий укус на лодыжке, — сказал Вгорлекость.

— Здорово. Теперь мы его обязательно отыщем! И что прикажешь мне делать? Ползать по улицам и тайком задирать прохожим штанины?

— Это очень ценные новости, — обиженно буркнул Вгорлекость. — Если ты отпечатаешь об этом в листке, определенные люди забеспокоятся.

— Ну разумеется! Потому что решат, что я сошел с ума! Ты должен сообщить еще что-нибудь! Мне нужно более подробное описание!

Вгорлекость помолчал, а когда снова заговорил, голос его звучал уже не так неуверенно:

— Ты имеешь в виду... его внешность?

— Что ж еще?!

— Ну... В этом смысле у собак все несколько иначе, понимаешь? Мы... Обычные собаки смотрят снизу *вверх*. Я пытаюсь объяснить, что для собаки любой человек — это стена с двумя ноздрями наверху.

— Не слишком-то ты мне помог, — пожал плечами Вильям. — Извини, но сделка отменяется.

— погоди, — торопливо произнес Вгорлекость. — А вот его *запах* — совсем другое дело.

— Ну хорошо, рассказывай про *запах*.

— Я вижу перед собой деньги? Лично мне кажется, что нет.

— Послушай, господин Вгорлекость, я даже думать не буду о том, где найти такую сумму, пока ты не *докажешь* мне, что хоть что-то знаешь.

— Ну ладно, — после некоторой паузы донесся голос из тени. — Ты в курсе, что существует Комитет по разызбранию патриция?

— И что это за новость? Против лорда Витинари уже много лет плетутся всякие интриги.

Снова возникла пауза.

— Наверное, — наконец сказал Вгорлекость, — будет проще, если ты дашь мне денег, а я тебе все расскажу.

— Пока ты мне ничего не рассказал. Расскажи все, а *потом* я дам тебе

денег. Если услышу правду, разумеется.

— Ага, щас. Подвешивай бубенцы кому-нибудь другому.

— Похоже, нам так и не удастся договориться, — констатировал Вильям, убирая блокнот.

— Погоди-погоди... Мне вдруг пришла в голову одна мысль. Спроси у Ваймса, что делал Витинари непосредственно перед нападением.

— Зачем? И что именно он делал?

— Вот это ты и попробуй выяснить.

— Слишком непонятная зацепка.

Ответа не последовало, но Вильяму показалось, что он услышал какой-то шорох.

— Эй!

Он подождал еще немного, а потом осторожно сделал шаг вперед.

Лошади повернули головы, разглядывая его. Невидимый осведомитель исчез без следа.

Вильям пересек конюшни. Множество мыслей, отпихивая друг друга, пытались привлечь его внимание, но центральную часть сцены настойчиво занимала мысль, теоретически не имеющая значения. Что за выражение «подвешивай бубенцы»? Вот выражение «подвесить за бубенцы» он действительно слышал — оно появилось, когда давным-давно городом правил очень жестокий (даже по сравнению с остальными) тиран, подвергавший ритуальным пыткам всех без исключения исполнителей народных танцев. Но «подвешивай бубенцы»... какой в этом смысл?

А потом до него дошло.

Вгорлекость, вероятно, был иностранцем. Это все объясняло. Подобно Отто, он нахватался каких-то разговорных выражений, но правильно использовать их не умел.

Эту деталь следует запомнить.

Запах дыма Вильям почувствовал в тот момент, когда услышал керамический звук шагов големов. Четверо существ из глины с топотом пронесли мимо, таща на плечах длинную лестницу. Не задумываясь, Вильям бросился следом, машинально открывая блокнот на чистой странице.

Пожары всегда вселяли ужас в жителей города, особенно тех его районов, где преобладали дерево и солома. Именно поэтому горожане так единодушно выступали против создания общегородской пожарной команды, буквально намертво стояли, ведь, согласно безупречной анк-морпоркской логике, люди, которым платят за тушение пожаров, естественно, позаботятся о том, чтобы работы было побольше.

А вот големы — совсем другое дело. Они были терпеливыми, трудолюбивыми, чрезвычайно последовательными, практически несокрушимыми, и они добровольно взялись за тушение пожаров. А кроме того, всем известно: голем не может причинить вред человеку.

Но откуда и как появилась пожарная команда големов, никто не знал. Поговаривали, что к этому приложила руку Стража, однако куда большей популярностью пользовалась другая теория: будто бы големы просто не могут допустить гибели людей и уничтожения имущества. И непонятно, как големы узнавали о случившемся бедствии, как поддерживали друг с другом связь, но со сверхъестественной дисциплинированностью они сходились в точке пожара, спасали попавших в огненную ловушку людей, выносили на улицу и аккуратно складывали вещи, которые можно было вынести, выстраивались в цепочку, по которой с безумной скоростью передавали друг другу ведра с водой, затапывали огонь до последнего уголька... после чего расходились в стороны, возвращаясь к своим делам.

На сей раз пожар случился на улице Паточной Шахты. Языки пламени вырывались из окон пятого этажа.

— Ты из новостного листка? — спросил человек из толпы.

— Да, — ответил Вильям.

— Я думаю, это очередной случай таинственного самовозгорания. Ну, вы вчера про это писали. — Мужчина вытянул шею, проверяя, фиксируются ли его слова.

Вильям застонал. Сахарисса действительно написала статью о пожаре на Кассовой улице, во время которого один несчастный погиб, но не привела никаких подробностей. А «Инфо», напротив, расписало все в красках, озаглавив свой материал «Таинственный пожар».

— Лично мне тот пожар не показался таинственным, — ответил Вильям. — Господин Безрассуд решил закурить сигару, забыв, что сделал скипидарную ванну для ног. Очевидно, кто-то сказал ему, что это верное средство от грибковых заболеваний. И в определенной степени оказался прав.

— О да, слухи всякие ходят, — подтвердил мужчина, таинственно постучав себя пальцем по носу. — Но о скольком нам не говорят...

— Это верно, — подтвердил Вильям. — Несколько дней назад я услышал, что каждую неделю неподалеку от города падают гигантские камни несколько сотен миль в поперечнике, а патриций скрывает это.

— Вот видишь, — обрадовался его собеседник. — Нас считают полными дураками!

— Интересно, почему?

— Проход, освобождает проход, битте!

Отто пробивался сквозь толпу зевак, сгибаясь под тяжестью прибора, который и формой, и размерами напоминал аккордеон. Растолкав локтями стоящих в первом ряду, он установил приспособление на треногу и навел его на голема, который в данный момент вылезал из дымящегося окна с маленьким ребенком на руках.

— Гут, парни, йа делает замечательный снимок! — воскликнул он, поднимая клетку с саламандрой. — Айн, цвай, драй... Ааргхааргхааргхааргх...

Вампир превратился в облачко медленно оседающей пыли. На мгновение что-то зависло в воздухе. Маленькая склянка на шнурке.

А в следующее мгновение склянка упала на землю и разбилась.

Возникло грибовидное облако пыли, которое быстро приобрело более отчетливую форму... И появился Отто, который, часто моргая, принялся ощупывать себя, проверяя, все ли на месте. Вдруг он заметил Вильяма и широко, как умеют только вампиры, улыбнулся ему.

— Герр Вильям! Все получаются! И это был твой идея!

— Э... Какая именно? — уточнил Вильям. Из-под крышки огромного иконографа появилась тонкая струйка желтоватого дыма.

— Ты говоришь, йа носит у себя аварийный запас слова на букву «к», — пояснил Отто. — И йа подумайт: а что, если йа вешайт шея маленькая бутылка-банка? Тогда, если йа обращайтсся прах, баночка разбивайтсся, и, кривле-кравле, вот он йа опять!

Отто поднял крышку иконографа и помахал ладонью, разгоняя дым. Из ящичка донесся едва слышный кашель.

— Если йа не делает ошибка, мы обладайт успешно травленная картинка! Что лишний раз доказывайт, какие успехи имеют способность добивайтсся разум, который не есть отягощен всякими помышлениями про открытые окна и голые шеи! О йа, в эти дни подобные помышления даже не приходийт моя голова, ибо йа полностью и абсолютно залечен!

Изменилась даже одежда Отто. Исчез фрак, который предпочитали носить представители его вида, зато появился жилет, причем такого количества карманов Вильяму не доводилось видеть ни на одном предмете одежды. Кармашки эти были доверху *забиты* всякими пакетиками с едой для бесенят, тюбиками с краской, инструментами загадочного назначения и прочими предметами, являвшимися неотъемлемой частью ремесла иконографиста.

Впрочем, из уважения к традициям жилет был черным с красной шелковой подкладкой. А еще Отто пришил к нему фалды, как у фрака.

Вежливо расспросив семью, с несчастным видом смотревшую на то, как валивший из окон дым сменяется паром, Вильям выяснил, что пожар был таинственно вызван таинственным самовозгоранием сковороды, доверху заполненной таинственным кипящим маслом.

Затем Вильям отошел в сторонку, предоставив семье возможность ковыряться в обугленных останках домашней утвари.

— Обычная история, — подытожил он, убирая блокнот. — Но я почему-то чувствую себя немного вампиром... О, извини.

— Все ист нормально, — успокоил его Отто. — Йа понимаю. И йа ист благодарен тебе за эта работа. Она означайт для меня очень многое. Особенно когда йа наблюдайт твое нервничанье. Которое, конечно, понимаемо.

— И вовсе я не нервничаю! Я хорошо отношусь к другим видам и отлично с ними лажу! — горячо воскликнул Вильям.

Выражение лица Отто было вполне миролюбивым, но улыбка была какой-то... пронзающей, какой может быть только улыбка вампира.

— О, йа замечайт, как ты со всеми силами пытайся дружевабельно относиться к гномам. И ко мне ты относиться по доброте. Йа понимайт, это требовайт зер большие усилия, что весьма похваляемо...

Вильям открыл было рот, чтобы возразить, но передумал.

— Ну хорошо, хорошо, — согласился он. — Но меня так воспитали, понятнo? Мой отец всегда ратовал за человечность, ну, я не совсем правильно выразился, не за человечность как способ отношения к окружающему миру... он скорее был против...

— Йа, йа. Это понимаемо.

— В таком случае давай закончим этот разговор. Человек сам решает свою судьбу!

— Йа, йа, конечно. Но если ты хотейт совет о женщинах, всегда обращайся.

— А почему я должен спрашивать у тебя совета насчет... женщин?

— О, никакого долженствования, никакого, — откликнулся Отто с невинным видом.

— Ты же вампир. Какой совет может дать вампир по поводу женщин?

— О боги, просыпайся и нюхай чеснок! Какие истории йа мог бы порассказывайт... — Отто вдруг замолчал. — Но не буду, ведь йа меняйся, после того как понимайт прекрасность дневного света. — Он подтолкнул локтем красного от смущения Вильяма. — Могу только говорийт, они не всегда кричайт.

— Несколько бестактное замечание, тебе не кажется?

— О, все это быва́йт старые дурные времена, — поспешил добавить Отто. — А теперь нет ничего хорошее кружки какао и задушевной дружной песни под фисгармонию. Йа уверяйт. Ничего хорошее. Имей мое слово.

Вернуться в контору, чтобы написать статью, оказалось не так-то просто. Ведь сначала надо было попасть на Тусклую улицу, а это было весьма затруднительно.

Отто остановился рядом с замершим в изумлении Вильямом.

— Полагайт, сами мы просийт, — констатировал он. — Двадцать пять долларов ист большие деньги.

— Что?! — крикнул Вильям.

— ЙА ГОВОРИТ, ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ДОЛЛАРОВ ИСТ БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ!

— ЧТО?!

Мимо них постоянно шли люди. С собаками. Каждый пришедший на Тусклую улицу нес собаку, вел собаку на поводке, или собака тащила его, или его злобно грызла собака, принадлежавшая кому-нибудь другому. Лай перестал быть просто звуком, он превратился в ощутимую силу, которая была по ушам ураганом, пролетевшим над свалкой металлолома.

Вильям затащил вампира в дверную нишу, где шум снизился до пределов обычной невыносимости.

— Ты можешь что-нибудь сделать? — заорал он Отто прямо в ухо. — Иначе нам туда не пробиться.

— Сделайт? Йа?

— Ну, о *детях ночи* всякое говорят...

— А, ты про это, — мрачно произнес Отто. — На самом деле таково чересчур шаблонное представление, понимайт? Почему ты не просийт меня превращайтса в летучую мышь, если на то ходийт? Йа же говорийт, что подобные вещи больше не практиковайт!

— А у тебя есть идея получше?

В нескольких футах от них ротвейлер пытался сожрать спаниеля.

— Ну ладно, — сдался Отто и небрежно взмахнул руками.

Лай мгновенно стих. А потом каждая собака села и завыла.

— Не слишком большое улучшение, — констатировал Вильям, шагая по улице быстрым шагом. — Но по крайней мере, они перестали драться.

— Йа просийт прощенья, — сказал Отто. — Можешь вбивайт в меня кол. Хотя мне представайт несколько весьма неприятные минут, когда йа объясняйт все это на следующей встрече... Да, мы не сравнивайт это с... неполагающймся насыщением, но и про видимая сторона проблемы тоже не следовайт *забывать*...

Они перелезли через полусгнивший забор и вошли в сарай через заднюю дверь.

Тем временем через другую дверь в сарай пытались проникнуть собаководельцы, и сдерживала их только баррикада из письменных столов. А сразу за баррикадой держала оборону Сахарисса, на лице которой было написано отчаяние. Море человеческих лиц и собачьих морд грозило вот-вот захлестнуть отпечатню. Сквозь дикий шум Вильям едва мог слышать ее голос.

— ...Нет, это пудель. Он совсем не похож на собаку, которую мы разыскиваем...

— ...Нет, это не то, что мы ищем. Откуда я знаю? Потому что это — *кошка*. Тогда почему она умывается? Нет, простите, собаки так не поступают...

— ...Нет, мадам, это бульдог...

— ...Нет, это совсем не то. Да, господин, совершенно уверена, потому что это попугай, вот почему. Ты научил его лаять и написал «ПеС» на боку, но это по-прежнему попугай...

Сахарисса убрала прядь волос с глаз и наконец заметила Вильяма.

— Ну, и кто до этого додумался? Я бы хотела поблагодарить этого умника.

— *Кт д этг ддумлся?* — повторил ПеС.

— На улице еще много народа?

— Боюсь, что полгорода. — ответил Вильям.

— Я только что провела самые неприятные полчаса в своей.....Это курица! Курица, глупая ты женщина, она только что снесла яйцо!.....В своей жизни.

Большое тебе спасибо. Неужели ты не понимал, что будет? Нет, это пудельшнауцер! Знаешь что, Вильям?

— Что?

— Какой-то полный *идиот* пообещал вознаграждение! Это в Анк-Морпорке! Представляешь? Когда я пришла на работу, тут уже стояла очередь в три ряда! И какой кретин мог додуматься до такого? Один человек приперся с коровой! С *коровой*! Мне пришлось долго спорить с ним о физиологии животных, пока Рокки не треснул его по башке! Бедный тролль до сих пор пытается навести на улице порядок! Даже *дурностаев* приносят!

— Послушай, мне очень жаль...

— Мы чем-то можем вам помочь?

Они обернулись.

Говоривший был священнослужителем, одетым в простую черную рясу омниан. На голове у него была плоская широкополая шляпа, а на груди висел символ омнианства в виде черепахи. Лицо священнослужителя выражало крайнюю благожелательность.

— Гм... Я брат Втыкаемый-Ангелами Кноп, — представился священник и отошел в сторону, чтобы все получше разглядели высившуюся позади него гору в черном. — А это сестра Йеннифер. Она дала обет *молчания*.

Все уставились на ужасное видение в лице сестры Йеннифер, а брат Кноп тем временем продолжил:

— Это значит, что она, гм, не разговаривает. Совсем. Ни при каких обстоятельствах.

— О боги, — слабым голосом произнесла Сахарисса.

Лицо сестры Йеннифер было похоже на кирпичную кладку, а один из ее глаз бешено вращался.

— Мы были посланы в Анк-Морпорк епископом Рогом как члены его Миссии В Защиту Животных и вдруг узнали, что вы разыскиваете попавшую в беду маленькую собачку, — пояснил брат Кноп. — Насколько я вижу, вы... немного завалены работой. Поэтому мы и решили предложить вам нашу помощь. Ведь таков наш долг.

— Мы разыскиваем маленького терьера, — сказала Сахарисса. — Но люди приносят *такое*...

— Ой-ей-ей, — посочувствовал брат Кноп. — Впрочем, сестра Йеннифер всегда хорошо справлялась с подобной работой...

Сестра Йеннифер размашистым шагом подошла к письменному столу. Мужчина с надеждой во взгляде протянул ей животное, которое определено было барсуком.

— Он немного захворал...

Сестра Йеннифер опустила кулак на череп мужчины, Вильям поморщился.

— Орден сестры Йеннифер проповедует жестокую любовь, — покачал головой брат Кноп. — Примененное в нужное время наказание способно вернуть заблудшую душу на путь истинный.

— И какой орден принадлежат данная сестра? — уточнил Отто, наблюдая, как заблудшая душа с барсуком пытается попасть в дверь, а каждая ее нога тем временем выбирает свой собственный истинный путь. Брат Кноп кисло улыбнулся.

— К ордену Цветочков Извечного Раздражения, — ответил он.

— Правда? Не слыхают о таком. Весьма... обхватывающее название.

Ладно, йа долженствую проверить, как бесы делают свой труд...

Увидев надвигающуюся сестру Йеннифер, толпа быстро поредела. Те, что с мурлыкающими и поедающими семечки собаками, бежали первыми. Остальные также начали проявлять признаки беспокойства.

Вильям почувствовал себя как-то неудобно, хотя и не понимал почему. Определенная часть омнианского духовенства до сих пор свято верила в главную истину: прежде чем душа попадет на небеса, тело должно побывать в аду. И ни в коем случае не следовало порицать сестру Йеннифер за ее внешний вид или даже за размер ладоней. Пусть они покрыты густыми волосами, такое ведь иногда встречается в глухих сельских районах...

— А чем именно сейчас занимается сестра? — спросил он.

Из очереди доносились вопли и визг. Собак бесцеремонно выхватывали из рук владельцев, награждали свирепым взглядом и швыряли обратно.

— Как я уже говорил, мы пытаемся найти собачку, — пояснил брат Кноп. — Возможно, она нуждается в нашей помощи.

— Но... вон тот жесткошерстный терьер очень похож на изображенного на картинке, — сказала Сахарисса, — а сестра едва взглянула на него.

— Сестра Йеннифер отлично разбирается в собаках, — успокоил ее брат Кноп.

— Ну да ладно, — спохватилась Сахарисса, поворачиваясь к своему столу. — Нужно возвращаться к работе. Сам собой следующий листок не напишется.

— Полагаю, поиски будут более успешными, когда мы отпечатаем изображение собаки в цвете, — сказал Вильям, оставшись с братом Кнопом наедине.

— Вероятно, — согласился преподобный брат. — У нее был специальный окрас. Такой серо-буроватый.

И тут Вильям понял, что ему суждено умереть. Когда — лишь вопрос времени.

— Так вы *знаете* масть собаки... — тихо промолвил он.

— Ты иди пока копайся в своих словах, писака, — сказал брат Кноп так, чтобы его слова услышал только Вильям, и на мгновение распахнул ряску, демонстрируя полный набор режуще-колющих инструментов. — Все остальное тебя не касается, понял? А будешь кричать — кто-нибудь погибнет. Попытаешься стать героем — кто-нибудь погибнет. Сделаешь резкое движение — кто-нибудь погибнет. Честно говоря, мы все равно

можем кого-нибудь убить, чтобы, так сказать, время сэкономить. Говорят, будто бы перо сильнее клинка. Слышал такое?

— Да, — прохрипел Вильям.

— Хочешь сам убедиться, правда это или нет?

— Не хочу.

Вильям заметил, что Хорошагора не спускает с него глаз.

— Чем занимается этот гном? — спросил брат Кноп.

— Набирает шрифт, сэр, — ответил Вильям. Колюще-режущие предметы — такая штука... Вежливость никогда не помешает.

— Прикажи ему делать свое дело и не отвлекаться, — велел Кноп.

— Э... Пожалуйста, господин Хорошагора, продолжай! — крикнул Вильям так, чтобы гном услышал его сквозь вопли и лай. — Все в порядке!

Кивнув, Хорошагора повернулся к нему спиной. Театральным жестом он вскинул руку высоко над головой и приступил к набору.

Вильям наблюдал за ним. Читать порхающие над кассой пальцы было проще, чем клики семафора.

«Он [пробел] дулик?»

Так, рядом с «д» находится «ж»...

— Да, несомненно, — громко произнес Вильям. Кноп воззрился на него с подозрением.

— Что несомненно?

— Я... Просто нервы, — сказал Вильям. — При виде ножа я всегда немного нервничаю.

Кноп посмотрел на гномов. Все они стояли к нему спинами.

Рука Хорошагоры снова запорхала над кассой, выбирая нужные буквы.

«Вооружен? [пробел] Кашляй [пробел] 4 [пробел] Да».

— Что, в горле першит? — осведомился Кноп, когда Вильям закашлялся.

— Снова нервы... сэр.

«ОК [пробел] зову [пробел] Отто».

— О нет, — пробормотал Вильям.

— Куда это тот гном направился? — забеспокоился Кноп, запуская руку под полу.

— В подвал, сэр. За... краской.

— Зачем? Мне кажется, у вас здесь достаточно краски.

— Э... За белой краской, сэр. Для пробелов и серединок «о». — Вильям наклонился к господину Кнопу и вздрогнул, увидев, что рука того снова нырнула под рясу. — Послушайте, все гномы вооружены. Топорами. И они очень легко возбуждаются. Из всех находящихся рядом с вами

оружия нет только у меня. Пожалуйста? Я не хочу умирать. Просто сделайте то, ради чего пришли, и уходите.

«А из меня получается неплохой трус, — подумал он. — Я как будто создан для этой роли». Брат Кноп отвернулся.

— Эй, сестра Йеннифер, как там у нас дела? — крикнул он.

Сестра Йеннифер подошла с мешком, в котором что-то копошилось.

— Всех терьеров, ять, собрал, — пробасила сестра. Брат Кноп резко помотал головой.

— *Всех терьеров, ять, собрал!* — пропищала сестра Йеннифер тонким голоском. — *А еще на улице стражники, ять, появились!*

Краем глаза Вильям заметил, что Сахарисса, сидевшая за своим столом, резко выпрямилась. Похоже, Смерть все-таки навестит их сегодня.

Отто с нарочито беспечным видом поднимался по лестнице из подвала. На плече у него висел иконограф.

Вампир кивнул Вильяму, а за его спиной Сахарисса уже вставала, отодвигая стул.

«Закрой [пробел] глаза», — лихорадочно набрал Хорошагора.

Господин Кноп повернулся к Вильяму,

— Какая еще белая краска для пробелов?

Сахарисса выглядела рассерженной и решительной. Сейчас она очень походила на госпожу Эликсир, услышавшую неуместное замечание.

Отто поднял свой ящик.

Вильям успел заметить набитый убервальдскими сухопутными угрями лоток.

Господин Кноп откинул полу рясы.

Вильям прыгнул на подходящую девушку со скоростью плывущей в патоке лягушки.

Гномы с топорами в руках начали перелезать через низенький барьер, отделяющий отпечатную машину. И тут...

— У! — выдохнул Отто.

Время остановилось. Вильям почувствовал, как вселенная сворачивается. Стены и потолок стали облезать с окружавшего их купола, как кожура с апельсина, и в помещение ворвалась наполненная ледяными иглками тьма. Раздавались прерывистые голоса, в воздухе носились отдельные слоги, случайно вырванные из слов, и у Вильяма снова возникло чувство, что тело его стало тонким и нереальным, как тень.

А потом он упал на Сахариссу, крепко обнял ее, и они покатались за баррикаду из письменных столов, так кстати оказавшуюся поблизости.

Собаки завыли. Послышались людские крики. Затем завопили гномы.

Раздался треск ломающейся мебели. Вильям лежал неподвижно, пока гром не стих.

Пока шум не сменился стонами и руганью.

Ругань была обнадеживающим показателем. Ругались явно гномы, а это значило, что они не только живы, но и очень рассержены.

Вильям осторожно поднял голову. Никакой очереди, никаких собак. Только топот ног и быстро удаляющийся сердитый лай.

Задняя дверь болталась на петлях.

Вильям вдруг ощутил пневматическое тепло Сахариссы в своих объятиях. Вся его прошлая жизнь была посвящена расположению слов в радующем слух порядке, и о подобных ощущениях он даже никогда и не мечтал. «Неправильно, — поправил его внутренний редактор. — Лучше использовать „никогда не мечтал испытать“».

— Я страшно сожалею, — сказал он.

«А вот это, — мгновенно согласился внутренний редактор, — вполне невинная ложь». Как «спасибо», сказанное тете за такой милый носовой платочек. Все хорошо. Все хорошо... Вильям осторожно выпустил Сахариссу из своих объятий и попытался подняться на непослушные ноги. Гномы тоже пытались принять вертикальное положение. Некоторых громко рвало.

Тело Отто лежало на полу. Брат Кноп, убегая, успел-таки нанести один точный удар, перерезавший вампиру шею.

— О боги... — пробормотал Вильям. — Какая ужасная потеря...

— В смысле головы? — спросил Боддони, всегда недолюбливавший вампира. — Да, полагаю, можно и так выразиться.

— Мы... должны что-то для него сделать...

— Правда?

— Да! Если бы он не додумался использовать угрей, меня бы непременно убили!

— Извиняйт? Покорнейше извиняйт? Монотонный голос доносился из-под верстака отпечатников. Хорошагора опустил на колени.

— О нет... — пробормотал он.

— Что там такое? — спросил Вильям.

— Там... э... Отто.

— Извиняйт еще раз, но не помогайт вы мне выбираться отсюда?

Хорошагора, поморщившись, запустил руку в темноту, из которой продолжал доноситься голос Отто:

— О майи готт, здесь мертвая крыса лежайт, кто-то, должно быть, роняйт недоедаемый обед, какая противность... Найн, найн, только не за

ухо, не за ухо! За волосы, битте...

Рука гнома появилась из-под верстака, вытащив на свет (за волосы, как и было попрошено) голову Отто с бешено вращающимися глазами.

— Все цел-неповредим? — спросил вампир. — Мы вставайт на волосок от погибели.

— Отто, с тобой... все в порядке? — осторожно спросил Вильям, про себя осознавая, что этот вопрос мог бы завоевать первый приз на конкурсе «Сморозь Глупость».

— Что? О, йа. Похоже, что йа. Не на что пожаловаться. Йа полный порядок. Просто слегка теряйт голову, что ист небольшой недостаток...

— Это не Отто, — сказала Сахарисса. Ее слегка потряхивало.

— А кто ж еще? — возразил Вильям. — Ну, в смысле, кто еще мог...

— Отто был выше, — ответила Сахарисса и рассмеялась.

Гномы тоже рассмеялись. В такой момент они готовы были смеяться по причине или без. Однако Отто, похоже, было не до смеха.

— Йа, хо-хо-хо, — сказал он. — Знаменитое анк-морпоркское ощущение юмора. Каковая смешная шутка. Хохотайте на здоровье, не позволяйте мне помешать.

Сахарисса уже задыхалась. Вильям осторожно обнял ее за плечи, потому что от такого смеха и умереть было недолго. И вдруг она разрыдалась, громко всхлипывая между приступами смеха.

— Я чуть не умерла... — прорыдала она.

— А по-моему, это чуть не происходит со мной, — отозвался Отто. — Герр Хорошагора, битте, поднеси меня мое тело. Оно должно лежайт где-то в окрестностях.

— Ты... мы... Может, тебя как-нибудь пришить? — попытался сформулировать вопрос Хорошагора.

— Найн, на нас быстро все заживайт, — ответил Отто. — А, вот оно. Битте, покладайт меня возле меня. И повернитесь прочь. Йа немного неловко ощущайт себя. Словно ходить по воду. Вы меня понимайт?

Гномы, все еще не пришедшие в себя от побочных эффектов темного света, подчинились. И буквально через мгновение услышали:

— Можно обращаться взад.

Собравшийся воедино Отто уже принял сидячее положение и сейчас вытирал шею носовым платком.

— Этого маловато, — пояснил он, увидев удивленные лица. — Нужно еще кол сердце вонзайт. А теперь рассказывайт, что это бывайт? Гном говорийт, йа просто отвлекайт внимание...

— Мы же не знали, что ты воспользуешься темным светом! — рявкнул

Хорошагора.

— Прощевайт прощения? Йа наготове имеют только сухопутные угри, а вы кричайт: шнелль-шнелль! По-вашему, что мне подельвайт? Йа ведь *повязал!*

— Этот свет приносит несчастье! — воскликнул гном по имени Дрема.

— Йа? Вы так думайт? Однако воротник у рубашка йа буду стирайт!
— резко произнес Отто.

Вильям, как мог, попытался успокоить Сахариссу, которая все еще дрожала.

— Кто это *были?* — спросила она.

— Я не знаю точно, но им определенно была нужна собака Витинари.

— Зато я знаю точно: эта «сестра» — не настоящая монахиня, понятно?!

— Сестра Йеннифер выглядела очень странно, — уклончиво согласился Вильям, не желая вдаваться в подробности.

— Правда, у меня в школе учителя были еще хуже, — фыркнула Сахарисса. — От сестры Жертвенницы доски коробились... В смысле, от ее языка. И я уверена, что «ять» — это плохая буква. По крайней мере, та «сестра» использовала эту букву именно в таком значении. То есть чтобы все *поняли*: эта буква — плохая. А тот священнослужитель? У него был *нож!*

Тем временем Отто грозили большие неприятности.

— И при помощи этих угрей ты делал *картинки?* — спросил Хорошагора.

— Йа, а что?

Гномы принялись хлопать себя по ляжкам, отворачиваться в сторону, то есть разыгрывать обычное немое представление, которое призвано дать понять: не, ну есть же на свете такие идиоты, просто даже не верится!

— Ты же знал, что это опасно! — воскликнул Хорошагора.

— Обычные суеверования! — парировал Отто. — Все происходит очень просто. Морфическая характеристика объекта выстраивайт резоны или предметные частицы в фазовом пространстве согласно Теории временной релевантности и порождайт эффект множественности ненаправленных окон, которые перссекайтся с иллюзией настоящего и создавайт метафорические образы в соответствии с предписаниями квазиисторической экстраполяции. Понимайт? В этом не ист что-то загадочное!

— Зато этот свет определенно спугнул тех злодеев, — вмешался Вильям.

— Их спугнул не свет, а наши топоры, — убежденно заявил Хорошагора.

— Скорее ощущение, что верхняя часть твоей головы открылась и прямо тебе в мозг вонзаются сосульки, — возразил Вильям.

Хорошагора заморгал.

— Ну хорошо, и это тоже, — согласился он, вытирая пот со лба. — Ты здорово умеешь обращаться со словами.

В дверях появилась чья-то тень. Хорошагора схватился за топор.

Вильям застонал. Тень принадлежала командору Ваймсу. А хуже всего было то, что главнокомандующий Стражей улыбался — лишенной веселья, хищной улыбкой.

— А, господин де Словв, — сказал Ваймс, переступая через порог. — В данный момент по городу в панике носятся несколько тысяч собак. Интересный факт, не правда ли?

Прислонившись к стене, он достал сигару.

— Я сказал «собак», — произнес он, чиркая спичкой о шлем Хорошагоры. — Хотя следовало сказать «в основном собак». Есть еще кошки — на самом деле кошек становится все больше, потому что, ха, нет ничего лучше приливной волны из дерущихся, кусающихся и воющих собак, чтобы вызвать в городе, выразимся так, оживление. В нашей нижней области, потому что — кажется, я забыл об этом упомянуть — собаки очень *нервничают*. А о скоте я тоже не упоминал? — продолжал Ваймс небрежным тоном. — Знаешь, сегодня ведь базарный день, люди пригоняют в город коров, лошадей и все такое прочее, и вдруг, о боги, на них из-за угла накатывается волна отчаянно воющих собак... Плюс овцы. И домашняя птица. Хотя, полагаю, к нынешнему моменту в городе уже не осталось домашней птицы...

Он пристально посмотрел на Вильяма.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Гм... У нас возникла небольшая проблема...

— Да неужели? Правда? Умоляю, поделись!

— Собаки испугались, когда господин Шрик попытался сделать один снимок, — признался Вильям.

Это было чистой правдой. Темный свет вызывал ужас, даже если ты знал, что происходит.

Командор бросил испепеляющий взгляд на скромно потупившего взор Отто.

— Ну хорошо, — хмыкнул Ваймс. — Зато я могу рассказать тебе кое-что интересное. Сегодня состоятся выборы патриция...

— И кто будет выбран? — спросил Вильям.

— Я понятия не имею, — пожал плечами Ваймс.

— Выберут господина Скряба из Гильдии Башмачников и Кожемяк, — громко высморкавшись, сообщила Сахарисса.

Ваймс с подозрением посмотрел на Вильяма.

— И как вы об этом узнали?

— Это все знают, — фыркнула Сахарисса. — А лично мне об этом рассказал один молодой человек. Сегодня утром в пекарне.

— О, где бы мы были, если б не слухи? — воскликнул Ваймс. — Так или иначе, господин де Словв, сегодня не совсем удачный день... для неприятностей. Мои люди сейчас беседуют с некоторыми из твоих собачников. Должен признаться, не со многими. Большинство горожан отказываются разговаривать со Стражей, представить себе не могу почему. Мы так хорошо умеем слушать. Значит, ты ничего не хочешь мне сказать? — Ваймс окинул взглядом помещение. — По-моему, все как-то странно смотрят на тебя.

— «Правда» не чуждается в помощи Стражи, — ответил Вильям.

— Я имел в виду не помощь, — пояснил Ваймс.

— Мы не сделали ничего плохого.

— А вот это решать мне.

— Правда? Весьма интересная точка зрения. Вильям достал из кармана свой блокнот.

— О, — сказал Ваймс. — Понятно.

Он опустил руку и снял с ремня темную палку с закругленными концами.

— Ты знаешь, что это такое?

— Дубинка стражника, — ответил Вильям. — Большая.

— Последнее, так сказать, средство, — ровным голосом констатировал Ваймс. — Палисандровая, инкрустированная ламедосским серебром, настоящее произведение искусства. И вот тут, на этой маленькой табличке, говорится, что я должен поддерживать порядок. А ты, господин де Словв, в данный момент мешаешь мне этим заниматься.

Они сцепились взглядами.

— Какой странный поступок совершил Витинари непосредственно перед... происшествием? — спросил Вильям так тихо, чтобы его услышал только Ваймс.

Ваймс даже глазом не моргнул. Но через мгновение он положил на стол дубинку со стуком, который в полной тишине прозвучал неестественно громко.

— А теперь ты положи на стол свой блокнот, — спокойно предложил он. — Только ты и я. обойдемся без... столкновений символов.

На сей раз Вильям понял, где проходит путь мудрости. Он положил на стол блокнот.

— Вот и хорошо, — кивнул Ваймс. — А сейчас мы с тобой отойдем в уголок, чтобы не мешать твоим друзьям наводить порядок. Поразительно, какая-то обычная картинка, а столько мебели переломано!

Он отошел в сторону и сел на перевернутое корыто. Вильяму пришлось довольствоваться конем-качалкой.

— Ну хорошо, господин де Словв, пусть будет по-твоему, — сказал Ваймс.

— Ах значит, «по-моему» все-таки существует?

— Ну, ты ведь не собираешься делиться со мной тем, что знаешь.

— Я не совсем уверен в том, что знаю, — пожал плечами Вильям. — Но мне... кажется, что незадолго до преступления лорд Витинари совершил некий странный поступок.

Ваймс достал из кармана свой блокнот и полистал его.

— Патриций вошел во дворец через конюшню около семи часов утра и отпустил стражу, — сообщил он.

— Значит, его не было во дворце всю ночь?

Ваймс пожал плечами.

— Его сиятельство приходит и уходит, когда ему заблагорассудится. Стражники не спрашивают, куда он уходит и зачем. Они что, разговаривали с тобой?

Вильям был готов к этому вопросу. Вот только у него не было ответа. Он пару раз встречался с представителями Дворцовой Стражи и знал, что туда отбирают людей не по умственным способностям, а по преданности, граничащей с сумасшествием. Значит, никто из них Вгорлекостью быть не мог.

— Я так не думаю, — наконец сказал он.

— *Не думаешь?*

Минуточку... Вгорлекость заявил, что знает Ваффлза, а песик непременно заметил бы странное поведение хозяина. Собакам нравится, когда все происходит по расписанию...

— Мне кажется несколько необычным, что его сиятельство оказался вне дворца в такое время, — осторожно произнес Вильям. — Это выпадает из его... расписания.

— А как насчет попытки прирезать собственного секретаря и сбежать с очень тяжелым мешком денег? Это, по-твоему, не выпадает? — съязвил

Ваймс. — Да, мы тоже обратили на это внимание. Мы совсем не дураки. Просто выглядим такими. А еще стражник сказал, что от патриция пахло алкоголем.

— Лорд Витинари что, пьет?

— Нет. Во всяком случае, не на людях.

— У него в кабинете стоит шкафчик со спиртными напитками.

Ваймс улыбнулся.

— А, ты заметил? Патрицию нравится, когда пьют другие.

— Но, может, он пытался набраться храбрости, перед тем как... — начал было Вильям и замолчал. — Нет, только не Витинари. Он человек другого склада.

— Вот именно, — согласился Ваймс и прислонился спиной к стене. — Может, ты... еще подумаешь, а, господин де Словв? Или... найдешь кого-нибудь, кто поможет тебе подумать?

Новые нотки, прозвучавшие в голосе командора, подсказали Вильяму, что неофициальная часть разговора закончилась.

— Что вам известно о господине Скрябе? — спросил Вильям.

— О Татле Скрябе? Сын старого Таскина Скряба. В течение последних семи лет является главой Гильдии Башмачников и Кожемяк, — начал перечислять Ваймс. — Отличный семьянин. Владеет лавкой в Фитильном переулке.

— И это все?

— Господин де Словв, это все, что известно Страже о господине Скрябе. Ты меня понимаешь? Есть люди, о которых мы знаем куда больше. И поверь мне, тебе об этих людях знать совсем не хочется.

— А. — Вильям наморщил лоб. — Но в Фитильном переулке нет обувной лавки.

— А я что-то говорил про обувь?

— В действительности единственная тамошняя лавка, хоть как-то связанная с кожей, это...

— Ее-то я и имел в виду.

— Но там продаются...

— Это вполне можно назвать изделиями из кожи, — перебил Ваймс и взял со стола дубинку.

— Да, А еще там продаются кое-какие изделия из резины, а также изделия из... перьев... плетки... и всякие... всякие этикие штучки. — Вильям покраснел. — Но...

— Лично я никогда там не бывал, — пожал плечами Ваймс, — но, насколько мне известно, у капрала Шноббса имеется полный каталог

тамошних товаров. Не думаю, что в городе существует Гильдия Производителей Всяких Этаких Штучек, хотя мысль, конечно, забавная. Как бы там ни было, с точки зрения закона господин Скряб чист. Старое дело, старая семья. Соответствующая атмосфера, в результате которой приобретение того-сего... всяких этаких штучек, иначе говоря... становится столь же естественным, как и покупка полуфунта окорока. А еще, по слухам, господин Скряб, став патрицем, в первую очередь помилует лорда Витинари.

— Что? Без суда?

— Ну разве не мило? — с кошмарной жизнерадостностью воскликнул Ваймс. — Неплохое начало для вступления в должность! Так сказать, чистый лист, свежий старт, зачем ворошить старое белье? Бедняга. Переработал. Бывает. Рано или поздно просто обязан был сломаться. Слишком редко бывал на свежем воздухе. И так далее. Затем лорда Витинари можно будет поместить в какое-нибудь тихое укромное местечко, и все мы скоро позабудем об этом отвратительном инциденте. Всем от этого только лучше будет, правда?

— Но вы же знаете, он не...

— Знаю? Я? — удивленно спросил Ваймс. — Это, господин де Словв, официальная дубинка Стражи, положенная мне по должности. А вот если бы это была дубина с гвоздем на конце, мы жили бы совсем в другом городе. Ну, мне пора. А ты поразмышляй на досуге. Хорошо поразмышляй.

Вильям проводил его взглядом.

Сахарисса уже взяла себя в руки — возможно, потому, что никто и не пытался ее успокоить.

— Ну, что будем делать? — спросила она.

— Не знаю. Выпускать листок. Это наша работа.

— А что, если эти люди вернуться?

— Вряд ли они вернуться. Теперь это место под наблюдением.

Сахарисса принялась собирать с пола бумаги.

— Наверное, мне сейчас лучше занять себя чем-нибудь...

— Вот это называется сила духа.

— Если бы ты дал мне пару-другую абзацев про тот пожар...

— Отто удалось сделать вполне приличный снимок, — вспомнил Вильям. — Верно, Отто?

— Да, выходит неплохо. Но...

Вампир смотрел на свой разбитый иконограф.

— О. Сочувствую. Правда, — сказал Вильям.

— Йа имеют и другие, — пожал плечами Отто. — По честности

говоря, йа думайт, в большом городе все бывает *проще*. Более *цивилизованно*. Мне говорят, в большой город толпа не гоняйт тебя вилами, как бывает в Гутталлинне. То есть йа прикладывают старания. Три месяца, четыре дня и семь часов полного повязывания. Йа всему отказывайт! Вы не представляйт, как тяжело не обращайт внимания на бледных дам в бархатных жилеточках, таких вызывательных кружевных черных платьях и крохотных туфельках на высокий каблук. О, какое искусство! И йа неустыженно признаваю это... — Он в отчаянии покачал головой и уставился на свою окровавленную рубашку. — И вдруг аппаратуру разбивайт, мой лучший рубашка покрывайт... кровью... красной-красной *кровью*... густой *темной* кровью... кровью... кровью...

— Быстрее! — крикнула Сахарисса, отталкивая Вильяма. — Господин Хорошагора, держи его за руки! — Она махнула рукой гномам. — Я была готова! Двое, хватайте за ноги! Дрема, у меня в столе кусок кровяной колбасы!

— ...*Солнечный круг, Небо вокруг*... — взвыл Отто.

— О боги! У него глаза светятся красным! — воскликнул Вильям. — Что нам делать?

— Можно еще раз отрубить ему голову, — предложил Боддони.

— Очень неуместная шутка, Боддони, — резко оборвала его Сахарисса.

— Шутка? Разве я улыбаюсь?

Отто встал. Гномы, отчаянно ругаясь, свисали с его худых плеч.

— ...*Милый мой друг, Добрый мой друг, Людям так хочется мира*...

— Да он силен как бык! — завопил Хорошагора.

— Держитесь, мы сейчас поможем! — крикнула Сахарисса. Покопавшись в сумочке, она вытащила тонкую брошюру в синей обложке. — Вот, взяла сегодня утром в миссии в Скотобойном переулке. Это их песенник! — Она снова начала всхлипывать. — Такая грустная песенка... Называется «Пусть всегда будет солнце». Она про маленького мальчика, которого... ну...

— Ты хочешь, чтобы мы ее *спели*? — перебил Хорошагора, которым размахивал отчаянно сопротивляющийся Отто.

— Чтобы оказать ему моральную поддержку! — Сахарисса вытерла глаза носовым платком. — Вы же видите, он пытается бороться! Ради вас сегодня он положил свою жизнь!

— Как положил, так и поднял.

Вильям наклонился. Его внимание привлекло нечто валявшееся среди

обломков иконографа. Бес, разумеется, сбежал, но нарисованная им картинка осталась. Быть может, на ней...

На картинке, не совсем удачно, правда, был изображен человек, который называл себя братом Кнопом. Невидимый для человеческого глаза свет превратил его лицо в белое пятно. Но тени за его спиной...

Вильям присмотрелся.

— О боги...

Тени за его спиной были живыми.

Шел снег с дождем. Брат Кноп и сестра Тюльпан пытались бежать по покрытой ледяной коркой земле, сквозь пелену ледяных капель и крупы. Пронзительные свистки позади становились все громче.

— Быстрее! — крикнул Кноп.

— Эти, ять, мешки такие *тяжелые!*

Теперь свистки доносились и с другой стороны. Господин Кноп не привык к подобному. Стражники не должны вести себя так организованно и увлеченно. Ему и раньше приходилось уходить от погони, когда тот или иной план вдруг срывался. Так вот, стражники, запыхавшись, должны были прекратить преследование уже на втором повороте. Он даже немного рассердился по этому поводу. Местные стражники вели себя *неправильно*.

Неожиданно господин Кноп почувствовал некое свободное пространство по правую руку от себя, которое занимали только влажные, кружащиеся в воздухе хлопья снега. Далеко внизу что-то тяжело хлюпало и бурчало, как в животе при несварении желудка.

— Это мост! Бросай мешок в реку! — приказал он.

— Но мы же, ять, хотели...

— Неважно! Избавимся от всех разом! Бросай! И нет проблем!

Сестра Тюльпан что-то пробурчал в ответ и, затормозив подошвами, остановился у парапета. Два скулящих и лающих мешка полетели вниз.

— Это, ять, всплеск, что ли? — недоуменно спросил сестра Тюльпан, всматриваясь в темноту.

— Какая разница? Бежим!

Снова *набирая* скорость, господин Кноп неуютно поежился. Он не понимал, что с ним сделали в том сарае, но ощущение было такое, словно он прошел по собственной могиле.

А еще он чувствовал, что за ним гонятся не только стражники, и поэтому побежал еще быстрее.

Несколько неохотно, но поразительно стройно и гармонично, потому

что никто не умеет петь более гармонично, чем хор гномов, даже если песня совсем не о золоте, а о том, как хочется напиться чистой водицы^[14], гномы начали вторить словам. И их пение, казалось, немного успокоило Отто.

Кроме того, прибыл аварийный запас ужасной кровавой колбасы. Для вампира эта колбаса была все равно что картонная сигарета для заядлого курильщика, но, по крайней мере, он мог хоть во что-то вонзить зубы. И когда Вильям наконец смог оторвать свой взгляд от ужасных теней, Сахарисса уже вытирала лоб Отто носовым платком.

— О, йа опять так устыжен, куда теперь девайт моя голова...

Вильям показал ему снимок.

— Отто, что это такое?

У теней были огромные кричащие пасти. У теней были выпученные глаза. Они не двигались, пока ты смотрел на них, но, если ты бросал на картинку второй взгляд, создавалось отчетливое впечатление, что тени каким-то образом переместились.

Отто поежился.

— Йа пользуйте всех угрей, что имейт.

— И?

— Какой ужас... — пробормотала Сахарисса, отворачиваясь от извивающихся в адских муках теней.

— Йа ощущайт себя ни на что не годным, — признался Отто. — Очевидно, они проявляйт очень сильную силу...

— Расскажи нам, Отто!

— Йа, йа, хорошо... Ты ведь знавайт, что иконографии не умейт лгать?

— Конечно.

— Йа? Так вот... Когда сильный темный свет, изображение натюрлих не лжет. Темный свет открывайт истина для темных глаз сознания... — Он замолчал и вздохнул. — И где зловещевательный раскат грома? Снова найн. Какая пустяшная трата. Но вы можете глядейт на тени. Изучайт их.

Все повернулись и поглядели на тени, скопившиеся в углу комнаты и под крышей. Это были самые обычные тени, в которых не было ничего, кроме пыли и пауков.

— Но там только пыль и... — начала было Сахарисса.

Отто вскинул руку.

— Уважаемая мадам, йа ведь только что объясняйт. С философской точки зрения истина ист то, что *метафорически* здесь помещается...

Вильям снова уставился на картинку.

— Йа пытайт надёжу, что со вспоможением фильтров йа избавляйтся от

нежелательный эффект, — продолжал Отто, — Но, увы...

— Это куда хуже, чем презабавные овощи, — констатировала Сахарисса.

Хорошагора покачав головой.

— Это нечестивость, — сказал он. — Не смей больше этим заниматься, понял?

— Вот уж не думал, что гномы настолько религиозны, — заметил Вильям.

— Мы совсем не религиозны, — возразил Хорошагора. — Но понимаем, что такое нечестивость, и, уверяю тебя, именно это мы сейчас перед собой видим. Я больше не желаю смотреть на эти... темные картинки.

Вильям поморщился. «На них изображена правда, — подумал он. — Но способны ли мы узнать правду, увидев ее? Эфебские философы, к примеру, считают, что кролик не способен перегнуть черепаху, и даже могут это *доказать*. Значит, это и есть правда? А еще я слышал, как один волшебник рассказывал, что все вокруг состоит из маленьких цифр, которые перемещаются быстро-быстро и оттого становятся осязаемыми. Это правда или нет? Многие события, произошедшие за последние несколько дней, были совсем не тем, чем казались на первый взгляд, и я думаю, что они *не правдивы*, хотя и не могу объяснить, почему я так считаю...»

— Да, Отто, завязывай с этим, — сказал он.

— Вот именно, — поддержал Хорошагора.

— Давайте наконец вернемся к нормальной жизни. Нам еще листок нужно выпустить. Хорошо?

— Ты считаешь нормальным, когда чокнутые жрецы начинают собирать собак, а вампиры — валять дурака со всякими зловещими тенями? — уточнил Гауди.

— Под «нормальной» я подразумеваю жизнь до этих событий, — ответил Вильям.

— О, *понятно*. Как в старые добрые времена, — кивнул Гауди.

Впрочем, через пару минут в отпечатке установилась тишина, нарушаемая лишь редкими всхлипами со стороны стоящего напротив Вильяма стола.

Вильям написал статью о пожаре. С этим никаких проблем не возникло. А затем он попытался связно изложить на бумаге события последних дней, но вдруг обнаружил, что дальше самого первого слова ему никак не продвинуться. Слово было «Итак...». Хорошее, надежное слово.

Не вызывающее ни малейших сомнений. Зато немало сомнений вызывали события, которые он пытался описать. В этом-то и проблема.

Он хотел... ну и что он хотел? Проинформировать людей? Да. Вызвать у них беспокойство? По крайней мере, у некоторых. Чего он не ожидал, так это того, что его слова окажутся *несущественными*. Новостной листок выходит, и... ничего. Всем просто плевать.

Такое впечатление, люди готовы что угодно принять за чистую монету. Так есть ли смысл писать очередную статью о деле Витинари? С другой стороны, в этом деле изрядно прибавилось собак, а люди любят читать про всяких там животных.

— А ты на что надеялся? — спросила Сахарисса, словно прочитав его мысли. — На то, что толпы хлынут на улицы? Насколько мне известно, Витинари был не самым приятным человеком. Может, он и в самом деле заслуживает того, что с ним случилось. Во всяком случае, так поговаривают.

— То есть, по-твоему, правда людей совсем не интересует?

— Слушай, для большинства людей правда — это деньги, которые они должны найти до конца недели, чтобы заплатить за жилье. Посмотри на господина Рона и его друзей. Что для них правда? Они вообще под мостом живут!

Она показала ему лист бумаги в линейку, исписанный от края до края мелким почерком со старательно выдержанным наклоном. Так обычно пишет человек, для которого письмо — очень непривычное занятие.

— Это отчет о ежегодном собрании анк-морпоркского Общества Любителей Клеточных Птиц. Они вполне обычные люди, которые ради своего развлечения разводят канареек и других птичек. А председатель общества живет по соседству, поэтому он и передал отчет мне. И все это для него крайне важно!

Но, боги тому свидетели, как это скучно! Речь только о лучших экземплярах да об изменении правил участия в выставках для попугаев, споры о которых продолжались аж целых два часа. Споры об изменениях, разумеется, — с попугаями все и так ясно. Но спорили об этом люди, которые большую часть времени проводят за тем, что делают фарш из мяса или пилят древесину, то есть живут обычной, неприметной жизнью, которой управляют другие люди, понимаешь? Они никак не могут повлиять на то, кто будет править городом, но могут сделать так, чтобы какаду не путали с обычными попугаями. И ведь они не виноваты. Просто таков порядок вещей. Почему ты сидишь с открытым ртом?

Вильям закрыл рот.

— Да, конечно, я понимаю...

— А вот мне так не кажется, — резко оборвала его Сахарисса. — Я нашла тебя в «Книге Пэров Твурпа». Твоя семья могла позволить себе никогда не думать о всяких мелочах. Члены твоей семьи всегда принадлежали к людям, которые управляли жизнями других людей. Этот новостной листок для тебя — просто развлечение. Разумеется, ты в него веришь, в этом я ничуть не сомневаюсь, но, если ситуация станет особо койхренной, ты... твои деньги ведь никуда не денутся. А вот у меня этих денег нет. Поэтому я хочу сохранить свою работу. И если ради этого придется наполнять листок тем, что ты так презрительно называешь «старостями», я буду это делать.

— Но у меня тоже нет денег! Я сам зарабатываю себе на жизнь!

— Да, но у тебя был выбор! Кроме того, аристократы не допустят, чтобы какой-нибудь барчук умер с голоду. Всегда подыщут для него глупую работу за серьезную зарплату...

Сахарисса замолчала, переводя дыхание, и убрала прядь волос с глаз. После чего посмотрела на Вильяма так, как смотрит человек, уже запаливший фитиль и только потом задумавшийся, а не слишком ли сильный заряд заложен на противоположном конце.

Вильям открыл рот, попытался подобрать нужное слово, но так и не смог ничего сказать. Он сделал еще одну попытку. Наконец несколько хрипло он произнес:

— Ты, конечно, более или менее права...

— Следующим словом будет «но», я просто уверена в этом, — перебила его Сахарисса.

Вильям почувствовал на себе взгляды всех отпечатников.

— Да, но...

— Ага!

— Но это очень большое «но»! Понимаешь? Очень важное «но»! Кто-то должен заботиться о правде. В чем никак нельзя обвинить Витинари, так это в том, что он каким-то образом *вредил* городу. У нас были совершенно безумные и исключительно кровожадные правители. Причем не так давно. Витинари, возможно, «не самый приятный человек», но сегодня мне пришлось завтракать с человеком, который был бы, мягко говоря, куда более неприятным, встань он у власти. И таких людей много. То, что происходит сейчас, *неправильно*. А что касается твоих любителей попугаев, если их не интересует ничего, кроме кудахчущих в клетках тварей, то настанет время, когда правителем станет человек, который забьет их попугайчиков им же в глотки! Ты хочешь, чтобы так случилось? Если мы

не приложим никаких усилий, людей будут пичкать всякими глупыми... *историями* о говорящих собаках и о том, как «эльфы сожрали моего хомячка». Поэтому не надо читать мне лекции о том, что важно, а что — нет, понятно?

Они долго-долго смотрели друг на друга.

— Не смей со мной так разговаривать.

— Не смей *со мной* так разговаривать.

— У нас слишком мало рекламы, — заявила Сахарисса. — «Инфо» отпечатывают огромные рекламные объявления для крупных Гильдий. Вот что позволит нам остаться на плаву, а не какие-то дурацкие рассказы о том, сколько весит золото.

— И что я, по-твоему, должен сделать?

— Найти способ получать больше объявлений!

— Это не моя работа! — закричал Вильям.

— Это один из способов сохранить твою работу! Мы получаем лишь короткие объявления по пенсу за строку от людей, которые торгуют бандажами и лекарствами от боли в пояснице!

— Ну и что? Пенни доллар бережет.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы приобрели известность как новостной листок «В-Который-Ты-Можешь-Завернуть-Свою-Грыжу»?

— Э... Прощу прощения, — вмешался в их спор Хорошагора. — Мы будем делать листок или нет? Не то чтобы мы не наслаждались зрелищем, но на цветную отпечатать потребуется больше времени.

Вильям и Сахарисса оглянулись. Они были центром внимания.

— Слушай, я понимаю, как много все это для тебя значит, — произнесла Сахарисса гораздо тише, — но всякой политической чепухой должна заниматься Стража, а не мы. Вот и все, что я хочу сказать.

— Стража зашла в тупик. Причем это слова самого Ваймса.

Сахарисса долго смотрела на его застывшее лицо. А потом, к немалому удивлению Вильяма, наклонилась и похлопала его по руке.

— Похоже, тебе все таки удалось добиться *результата*.

— Ха!

— Ну, если они и решат помиловать Витинари, то, возможно, лишь потому, что *ты* заставил их волноваться.

— Ха! Кстати, «они» — это кто?

— Ну... понимаешь... *они*. Люди, которые всем управляют. *Они* все замечают. Вероятно, даже читают наш листок.

Вильям вымученно улыбнулся.

— Завтра придумаем, как добиться того, чтобы нам несли побольше

объявлений, — пообещал он. — Нам так или иначе нужны дополнительные работники. Э... Я пройдушь немного, — добавил он. — Кстати, принесу тебе ключ.

— Ключ?

— Тебе ведь нужно платье? Чтобы пойти на бал?

— А, да. Спасибо.

— И вряд ли эти люди вернутся, — сказал Вильям. — У меня почему-то возникло ощущение, что на данный момент этот сарай — самый охраняемый сарай в городе.

«Потому что Ваймсу очень интересно, кто еще может попытаться нас убить», — подумал Вильям, но решил не говорить об этом вслух.

— И чем ты собираешься заняться? — спросила Сахарисса.

— Ну, первым делом зайду в ближайшую аптеку, — ответил Вильям. — Потом загляну домой за ключом. А потом... отправлюсь на встречу с человеком, который расскажет мне кое-что об одной собаке.

Новая Контора ворвалась в пустой особняк и заперла за собой дверь.

Господин Тюльпан сорвал с себя костюм невинной девы и бросил его на пол.

— Я ж, ять, говорил, самые умные планы никогда не срабатывают! — воскликнул он.

— *Вампир...* — покачал головой господин Кноп. — Этот город неизлечимо болен, господин Тюльпан.

— А что, ять, он с нами сделал?

— Сыконографировал. Но как-то странно, — ответил господин Кноп и закрыл глаза.

У него ужасно болела голова.

— Ну и ять с ним. Я был хорошо замаскирован, — похвастался господин Тюльпан.

Господин Кноп только пожал плечами. Не узнать господина Тюльпана было невозможно. Даже с ведром на голове, которое, впрочем, уже через несколько минут насквозь проржавеет.

— Сомневаюсь, что твоя маскировка поможет, — сказал он.

— Ненавижу, ять, эти картинки, — прорычал господин Тюльпан. — Моглдавию, ять, помнишь? Все эти плакаты? Это, ять, очень вредно для здоровья, когда твоя физиономия красуется на каждой стене с надписью «Живым или мертвым». Не, ять, я до сих пор не понимаю, так «живым» или «мертвым»? Они, ять, что, никак решить не могли?

Господин Тюльпан достал из кармана маленький пакетик, в котором,

согласно уверениям торговца, находилась первоклассная «муть», тогда как на самом деле там была сахарная пудра вперемешку с толченым голубиным пометом.

— Ладно, в конце концов, мы избавились от этой, ять, псины, — буркнул он.

— Откуда такая уверенность? — спросил господин Кноп и снова поморщился.

Головная боль усиливалась.

— Слушай, ять, мы сделали эту работу, — возразил господин Тюльпан. — Хотя не помню, чтобы кто-то предупреждал нас о каких-то там, ять, вервольфах или вампирах. Дальше — их, ять, проблемы. Давай наконец свернем шею этому паскуднику, заберем наши деньги и уедем в Псевдополис или еще куда!

— То есть ты предлагаешь... уклониться от выполнения контракта?

— Именно это, ять, и предлагаю. Не хрен, ять, мелким шрифтом печатать!

— Кто-нибудь обязательно опознает Чарли. Похоже, в этом городе мертвые не умеют лежать спокойно.

— Вот уж это, ять, я обеспечу, — пообещал господин Тюльпан.

Господин Кноп задумчиво пожевал губу. Он гораздо лучше господина Тюльпана понимал, что им, выбравшим подобный способ зарабатывать себе на жизнь, нужна определенная... репутация. Нигде ничего не фиксировалось, но слухи распространялись очень быстро. Порой Новая Контора имела дело с очень серьезными игроками, которые ни один слух не пропускали мимо ушей...

Но в словах господина Тюльпана был смысл. Этот город начинал доставать господина Кнопа. Оскорблял его тонкую натуру. Вампиры и вервольфы... Грузить подобными вещами приличного человека — это не по правилам. Это называется «позволять вольности». Ну а...

...Репутацию можно поддерживать всякими способами.

— Я думаю, нам следует объяснить ситуацию нашему другу-законнику, — медленно произнес он.

— Прально! — мгновенно согласился господин Тюльпан. — А потом, ять, я оторву ему башку.

— Зомби этим не убьешь.

— Вот и отлично. Значит, у него будет возможность увидеть, куда я ее ему засуну.

— А потом... Потом мы еще раз посетим тот листок. Когда стемнеет.

«Чтобы забрать снимок», — добавил он про себя. Хорошая причина. О

такой причине не стыдно было рассказать миру. Но на самом деле имелось кое-что еще. Эта вспышка... темноты испугала господина Кноп до самой глубины его низменной души. Не совсем приятные воспоминания стремительным потоком хлынули в сознание.

За всю свою жизнь господин Кноп приобрел немало врагов, но это ничуть не беспокоило его, потому что все его враги были мертвы. Однако этот темный свет как будто выжег определенные части его разума, и теперь ему стало казаться, что враги не исчезли из вселенной, а просто... отделились и сейчас издалека наблюдают за ним. Причем далекими они стали только с его точки зрения, но с точки зрения врагов они были настолько близко, что могли протянуть руку и дотронуться до него.

И лишь об одном господин Кноп не хотел говорить вслух. Даже господину Тюльпану. На самом деле им понадобятся все деньги, полученные за эту работу, потому что в темноте он увидел, что пора уходить на покой.

Богословие не принадлежало к наукам, в которых господин Кноп мог похвастать обширными знаниями, даже несмотря на то, что ему не раз приходилось сопровождать господина Тюльпана в некоторые видные храмы и часовни. Однажды, к примеру, затем, чтобы свернуть шею верховному жрецу, посмевавшему обмануть самого Честни «Психа» Шнаббса. Но даже те немногие знания, которые господин Кноп все же успел впитать, говорили ему сейчас: настало время проявить к этой области более пристальный интерес. Может, стоит вернуть храмам деньги или, по крайней мере, некоторые вещи, которые он оттуда унес. Проклятье, а может, следует перестать есть говядину по вторникам или дать еще какой обет. Возможно, после этого исчезнет ощущение, как будто тебе только что открутили затылок.

Хотя... Все это дело далекого будущего. А сейчас, согласно неписаному кодексу, у них было два выхода: они могут в точности выполнить инструкции господина Кривса, что лишь подтвердит их репутацию как настоящих профессионалов, или могут придушить господина Кривса (а с ним, если что, и нескольких свидетелей), после чего смотаться из города, устроив перед отъездом небольшой пожар. Подобные новости распространяются не менее быстро. Нужные люди поймут намек. Поймут, насколько была расстроена контрактом Новая Контора.

— Но сначала мы... — Господин Кноп вдруг замолчал, а потом сдавленным голосом спросил: — У меня за спиной никого нет?

— Нет, — ответил господин Тюльпан.

— Мне показалось, я слышу чьи-то... шаги.

— Здесь, ять, кроме нас, никого нет.

— Хорошо, хорошо.

Господин Кноп вздрогнул, потом одернул пиджак и оглядел господина Тюльпана с головы до ног.

— И приведи одежду в подарок, хорошо? Послушай, из тебя уже дуст сыплется.

— Ничего страшного, — успокоил господин Тюльпан. — Зато уши всегда торчком. И хвост дубинкой.

Кноп вздохнул. Господин Тюльпан искренне верил в содержимое каждого пакетика, что бы там ни находилось, а находился там, как правило, разбавленный перхотью кошачий порошок от блох.

— Силой мы от господина Кривса ничего не добьемся, — сказал он.

Господин Тюльпан хрустнул суставами пальцев.

— Силой, ять, можно добиться всего. И от кого угодно, — хмыкнул он.

— Нет. У такого, как он, всегда за спиной маячат какие-нибудь мускулы, — возразил господин Кноп и похлопал себя по карману. — Что ж, пора господину Кривсу познакомиться с моим маленьким приятелем.

Доска тяжело упала на покрытую коркой поверхность реки Анк. Осторожно перемещая вес и крепко сжимая в зубах веревку, Арнольд Косой перелез на доску. Она немного погрузилась в жижу, но осталась, за неимением более подходящего слова, на плаву.

В нескольких футах от него углубление, образовавшееся после падения первого мешка, уже заполнялось, за неимением более подходящего слова, водой.

Арнольд добрался до конца доски, осторожно повернулся и ловко набросил петлю на второй мешок. В мешке что-то шевелилось.

— Он его поймал! — заорал Человек-Утка, наблюдавший за всем происходящим из-под моста. — А ну, навались!

Мешок, странно хлюпнув, появился из грязи, а когда его подтащили к берегу, на него прыгнул Арнольд.

— Молодец, — похвалил Арнольда Человек-Утка, помогая перебраться с мокрого мешка на привычную тележку. — Вот уж не думал, что поверхность выдержит твой вес. При таком-то приливе!

— Везучий я. Много лет назад ноги мне телега отрезала, — ухмыльнулся Арнольд Косой. — Иначе б я точно утонул!

Генри-Гроб разрезал ножом мешок, выпустив на волю очередную партию маленьких терьеров, которые тут же принялись кашлять и чихать.

— Похоже, пара малышей таки погибла, — сообщил он. — Может,

сделать им искусственное дыхание? Изо рта в пасть?

— Конечно нет, Генри, — возразил Человек-Утка. — Ты что, про гигиену не слышал?

— Про какую еще гиену?

— К собакам нельзя прикасаться губами! — воскликнул Человек-Утка. — Они могут подхватить какую-нибудь заразу!

Нищие рассматривали жавшихся к костру песиков. Им не хотелось даже думать о том, как животные могли оказаться в реке. В этой реке могло оказаться что угодно. Впрочем, так и происходило. Практически постоянно. Обитатели подмостовья внимательно следили за тем, что валялось на поверхности Анка. Но даже они не могли не удивиться, увидев так много собак сразу.

— Может, прошел дождь из собак? — спросил Все-Вместе Эндрюс, которым в данный момент управляла личность, известная как Кучерявый. С Кучерявым было легко ладить. — Я слышал, такое иногда случается.

— А знаете что? — вдруг сказал Арнольд Косой. — Нам нужно сделать следующее. Собрать всякий хлам типа досок и сделать лодку. Мы сможем выловить гораздо больше всего из реки, когда у нас будет лодка.

— Да, конечно, — согласился Человек-Утка. — Когда я был маленьким, мы частенько возились во всяких лодках.

— А теперь мы будем лодочничать во всякой возне, — ответил Арнольд. — Одно и то же.

— Не совсем, — ответил Человек-Утка и посмотрел на дрожащих, отчаянно чихающих песиков. — Жаль, Господа нет с нами, — сказал он. — Уж он бы придумал, что придумать.

— В склянке? — осторожно переспросил аптекарь.

— Запечатанной воском, — повторил Вильям.

— И тебе нужно по унции...

— Анисового, рапунцевого и скаллатинового масла, — сказал Вильям.

— С двумя первыми пунктами никаких проблем, — заявил аптекарь, просматривая список. — Но во всем городе нет целой унции скаллатинового масла, понимаешь? Пятнадцать долларов стоит капля с булавочную головку. У нас этого масла хватит, чтобы заполнить ложку для перчицы, и мы вынуждены хранить его под водой в запаянной свинцовой коробке.

— Значит, я возьму каплю с булавочную головку.

— Но тебе никогда не удастся смыть его с рук! Это вещество не для обычного...

— В склянке, — терпеливо произнес Вильям, — Запечатанной воском.

— Ты даже не почувствуешь запах других масел! Зачем все это тебе понадобилось?

— Для страховки, — загадочно произнес Вильям. — Да, и, запечатав бутылочку воском, протри ее эфиром, после чего смой эфир.

— Все это будет использоваться в незаконных целях? — осведомился аптекарь, но заметил выражение лица Вильяма. — Просто спросил, — добавил он быстро.

Пока аптекарь выполнял все требования, Вильям заглянул в другую лавку и купил себе пару толстых перчаток.

Когда он вернулся, аптекарь как раз выставлял на прилавок готовый заказ. Он продемонстрировал небольшой стеклянный флакон, заполненный жидкостью, в которой плавал еще один флакон, уже поменьше.

— Большой флакон наполнен водой, — пояснил он, вынимая из носа затычки. — Бери очень осторожно. Если уронишь, мы оба навсегда распрощаемся с обонянием.

— А какой именно у него запах? — поинтересовался Вильям.

— Сказать, что капусты, — значит ничего не сказать, — ответил аптекарь.

Потом Вильям направился домой. Госпожа Эликсир очень неодобрительно относилась к постояльцам, которые возвращались в свои комнаты среди бела дня, но в данный момент Вильям, очевидно, находился вне системы ее координат, поэтому, поднимаясь по лестнице, он удостоился лишь холодного кивка.

Ключи лежали в старом сундуке, стоящем рядом с кроватью. С этим сундуком его отправили из дома в Угарвард, а после Вильям не расставался с ним хотя бы ради того, чтобы иметь возможность изредка давать ему пинка.

Чековая книжка тоже лежала в сундуке. Ее он положил себе в карман.

Меч звякнул, когда Вильям случайно коснулся его рукой.

В школе он любил заниматься фехтованием. Занятия проходили в сухом помещении, тебе позволялось надевать защитную одежду, и никто не пытался окунуть тебя лицом в грязь. На самом деле он даже стал чемпионом. Но не потому, что в совершенстве овладел искусством фехтования. Просто остальные фехтовали еще хуже. Мальчики относились к фехтованию как во всем прочим видам спорта и бросались в атаку с оглушительным криком, размахивая мечом на манер дубинки. А это означало, что, если Вильяму удавалось увернуться от первого удара, он автоматически становился победителем.

Меч он оставил в сундуке.

Подумав немного, Вильям достал старые носки и надел один из них на приобретенную в аптеке бутылочку. В его планы не входило порезать кого-либо битым стеклом.

Мята! Неплохая идея, если не знать, что есть и другие субстанции...

Госпожа Эликсир была яркой сторонницей тюлевых занавесок на окнах, которые позволяли ей смотреть на улицу, оставаясь невидимой для прохожих. Вильям спрятался за одной из таких занавесок и долго-долго разглядывал крышу противоположного дома, пока не убедился, что неясный силуэт на ней — это и в самом деле горгулья.

Улица, на которой он жил, не относилась к естественной среде обитания горгулий. Как, впрочем, и Тусклая улица.

Уже спускаясь вниз по лестнице, Вильям припомнил пару интересных фактов про горгулий. Они отличались от других существ тем, что им никогда не становилось скучно. А еще они могли по нескольку дней кряду сидеть на месте, уставившись в одну точку. И могли двигаться быстрее, чем казалось людям, но определенно не могли двигаться быстрее людей.

Вильям пробежал через кухню с такой скоростью, что едва успел услышать удивленный вскрик госпожи Эликсир, вылетел через заднюю дверь на улицу и, перепрыгнув через низкую стенку, оказался в соседнем переулке.

Кто-то там орудовал лопатой. На мгновение Вильяму показалось, что это замаскированный стражник или даже замаскированная сестра Йеннифер, но он быстро осознал, что вряд ли кто по доброй воле выберет для маскировки костюм гнолля. Для начала, пришлось бы привязать к спине компостную кучу. Гнолли могли питаться практически чем угодно. А все то, чем питаться не могли, они одержимо собирали. Никто никогда не изучал этих существ, чтобы выяснить причины их поведения. Возможно, правильно подобранная коллекция капустных кочерыжек была символом высокого положения в обществе гноллей.

— Д'бр д'н, гн Сл'вв, — прохрипело создание, опершись на лопату.

— Э... Привет... Э...

— Хр вгл.

— А? Да. Спасибо. Всего доброго.

Вильям пробежал по переулку, пересек улицу и оказался еще в одном переулке. Он не знал, сколько именно горгулий следило за ним, но они не могли так быстро перелезть с крыши на крышу...

Интересно, откуда гнолль знал его имя? Они явно не встречались — ни на вечеринке, ни где-либо еще. Правда, все гнолли работали на... Гарри

Короля.

Понятно. Не зря говорят, что Король Золотой Реки никогда не забывает о своем должнике...

Вильям миновал несколько кварталов, активно используя всевозможные проулки, проходные дворы и шумные площади. Нормальный человек никак не смог бы за ним проследить, в этом он был уверен, но он был бы очень удивлен, если бы за ним следил обычный человек. Господин Ваймс предпочитал говорить о себе как о простом стражнике, а Гарри Король любил называть себя алмазом неограненным. Вильям подозревал, что мир усеян останками людей, которые приняли их слова за чистую монету.

Он замедлил бег, залез по какой-то наружной лестнице на крышу одного из домов и стал ждать.

«Ты полный дурак, — твердил ему внутренний редактор. — Некие типы пытались тебя убить. Ты скрываешь информацию от Стражи. Связался со странными людьми. А теперь собираешься сделать такое, от чего волосы на голове господина Ваймса поднимут не то что шляпу, но сам шлем. Ну и зачем тебе это?»

«А затем, что от этого кровь кипит в моих жилах, — подумал он. — А еще затем, что я не позволю себя использовать. Никому».

Снизу до него донесся странный звук, настолько тихий, что услышать его было практически невозможно. Кто-то принюхивался.

Вильям посмотрел вниз и увидел, как некое четвероногое существо бежит по переулку, прижав нос к земле.

Вильям тщательно отмерил расстояние. Независимость — это одно, а нападение на офицера городской Стражи — совсем другое.

Он швырнул бутылочку так, чтобы она упала перед вервольфом, футах в двадцати. Потом прыгнул с крыши на лестницу, оттуда — на крышу уличного сортира, и как раз в этот момент бутылочка внутри носка, глухо звякнув, разбилась.

Раздался визг, а затем — быстро удаляющийся стук когтистых лап.

Вильям перепрыгнул с крыши сортира на соседнюю стену, осторожно прошел по ней и спрыгнул в следующий переулок.

Пять минут потребовалось на то, чтобы он, пригибаясь, прячась за углами и быстро перебегая через открытые участки, добрался до извозчичьего двора. В обычной суете никто не обратил на него внимания. Он был обычным человеком, пришедшим за своей лошадью.

В деннике, в котором мог находиться, а мог и не находиться Вгорлекость, стояла лошадь. Она посмотрела на Вильяма поверх длинной

морды.

— Не оборачивайся, господин Бумажный Человек, — раздался голос за его спиной.

Вильям попытался вспомнить, что находится у него за спиной. Ах да... Подъемник для сена. И огромные мешки с овсом. Вполне удобное место, чтобы спрятаться.

— Хорошо, — сказал он.

— «Тяв-тяв», *залаяли* собачки, — сказал Вгорлекость. — Нет, ты все-таки полный псих.

— Но я иду по верному следу, — возразил Вильям. — Мне кажется, я...

— Ты уверен, что за тобой не было хвоста?

— Капрал Шноббс следил за мной, — ответил Вильям. — Но мне удалось уйти.

— Ха! От Шнобби Шноббса можно уйти, просто завернув за угол!

— О нет, он не отставал. Я знал, что Ваймс установит за мной слежку, — с гордостью заявил Вильям.

— Пошлет Шноббса?

— Да, а кого ж еще... Самого что ни на есть оборотня. Вервольфа.

Ну вот... Он сказал это. Но сегодня был день теней и тайн.

— Вервольфа, значит... — монотонно повторил Вгорлекость.

— Да, только не рассказывай никому. Я буду тебе очень признателен.

— Капрала Шноббса, значит... — все так же монотонно произнес Вгорлекость.

— Его самого. Слушай, Ваймс просил никому...

— Стало быть, это *Ваймс* сказал тебе, что Шнобби Шноббс — оборотень?

— Ну, не совсем сказал. Я сам догадался, а Ваймс просил никому не говорить...

— О том, что капрал Шноббс — оборотень...

— Да.

— Капрал Шноббс никакой не вервольф, господин. В любом смысле, форме или облике. Человек ли он, это уже другой вопрос, но чем он точно не страдает, так это ликр... линко... ликантро... В общем, не умеет он превращаться в волка, и точка!

— Тогда перед чьим носом я взорвал бомбу-вонючку? — с триумфальным видом спросил Вильям.

Некоторое время ответом ему была тишина, а потом зажурчала тонкая струйка воды.

— Господин Вгорлекость?

— Какую такую бомбу-вонючку? — раздался голос, который показался Вильяму слегка напряженным.

— Ну, самым активным ингредиентом было скаллатиновое масло.

— Прямо перед носом у вервольфа?

— Да. Более или менее.

— Господин Ваймс просто сорвется с резьбы, — пообещал Вгорлекость. — Он такую библиотеку нам всем устроит. Изобретет новый способ разозлиться, только чтобы испробовать его лично на твоей шкуре...

— Тогда мне же будет лучше, если песик Витинари окажется у меня как можно быстрее, — сказал Вильям. — Я дам тебе чек на пятьдесят долларов. Больше у меня нет.

— А что такое чек?

— Это как легальная долговая расписка.

— *Великолепно*, — хмыкнул Вгорлекость. — И что мне с твоей расписки, когда тебя упрячут за решетку?

— Прямо сейчас, господин Вгорлекость, двое очень скверных людей отлавливают по городу терьеров. Всех подряд. И, судя по всему...

— Терьеров? — переспросил Вгорлекость, — Всех *по*ряд?

— Да, пока ты, как я полагаю...

— Типа... всех подряд породистых терьеров или всех подряд людей, которые случайно похожи на терьеров?

— По-моему, родословные они не проверяют. Кстати, что ты имеешь в виду под «людьми, случайно похожими на терьеров»?

Вгорлекость снова замолчал.

— Пятьдесят долларов, господин Вгорлекость.

— Ну хорошо, — наконец донеслось со стороны мешков с сеном. — Сегодня вечером на мосту Призрения. Только ты. Один. Э... Меня там не будет, но будет гонец от меня.

— На чье имя выписать чек?

Ответа не последовало. Вильям немного подождал и осторожно переместился так, чтобы можно было заглянуть за мешки. Послышался какой-то шорох. «Крысы, наверное, — подумал он. — Ни в один из этих мешков человек не поместится».

Вгорлекость оказался парень не промах.

Через некоторое время после того, как Вильям ушел, предварительно заглянув во все углы, появился конюх с тележкой и принялся грузить на нее мешки с сеном.

— Положи меня на пол, господин, — сказал один из мешков.
Конюх выронил мешок, а потом осторожно приоткрыл горловину.
Маленький, похожий на терьера песик выбрался из мешка и принялся отряхиваться от прилипших к шерсти соломинок.

Господин Гобсон не поощрял независимость мышления и пытливость ума. И разумеется, за пятьдесят пенсов в день плюс весь овес, который ты сможешь украсть, он не получал ни того ни другого. Конюх тупо уставился на песика.

— Это ты сказал? — спросил он.

— Конечно нет, — ответил песик. — Собаки не умеют разговаривать. Ты что, совсем тупой? Кто-то решил над тобой подшутить. Уылка ива, уылка ива, вот ведь олух...

— А, это типа передача голоса на расстояние? Да, я как-то видел такой фокус.

— Надо ж, какой смысленый, догадался. Вот и думай так дальше.

Конюх огляделся.

— Том, это ты решил надо мной подшутить?

— Конечно я, — подтвердил песик. — Вычитал этот фокус в книжке. И передал свой голос безобидному песику, который совсем не умеет разговаривать.

— Что? Ты не говорил мне, что научился читать!

— Там картинки были, — торопливо произнес песик. — Языки, зубы, все такое прочее. Очень просто понять. А теперь маленькому песику пора уходить...

Кабысдох принялся бочком пробираться к двери. Конюху показалось, что он услышал слова:

— Вот ведь тупицы, отрасли пару пальцев на руках и уже считают себя венцом творения, вашу мать...

Песик бросился наутек.

— И как это будет работать? — спросила Сахарисса, пытаясь выглядеть умной.

Было гораздо приятнее сосредоточиться на данной теме, чем думать о том, что странные люди могут вот-вот снова захватить словопечатню.

— Медленно, — недовольно пробурчал Хорошагора, ковыряясь в отпечатной машине. — Потребуется куда больше времени, чтобы отпечатать каждый листок.

— Вы хотите цвет, йа давайте цвет, — обиженно произнес Отто. — Вы ничего не упоминайт про скорость.

Сахарисса посмотрела на экспериментальный иконограф. Уже довольно давно все иконографии рисовались в цвете. Только самые дешевые бесенята еще малевали черно-белые картинки, хотя Отто настаивал, что монохромное изображение «ист отдельный вид искусства». Но цветная отпечатать...

Четыре бесенка сидели на краю иконографа, курили, передавая друг другу крохотную самокрутку, и с интересом наблюдали за копошившимися вокруг отпечатной машины гномами. На троих бесенятах были нацеплены очки из цветного стекла — красного, синего и желтого.

— Но не зеленого... — заметила Сахарисса. — Значит... если нужно нарисовать что-то зеленое, Гатри видит то, что в этом зеленом есть синего, и рисует это синей краской на форме...

Один из бесенят помахал ей лапкой.

— А Антон видит желтое и рисует этот цвет. И когда вы пропускаете все это через машину...

— ...Очень, очень медленно пропускаем, — пробормотал Хорошагора. — Быстрее будет обойти дома и *сообщить* всем новости.

Сахарисса посмотрела на пробные оттиски, на которых был изображен недавний пожар. Пожар определенно был похож на пожар — с красными, оранжевыми и желтыми языками пламени. И големы получились неплохо, такие красновато-коричневые, а вот телесные тона... правда, в Анк-Морпорке понятие телесного тона было несколько размыто, поскольку тело могло оказаться любого цвета, за исключением, пожалуй, светло-голубого... так вот, телесные тона, судя по лицам зевак, намекали на то, что в городе началась эпидемия некой очень заразной болезни. Какой-нибудь Разноцветной Чумоватости.

— Это только начинание, — попытался успокоить всех Отто. — Потом йа улучшайт.

— Улучшить-то можно, а вот убыстрить — вряд ли, — снова вмешался Хорошагора. — Возможно, у нас получится отпечатывать в час по двести экземпляров. В лучшем случае двести пятьдесят, но клянусь, еще до конца дня кто-нибудь расстанется с пальцами. Извините, но на большее мы не способны. Если б у нас был хоть один день, чтобы немного изменить конструкцию...

— Тогда отпечатывайте несколько сотен цветными, а остальные — черно-белыми, — предложила Сахарисса и вздохнула. — По крайней мере, привлечем внимание людей.

— «Инфо» сразу понимает, как мы это проворачивает. Один только взгляд бросает на листок, — сказал Отто.

— Что ж, погибнем с развевающимися знаменами, — пожалала плечами Сахарисса и помотала головой, стряхивая сыплющуюся с потолка пыль.

— Слышите? — спросил Боддони. — Чувствуете, как трясется пол? Они снова запустили большую машину.

— Опять под нас копают, — поморщилась Сахарисса. — А мы ведь так стараемся. Это нечестно.

— Я вообще удивлен, как только пол выдерживает, — ответил Хорошагора, — Мы ж не па земле стоим.

— Под нас копают, значит? — переспросил Боддони.

Услышав его слова, один или двое гномов мгновенно вскинули головы. Боддони сказал что-то по-гномьи, Хорошагора резко ответил. Потом к спору присоединились другие гномы.

— Прошу прощения! — раздраженно окликнула Сахарисса.

— Парни говорят... мол, неплохо бы сходить туда, посмотреть, что да как, — неохотно произнес Хорошагора.

— Я тут на днях пыталась к ним попасть, но тролль у дверей повел себя так *невежливо*, — поделилась Сахарисса.

— К решению подобных проблем гномы подходят... по-своему, — ухмыльнулся Хорошагора.

Сахарисса заметила, что Боддони достал из-под верстака топор. Это был обычный гномий топор. С одной стороны он представлял собой кирку для извлечения из грунта всяких интересных минералов, а с другой — боевое лезвие, поскольку люди, владевшие землей, где содержались всякие интересные минералы, имели привычку вести себя крайне неразумно.

— Вы что, собрались на кого-то *напасть*? — с удивлением спросила Сахарисса.

— Чтобы нарыть хорошую историю, ты должен копать, копать и еще раз копать. Один умный человек сказал, — ответил Боддони. — Мы просто хотим немного прогуляться,

— По подвалу? — уточнила Сахарисса, когда гномы направились к лестнице.

— Ну да, — подтвердил Боддони. — Как говорится, в темноте да не в обиде.

Хорошагора вздохнул.

— Значит так, все остальные! Продолжаем отпечатать, понятно? — крикнул он.

Через минуту или две из подвала донеслись звуки ударов топора, потом кто-то выругался — по-гномьи, очень громко.

— Пойду посмотрю, чем они там занимаются, — не смогла сдержать

любопытство Сахарисса и поспешила за гномами.

Когда она спустилась в подвал, кирпичи, которыми был заложен старый дверной проем, уже валялись на полу. В связи с тем, что камни использовались в Анк-Морпорке многократно и самыми разными поколениями, никто и никогда не видел смысла в использовании прочного раствора, особенно для закладывания дверных проемов. Считалось, что нужного результата вполне можно добиться при помощи раствора из песка, грязи, воды и соплей. Во всяком случае, до сей поры этот подход срабатывал.

Гномы всматривались в темноту. У каждого на шлеме горела свеча.

— Кажется, твой мужчина говорил, что раньше старые улицы засыпали, — сказал Боддони.

— Он не мой мужчина, — спокойным голосом поправила его Сахарисса. — Что там видно?

Один из гномов с лампой в руке скрылся в проеме.

— Похоже на... тоннели, — объявил он.

— Старые тротуары, — догадалась Сахарисса. — Думаю, таких много в этом районе. После сильных наводнений вдоль обочин делали заборчики из досок, после чего дороги насыпали песком. Но тротуары оставались на прежнем уровне, потому что не все дома успевали надстроить и люди жаловались.

— Что? — не понял Боддони. — То есть дороги были выше тротуаров?

— Да, — подтвердила Сахарисса, ныряя вслед за ним в проем.

— А что, если лошадь нас... если лошадь вдруг помочилась прямо на улице? Что с этим делали?

— Ну, такие подробности мне неизвестны, — фыркнула Сахарисса.

— А как люди переходили через улицу?

— По лестницам.

— Да ладно тебе, госпожа!

— Нет, правда, они использовали лестницы. И делали пару-другую тоннелей. Это ж были временные меры. А затем старые тротуары просто закрывали сверху толстыми плитами. Так и получались эти забытые пустоты.

— Тут крысы, — сообщил из темноты прошедший чуть дальше Дрема.

— Проклятье! — воскликнул Боддони. — Никто не догадался прихватить нож и вилку? Шучу, госпожа. Эй, а здесь у нас что такое?..

Он взмахнул топором, и полусгнившие доски рассыпались чуть ли не с первого удара.

— Видимо, кто-то очень не хотел пользоваться лестницей, — сказал

он, заглядывая в образовавшийся тоннель.

— Он проходит прямо под улицей? — спросила Сахарисса.

— Похоже на то. Скорее всего, у кого-то была аллергия на лошадей.

— А ты... знаешь... куда нам идти?

— Я — гном. Мы под землей. *Гном. Под землей.* Повтори-ка свой вопрос.

— Вы что, собираетесь прорубиться в подвал «Инфо»? — изумилась Сахарисса.

— Кто? Мы?

— Так собираетесь или нет?

— Мы бы никогда так не поступили.

— Но поступите.

— Это все равно что вломиться в чужой дом.

— Да, но именно это вы и задумали.

Боддони усмехнулся.

— Честно говоря... что-то вроде. Только чтоб краешком глаза глянуть, понимаешь?

— Ну хорошо.

— Что? Ты не против?

— Вы же не собираетесь никого убивать.

— Госпожа, подобными вещами мы не занимаемся!

Сахарисса выглядела несколько разочарованной. Она слишком долго была приличной девушкой. Для определенной категории людей это означало, что с трудом сдерживаемая неприличность так и ждала подходящего момента, чтобы вырваться наружу.

— Ну... а если огорчить их? Немного? Совсем чуть-чуть?

— Думаю, у нас это получится.

Гномы уже пробирались по тротуару с другой стороны похороненной улицы. В свете факелов Сахарисса видела старые фасады, заложенные кирпичом дверные проемы, заваленные щебнем окна.

— Кажется, пришли, — объявил Боддони, ткнув пальцем в прямоугольник низкосортного кирпича.

— Вы что, вот так возьмете и пробьете в стене дыру? — удивилась Сахарисса.

— Если что, скажем, заблудились, мол, — объяснил Боддони.

— Заблудились под землей? Гномы?

— Хорошо, скажем, что пьяные. В *это* люди поверят. Давайте, парни, приступайте...

Рыхлые кирпичи быстро развалились. В тоннель из дыры пролился свет.

Человек, сидевший за письменным столом, поднял голову и открыл от удивления рот.

Сахарисса, прищурившись, смотрела на него сквозь клубы пыли.

— Ты?

— А, это ты, госпожа, — сказал Себя-Режу-Без-Ножа Достабль. — Привет, ребята, рад вас видеть...

Братия нищих уже собиралась уходить, когда галопом примчался Гаспод. Бросив взгляд на расположившихся вокруг костра песиков, он нырнул под волочащееся по земле жуткое пальто Рона и что-то заскулил.

Потребовалось некоторое время, чтобы все члены братии поняли, что, собственно, происходит. В конце концов, это были люди, способные спорить, обмениваться мнениями и неправильно истолковывать три часа кряду, после того как кто-то просто сказал: «С добрым утром».

Первым о смысле происходящего догадался Человек-Утка.

— Эти люди охотятся за терьерами? — изумился он.

— Вот именно! Это было отпечатано в клятом новостном листке! Этим клятым писакам ни на грош нельзя верить!

— И они бросили этих собачек в реку?

— Вот именно! — выкрикнул Гаспод. — Все пошло наперекосяк!

— Чего ты так боишься? Мы и тебя защитим.

— Да, но я постоянно должен быть на виду! Я в этом городе заметная фигура! Я не могу залечь на дно! Мне нужно замаскироваться! Послушайте, у нас есть шанс сорвать пятьдесят монет, но для этого вам нужен я!

Братию весьма поразила названная сумма. В ее безденежном хозяйстве пятьдесят долларов были несметным богатством.

— Промотать-перемать! — выразился Старикашка Рон.

— Собака есть собака, — глубокомысленно сообщил Арнольд Косой. — Поскольку и называется со-ба-кой.

— Гаарк! — воскликнул Гарри-Гроб.

— Вот именно, — согласился Человек-Утка. — Фальшивая борода здесь не поможет.

— Придумайте своими якобы большими мозгами хоть *что-нибудь*, — взвыл Гаспод. — Иначе я даже с места не сдвинусь, Я *видел* этих типов. Впечатление не очень приятное.

Все-Вместе Эндрюс заворчал. Некоторое время его лицо дрожало, пока различные личности перетасовывали друг друга, и наконец остановилось на восковых скулах леди Гермiony.

— И все-таки мы могли бы его замаскировать, — сказала она.
— Но в кого можно замаскировать собаку? — спросил Человек-Утка.
— В кошку?
— Не все собаки просто собаки, — заявила леди Гермиона. — Есть у меня одна идея...

Вернувшись в отпечатаю, Вильям увидел, что гномы толпятся вокруг чего-то кружком. Эпицентром толпы оказался господин Достабль, который выглядел так, как выглядел бы любой другой человек, которому устроили хорошую выволочку. Но Вильям никогда не видел столь явной иллюстрации так называемой «публичной головомойки». Хотя такой иллюстрацией стал бы любой человек, подвергнутый жаркой двадцатиминутной речи Сахариссы Резник.

— Какие-то проблемы? — осведомился он. — Привет, господин Достабль...

— Вот скажи, Вильям, — обратилась к нему Сахарисса. — Если бы истории были пищей, на какое блюдо была бы похожа история о том, как золотые рыбки съели кота?

— Что? — Вильям уставился на Достабля, и тут до него стало доходить. — Ну, я думаю, на такое длинное, тонкое блюдо...

— Заполненное чепухой сомнительного происхождения?

— Послушай, не понимаю, чем оправдан подобный тон... — начал было Достабль, но быстро сник под свирепым взглядом Сахариссы.

— Да, но в некотором смысле привлекательной чепухой. Которую продолжаешь есть, хотя делать этого совсем не хочется, — подтвердил Вильям, — Что здесь происходит?

— Господа, я ведь *не хотел*... — попытался протестовать Достабль.

— Не хотел что? — спросил Вильям.

— Именно господин Достабль писал все эти байки для «Инфо», — пояснила Сахарисса.

— Я хочу сказать, все равно ведь никто не верит в то, что написано в новостных листках! — воскликнул Достабль.

Вильям придвинул стул, сел на него верхом и положил руки на спинку.

— Итак, господин Достабль, выкладывай все. Когда именно ты начал гадить в фонтан правды?

— Вильям! — одернула его Сахарисса.

— Слушай, времена выдались трудные, — принялся оправдываться Достабль. — И я подумал, этот бизнес на новостях... Людям нравится узнавать то, что произошло где-то далеко. Ну, типа как в «Ещегоднике»

пишут...

— Про нашествие гигантских дурностаев на Гершебу? — уточнил Вильям.

— Ну да, все в таком духе. Я подумал... какая разница, будут ли эти истории *настоящей* правдой... Ну, то есть... — Застывшая на губах Вильяма улыбка начала его беспокоить. — То есть... это ведь была *почти* правда. Такое вполне может случиться, а поэтому...

— Но ко мне ты почему-то не пришел, — заметил Вильям.

— Конечно не пришел. Тебе немного... немного не хватает воображения. Это все говорят.

— Ты имеешь в виду, что я всегда пытаюсь выяснить, произошло ли событие в *действительности*?

— Вот именно. Господин Карней говорит, что люди все равно ничего не заметят. Сказать по чести, господин де Словв, он тебя сильно недолюбливает.

— Этот человек — любитель распускать *руки*, — заявила Сахарисса. — Разве можно ему доверять?

Вильям придвинул к себе последний номер «Инфо» и наугад прочел заголовок:

— «Человек похищен демонами». Это ты написал про Ронни «Почесноку» Умоляя, который, как всем известно, задолжал троллю Хризопразу больше двух тысяч долларов и которого в последний раз видели покупавшим очень быструю лошадь?

— Ну и что?

— При чем здесь демоны?

— Его вполне могли похитить демоны, — логично возразил Достабль. — Такое с каждым может случиться.

— Значит, ты хочешь сказать, никаких доказательств, что его *не похитили* демоны, нет?

— Я предоставляю людям право самим делать выводы, — заявил Достабль. — Так говорит господин Карней. Люди должны иметь право выбирать. Да, именно так.

— То есть люди сами должны решать, что правда, а что — нет?

— А еще у него пахнет изо рта, — встряла Сахарисса. — Я, конечно, не причисляю себя к людям, которые приравнивают чистоплотность к благочестию, по есть же *пределы*^[15].

Достабль печально покачал головой.

— Я уже ничего не понимаю, — промолвил он. — Представить только, я работаю на кого-то. Должно быть, я сошел с ума. Скорее всего, холода

всему виной. И даже зарплата... — Он содрогнулся, произнеся это слово. — Даже зарплата показалась мне привлекательной! Вы можете себе представить, — добавил он с ужасом, — он говорил мне, что делать! В следующий раз надо будет просто лечь полежать, пока это не пройдет.

— Ты безнравственный оппортунист, господин Достабль, — заявил Вильям.

— Ну, пока это помогало.

— А ты можешь продавать для нас рекламу? — спросила Сахарисса.

— Я больше не собираюсь ни на кого работать...

— За комиссионные, — перебила его Сахарисса.

— Что? Ты хочешь нанять его? — уточнил Вильям.

— А почему бы и нет? В рекламе можно врать сколько угодно. Это разрешается, — сказала Сахарисса. — Ну пожалуйста! Нам очень нужны деньги!

— За комиссионные, значит? — задумчиво произнес Достабль, потирая небритый подбородок. — Типа... большую часть вам и процентов пятьдесят мне?

— Это мы еще обсудим, — вмешался Хорошагора, похлопав его по плечу.

Достабль поморщился. Гномы славились своей в буквальном смысле слова алмазной неуступчивостью.

— А у меня есть выбор? — пробормотал он.

Хорошагора наклонился к нему. Борода гнома ощетибилась. Перед глазами Достабля замаячил большущий топор, хотя руки Хорошагоры были абсолютно пусты.

— *Никакого.*

— О, — вздохнул Достабль. — Ну и... что мне предстоит продавать?

— Пустое место, — сказала Сахарисса. Достабль снова просиял.

— Просто пустое место? То есть *пустоту*? О, это я умею. Вы мне деньги, а я вам — *ничего*, это по-моему! — Он снова печально покачал головой. — А вот когда я пытаюсь продавать что-нибудь *существенное*, все сразу начинает идти наперекосяк.

— Кстати, господин Достабль, как ты здесь оказался? — спросил Вильям.

Ответ ему совсем не понравился.

— Вы своими действиями позволили сопернику поступить с нами точно так же! — воскликнул он. — Нельзя всякий раз, когда тебе вздумается, подкапываться под собственность других людей! — Он смерил гномов свирепым взглядом. — Господин Боддони, вели немедленно

заложить эту дыру! Прямо сейчас, понятно?

— Но мы же...

— Да, знаю, вы хотели как лучше. А сейчас я хочу, чтобы эту дыру опять заложили кирпичом. Как будто так оно и было! Я не хочу, чтобы из моего подвала вдруг вылез тот, кто в него не спускался. Немедленно, прошу тебя!

Гномы, недовольно ворча, удалились.

— По-моему, мне удалось найти настоящий материал, — сообщил Вильям Сахариссе. — И похоже, мне удастся встретиться с Ваффлзом. У меня...

Когда он доставал из кармана блокнот, что-то со звоном упало на пол.

— Ах да... А еще я принес ключ от нашего городского дома, — вспомнил он. — Тебе ведь нужно было платье...

— Уже несколько поздновато, — ответила Сахарисса. — Честно говоря, я и забыла совсем...

— Почему бы тебе все-таки не сходить туда? Тебе все равно пока нечем заняться. Просто посмотришь, может, что-то глянется... Прихвати с собой Рокки — для безопасности, так сказать. Впрочем, в доме никого нет. Отец, приезжая в город по делам, останавливается в своем клубе. Не стесняйся. Жизнь не должна состоять из сплошной правки текстов.

Сахарисса неуверенно посмотрела на ключ в своей руке.

— У моей сестры очень много платьев, — добавил Вильям. — Тебе ведь хочется пойти на бал, а?

— Что ж, *наверное*, госпожа Рассадница успеет подогнать платье, если я занесу его завтра утром... — пробормотала Сахарисса, голосом выражая нежелание с примесью обиды, но телом буквально умоляя о том, чтобы ее уговорили.

— Даже не сомневаюсь, — подтвердил Вильям. — Как не сомневаюсь в том, что ты наверняка найдешь кого-нибудь, кто сделает тебе прическу.

Сахарисса прищурилась.

— Знаешь, а ты на удивление точно умеешь подбирать нужные слова, — хмыкнула она. — Ну а чем займешься ты?

— Я собираюсь, — сказал Вильям, — встретиться с собакой, которая расскажет мне кое-что об одном человеке.

Сержант Ангва смотрела на Ваймса сквозь клубы пара, поднимавшегося из стоящей перед ней миски.

— Сэр, мне правда очень жаль, что так случилось, — сказала она.

— Да я на всю жизнь упрячу его за решетку! — прорычал Ваймс.

— Вы не можете его арестовать, сэр, — вмешался капитан Моркоу, меняя полотенце на лбу Ангвы.

— Правда? Не могу арестовать за нападение на офицера?

— Видите ли, сэр, ситуация несколько щекотливая, — пояснила Ангва.

— Ты офицер Стражи, сержант, в каком бы облике ты ни находилась!

— Да, но... сэр, нас больше устроило бы, если бы все эти слухи о вервольфе и дальше оставались таковыми, — ответил Моркоу. — Вы так не считаете? Господин де Словв все записывает. Мы с Ангвой предпочли бы избежать лишних осложнений. Пусть знают только те, кому нужно это знать.

— Значит, я запрещаю ему записывать!

— Каким образом, сэр?

Его вопрос несколько поумерил пыл Ваймса.

— Хочешь сказать, я, главнокомандующий Стражей, не могу запретить какому-то му... идиоту записывать все, что ему заблагорассудится?

— О, конечно можете, сэр. Но я не уверен, что вы можете запретить ему записать то, что вы запретили ему записывать, — сказал Моркоу.

— Я просто поражен! До глубины души! Она ведь твоя... твоя...

— Подруга, — закончила Ангва, вдыхая пар носом. — Но Моркоу прав, господин Ваймс. Я не хочу, чтобы этому делу давали ход. Я сама виновата в том, что недооценила парня. Сама попала в ловушку. Еще пара часов, и я буду в полном порядке.

— Я видел, в каком состоянии ты заявила, — сказал Ваймс. — На тебя было страшно смотреть.

— Обычный шок. Нос как будто закрылся. Я словно выбежала из-за угла и наткнулась на Старикашку Рона.

— О боги! Что, *настолько* плохо?

— Ну, может, не настолько. Оставьте все как есть, сэр. Прошу вас.

— А наш господин де Словв оказался способным парнишкой, — буркнул Ваймс, располагаясь за своим столом. — Сначала у него была ручка, потом появилась отпечатная машина... и тут все почему-то решили, что он теперь важная шишка. Ладно, придется ему кое-чему еще научиться. Он не хочет, чтобы мы за ним следили? Отлично. Больше не будем. Пусть некоторое время пожинаяет то, что сам посеял. Боги свидетели, у нас и без него достаточно хлопот.

— Но официально он...

— Видишь эту табличку на моем столе, капитан? А ты видишь, сержант? На ней написано: «Командор Ваймс». Это означает: я в ответе за все. И вы только что получили приказ, понятно? Ну, какие еще новости?

Моркоу кивнул.

— Хороших новостей нет, сэр. Песика пока никто не нашел. Гильдии чувствуют себя хозяевами города. У господина Скряба было много посетителей. А первосвященник Чудакулли выступил с заявлением, что, по его мнению, лорд Витинари сошел с ума, поскольку буквально за день до происшествия рассказывал Чудакулли о том, как научить лангустов летать.

— Лангустов? Летать? — переспросил Ваймс монотонным голосом.

— А еще о том, что очень скоро корабли будут передаваться по семафору, сэр.

— Ну и ну. А что говорит господин Скряб?

— Он предвкушает наступление новой эры в нашей истории и надеется вернуть Анк-Морпорк на путь ответственности перед гражданами, сэр.

— Это все равно что научить лангустов летать?

— Не совсем, сэр. Тут замешана политика. Очевидно, он намеревается вернуться к ценностям и традициям, которые сделали наш город великим, сэр.

— А он вообще знает, *какими* были эти ценности и традиции? — в ужасе спросил Ваймс.

— Полагаю, что да, сэр, — с каменным лицом ответил Моркоу.

— О боги! Я бы уж лучше рискнул с лангустами.

С темнеющего неба снова посыпался снег с дождем. На мосту Призрения было более или менее пусто. Вильям, надвинув на глаза шляпу, прятался в тени.

Наконец он услышал голос из ниоткуда:

— Итак... ты принес свой клочок бумаги?

— Вгорлекость? — спросил Вильям, выныривая из своих мыслей.

— Я посылаю... проводника, за которым ты должен следовать, — промолвил невидимый осведомитель. — Его зовут... его зовут... Душка. Просто иди за ним, и все будет в шоколаде. Готов?

— Да.

«Вгорлекость наблюдает за мной, — подумал Вильям. — Он совсем рядом».

Из темноты выбежал Душка.

Это был пудель. Более или менее.

Сотрудники салона «Собачья красота» сделали все, что могли. Мастера выкладывались на полную, лишь бы Старикашка Рон побыстрее убрался из салона. Они стригли, взбивали, завивали, наряжали, красили,

заплетали, мыли шампунем, и только маникюрша заперлась в туалете, наотрез отказавшись выходить.

Результат был... розовым. Розовость была лишь одним аспектом... но она была настолько розовой, что доминировала над всем остальным, даже над фигурно подстриженной пушистой кисточкой на конце хвоста. Передняя часть пса выглядела так, словно бы им выстрелили через большой розовый шар, но только до половины. А еще бросался в глаза широкий сверкающий ошейник. Он просто слепил глаза — порой стекляшки сверкают куда ярче бриллиантов, ведь им как-то надо доказывать свое право на существование.

В целом пес производил впечатление не пуделя, а некой кошмарной пудлеватости. То есть все в этом псе буквально кричало о том, что перед вами пудель, кроме общего впечатления, которое кричало что-то нецензурное.

— Тяв! — сказал пес, и это тоже прозвучало как-то странно.

Такие песики именно что тявкают, но данный представитель собачьей породы не тявкнул, а *сказал* «Тяв!».

— Какой милый... песик? — неуверенно произнес Вильям.

— Тяв, тяв-тяв, м-мать тяв, — сказала собачка и затрусилась прочь.

Вильям на секунду задумался об этом «м-мать», но потом решил, что собачка просто чихнула.

Протрусив по грязи, собачка быстро скрылась в темном переулке.

Уже в следующее мгновение *из-за* угла снова появилась ее морда.

— Тяв? У-у-у?

— Да, конечно, — смутился Вильям. — Извини.

Душка повел его по скользким ступенькам вдоль берега реки. Мостовая была засыпана всяким мусором, а то, что оставалось валяться на анк-морпоркских улицах, действительно было мусором. Солнце редко заглядывало сюда даже в погожий день. Теням удавалось выглядеть ледяными и сочащимися водой одновременно.

Тем не менее между темными балками моста горел костер. Когда ноздри автоматически закрылись, Вильям наконец понял, куда попал — в гости к Нищей Братии.

Старая дорожка вдоль берега была безлюдной, и оставалась она такой лишь благодаря присутствию Старикашки Рона и его друзей. У них нечего было воровать. У них нечего было даже хранить. Периодически Гильдия Нищих предпринимала попытки выгнать обитателей подмостовья из города, но без особого энтузиазма. Даже нищим хочется смотреть на кого-то сверху вниз, а братия обитала так далеко внизу, что при определенном

освещении могло создаться впечатление, что она находится на самой вершине. Кроме того, Гильдия не могла не признавать мастерство обитателей подмостовья. Никто не умел так убедительно плевать и сморкаться, как Генри-Гроб, никто не был таким безногим, как Арнольд Косой, и *ничто* в мире не могло вонять так противно, как Старикашка Рон. Он мог использовать скаллатиновое масло в качестве дезодоранта.

Вдруг, споткнувшись о некую мыслишку, Вильям понял, где прячется Ваффлз.

Нелепый хвост Душки скрылся в груди старых ящиков и коробок, которые члены братии называли «Чо?», «Клятье!», «Ха-арк!» или Домом.

У Вильяма начали слезиться глаза. Здесь почти не было ветра. Но он храбро шагнул в освещенный костром круг.

— О... Добрый вечер, господа, — вымолвил он, кивнув фигурам, которые сидели вокруг отливающего зеленью пламени.

— Что ж, давай-ка посмотрим, какого цвета твой клочок бумаги, — раздался из темноты повелительный голос Вгорлекости.

— Э... Не сказал бы, что совсем белого, — отозвался Вильям, разворачивая чек.

Он передал его Человеку-Утке, который внимательно рассмотрел бумажку, сделав ее еще более небелой.

— Кажется, все в порядке. Написано «пятьдесят долларов» и подпись, — сообщил Человек-Утка. — Я объяснил своим товарищам общую концепцию. Уверяю, господин де Словв, сделать это было совсем не просто.

— Да! И если мы не получим денежки, то заявимся к тебе домой! — воскликнул Генри-Гроб.

— Э... И что?

— И будем стоять у него! И стоять, и стоять! — пообещал Арнольд Косой.

— И провожать людей странными взглядами, — пригрозил Человек-Утка.

— Плевать на их башмаки! — добавил Генри-Гроб. Вильям постарался не думать о госпоже Эликсир.

— Хорошо, — согласился он. — А теперь я могу увидеть собаку?

Тяжелое пальто Рона распахнулось, и Вильям узрел прищурившегося от яркого света Ваффлза.

— Так ты его с собой носил? — изумился Вильям. — Вот так запросто?

— Клятье!

— Кому придет в голову обыскивать Старикашку Рона? — фыркнул Вгорлекость.

— Верно подмечено, — согласился Вильям. — Очень верно. Или *вынюхивать* его.

— Только не забывай, он очень стар, — сказал Вгорлекость. — Да и в молодости его вряд ли можно было назвать воплощением мозговой косточки. Это я тебе как пес...симист говорю. В общем, на философские рассуждения можешь даже не рассчитывать.

Ваффлз, заметив, что Вильям смотрит на него, поднял дрожащую старческую лапку.

— А как он у вас оказался? — спросил Вильям, когда Ваффлз принялся обнюхивать его руку.

— Он выбежал из дворца и спрятался под пальто у Рона, — объяснил Вгорлекость.

— То есть искали его повсюду, а заглянуть туда так и не догадались, — сказал Вильям.

— Знаешь, туда лучше не заглядывать. Уж можешь мне поверить.

— Даже вервольф не смог бы его там найти. — Вильям достал свой блокнот, открыл на чистой странице и написал: «Ваффлз». — Сколько ему лет?

Ваффлз залаял.

— Шестнадцать, — перевел Вгорлекость. — А это имеет значение?

— Это нужно для новостного листка, — пояснил Вильям и написал: «Ваффлз (16 л.), ранее проживавший: дворец, Анк-Морпорк».

«Я беру интервью у пса, — подумал он. — Человек Берет Интервью у Собаки! Отличный заголовок».

— Итак... э... Ваффлз, что произошло непосредственно перед тем, как ты сбежал из дворца?

Вгорлекость завыл и зарычал из своего укрытия. Ваффлз наострил уши, а потом прорычал что-то в ответ.

— Проснувшись, он неожиданно испытал ужасную философскую неопределенность, — сказал Вгорлекость.

— Ты, кажется, говорил...

— Я просто перевожу, попятно? И эта его «неопределенность» объяснялась тем, что в комнате находились сразу два Бога. То есть два лорда Витинари. Ваффлз придерживается старых традиций и считает хозяина Богом. Но он понял, что один из них — не Бог, потому что от него пахло иначе. А также в кабинете было еще двое. А потом...

Вильям едва успевал записывать. Секунд через двадцать Ваффлз

больно цапнул его за ногу.

Секретарь господина Кривса, сидевший за высоким письменным столом, посмотрел на вошедших сверху вниз, презрительно фыркнул и снова склонился над своими очень важными записями. У него не было ни времени, ни желания обслуживать каких-то там посетителей. Закон не следует торопить...

Но уже мгновение спустя он ткнулся лицом в столешницу. Некая огромная тяжесть давила на его затылок.

Затем в его весьма ограниченном поле зрения появилось лицо господина Кнопа.

— Я сказал, — повторил господин Кноп, — что господин Кривс хочет нас видеть...

— Снгх, — ответил секретарь.

Господин Кноп кивнул, и давление на затылок немного ослабло.

— Прости? Что-что ты сказал? — спросил господин Кноп, краем глаза следя за тем, как рука секретаря крадетса вдоль кромки стола.

— Он... никого... не... принима-а-а-а!..

Фраза закончилась приглушенным воплем. Господин Кноп наклонился чуть ниже.

— Извини, что пальцы тебе придавили, — сказал он. — Но мы же не могли допустить, чтобы эти маленькие проказники добрались вон до того аккуратненького рычажка. Кто знает, что могло бы случиться, если бы ты случайно дернул за него? Итак... где находится кабинет господина Кривса?

— Вторая... дверь... налево, — простонал секретарь.

— Вот видишь? Вежливость сильно упрощает нам жизнь. Через неделю, максимум две, ты снова сможешь держать ручку.

Господин Кноп кивнул господину Тюльпану. Господин Тюльпан отпустил секретаря, и тот мгновенно осел на пол.

— Может, ять, шею ему свернуть?

— Оставь его, — махнул рукой господин Кноп. — Сегодня мне хочется поступать с людьми ласково.

Следует отдать должное господину Кривсу: когда Новая Контора вошла в кабинет, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Господа? — склонил он голову.

— Только, ять, пальцем шевельни! — предупредил господин Тюльпан.

— Нам показалось, ты захочешь это услышать, — сказал господин Кноп, доставая из кармана какую-то коробочку.

— Что именно? — спросил господин Кривс. Господин Кноп щелкнул

маленьким замочком.

— Давай-ка послушаем, допустим, вчерашний день, — произнес он. Бесенок часто-часто заморгал.

— ...Ньип... ньяпньипп... ньяпдит... ньип... — произнес он.

— Отматывает немного назад, — объяснил господин Кноп.

— Что это такое? — нахмурился законник.

— ...Ньяпньип... сипньяп... нип.....*стоит очень дорого, господин Кноп, поэтому я не буду тратить его попусту. Что вы сделали с собакой?*

— Палец господина Кнопа коснулся другого рычажка. — ...Уидлуидл... уии... *У моих... клиентов хорошая память и глубокие карманы. Можно ведь и других убийц нанять. Вы меня понимаете?*

Бесенок едва слышно ойкнул, когда рычажок, отключающий бесорганайзер, ударил его по голове.

Господин Кривс встал из-за стола и подошел к старинному буфету.

— Что-нибудь выпить, господин Кноп? Боюсь, правда, что могу предложить лишь бальзамирующий состав...

— Спасибо, не стоит, господин Кривс...

— ...Но, кажется, где-то тут завалился банан... Раздался громкий шлепок — это господин Кноп перехватил кулак господина Тюльпана.

— Не, я ж говорил, я, ять, убью его на...

— Как это ни печально, ты немного опоздал, — сказал законник, возвращаясь за стол. На губах его играла блаженная улыбочка. — Итак, господин Кноп... Вы ведь пришли за деньгами?

— Мы хотим забрать долг. Плюс пятьдесят тысяч.

— Однако пса вы так и не нашли.

— Как и Стража. А у *них* есть вервольф. Все кому не лень ищут эту псину. Она как сквозь землю провалилась. Но это и неважно. Эта моя коробочка — вот что важно.

— Честно говоря, так себе улика...

— Да неужели? Твой приказ нам найти пса? И дальше, где ты рассуждаешь про наемных убийц? Вряд ли этот ваш любимый Ваймс оставит подобное без внимания. Судя по всему, он привык доводить дело до конца, — Господин Кноп невесело улыбнулся. — Да, у тебя имеется на нас кое-какой материал, и, чисто между нами, — он наклонился чуть ниже, — многие совершенные нами поступки действительно могут считаться преступлениями...

— Ну там, ять, убийства всякие... — согласно кивая, добавил господин Тюльпан.

— ...Но все это можно назвать типичным поведением, ведь мы

преступники. В то время как ты — уважаемый гражданин. А уважаемые граждане не должны быть замешаны в делах подобного рода. Это очень плохо выглядит. Ай-ай-ай, что скажут люди?

— Чтобы избежать... всяческих недоразумений, — предложил господин Кривс, — я составлю проект согла...

— Всю сумму камнями, — перебил его господин Кноп.

— Драгоценными камнями, — ухмыльнулся господин Тюльпан. — Мы просто, ять, без ума от драгоценных камней.

— А есть еще копии? — спросил Кривс, кивая на бес-органайзер.

— Может, да, а может, нет, — уклончиво ответил господин Кноп, который никаких копий не сделал и далее не знал, как их сделать.

Но он принимал во внимание, что господин Кривс загнан в угол, а значит, не может не осторожничать. И похоже, законник считал точно так же.

— Интересно, могу ли я вам доверять? — произнес господин Кривс, словно бы задавая вопрос самому себе.

— Видишь ли, общая ситуация такова, — сказал господин Кноп, едва не теряя терпение. У него страшно болела голова. — Если распространится информация о том, что мы кинули клиента, ничего хорошего из этого не выйдет. Ведь нам перестанут доверять. Люди, они вообще такие недоверчивые... Но если распространится слух, что мы свернули шею клиенту, который с нами не расплатился, люди скажут себе: «О, это настоящие бизнесмены. Знают, как поступать по-деловому. С ними можно иметь дело...»

Он вдруг замолчал и уставился в темный угол комнаты.

— И что дальше? — спросил наконец господин Кривс.

— А дальше... дальше... Да пошло оно все, — буркнул господин Кноп, прищуриваясь и тряся головой. — Давай сюда камни, господин Кривс, иначе вопросы будет задавать господин Тюльпан, понятно? Затем мы уберемся отсюда, а вы оставайтесь тут со своими гномами, вампирами, троллями и ходячими мертвецами. Меня уже колотит от этого города! Гони бриллианты! Немедленно!

— Хорошо, хорошо, — кивнул господин Кривс. — А как насчет бесенка?

— Он поедет с нами. Нас поймают — его поймают. А если мы вдруг погибнем при загадочных обстоятельствах, нужные люди сразу все узнают. Но как только мы будем в безопасности... Ты сейчас не в том положении, чтобы диктовать нам условия, Кривс. — Господин Кноп вздрогнул. — Ну и денек сегодня!

Господин Кривс открыл ящик письменного стола и бросил на кожаную столешницу три маленьких бархатных мешочка. Господин Кноп вытер лоб носовым платком.

— Господин Тюльпан, проверь.

Господин Кривс и господин Кноп молча наблюдали за тем, как господин Тюльпан высыпает драгоценные камни на огромную ладонь, внимательно рассматривает в лупу, нюхает их. Парочку бриллиантов он даже лизнул.

Потом он выбрал из кучки четыре камня и швырнул их законнику.

— Ты, ять, за дурака меня держишь?

— С ним лучше не спорить, — посоветовал господин Кноп.

— Наверное, ювелиры ошиблись, — предположил господин Кривс.

— Правда? — сказал господин Кноп.

Его рука нырнула под полу и на сей раз вернулась с оружием.

На господина Кривса смотрело дуло пружинного *ружия*. Формально и юридически оно могло сойти за арбалет, поскольку пружина в нем взводилась при помощи человеческой силы, но на самом деле представляло собой трубку с ручкой и курком. В Анк-Морпорке это достижение передовых технологий не прижилось. Как поговаривали, человек, пойманный с такой вот трубкой Гильдией Наемных Убийц, на собственном опыте убеждался, что человеческое тело — поистине неиссякаемый источник укромных местечек, где можно спрятать подобный предмет. А если такого затейника ловила Городская Стража, она отпускала его на все четыре стороны — после соответствующего четвертования, разумеется.

Вероятно, на столе господина Кривса тоже была установлена какая-то кнопка, потому что дверь в кабинет вдруг распахнулась и туда ворвались двое мужчин, один из которых был вооружен двумя длинными ножами, а другой — арбалетом, но уже настоящим.

Это было ужасно. В смысле, то, что сделал с ними господин Тюльпан.

Это было своего рода искусством. Когда в комнату врываются вооруженные люди, знающие, что в ней происходит что-то неладное, им тем не менее требуется доля секунды, чтобы оценить обстановку, принять решение, рассчитать свои действия, подумать, наконец. Но господину Тюльпану не требовалось и доли секунды. Он никогда не думал. Его руки двигались автоматически.

Даже очень наблюдательный господин Кривс так и не понял, что произошло. Даже при повторном замедленном воспроизведении нельзя было бы разглядеть, как господин Тюльпан схватил стоящий рядом стул и нанес удар. Просто имело место некое мельтешение, в результате которого

оба охранника оказались валяющимися на полу без чувств, причем у одного из них была неестественно вывернута рука. В потолке еще дрожал один из ножей.

Господин Кноп и глазом не моргнул. Он по-прежнему держал ружье направленным на зомби. Но потом он достал из кармана маленькую зажигалку в виде драконника, а *потом* господин Кривс... господин Кривс, который потрескивал при каждом шаге и от которого ощутимо пахло пылью... этот самый господин Кривс увидел, что маленькая стрелка весьма зловещего вида, торчащая из дула ружия, обернута тряпочкой.

Не спуская глаз с законника, господин Кноп поднес зажигалку к трубке. Тряпочка вспыхнула. Сухость господина Кривса вошла в поговорки.

— Я собираюсь совершить очень скверный поступок, — сказал господин Кноп. Глаза его остекленели, как будто он находился под гипнозом. — Но я уже столько таких поступков совершил, что одним больше, одним меньше — не имеет значения. Труднее всего первое убийство. Зато следующее дается тебе раза в два легче. Ну и так далее. Понимаешь? А после двадцатого *убийства* ты и вовсе ничего не чувствуешь. Но... сегодня чудесный день, птички поют, всякие там... котята... яркое солнышко отражается от белого снега, обещая скорое наступление весны с душистыми цветами, свежей травкой и опять же котятами... а затем и лето придет, о, нежные поцелуи дождя, все такое чистое, умытое, *но ты никогда всего этого не увидишь, если не отдашь нам то, что лежит у тебя в ящике, потому что вспыхнешь как факел, ты, хитрый, изворотливый, беспринципный, вялый сукин сын!*

Господин Кривс пошарил в ящике и достал еще один бархатный мешочек. Господин Тюльпан, с беспокойством взглянув на партнера, который если раньше и поминал котят, то лишь применительно к бочке с водой, взял мешочек и заглянул внутрь.

— Рубины, — сообщил он. — Причем чистые.

— А теперь убирайтесь, — прохрипел господин Кривс. — Немедленно. И никогда не возвращайтесь. Я никогда о вас не слышал и никогда вас не видел!

Он не спускал глаз с потрескивающего огня.

За последние несколько сотен лет господину Кривсу приходилось побывать в самых разных ситуациях, в том числе и самых опасных, но опаснее господина Кнопа с ним еще никогда никого не случалось. А также более психически неуравновешенного. Господин Кноп покачивался из стороны в сторону, а его взгляд постоянно блуждал по темным углам

кабинета. Господин Тюльпан потряс партнера за плечо.

— Ну что, ять, сворачиваем ему шею и отваливаем? — предложил он. Кноп часто заморгал.

— Да, конечно, — сказал он, словно приходя в себя. — Хорошо. — Он посмотрел на зомби. — Думаю, сегодня я оставлю тебя в живых, — промолвил он, задувая пламя. — А завтра... кто знает?

Вроде и слова были подобраны правильно, но его угрозе почему-то не хватало убедительности.

А потом Новая Контора удалилась.

Господин Кривс сидел за столом и смотрел на закрытую дверь. Ему было совершенно ясно (а в подобных вопросах на мертвеца можно положиться), что оба его вооруженных секретаря, ветераны многих судебных боев, ни в какой помощи уже не нуждаются. Господин Тюльпан был настоящим профессионалом.

Достав из ящичка стола лист писчей бумаги, господин Кривс написал печатными буквами несколько слов, вложил лист в конверт, запечатал его и вызвал еще одного помощника.

— Распорядись, чтобы тут убрали, — велел он секретарю, изумленно уставившемуся на своих павших товарищей. — А потом отнеси это де Словву.

— Которому, сэр?

Господин Кривс поморщился. Ну да, конечно.

— Лорду де Словву, — сказал он. — Не другому же.

Вильям де Словв перевернул страницу блокнота, едва успевая записывать. Братия тарасилась на него, как на какое-то уличное представление.

— Поистине великим даром ты обладаешь, сэр, — заметил Арнольд Косой. — На сердце так легко и покойно становится, когда смотришь, как скользит по бумаге твой карандаш. Жаль, я так не умею. Но с этой, с механикой у меня всегда было не очень.

— Может, чашку чая? — предложил Человек-Утка.

— А вы здесь пьете чай?

— Конечно. Почему бы и нет? За кого ты нас принимаешь? — Человек-Утка с располагающей улыбкой поднял закопченный чайник и ржавую кружку.

Вильям решил проявить вежливость. Это было бы весьма уместно. Кроме того, вода ведь... кипяченая?

— Без молока, пожалуйста, — поспешно произнес он, весьма ярко

представив себе местные заменители молока.

— А, я всем говорил, что ты настоящий жентльмен, — сказал Человек-Утка, наливая в кружку маслянистую коричневую жидкость. — Молоко в чае — что может быть отвратительнее? — Элегантным жестом он взял в руки тарелку и щипчики. — Ломтик лимона?

— Лимона? У вас есть лимон?

— О, даже господин Рон скорее согласится вымыть подмышки, чем пить чай без лимона, — заявил Человек-Утка, опуская ломтик в кружку Вильяма.

— И четыре кусочка сахара, — сказал Арнольд Косой.

Вильям сделал глоток чая. Он был густым и переваренным, но сладким и горячим. И слегка лимонным. Что ж, могло быть куда хуже, решил Вильям.

— Да, — продолжал Человек-Утка, разливая чай по кружкам, — с лимонами у нас тут хорошо. По два-три ломтика в день вылавливаем. И это минимум!

Вильям уставился на реку.

«Выплюнуть или проглотить? — подумал он. — О эта вечная дилемма».

— Господин де Словв, с тобой все в порядке?

— Гм-м.

— Сахара не многовато?

— Гм-м.

— Чай слишком горячий?

Вильям с облегчением выплюнул чай в сторону реки.

— Ага! — воскликнул он. — Да! Слишком горячий! Именно! Слишком горячий! Чудесный чай, но слишком горячий! Я пока поставлю его в сторонку, чтоб немного остыл, хорошо?

Он схватил блокнот и карандаш.

— Итак... э... Ваффлз, кого именно ты укусил?

Ваффлз залаял.

— Он их всех покусал, — перевел Вгорлекость. — Коль уж начал кусаться, чего останавливаться-то?

— А ты узнаешь тех, кого покусал?

— Он говорит, что узнает. Говорит, что у того здоровяка был привкус... ну, как же это называется?.. — Вгорлекость помолчал. — Как это там... такая большая миска с горячей водой и мылом?..

— Ванна?

Ваффлз зарычал.

— Да... Именно, — подтвердил Вгорлекость. — А от другого пахло дешевым маслом для волос. А от того, что был похож на Бо... на лорда Витинари, пахло вином.

— Вином?

— Да. А еще Ваффлз хочет извиниться за то, что укусил тебя. Слегка увлекся — воспоминания там, все такое. У нас... в смысле, у собак очень физическая память. Понимаешь?

Вильям кивнул, потирая лодыжку. Описание вторжения в Продолговатый кабинет состояло сплошь из визга, лая и рычания. Ваффлз носился кругами в погоне за собственным хвостом, пока не наткнулся на ногу Вильяма.

— И Рон все это время носил его под пальто?

— Старикашку Рона никто не смеет даже пальцем тронуть, — провозгласил Вгорлекость.

— В это я вполне верю, — ответил Вильям и кивнул на Ваффлза. — Я хочу сделать его иконографию, — сказал он. — Все, что он сообщил... это поразительно! Но нам понадобится картинка, чтобы я смог доказать, что действительно разговаривал с Ваффлзом. Ну... через переводчика, конечно. Не хочу уподобляться «Инфо», которые отпечатывают всякие глупые бредни насчет говорящих собак.

Члены братии принялись шепотом спорить. Просьба Вильяма была воспринята без особого энтузиазма.

— Видишь ли, у нас тут место для избранных, — наконец пояснил Человек-Утка. — Не всем разрешается появляться здесь.

— Но прямо под мостом проходит дорожка! — воскликнул Вильям. — Сюда любой может забрести!

— Конешшно, — прошипел Генри-Гроб. — Первый раз забрести может любой. — Он закашлялся и ловко сплюнул мокроту в костер. — Но второй раз — никогда.

— Клятье! — закричал Старикашка Рон. — Колюшку в пасть? Да иди ты! А я им говорил! Десница тысячелетия и моллюск!

— Тогда вы можете сходить со мной в контору, — предложил Вильям. — В конце концов, вы ведь таскали его с собой, когда продавали листки, верно?

— Слишком опасно, — возразил Вгорлекость.

— А еще пятьдесят долларов не помогут сделать данный поход чуть менее опасным? — спросил Вильям.

— Еще пятьдесят долларов? — спросил Арнольд Косой. — Это ж целых... *пятнадцать* долларов?!

— Сто, — устало произнес Вильям. — Все это в интересах общества. Надеюсь, вы меня понимаете?

Братия вытянула шеи и закрутила головами.

— Не вижу, чтобы кто-нибудь нами интересовался, — наконец заявил Генри-Гроб.

Вильям шагнул вперед и совершенно случайно опрокинул кружку с чаем.

— Тогда пошли, — сказал он.

Господин Тюльпан начинал беспокоиться. Это было необычное для него ощущение. Что касается всяческих беспокойств, тут он предпочитал быть причиной, а не объектом. Но господин Кноп вел себя странно, и поскольку именно он осуществлял мыслительный процесс, это не могло не вызывать беспокойства. Господин Тюльпан умел думать лишь долями секунды, ну, или веками, когда дело касалось произведений искусства, тогда как на средних дистанциях он чувствовал себя весьма неуютно. Для этого ему и нужен был господин Кноп.

А теперь господин Кноп постоянно разговаривал сам с собой или молчал, уставившись в темноту.

— Пора, ять, отваливать? — спросил господин Тюльпан в надежде придать мыслям компаньона верное направление. — Деньги, ять, мы получили, даже, ять, с премиальными, какой смысл и дальше тут околачиваться?

Его беспокоило и то, как господин Кноп повел себя с этим, ять, законником. Навести оружие и не выстрелить — на господина Кнопа это было непохоже. Пустыми угрозами Новая Контора не раскидывалась. Она сама по себе была угрозой. А еще эти, ять, его слова: «Сегодня я оставлю тебя в живых...» Дилетантство, ять, какое-то.

— Я сказал, может, пора...

— Тюльпан, как ты думаешь, что происходит с людьми, после того как они умирают?

Господин Тюльпан был ошеломлен.

— Ну и вопросыки, ять, у тебя! Ты ведь и сам знаешь, что с ними происходит!

— Знаю ли?

— Конечно, ять. Помнишь, нам одного парня пришлось оставить, ять, в амбаре, и закопать его мы смогли только через неделю? Помнишь, ять, во что он...

— Я имел в виду не тело!

— А, типа, религию и все такое?

— Да!

— Никогда, ять, не интересовался всей этой фигней.

— Никогда?

— Даже не думал, ять, ни разу. У меня есть картофелина, и это, ять, главное.

Лишь через некоторое время господин Тюльпан понял, что идет один, потому что господин Кноп остановился как вкопанный.

— Картофелина?

— Ну да. Вот, ношу на веревочке на шее. — Господин Тюльпан похлопал себя по широченной груди.

— А это как-то относится к религии?

— Конечно, ять! Главное — чтоб, когда ты умер, на тебе была картофелина. Тогда все будет тип-топ.

— И какая же религия об этом говорит?

— Фиг его знает. Ничего подобного не слышал, кроме как в нашей, ять, деревне. Я тогда совсем мальчишкой был. Мне все казались богами. Взрослые говорят детям: «Это, ять, бог», и ты веришь, а потом становишься взрослым и вдруг узнаешь, что этих богов — *миллионы*. То же самое с религией.

— Значит, главное — картофелина? И тогда все будет зашибись?

— Ага. Тебе будет разрешено вернуться и прожить, ять, еще одну жизнь.

— Даже если... — Господин Кноп проглотил комок в горле. Он оказался на территории, которой в его внутреннем атласе не существовало.

— Даже если ты совершал всякие скверные поступки? Ну, те, которые считаются скверными?

— Типа, ять, головы отрубал? Или, ять, людей в пропасть сталкивал?

— Ага, типа того...

Господин Тюльпан фыркнул, на мгновение полыхнув носом.

— Ну-у... Главное, ять, чтоб ты действительно раскаялся. По правде раскаялся. Тогда все будет пучочком.

Господин Кноп был потрясен до глубины души, хотя некие смутные подозрения еще оставались. Но он не мог не чувствовать, что прошлое нагоняет его. Странные лица появлялись из темноты, странные голоса... на самом пределе слышимости. Он даже перестал оглядываться, потому что боялся увидеть кого-нибудь за своей спиной.

Мешок картошки стоит всего *доллар*.

— И это точно работает? — уточнил он.

— Спрашиваешь, ять. У нас дома, ять, все картошку носят, уж сотни лет как. Стали бы они таскать на шее картофелины, если б это, ять, не работало!

— Кстати, а где твой дом? Твоя родная деревня?

Господин Тюльпану пришлось задуматься над ответом, потому что слишком толстой коростой была покрыта его память.

— Помню... лес, — наконец сказал он. — И... яркие свечи. И... тайны, — добавил он, глядя в пустоту.

— И картофелины?

Господин Тюльпан, вздрогнув, вернулся в настоящее.

— Ага, ять, их тоже помню. Картофелин до фи́га было. Но если у тебя есть картофелина, все будет в порядке.

— Но я... думал, нужно постоянно молиться где-нибудь в пустыне, каждый день ходить в храм, петь песни, раздавать что-нибудь бедным?..

— Да, этим тоже можно заниматься, а как же? — подтвердил господин Тюльпан. — Но самое главное, ять, чтоб у тебя была картофелина.

— И тогда ты возвращаешься живым? — упорствовал господин Кноп, выискивая мелкий шрифт.

— Разумеется. А какой, ять, смысл возвращаться мертвым? Кому от этого легче?

Господин Кноп открыл рот, чтобы сказать еще что-то, как вдруг лицо его изменилось.

— Кто-то положил руку мне на плечо! — прошипел он.

— Господин Кноп, ты в порядке?

— Ты никого не видишь?

— Нет.

Господин Кноп, сжав кулаки, оглянулся. На улице было полно народу, но никто далее не смотрел в его сторону.

Он попытался восстановить перемешанные кусочки головоломки, из которых теперь состоял его мозг.

— Ладно, неважно, — пробормотал он. — Сейчас мы сделаем вот что... Вернемся в дом... Заберем остальные бриллианты, потом свернем Чарли шею, и... и... найдем овощную лавку... Картофелина должна быть какой-нибудь особой?

— Нет.

— Отлично... Но сначала...

Господин Кноп резко прервался, и буквально миг спустя тихие шаги за его спиной тоже замерли. Этот проклятый вампир что-то с ним *сделал*. Темнота была похожа на тоннель, в котором...

Господин Кноп верил в угрозы, верил в насилие, а еще в такие вот минуты он верил в месть. Внутренний голос, который в последнее время заменял благоразумие, пытался протестовать, но был быстро подавлен более глубинными и животными инстинктами.

— Это вампир во всем виноват, — заявил господин Кноп. — А убить вампира... эй... это ж практически доброе деяние, верно? — Он заметно повеселел. Благодетельные деяния обещали спасение души. — Всем известно, что вампиры представляют собой темные оккультные силы. Может, это даже будет засчитано в мою пользу, а?

— Ага. Вот только... нам ли не по фигу?

— Мне — нет.

— Ну, ять, как скажешь.

Даже господин Тюльпан не посмел возразить словам, произнесенным *таким* голосом. Когда нужно было доставить кому-нибудь неприятности, изобретательность господина Кнопа не знала границ. И неписанный кодекс чести гласил: оскорбление нельзя оставлять без ответа. Известная истина. А кроме того, общая нервозность начинала просачиваться даже в его мозг, источенный ароматическими солями для ванн и глистогонными средствами. Господина Тюльпана всегда восхищало умение господина Кнопа не бояться трудностей. К примеру, длинных предложений.

— И чем мы его, ять? — спросил он. — Колом?

— Нет, — покачал головой господин Кноп. — На сей раз я хочу действовать *наверняка*.

Слегка трясущейся рукой он прикурил самокрутку, после чего чуть наклонил спичку, позволив ей ярко вспыхнуть.

— А. Понял, ять, — кивнул господин Тюльпан.

— Тогда за дело, — сказал господин Кноп.

Рокки посмотрел на печати, приколотенные вокруг двери в городской дом де Словвов, и нахмурился.

— А енто шо? — спросил он,

— Это значит, что данный дом находится под охраной Городских Гильдий, — объяснила Сахарисса, пытаясь открыть замок. — Типа как проклятие. Только куда эффективнее.

— А енто ведь знак Гильдии Убийц? — уточнил тролль, показывая на грубый герб с изображением плаща, кинжала и двойного креста.

— Да. И он говорит, что на любого посмевшегося проникнуть в этот дом автоматически заключается контракт.

— Не хотелось бы, чтобы енти типы меня за-кон-трак-чи-ли. Хорошо,

что у тебя есть ключ...

Замок щелкнул, дверь распахнулась.

Сахариссе доводилось бывать в нескольких богатых анк-морпоркских домах, владельцы которых, проводя ту или иную благотворительную акцию, выставляли часть своего жилища на всеобщее обозрение. Но она даже не представляла себе, как разительно меняется дом, когда его бросают жильцы. Холл выглядел угрожающим и немислимо большим. Дверные проемы были слишком широкими, потолки — слишком высокими. Затхлая пустота наваливалась как головная боль.

Рокки за ее спиной зажег две лампы, но даже после этого тени не отступили.

К счастью, найти главную лестницу оказалось достаточно просто, и, следуя торопливо надиктованным Вильямом указаниям, Сахарисса прошла в анфиладу комнат, в которой легко уместился бы весь ее дом. Оттуда она попала в небольшую залу, увешанную плечиками с нарядами. Это и был гардероб.

Что-то поблескивало в полумраке. От платьев сильно пахло нафталином.

— Интересно... — сказал подошедший сзади Рокки.

— Ты про запах? Это чтобы отпугнуть моль, — пояснила Сахарисса.

— Да не, я про все енти следы, — ответил тролль. — Они и в коридоре были.

Сахарисса с трудом оторвала взгляд от нарядов и посмотрела на пол. Тонкий слой пыли был определенно нарушен.

— Э... Может, уборщица? — неуверенно предположила она. — Должен же хоть кто-то приходить сюда. Чтобы проверить, все ли в порядке.

— Пыль подметают, а не пытаются затоптать до смерти.

— Ну... есть еще сторожа... все такое... — неуверенно произнесла Сахарисса.

Синее платье словно кричало: «Надень меня, я тебе подойду. Посмотри, как я искрюсь и переливаюсь».

Рокки тронул перевернутую кем-то коробку. Выкатившиеся из нее нафталиновые шарики оставили в пыли четкие дорожки.

— Похоже, моли енти шарики понравились, — сказал он.

— Слушай, это платье не кажется тебе слишком... открытым? — спросила Сахарисса, прикладывая к себе платье.

Рокки явно забеспокоился. Его наняли на работу вовсе не потому, что он обладал тонким эстетическим вкусом или в совершенстве владел разговорным языком среднего класса.

— Тебя, госпожа, особо-то и не закроешь, — наконец высказал он свое мнение.

— Я имела в виду, не буду ли я выглядеть в нем как легкодоступная женщина!

— А, понял, — сообразив, обрадовался Рокки. — Нет. Определенно нет.

— Правда?

— Конечно. Через все эти юбки попробуй проберись.

Сахарисса сдалась.

— Что ж, полагаю, госпожа Рассадница сможет сделать его немного шире... — задумчиво произнесла она.

Ей страшно хотелось остаться — платьев было так много! — но она чувствовала себя тут посторонней и была почти уверена в том, что женщина, у которой сотни платьев, скорее заметит пропажу одного из них, чем та, у которой и дюжины не наберется. Как бы то ни было, этот пустой и темный дом начинал действовать ей на нервы. Тут было слишком много призраков.

— Ладно, пора возвращаться.

Когда они добрались до середины холла, кто-то вдруг запел. Слова песни были неразборчивы, а мелодией явно управляло большое количество алкоголя, но тем не менее это была песня, и доносилась она откуда-то снизу.

Сахарисса глянула на Рокки, однако тролль лишь пожал плечами.

— Верно, моль си-бе-молит, обожравшись этих своих шариков, — сказал он.

— Скорее всего, местный сторож. Тут ведь должен быть какой-нибудь сторож? Может, нужно сообщить ему, что мы заходили? — нерешительно предложила Сахарисса. — Мне кажется невежливым просто взять что-то и убежать...

Она подошла к зеленой двери под лестницей и распахнула ее. Песня стала громче, но сразу прекратилась, стоило Сахариссе крикнуть в темноту:

— Прошу прощения?

— Привет! — после некоторого молчания отозвался кто-то. — Как поживаете? Я просто-таки замечательно!

— Это всего лишь, э-э... я? Мне Вильям разрешил? — Данное утверждение Сахарисса произнесла скорее как вопрос, причем таким тоном, словно извинялась перед взломщиком за то, что застала его на месте преступления.

— Господин Нафталиновый Нос? Ой! — донесся из темноты под лестницей голос.

— Э... у тебя там все в порядке?

— Никак не могу... ха-ха-ха... Клятые цепи... ха-ха-ха...

— Может, ты... болен?

— Нет, совсем нет, просто чуток тогось...

— Чуток чегось? — переспросила Сахарисса, чистая и непорочная девушка.

— Ну, тогось... чегось в бочки наливают...

— Так ты просто пьян?

— Прально! Прямо в точку! Пьян... как... как это... вонючее такое животное... ха-ха-ха...

Снизу донесся звон стекла.

Слабый огонь лампы осветил нечто похожее на винный погреб, мужчину, сидящего на приставленной к стене скамейке, и цепь, которая тянулась от лодыжки мужчины к вмурованному в пол кольцу.

— Ты что, узник? — изумилась Сахарисса.

— Аха-ха...

— И давно ты тут сидишь? — Она стала осторожно спускаться по лестнице.

— Много... лет...

— Лет?

— Ну, я тут, это, многолетничаю... — Мужчина взял в руку бутылку и уставился на этикетку. — Вот... год Непорочного Верблюда... хороший был год... а это... год Преображенной Крысы... еще один удачный год... Хорошие времена *были*... все... Хотя от закуси не отказался бы.

Познания Сахариссы в данной области не распространялись дальше того, что «Шато Мезон» — это весьма популярное вино. Но людей не сажают на цепи для того, чтобы они пили вино — пусть даже эфебское, от которого бокал намертво приклеивается к столу.

Она подошла чуть ближе, и свет упал на лицо узника. На этом лице застыла глупая улыбка серьезно пьяного человека, и тем не менее оно было весьма узнаваемым. Это самое лицо Сахарисса видела каждый день на монетах.

— Э... Рокки, — сказала она. — Э... не мог бы ты спуститься сюда на минутку?

Дверь с треском распахнулась, и тролль кубарем скатился по лестнице. В буквальном смысле кубарем и в буквальном смысле скатился.

— А вот и господин Чих! — воскликнул Чарли, приветственно

поднимая бутылку. — Вся банда в сборе! Ура!

Рокки с трудом поднялся на ноги. Господин Тюльпан спустился по лестнице следом, по пути оторвав косяк. Троль вскинул было кулаки, принимая классическую стойку боксера, но господин Тюльпан был менее щепетилен в данных вопросах — он просто треснул тролля по башке крепкой, как железо, древней доской. Рокки рухнул, словно подрубленное дерево.

И только потом взгляд бешено вращающихся глаз великана попытался сосредоточиться на Сахариссе.

— А ты, ять, что за цаца?

— Следи за своим языком! — рявкнула она в ответ. — Как ты смеешь сквернословить в присутствии дамы?!

Ее заявление привело господина Тюльпана в некоторое замешательство.

— Когда это, ять, я сквернословил?

— Я уже видела тебя где-то... Ага, так я и знала: ты не настоящая монахиня! — триумфально заявила Сахарисса.

Раздался щелчок арбалета. Иногда даже совсем тихий звук разносится очень далеко и обладает невероятной убедительностью.

— Порой в голову приходят мысли настолько кошмарные, что их даже не хочется думать, — сказал тощий мужчина, стоявший на верхних ступенях и смотревший на нее вдоль ствола миниатюрного *арбалета*. — Что ты здесь делаешь, госпожа?

— А ты брат Кноп! Но у вас нет права находиться здесь! А вот у меня есть, потому что у меня ключ!

Некоторые части мозга Сахариссы, которые отвечали за такие вещи, как ужас и предчувствие близящегося Смерти, попытались быть услышанными, но были проигнорированы, поскольку, являясь частью Сахариссы, привлекали к себе внимание чересчур тактично.

— Ключ? — переспросил господин Кноп, спускаясь по лестнице. Арбалет был по-прежнему и направлен на Сахариссу. Даже пребывая в крайне нестабильном состоянии, господин Кноп оставался весьма *целенаправленным* человеком. — И кто тебе его дал?

— Не подходи! Не смей приближаться ко мне! Если ты подойдешь ко мне, я... я... я напишу об этом!

— Правда? Слово, конечно, может ранить, но это не смертельно, — пожал плечами господин Кноп. Я слышал много...

Он остановился и поморщился. Казалось, он вот-вот упадет на колени, но потом господин Кноп словно бы взял себя в руки. Он снова посмотрел

на Сахариссу.

— Ты пойдешь с нами, — приказал он. — Только не надо угрожать, мол, кричать будешь и так далее, ведь здесь, кроме нас, никого нет, а я... за свою жизнь... слышал... немало... криков...

И снова он как будто лишился всех сил, но тут же опять пришел в себя. Сахарисса с ужасом смотрела на дрожащий в его руках арбалет. Части ее мозга, которые голосовали за молчание как главное средство выживания, наконец были услышаны.

— А что, ять, с этими двумя? — спросил господин Тюльпан. — Прямо сейчас придушим?

— Закуй тролля в кандалы, и пусть сидят.

— Но, ять...

— Пусть сидят!

— Ты уверен, что чувствуешь себя нормально? — спросил господин Тюльпан.

— Нет! Не уверен! Но не трогай их, понял? У нас нет времени!

— У нас, ять, куча...

— Но не у меня! — перебил господин Кноп и подошел к Сахариссе. — Кто дал тебе ключ?

— Я не собираюсь...

— Хочешь, чтобы господин Тюльпан сделал ручкой нашим бессознательным друзьям?

У господина Кнопа гудела голова, поэтому его разум, несколько утративший способность к пониманию морального порядка вещей, сделал вывод, что все нормально, ничего страшного. Ведь их тени будут преследовать господина Тюльпана, а не его...

— Этот дом принадлежит лорду де Словву, и ключ мне дал его сын! — с ликующим видом заявила Сахарисса. — Вот так! Ты видел Вильяма! В конторе новостного листка! Теперь-то ты понимаешь, во что вы впутались?

Господин Кноп молча смотрел на нее. А потом произнес:

— Очень скоро мы это выясним. Не пытайся бежать. Самое главное, не кричи. Иди нормальным шагом, и все будет... — Он помолчал. — Я собирался сказать, что все будет в порядке. Глупость какая, не правда ли?

Нищая Братия и Вильям продвигались по улицам города. Именно продвигались, а не шли, поскольку назвать этот процесс ходьбой было бы неправильно. Окружающий мир обитатели подмостовья воспринимали как вечный театр, картинную галерею, мюзик-холл, ресторан и плевательницу. А кроме того, ни одному из членов братства и в голову не могло прийти,

что кратчайший путь между двумя точками — это прямая.

Пудель Душка также присоединился к процессии, стараясь держаться как можно ближе к центру группы. А вот Вгорлекости нигде не было видно. Вильям предложил нести Ваффлза, поскольку чувствовал, что это его долг. Долг размером не меньше ста долларов. Таких денег у Вильяма не было, но он рассчитывал на то, что завтрашний выпуск листка окупит все расходы. Кроме того, люди, которые также охотились за песиком, вряд ли посмеют предпринять что либо сейчас, на улице, среди бела дня, который, впрочем, трудно было назвать белым. Облака старыми одеялами затянули небо, опускающийся сверху туман встретился с поднимающимися от реки испарениями, и свет практически исчез.

По пути Вильям пытался придумать заголовок. Пока это удавалось с большим трудом. Сказать нужно было так много, а у него никогда не получалось уместить всю запутанность мира в каких-то трех-четырёх словах. Вот Сахарисса в этом была настоящим спецом, поскольку относилась к словам как к набору букв, которые можно сколачивать вместе, как тебе заблагорассудится. Самый лучший заголовок, очень красиво уложившийся в одну колонку, она придумала к статье о какой-то нудной межгильдиевой сваре:

**ГИЛЬДИИ
ДЕРУТСЯ,
ТОЛЬКО
ТЕШАТСЯ**

Вильям так и не привык оценивать слова по их длине, а Сахарисса приобрела эту привычку всего за два дня. Ему уже пришлось просить ее перестать называть лорда Витинари «НАШ БОСС». Формально это звание было правильным, и слово «босс» действительно можно было найти в некоторых передовых словарях, и эти два слова очень красиво помещались друг под другом... но один их вид заставлял Вильяма чувствовать себя каким-то незащищенным.

Поглощенный этими раздумьями, Вильям в сопровождении братии наконец добрал до словопечатни. И не обнаружил там ничего странного, пока не увидел *лица* гномов.

— А вот и наш писака, — радостно объявил господин Кноп, делая шаг вперед. — Господин Тюльпан, прикрой, пожалуйста, дверь.

Одной рукой господин Тюльпан захлопнул дверь. Вторая его рука закрывала рот Сахариссе. При виде Вильяма девушка выпучила глаза.

— А, ты принес нам нашего песика, — продолжил господин Кноп. Ваффлз зарычал, а Вильям сделал шаг назад.

— Стража будет здесь с минуты на минуту, — предупредил он.

Ваффлз продолжал рычать, постепенно усиливая напор.

— Честно говоря, мне это все равно, — отмахнулся господин Кноп. — После всего того, что я пережил. После того, *кого я пережил. Где этот ваш клятый вампир?*

— Понятия не имею! — огрызнулся Вильям. — Что я ему, нянька?

— Правда? В таком случае позволь мне ответить столь же резко! — рявкнул господин Кноп, поднимая свой арбалет к лицу Вильяма. — Если он не появится здесь через две минуты, я...

Ваффлз вырвался из объятий Вильяма. Его лай был пронзительным и захлебывающимся, как у любой обезумевшей от ярости маленькой собачки. Кноп попятился, вскидывая одну руку, чтобы защитить лицо. Арбалет выстрелил. Стрела попала в лампу над отпечатной машиной. Лампа взорвалась.

Горящее масло хлынуло вниз. Его брызги, разлетаясь во все стороны, падали на чушки отпечатного сплава, старых коней-качалок и гномов.

Господин Тюльпан, бросившись на помощь партнеру, выпустил Сахариссу, и, крутанувшись в медленном танце стремительно развивающихся событий, девушка сильно ударила его коленкой в то самое место, форма которого способна придать любому корнеплоду массу забавности.

Вильям ловко перехватил ее, доволоч до двери и вытолкнул на свежий, морозный воздух. Нищие, инстинктивно реагиовавшие на огонь примерно так же, как на воду и мыло, обратились в бегство. Прорвавшись сквозь их паническую волну обратно в печатню, Вильям увидел, что зал уже вовсю полыхает. Гномы тщетно пытались потушить горящий мусор. Несколько из них с угрожающим видом надвигались на стоящего на коленях и отчаянно блюющего господина Тюльпана. Господин Кноп кружился на месте, размахивая взбешенным Ваффлзом, который умудрялся рычать даже сквозь прокушенную до кости руку врага.

Вильям поднял сложенные ладони к губам.

— Уходите все немедленно! — закричал он. — Банки!

Некоторые гномы услышали его и посмотрели на полки со старыми банками — как раз в тот самый момент, когда в воздух взлетела первая крышка.

Банки были совсем древними, еще много лет назад они превратились в ржавчину, развалиться которой не давала лишь прочно застывшая

химическая грязь. Вслед за первой задымились и другие банки.

Господин Кноп плясал по полу, но никак не мог стряхнуть с руки обезумевшего от злости песика.

— Отцепи же от меня эту тварь! — крикнул он своему партнеру.

— Какое, ять, отцепи! Не видишь, ять, я горю! — проорал в ответ господин Тюльпан, хлопая ладонью по рукаву.

Из облака пламени и дыма вылетела банка, в которой некогда очень давно хранилась эмаль. Кувыркаясь и издавая зловещее шипение, банка пересекла словопечатню и взорвалась об отпечатную машину.

Вильям схватил Хорошагору за руку.

— Уходим, говорю!

— Моя машина! Она горит!

— Лучше она, чем мы! Бежим!

Считается, что гномы любят железо и золото куда сильнее, чем, допустим, людей. Впрочем, это логично объясняется: запасы железа и золота весьма ограничены, тогда как людей, куда ни плюнь, с каждым днем становится все больше. Хотя, кстати, так считают вовсе не гномы, а люди, подобные господину Крючкотвору.

Но что для гномов действительно важнее всего на свете, так это *имуущество*. Без имуущества представитель любого разумного вида не более чем смышленное животное.

Отпечатники толпились у сарая с топорами наготове. Из дверей валил удушливый коричневый дым. Языки пламени вырывались между стропил. Несколько секций оловянной крыши выгнулись и обрушились.

Вдруг из дверей словопечатни вылетел какой-то тлеющий шар, и трое гномов, разом взмахнув топорами, едва не искалечили друг друга.

Это был Ваффлз. Шкура его дымилась, но глаза ярко сверкали, он все еще рычал и лаял.

Наконец песик позволил Вильяму взять себя на руки. Вид у Ваффлза был триумфальный. Навострив уши, песик продолжал смотреть на дверь.

— Все кончено, — подвела итог Сахарисса.

— Должно быть, им удалось улизнуть через черный ход, — сказал Хорошагора. — Боддони, пошли кого-нибудь проверить.

— Какой отважный песик, — похвалил Вильям.

— «Смелый» лучше, — рассеянно произнесла Сахарисса. — Всего шесть букв. Красивее выглядит в один столбец в боковой колонке. Впрочем, «отважный» тоже сойдет, потому что мы получим:

ОТВАЖНЫЙ ПЕС УМЫЛ НЕГОДЯЕВ

Хотя он их, конечно, не умывал.

— Жаль, я не умею мыслить заголовками, — поживаясь, сказал Вильям.

В подвале было холодно и сыро. Господин Кноп заполз в угол и наконец потушил тлеющую одежду.

— Ну, мы, ять, попали, — простонал господин Тюльпан.

— Ничего подобного, — откликнулся господин Кноп. — Тут сплошной камень! Потолок, стены, пол. А камень не горит, понятно? Просто пересидим здесь, пока все не закончится.

Господин Тюльпан прислушался к шуму бушевавшего наверху пожара. Красные и желтые отсветы плясали на полу под люком.

— Мне это, ять, совсем не нравится, — сказал он.

— Бывало и хуже.

— А мне это, ять, совсем *не нравится!*

— Главное — не суетится. Мы выберемся. Я не для того был рожден, чтобы зажариться!

Пламя ревело вокруг отпечатной машины. Последние банки краски летали по воздуху, осыпая все вокруг горящими каплями.

В самом сердце пожара пламя было желто-белым и уже подбиралось к железным формам с шрифтом.

Серебристые капли проступили вокруг заляпанных краской свинцовых букв. Литеры смещались, оседали, сплавлялись вместе. Некоторое время на поверхности жидкого металла плавали целые слова и фразы, такие как «правда», «сделает вас свободным», а потом и они исчезли. Из раскалившейся докрасна отпечатной машины, из дымящихся деревянных ящичков, из многочисленных шрифтовых касс потекли тонкие ручейки. Они встречались друг с другом, становились шире и текли дальше. Скоро пол превратился в живое пульсирующее зеркало, в котором отражались перевернутые оранжево-желтые язычки пламени.

Отдыхавшие на верстаке Отто саламандры почувствовали тепло. Им *нравилось* тепло. Их предки зародились в жерлах вулканов. Саламандры проснулись и довольно заурчали.

Господин Тюльпан, загнанным зверем метавшийся по подвалу, поднял одну из клеток и уставился на саламандр.

— А это, ять, что за твари? — проворчал он и швырнул клетку обратно на верстак. Потом он заметил стоящую рядом банку темного стекла. — Глянь, какая-то надпись... «Очень осторожно, битте!!!» Что это, ять, за «битте»? Бить ее, что ли, осторожно?

Угри уже были встревожены. Они тоже чувствовали тепло, но в отличие от саламандр были обитателями глубоких пещер и ледяных подземных ручьев.

Свой протест они не преминули выразить в форме темного света.

Большая его часть прошла прямо сквозь мозг господина Тюльпана. Впрочем, тому, что осталось от этого потрепанного органа, уже никакие перипетии были не страшны. А кроме того, господин Тюльпан очень редко пользовался мозгом, поскольку ни к чему, кроме головной боли, это не приводило.

Но в мозгу возникли отрывочные воспоминания о снеге, хвойных лесах, пылающих домах и церквушке. Именно в церквушке спрятались люди... Он был совсем маленьким. Но помнил огромные красивые картины, помнил, что таких изумительных красок не видел больше нигде и никогда...

Господин Тюльпан зажмурился и выронил банку.

Которая упала на пол и разбилась. Угри отреагировали на происшедшее еще одной вспышкой темного света. После чего торопливо выползли из осколков, прощуршали вдоль стены и забились в трещины меж камней.

Господин Тюльпан обернулся на раздавшийся за спиной странный звук. Его партнер стоял на коленях и раскачивался, схватившись руками за голову.

— Ты, ять, как?

— Они у меня за спиной! — прошептал Кноп.

— Старина, здесь, ять, никого нет. Только ты и я.

Господин Тюльпан похлопал Кнопа по плечу. Он не знал, как реагировать на происходящее, и от напряженных размышлений вены у него на лбу стали напоминать багровые шланги. Воспоминания уже улетучились. Господин Тюльпан еще в юношеском возрасте научился их редактировать. Кстати о воспоминаниях... Что господину Кнопу сейчас точно не помешает, так это пара-другая приятных воспоминаний.

— Слышь, а помнишь, ять, как Герхард-Башмак со своими ребятами запер нас в том щелотанском подвале? — спросил господин Тюльпан. — И

помнишь, ять, что мы с ним потом сделали?

— Да, — ответил господин Кноп, уставившись на пустую стену. — Помню.

— А того, ять, старика из Орлей, который случайно оказался дома? Старика, ять, помнишь? Мы тогда заколотили дверь и...

— Заткнись! Заткнись!

— Вот, ять, спасибо. Просто пытался тебя подбодрить...

— Мы не должны были убивать всех этих людей... — прошептал господин Кноп.

— Это, ять, почему? — удивился господин Тюльпан.

Нервозность Кнопа оказалась заразной. Господин Тюльпан вытащил из-под рубашки кожаный шнурок и с облегчением нащупал висевший на груди клубень. Во времена страшных испытаний что может быть лучше старой доброй картофелины?

Стук капель за спиной заставил его обернуться, и господин Тюльпан мгновенно повеселел.

— А вот и дождик, ять!

Из люка на пол подвала падали серебристые капли.

— Это не вода! — заорал Кноп, вскакивая на ноги. Капли начали падать чаще, потом превратились в непрерывный поток. Серебристый ручеек с глухим шумом падал на пол, создавая горку прямо под люком, но странной жидкости становилось все больше, и она начала растекаться по подвалу.

Кноп и Тюльпан прижались к дальней стенке.

— Это расплавленный свинец, — сообщил Кноп. — Гномы отпечатывают им свой листок!

— И много его будет?

— Здесь, внизу? Не больше двух дюймов, когда растечется по всему полу!

Лужа расплавленного металла подползла к противоположной стене, и стоявший там верстак Отто задымился.

— Нужно на что-то встать! — воскликнул Кноп. — Пока свинец не остынет! На улице сейчас холодно, так что остынет он быстро!

— Куда, ять, встать?! Друг другу на головы?!

Господин Кноп закрыл глаза ладонью и набрал полную грудь нагретого серебристым дождем воздуха.

Затем убрал руку и открыл глаза. Господин Тюльпан смотрел на него, как послушный щенок. Из них двоих думал только господин Кноп.

— У меня есть... план, — сказал он.

— Правда, ять? Выкладывай.

— Я ведь умею придумывать планы, а?

— Конечно, ять. У тебя не башка, а чудо, ять, природы. Помню, как ты придумал свернуть...

— И я всегда думаю о благе Конторы, верно?

— Ну да.

— Поэтому... мой нынешний план... вряд ли можно назвать *идеальным*, но... сойдет и такой. Дай-ка мне сюда свою картофелину!

— Что?

Господин Кноп резко выбросил руку, и арбалет оказался всего в нескольких дюймах от горла господина Тюльпана.

— Нет времени спорить! Давай картофелину, и побыстрее. Сейчас нельзя думать!

Господин Кноп умел находить выход из самых безнадежных ситуаций, поэтому господин Тюльпан несколько неуверенно, но все же снял шнурок с картофелиной с шеи и передал его напарнику.

— Отлично, — кивнул господин Кноп. Одна его щека задергалась. — А теперь давай прикинем...

— Быстрее, ять, прикидывай! — воскликнул господин Тюльпан. — Эта фигня совсем близко!

— ...Давай прикинем. Я, господин Тюльпан, совсем маленький. Ты не сможешь на меня встать. Значит, я не гожусь. А ты, господин Тюльпан, большой. И я не хочу, чтобы ты мучился.

И он нажал на курок. Выстрел был точным.

— Прости, — сказал господин Кноп под аккомпанемент свинцовых капель. — Прости меня. Я не хотел. Прости. Но я не для того был рожден, чтобы зажариться...

Господин Тюльпан открыл глаза.

Вокруг было темно, но что-то говорило о том, что на пасмурном небе, за тучами, скрываются звезды. Ветра не было, однако слышался слабый звук, похожий на шелест сухой листвы.

Он немного выждал — вдруг что-то произойдет? — а потом крикнул:

— Здесь, ять, есть кто-нибудь?

— ТОЛЬКО Я, ГОСПОДИН ТЮЛЬПАН.

Часть темноты открыла похожие на синие угольки глаза и посмотрела на него.

— Прикинь, ять, этот подонок украл мою картофелину. А ты, ять, Смерть?

— ПРОСТО СМЕРТЬ, ЕСЛИ НЕ ВОЗРАЖАЕШЬ. А ТЫ КОГО ЖДАЛ?

— Ждал? Зачем?

— ЧТОБЫ ПРИЗНАТЬ ТЕБЯ СВОИМ.

— Честно говоря, не знаю. Никогда, ять, не думал...

— И ДАЖЕ НИКОГДА НЕ ПЫТАЛСЯ ПРЕДПОЛОЖИТЬ?

— Я одно, ять, всегда знал: должна быть картофелина, тогда все будет в порядке, — повторил господин Тюльпан некогда услышанное.

Эта фраза пришла в голову вместе с четкими воспоминаниями о мертвых, увиденных с высоты двух футов и трех лет от роду. Старики что-то бубнили, старухи плакали. Лучи света пробивались сквозь высокие святые окна. Ветер завывал под дверью, а уши пытались расслышать шаги солдат. Своих, чужих — уже неважно, когда война длится так долго...

Смерть смерил тень господина Тюльпана долгим, холодным взглядом.

— ЧТО, И ВСЁ?

— Ну да.

— ПРОСТО КАРТОФЕЛИНА? А МОЖЕТ, ЧТО-ТО ЕЩЕ ДОЛЖНО БЫТЬ?

...Ветер завывал под дверью, запах масляных ламп, немного кисловатый запах свежего снега, проникающего в...

— Ну... там сожаления всякие... — пробормотал господин Тюльпан.

Он чувствовал себя потерянным в этом темном мире. И не было картофелины, за которую можно было бы ухватиться.

...Подсвечники... Они были сделаны из золота сотни лет назад... А из еды только картошка, выкопанная из-под снега, зато подсвечники из золота, а еще какая-то старуха, она сказала: «Главное — чтоб картошка была, тогда все будет хорошо...»

— А КАК НАСЧЕТ БОГА? ЕСТЬ САМЫЕ РАЗНЫЕ БОГИ. ТЕБЕ О НИХ НЕ РАССКАЗЫВАЛИ?

— Нет...

— ВОТ ПРОКЛЯТЬЕ. ПОЧЕМУ ИМЕННО Я ДОЛЖЕН С ЭТИМ РАЗБИРАТЬСЯ? — Смерть вздохнул. — ТЫ *ВЕРИШЬ*, НО ПРОСТО ТАК. *ВЕРИШЬ* ВООБЩЕ, А НЕ ВО ЧТО-ТО ИЛИ В КОГО-ТО.

Господин Тюльпан, повесив голову, встал. В голову тонкой струйкой, как кровь из-под двери, текли воспоминания. И дверная ручка уже гремела, и замок был сломан.

Смерть кивнул ему.

— ХОТЯ... У ТЕБЯ ЕСТЬ ТВОЯ КАРТОФЕЛИНА.

Рука господина Тюльпана нащупала кожаный шнурок на шее. На

шнурке висело нечто сморщенное и твердое, мерцающее призрачным светом.

— А я думал, он ее, ять, забрал! — воскликнул господин Тюльпан, и лицо его озарилось надеждой.

— НУ, КАРТОФЕЛИНА — ДЕЛО НАЖИВНОЕ...

— Значит, все будет в порядке?

— А ТЫ САМ-ТО КАК СЧИТАЕШЬ?

Господин Тюльпан проглотил комок в горле. Здесь ложь долго не жила. И более свежие воспоминания уже просачивались из-под двери, кровавые и мстительные.

— Думаю, картошка тут не поможет... — пробормотал он.

— ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РАСКАИВАЕШЬСЯ?

Неожиданно у господина Тюльпана заработали участки мозга, давно закрытые, более того, даже не открывавшиеся с самого рождения.

— Мне-то откуда знать? — буркнул он. Смерть махнул рукой. Костлявые пальцы описали дугу, вдоль которой пролегла череда песочных часов.

— НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, ТЫ БОЛЬШОЙ ЗНАТОК ИСКУССТВА, ГОСПОДИН ТЮЛЬПАН. Я, В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ, ТОЖЕ.

Смерть выбрал одни из часов и взял их. Вокруг затанцевали образы — яркие, но нереальные, как тени.

— Что это? — спросил Тюльпан.

— ЖИЗНИ, ГОСПОДИН ТЮЛЬПАН, ПРОСТО ЖИЗНИ. КОНЕЧНО, НЕ ВСЕ ИЗ НИХ ШЕДЕВРЫ, ЧАСТЕНЬКО ОНИ НАИВНЫ В ЧУВСТВАХ И ДЕЙСТВИЯХ, НО ВСЕГДА ПОЛНЫ НЕОБЫЧНОСТЕЙ И СЮРПРИЗОВ, И КАЖДАЯ — ПО-СВОЕМУ РАБОТА ГЕНИЯ. ВПРОЧЕМ, ВСЕ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ МОГУТ БЫТЬ ПРЕДМЕТАМИ... КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ. — Господин Тюльпан попятился, когда Смерть поднял песочные часы. — ДА, НЕСОМНЕННО. И ЕСЛИ БЫ МНЕ ПРИШЛОСЬ ОПИСАТЬ ЭТИ ЖИЗНИ, ГОСПОДИН ТЮЛЬПАН, Я БЫ НАЗВАЛ ИХ... НЕДОЖИТЫМИ.

Смерть выбрал еще одни часы.

— А, НУГГА ВЕЛЬСКИЙ. ТЫ ЕГО, РАЗУМЕЕТСЯ, НЕ ПОМНИШЬ. ОН ПРОСТО НЕ ВОВРЕМЯ ВЕРНУЛСЯ В СВОЮ ЛАЧУГУ. ТЫ БЫЛ ВЕСЬМА ЗАНЯТЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, ПОЭТОМУ НЕ МОЖЕШЬ ПОМНИТЬ ВСЕХ. СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ НА УМ ГОСПОДИНА НУГГИ, БЛЕСТЯЩИЙ УМ, КОТОРЫЙ В ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ МОГ БЫ ИЗМЕНИТЬ МИР, НО ОБРЕЧЕН БЫЛ ПОЯВИТЬСЯ НА СВЕТ В ТО ВРЕМЯ И В ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ ЖИЗНЬ

БЫЛА НЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ЕЖЕДНЕВНОЙ БЕЗНАДЕЖНОЙ БОРЬБОЙ ЗА ВЫЖИВАНИЕ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ В СВОЕЙ КРОХОТНОЙ ДЕРЕВЕНЬКЕ ОН ДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ, ВПЛОТЬ ДО ТОГО САМОГО ДНЯ, КОГДА ЗАСТАЛ ТЕБЯ ЗА КРАЖЕЙ СВОЕГО ПАЛЬТО...

Господин Тюльпан поднял дрожащую руку.

— Наверное, именно сейчас вся жизнь должна пробежать у меня перед глазами? — спросил он.

— ВСЕ НЕМНОГО НЕ ТАК.

— А как же?

— ТОТ ОТРЕЗОК МЕЖДУ ТВОИМ РОЖДЕНИЕМ И ТВОИМ УМИРАНИЕМ... ОН И ЕСТЬ ТВОЯ ЖИЗНЬ, ГОСПОДИН ТЮЛЬПАН, КОТОРАЯ ПРОХОДИТ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ...

К тому времени, когда подоспели големы, все было кончено. Пожар был неистовым, но кратковременным. Он прекратился, потому что больше гореть было нечему. Толпа, обычно собиравшаяся на подобные зрелища, уже разошлась, единодушно постановив, что сегодняшний пожар был так себе, ведь никто так и не погиб.

Стены сарая выстояли, хотя почти половина оловянной крыши обвалилась. Пошел снег с дождем, снежинки и капли шипели, падая на раскаленные камни, по которым, осторожно обходя кучи обугленных обломков, шел Вильям.

Отпечатную машину тускло освещали еще непогасшие язычки пламени. Вильям услышал, как стонут и звенят на поверхности металла дождевые капли.

— Можно отремонтировать? — поинтересовался он у подошедшего Хорошагоры.

— Ни единого шанса, — ответил гном. — Хотя, наверное, удастся спасти раму. Заберем все, что может пригодиться.

— Слушай, мне правда жаль...

— Мне тоже, — перебил его гном, пнув пустую банку. — А если смотреть на все совсем оптимистически, мы еще должны Гарри Королю кучу денег.

— О, только не напоминай...

— Он сам тебе напомнит. Вернее, нам.

Вильям, обернув курткой руку, откинул в сторону кусок кровли.

— Надо же, а столы уцелели!

— Огонь иногда ведет себя странно, — печально заметил Хорошагора. — Наверное, упавшая крыша преградила ему путь.

— Они, конечно, обгорели, но их вполне можно использовать!

— Ну, значит, у нас все в порядке, — буркнул гном, чей голос переключился в режим мрачной язвительности. — Как скоро желаешь отпечатать очередной номер?

— Смотри, смотри, и на наколке остались записки, которые почти не обгорели!

— Жизнь полна приятных неожиданностей, — сказал Хорошагора. — Госпожа, вряд ли тебе стоит сюда соваться.

Последние слова были обращены к Сахариссе, которая с трудом пробиралась через дымящиеся развалины.

— Я тут работаю, — парировала она. — Вы сможете отремонтировать отпечатную машину?

— Нет! С ней... покончено! Это металлолом. У нас нет ни машины, ни шрифтов, ни свинца! Вы двое что, ослепли?!

— Ну и ладно. Найдем другую отпечатную машину, — пожалала плечами Сахарисса.

— Даже самая что ни на есть рухлядь обойдется нам не меньше чем в тысячу долларов! — воскликнул Хорошагора. — Послушайте, все *кончено*. Ничего *не осталось*!

— У меня есть кое-какие сбережения, — сказала Сахарисса, смахивая со стола мусор. — Может, для начала купим небольшую ручную машину, чтобы продолжить работу?

— Я весь в долгах, — признался Вильям. — Но парой сотен больше, парой сотен меньше...

— Слушай, а как думаешь, если натянуть вместо крыши брезент, мы сможем здесь работать? Или придется перебираться в другое место? — спросила Сахарисса.

— Я не хочу никуда перебираться. Несколько деньков потерпим, а дальше приведем все в порядок, — ответил Вильям.

Хорошагора приложил ладони к губам:

— *Алло!* Вас вызывает здравомыслие! *У нас нет денег!*

— Хотя, если расширяться, места здесь маловато, — заметила Сахарисса.

— Куда расширяться?

— Журналы, — пояснила она, смахивая упавшие на волосы снежинки. Тем временем гномы, рассредоточившись по пожарищу, приступили к заранее обреченной на провал спасательной операции. — Я понимаю, издавать листок — наша первостепенная задача, но отпечатная машина частенько мается без дела. А возьмем, к примеру, журнал,

предназначенный специально для дам. На него наверняка найдется масса покупательниц...

— Мается? — переспросил Хорошагора. — Все уже, *отмаялась*, сердечная!

— Журнал для дам? — удивился Вильям, не обращая на него внимания. — И о чем там будет писаться?

— Ну... о моде, например. С картинками женщин в новых платьях. О вязании. Еще о чем-нибудь. Только не говори мне, что это слишком скучно. Покупать *будут*.

— Платья? Вязание?

— Люди интересуются подобными вещами.

— Я далеко не в восторге от твоей идеи, — фыркнул Вильям. — С таким же успехом можно начать отпечатывать журнал только для мужчин.

— Почему бы и нет? Но что ты туда поместишь?

— Ну, не знаю. Статьи о напитках. Картинки женщин без... Гм. Но нам потребуется масса народу, чтобы заполнить эти журналы материалом.

— Прошу прощения? — окликнул Хорошагора.

— Не проблема, — отмахнулась Сахарисса. — Писать могут многие. А уж для таких журналов — тем более. Тут особого ума не требуется, иначе у нас ничего не получилось бы.

— Это правда.

— А можно сделать еще один журнал, который абсолютно точно будет продаваться... — продолжала Сахарисса.

За ее спиной рухнул на пол обломок отпечатной машины.

— Эгей? Эгегей? Я *знаю*, что мой рот открывается и закрывается, — замахал руками Хорошагора. — Но хоть какие-нибудь звуки из него вылетают?

— Это журнал о кошках! — возвестила Сахарисса. — Люди обожают кошек. Картинки кошек. Рассказы о кошках. Я много думала об этом. Его можно назвать как-нибудь красиво... «Тотальная кошка»!

— И продолжить — «Тотальная женщина», «Тотальный мужчина», «Тотальное вязание», «Тотальная выпечка»...

— Лично я собиралась назвать журнал «Домашний караван», — сказала Сахарисса, — но в твоей идее тоже кое-что есть. Да... неплохо. И вот еще что: в городе так много кошек. Мы могли бы издавать журнал и для них тоже. Интересно, кстати, что в этом сезоне модно у гномов?

— Кольчуги и кожа! — рывкнул совершенно ошеломленный Хорошагора. — О чем вы вообще говорите? У нас всегда в моде кольчуги и кожа!

Сахарисса не обращала на него внимания. Хорошагора понял, что эти двое сейчас находятся совсем в ином мире, не имеющем ничего общего с реальным.

— Впрочем, все это кажется мне бессмысленной тратой, — сказал Вильям. — Слов, я имею в виду.

— Ну и что? Слов на свете много. — Сахарисса ласково потрепала его по щеке. — Неужели ты пишешь слова, которые будут жить вечно? Все совсем не так. Все эти новостные листки... всё это слова-однодневки. В лучшем случае эти слова живут неделю.

— А потом их выбрасывают, — кивнул Вильям.

— Хотя, возможно, некоторые остаются. В головах людей.

— Слова — да, но не новостные листки, — возразил Вильям. — Они заканчивают куда печальнее.

— А ты чего ожидал? Это же не книга... Новостной листок — это слова, которые приходят и уходят. Выше нос!

— Конечно. Но есть одна проблема, — сказал Вильям.

— Да?

— У нас нет денег на новую отпечатную машину. Наш сарай сгорел. Мы разорены. Все кончено. Ты это понимаешь?

Сахарисса потупила взор.

— Понимаю. Просто надеялась, что ты... думаешь иначе.

— А ведь мы были так близки, так *близки* к успеху. — Вильям достал свой блокнот. — Такая история! Нам хватило бы ее, чтобы поправить дела. А теперь остается только отдать ее Ваймсу...

— А где весь свинец?

Вильям посмотрел поверх руин на Боддони, который сидел у дымящейся отпечатной машины, пытаясь заглянуть под нее.

— Весь свинец исчез *без следа!* — воскликнул гном.

— Куда он мог исчезнуть? — проворчал Хорошагора. — Здесь где-то... Двадцать тонн свинца не могут просто взять и уйти. Знаю по личному опыту.

— Скорее всего, он расплавился, — заметил Боддони. — Мне попало несколько шариков...

— Подвал! — вспомнил Хорошагора. — Ну-ка, пособиите!

Он ухватился за покрытую сажей балку.

— Я помогу, — предложил Вильям, выходя из-за обугленного стола. — Все равно больше заняться нечем...

Он сжал в руке торчавшее из обугленного дерева кольцо, потянул...

Господин Кноп восстал из подвала как повелитель всех демонов. От

него валил дым, он орал что-то нечленораздельное, зато громкое и непрерывное. Господин Кноп восставал и восставал, он сбил с ног Хорошагору круговым ударом кулака, потом его руки сжались на горле Вильяма, а инерция прыжка все толкала и толкала его вверх.

Вильям попятился. Упав на стол, он почувствовал, как какой-то острый осколок, пробив рукав, впился в руку. Но не было времени думать об этой боли. Его будущее сулило иную боль, всеобъемлющую и вечную. Лицо восставшего из подвала существа нависло над Вильямом всего в нескольких дюймах, но глаза господина Кнопа смотрели *сквозь* него, смотрели на нечто ужасное, в то время как руки все крепче сжимали горло Вильяма.

Вильяму и пригрезится не могло, что когда-нибудь он использует такой затасканный штамп, как «сжал будто в тисках», но, когда сознание превратилось в тоннель с кроваво-красными стенками, внутренний редактор подсказал ему: да, именно так называется чисто механическое давление, которое...

Глаза закатились, крик смолк. Господин Кноп, согнувшись, сделал неуверенный шаг в сторону.

Подняв голову, Вильям увидел отступающую Сахариссу.

А внутренний редактор продолжал что-то там корябать, наблюдая за Вильямом, который, в свою очередь, наблюдал за Сахариссой. И так, она ударила этого человека ногой прямо по... Э-э... Ну, вы понимаете. Вероятно, сказалось тлетворное влияние всяких презабавных овощей. Иначе и быть не может.

А ему нужно срочно все записать. Иначе тоже быть не может.

Вильям встал на ноги и отчаянно замахал руками на приближавшихся с топорами гномов.

— Стойте! Не надо! Послушай... ты... э... брат Кноп...

Он поморщился от боли, бросил взгляд на руку и с ужасом заметил торчащее из рукава злое острое наконечник.

Господин Кноп пытался сосредоточить внимание на схватившемся за руку юноше, но тени мешали. Он даже не понимал, на каком свете сейчас пребывает. Ну точно! Вот в чем дело! Видимо, он уже мертв! Весь этот дым, орущие люди, голоса, нашептывающие что-то ему на ухо... Наверное, это и есть преисподняя, но, *ха-ха*, у господина Кнопа имеется обратный билет...

Он с трудом выпрямился. Выудил из-под рубашки картофелину покойного господина Тюльпана и поднял ее высоко над головой.

— У'мня сть крфлина, — с гордостью заявил он. — Как вам, а?

Вильям посмотрел на испачканное сажей лицо, на котором блуждали воспаленные глаза и застыла торжествующая улыбка. Потом перевел взгляд на сморщенный клубень. В данный момент его отношения с действительностью были почти столь же шаткими, как и у господина Кнопа. Однако люди, показывавшие Вильяму картофелины, преследовали только одну цель...

— Э... Ну и что в ней забавного? — спросил он, пытаясь вытащить из руки наколку.

Ход мыслей господина Кнопа остановился, потому что кончились рельсы. Кноп выпустил из руки картофелину и уже в следующее мгновение с быстротой, которая объяснялась не разумом, а чистым инстинктом, выхватил из-под полы длинный кинжал. Фигура перед ним превратилась в одну из теней, и он, совершенно обезумев, бросился вперед.

Вильяму наконец удалось вытащить наколку, и его рука по инерции вылетела вперед...

Эта рука на мгновение заслонила господину Кнопу весь мир. Собственно говоря, стала для него всем миром...

Мокрый снег шипел на остывающих углях.

Некоторое время Вильям смотрел в удивленные глаза господина Кнопа, из которых постепенно утекала жизнь. А потом напавший на него человек медленно осел на землю, крепко сжимая в руке картофелину.

— О, — как будто издалека донесся голос Сахариссы. — Ты *наколот* его...

Кровь текла по рукаву Вильяма.

— Э... Кажется, мне не мешало бы перевязать руку, — выдавил он.

Лед не может быть горячим, но от шока его вены заполнились обжигающим холодом. Он *потел* льдом.

Сахарисса бросилась к Вильяму, на ходу отрывая рукав блузки.

— Ну ладно, ладно... Вряд ли это настолько уж опасно, — попятился Вильям. — Скорее, одна из тех ран, которые незаслуженно пытаются привлечь к себе повышенное внимание.

— Что здесь происходит?

Вильям посмотрел на кровь на своей руке, потом перевел взгляд на Отто, который стоял на горе мусора с выражением удивления на лице и парой пакетов в руках.

— Йа уходит всего пять минут, покупайт кислота, после чего приходийт цурюк и... О, найн... Все, что мы имейт...

Хорошагора достал из кармана камертон и стукнул им себя по шлему.

— Ребята, быстро! — крикнул он, размахивая камертоном. — В

миссию к нам ты приходи...

Гномы тут же присоединились, но Отто поспешно замахал руками.

— Большое данке, йа прекрасной формы, тем не менее еще раз данке за заботу. Мы все знавайт, что происходит, йа? Это все толпа делает? Опасней толпы никого не бывайт. Мой друг Борис так погибайт. Он им показывайт свою черную ленточку, но они только хохотайт...

— Думаю, они приходили не только за Отто, а за всеми нами, — сказал Вильям. — Жаль, мне не удалось задать ему пару-другую вопросов, но...

— Типа: «Скажите, вы впервые пытались задушить человека?» — уточнил Боддони. — Или «Господин Убийца, скажите, пожалуйста, а сколько вам лет?»

Кто-то закашлялся.

Звуки, похоже, доносились из кармана мертвеца.

Вильям окинул взглядом застывших от изумления гномов, как бы спрашивая у них, что делать дальше. Разумеется, никаких советов он не дождался. Стиснув зубы, Вильям охлопал карманы засаленного костюма и крайне осторожно достал узкую полированную коробочку.

Открыл крышку. Из щели выглянул маленький зеленый бесенок.

— М-м? — осведомился он.

— Что? Личный бес-органайзер?! — воскликнул Вильям. — *Убийца с личным бес-органайзером?!*

— Думаю, самым интересным там будет раздел «Планы на сегодня», — заметил Боддони.

Бес пару раз недоуменно моргнул.

— Ты хочешь, чтобы я ответил или нет? — наконец уточнил он. — Введи-Свое-Имя потребовал полной тишины, несмотря на широчайший диапазон издаваемых мной звуков, подходящих к любому настроению и любой ситуации.

— Гм... твой предыдущий владелец стал совсем... предыдущим, — сказал Вильям, бросив взгляд на остывающего господина Кнопа.

— Ты — новый владелец?

— Возможно.

— Поздравляю! — воскликнул демон. — *Гарантийные обязательства аннулируются, если данное устройство было продано, сдано в аренду, передано, подарено или украдено не в заводской упаковке и без упаковочных материалов, которые ты наверняка уже выбросил, и если Часть Два гарантийного талона, который ты, скорее всего, тоже выбросил, не была заполнена и отослана по адресу тсттв гги, тсстфихссик с указанием справочного номера, который ты, разумеется, не записал.* Ты хочешь

стереть мою память? — Демон достал ватный тампон и приготовился вставить его в свое очень большое ухо. — Стереть память, Д/Н?

— Твою... память?

— Да. Стереть память, Д/Н?

— Нет! — воскликнул Вильям. — Лучше расскажи, что именно ты помнишь.

— Ты должен нажать кнопку «Воспроизведение», — нетерпеливо фыркнул демон.

— И что тогда будет?

— Маленький молоточек треснет меня по башке, и я посмотрю, какую именно клавишу ты нажал.

— А почему ты просто не можешь, ну, воспроизвести?

— Слушай, не я составлял эти правила. Ты должен нажать кнопку, так написано в инструкции...

Вильям осторожно отложил коробочку в сторону. Из кармана мертвеца он также вытащил какие-то бархатные мешочки. Их он тоже положил на стол.

Несколько гномов спустились по железной лестнице в подвал. Вскоре оттуда с задумчивым видом вынырнул Боддони.

— Там какой-то человек, — сообщил он. — Лежит... в свинце.

— Мертвый? — спросил Вильям, не спуская глаз с мешочков.

— Надеюсь. Очень надеюсь. Хотя он... хорошо сохранился. Как живой. Правда, немного поджарился. А еще у него стрела торчит из башки.

— Вильям, ты что, собрался ограбить покойника? — спросила Сахарисса.

— Вроде того, — рассеянно ответил Вильям. — Самое, знаешь ли, время.

Он перевернул один из мешочков, и на обугленный стол посыпались драгоценные камни.

Хорошагора издал какой-то сдавленный звук. Как известно, лучшие друзья гномов — это драгоценные камни. Не считая золота, разумеется.

Вильям высыпал на стол содержимое остальных мешочков.

— Как думаете, сколько это может стоить? — спросил он, когда камешки перестали кататься по столу и сверкать.

Хорошагора уже достал из внутреннего кармана лупу и внимательно изучал самые большие камни.

— Что? А... Десятки тысяч. Может, сотни. А может, и больше. Вот этот стоит не меньше полутора тысяч, а он далеко не самый большой.

— Он ведь, скорее всего, украл их! — закричала Сахарисса.

— Вряд ли, — спокойно произнес Вильям. — О столь крупной краже мы бы обязательно узнали. Это ведь наша профессия. Какой-нибудь молодой человек обязательно рассказал бы тебе об этом. Посмотри, нет ли у него бумажника.

— Да как ты смеешь предлагать мне такое?! И что...

— Проверь, нет ли у него бумажника, понятно? — повторил Вильям. — Речь идет о новостях. А я осмотрю его ноги, хотя мне этого очень не хочется. Но это — *новости*. Давай отложим истерики на потом. Сделай это. Пожалуйста.

На ноге трупа он увидел еще не успевший зажить укус. Вильям закатал штанину, чтобы сравнить укус со своим собственным, а тем временем Сахарисса, отведя глаза, достала из кармана куртки коричневый кожаный бумажник.

— Кто он, как зовут — есть какая-нибудь информация? — спросил Вильям, тщательно измеряя карандашом расстояние между следами от зубов.

Он чувствовал себя на диво спокойным. Мысли как будто испарились. Все казалось каким-то сном, словно бы происходящим в ином мире.

— Тут на бумажнике выжжена надпись, — сказала Сахарисса.

— Какая именно?

— «Ну Очень Плохой Тип», — прочла Сахарисса. — Интересно, что за человек мог написать подобное на своем бумажнике?

— Наверное, какой-нибудь очень плохой, — хмыкнул Вильям. — Что-нибудь еще?

— Есть еще клочок бумаги с адресом, — ответила Сахарисса. — Э... Вильям, кстати, у меня не было времени рассказать тебе...

— Какой там адрес?

— Ничегоподобная, пятьдесят. Именно там меня поймали эти люди. У них был ключ. Но ведь этот дом принадлежит *твоей* семье?

— И что мне делать с этими камнями? — спросил Хорошагора.

— Ну, то есть ты же сам дал мне ключ, — нервничая, затараторила Сахарисса. — А там, в подвале, сидел тот мужчина в *очень-очень* нетрезвом состоянии, но все равно он был очень похож на лорда Витинари, а потом появились эти двое, они поколотили Рокки и...

— Я, конечно, ничего не предлагаю, — встрял Хорошагора, — но если эти камни не краденые, я знаю множество местечек, где за них дадут хорошую цену. Даже в такое время суток...

— ...Вели они себя, мягко говоря, невежливо, но я ничего не могла поделать...

— ...В общем, нам не помешали бы деньги прямо сейчас, ведь обстоятельства и все такое...

Только через некоторое время до девушки и гнома дошло, что Вильям их не слушает. Судя по его ничего не выражающему лицу, он словно бы замкнулся в пузыре тишины.

Очень медленно он придвинул бес-органайзер к себе и нажал на клавишу с надписью «Воспроизведение». Внутри кто-то глухо ойкнул.

— ...Ньип-ньяп мап-ньяп ниии-уидлуидлуии...

— Что это за шум? — спросила Сахарисса.

— Так демон вспоминает, — отсутствующим голосом объяснил Вильям. — Как будто проигрывает свою жизнь назад. У меня была когда-то такая штука. Правда, старая модель.

Шум вдруг прекратился.

— И что с нею произошло? — опасливо спросил бесенок.

— Сдал обратно в лавку. Плохо работала.

— Это успокаивает, — сказал бесенок. — Ты поразишься, узнав, как скверно некоторые люди поступали с «Мк-II». Так что с твоим бес-органайзером произошло? Он сломался?

— Да. Вылетел из окна четвертого этажа, — ответил Вильям. — Потому что плохо работал.

Этот демон был гораздо смысленнее других представителей своего вида. Он лихо отдал честь.

— ...Уиии-уидл-уидл ньяп-ньярк... *Проверка... проверка... типа нормально...*

— Это ведь брат Кноп! — воскликнула Сахарисса.

— ...Скажи что-нибудь, господин Тюльпан. — В ответ раздалось раздраженное ворчание сестры Йеннифер: — *Чо я, ять, скажу? Разговаривать с коробкой — это, ять, неестественно... Эта коробка, господин Тюльпан, может оказаться нашим пропуском в счастливую жизнь... А как же, ять, деньги?.. И они тоже, но эта коробочка позволит нам их... Ньип-ньип...*

— Немного вперед, — попросил Вильям.

— ...Уии... ньип... *Собака обладает личностью. А личность многое значит. Кроме того, существуют судебные прецеденты...*

— Это Кривс! — закричал Боддони. — Тот законник!

— И все-таки что мне делать с этими камнями? — спросил Хорошагора.

— ...Ньип-ньип... *Могу добавить к вашему гонорару пять тысяч долларов драгоценными камнями... Ньип... Я хочу знать, кто именно*

отдает нам приказы... Ньип... И не глумите. У моих... клиентов хорошая память и глубокие карманы... — Демон от волнения начал пропускать куски разговора.

Вильям нажал на кнопку «Пауза».

— Кривс давал ему деньги, — подытожил он. — Это Кривс ему платил. И вы слышали про клиентов? Понимаете, что это значит? Этот мертвец был одним из тех, кто напал на Витинари! И у них был ключ от нашего дома?

— Но мы не можем оставить эти деньги себе! — воскликнула Сахарисса.

Вильям снова нажал на кнопку.

— ...Ньип... *Говорят, пока правда надевает башмаки, ложь успеваает весь мир обежать...*

— Мы должны... — начала было Сахарисса. Он снова нажал на кнопку.

— Уиии-уидл-уидл... *...Пока правда надевает башмаки, ложь успеваает весь мир обежать...*

Он еще раз нажал на кнопку.

— Уиии-уидл-уидл... *...Надевает башмаки, ложь успеваает весь мир обежать...*

Он еще раз нажал на кнопку.

— Уиии-уидл-уидл... *...Башмаки, ложь успеваает весь мир обежать...*

— Уиии-уидл-уидл... *...Ложь успеваает весь мир обежать...*

— С тобой все в порядке? — спросила Сахарисса, глядя на словно бы окаменевшего Вильяма.

— Отложенный шок, — прошептал Хорошагора. — С людьми иногда так бывает.

— Господин Хорошагора, — резко произнес Вильям, по-прежнему стоя к ним спиной, — ты сказал, что можешь достать другую отпечатную машину?

— Я сказал, что такая машина стоит...

— ...Горсть рубинов? Или больше?

Хорошагора разжал пальцы.

— Значит, эти камни наши?

— Да!

— Что ж... Стало быть, утром я смогу купить целую дюжину отпечатных машин, но это тебе не за сладостями сбегать...

— Я хочу начать отпечатать листка через полчаса, — перебил Вильям. — Отто, мне нужны иконографии ноги брата Кнопа. И я хочу, чтобы опросили

всех. Цитаты от всех и каждого, включая Старикашку Рона. А еще снимки Ваффлза, Отто. И мне нужна отпечатная машина!

— Я уже говорил, ну где мы, скажи на милость, возьмем в такое время отпечатную...

Пол задрожал. Горы мусора подпрыгнули. Все дружно посмотрели на высокие освещенные окна «Инфо».

Сахарисса, которая глядела на Вильяма широко открытыми глазами, вдруг задышала так тяжело, что Отто застонал, отвернулся и принялся что-то тихонько напевать.

— Вот ваша отпечатная машина! — выкрикнула она. — Осталось только захватить ее!

— Да, но украсть... — неуверенно произнес гном.

— Одолжить, — поправил Вильям. — И половина камней ваши.

У Хорошагоры раздулись ноздри.

— Тогда... — заорал было он, но потом тихо уточнил: — Ты сказал «половина», я не ослышался?

— Да!

— Тогда, парни, за работу!

Один из мастеров «Инфо» вежливо постучал в дверь кабинета господина Карнея.

— А, Поводли? Достабль не появлялся? — спросил владелец «Инфо».

— Нет, господин, но тебя хочет видеть молодая дама. То есть госпожа Резник, — сказал мастер, вытирая руки ветошью.

Карней просиял.

— Что, правда?

— Да, господин. И она в несколько странном состоянии. А с ней этот парень де Словв.

Улыбка Карнея немного поблекла. Он с огромной радостью наблюдал за пожаром из окна, однако у него хватило ума не выходить на улицу. Эти гномы, как он слышал, отличались злобностью и, конечно, обвинили бы во всем его. В действительности господин Карней не имел ни малейшего представления о том, почему начался пожар, но... этого следовало ожидать, не правда ли?

— Что ж, — задумчиво пробормотал он, — настало время гордецам склонить головы...

— Что-что, господин?

— Пропусти их.

Откинувшись на спинку кресла, господин Карней обвел взглядом

разложенные на столе бумаги. Проклятый Достабль! Самое странное, вся его писанина была чем-то похожа на поганые сосиски, которыми он торговал: ты знаешь, что они то самое, чем кажутся на первый взгляд, и тем не менее доедаешь до конца, а потом еще и возвращаешься за добавкой. Однако... сочинять за него всю эту чушь оказалось совсем не легко. У Достабля определенно были способности. Стоило ему придумать какую-нибудь историю о жутком чудовище, якобы замеченном кем-то в озере Гад-парка, как появлялись аж пятеро читателей, готовых поклясться, что они тоже видели чудовище. Обычные люди, ничем не отличающиеся от тех, у которых ты каждый день покупал буханку хлеба... Как ему это удавалось? Стол Карней был завален его собственными, весьма неудачными попытками сочинить нечто подобное. Видимо, нужно было обладать особым вообра...

— О, дорогая Сахарисса, — промурлыкал господин Карней, вставая из-за стола. — Прошу, присаживайся. К сожалению, стула для твоего... друга у меня нет. — Он кивнул Вильяму. — Позволь выразить искренние, глубочайшие соболезнования по поводу случившегося.

— Это ведь твой кабинет, — холодно произнес Вильям. — Выражай все, что угодно.

Внизу замаячили факелы прибывшей на пожарище Стражи. На всякий случай Вильям отошел от окна подальше.

— Вильям, не груби, — упрекнула Сахарисса. — Ронни, ты ведь понимаешь, что мы пришли к тебе именно по этому поводу...

— Неужели? — Карней улыбнулся. — Ты вела себя как глупая маленькая девочка, верно?

— Да... Э... Все наши деньги... — Сахарисса всхлипнула. — Дело в том, что... у нас ничего не осталось! Мы... так старались, так старались, а сейчас все пропало...

Она разрыдалась.

Ронни Карней наклонился над столом и похлопал ее по руке.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Я надеялась... я подумала... быть может... Ты не мог бы позволить нам попользоваться одной из твоих отпечатных машин? Нам нужно всего несколько часов... Только сегодня!

Карней даже отпрянул.

— Что? Да ты с ума сошла!

Сахарисса высморкалась.

— Я боялась, что именно так ты и скажешь, — с горечью произнесла она.

Немного успокоившись, Карней снова наклонился над столом и похлопал ее по руке.

— Я помню, как мы играли вместе, когда были совсем маленькими... — мечтательно произнес он.

— Ну, я бы это играми не назвала, — возразила Сахарисса, копясь в своей сумочке. — Ты гонялся за мной, а я лупила тебя по голове деревянной коровой. А, нашла наконец...

Он бросила сумочку на пол, выпрямилась и навела миниатюрный арбалет покойного господина Кнопа прямо на редактора.

— Дай нам, ять, попользоваться твоей ятской отпечатной машиной, или я, ять, отстрелю твою башку на фиг, ять! — заорала она. — Кажется, так нужно говорить, или я ошибаюсь?

— Ты не посмеешь спустить курок! — взвыл Карней, пытаясь сжаться в комок на своем кресле.

— Корова была такая красивая, и однажды я треснула тебя по голове так сильно, что отломила ей одну ногу, — мечтательно промолвила Сахарисса.

Карней умоляюще посмотрел на Вильяма.

— Может, хоть ты ее образумишь?

— Нам нужна всего одна отпечатная машина, господин Карней. И всего на час, — сказал Вильям. Сахарисса держала арбалет направленным прямо в нос редактору, и на губах ее играла улыбка, которая могла показаться весьма странной. — А потом мы уйдем.

— Что вы собираетесь делать? — хриплым голосом спросил Карней.

— Ну, для начала мы тебя свяжем, — ответил Вильям.

— Нет! Я позову на помощь мастеров!

— Думаю, в данный момент они немного... заняты, — ухмыльнулась Сахарисса.

Карней прислушался. Внизу было необычно тихо. Он обмяк в кресле.

Отпечатники «Инфо» плотным кольцом окружили Хорошагору.

— Значит так, ребята, — сказал гном, — поступим следующим образом. Каждый, кто уйдет сегодня домой, потому что у него заболела голова, получит сто долларов, понятно? По старому клатчскому обычаю.

— А что будет, если мы не уйдем? — спросил один из бригадиров, поднимая с пола киянку.

— Такой случай, — раздался голос у него над ухом, — вы получайте... большую головную боль.

Сверкнула молния, и прогремел гром. Отто триумфально выбросил

вверх кулак.

— О йа! — воскликнул он, когда отпечатники бегом бросились к двери. — Это работайт! Как раз когда нужноватее всего! А ну-ка пробовайт снова... Замок! — Снова прогремел гром. Вампир радостно запрыгал, размахивая фалдами. — Вау! Дас ист фантастиш! Еще раз, но чувствовательнее! Какой огромный... замок!

На сей раз раскаты грома были еще громче. Отто пустился в пляс вне себя от радости, по его серым щекам текли слезы.

— О эта Музыка, В Которой Звучайт Глас Рока! — закричал он.

В тишине, наступившей после громового раската, Вильям достал из кармана бархатный мешочек и высыпал его содержимое на лежащую на столе промокательную бумагу.

Карней выпученными глазами уставился на камни.

— Тут две тысячи долларов, — сказал Вильям. — Если не больше. Наш вступительный взнос в Гильдию. Я просто оставлю это здесь, хорошо? Квитанции не нужно. Мы тебе доверяем.

Карней ничего не ответил — по большей части из-за кляпа. А еще отпечатник для надежности был привязан к креслу.

В этот самый момент Сахарисса спустила курок. И ничего не произошло.

— Должно быть, забыла вставить стрелку, — пожаловалась она, когда Карней потерял сознание. — Вот я дура. Ять. Знаешь, когда я произношу это, мне становится гораздо лучше. Ять. Ятьятьятьятьять. Интересно, что это значит?

Хорошагора с нетерпением смотрел на Вильяма, который, раскачиваясь из стороны в сторону, пытался думать.

— Итак... — сказал Вильям, закрыв глаза и сжав пальцами переносицу. — Заголовок в три строки, как можно шире. Первая строка: «Заговор раскрыт!» Набрал? Следующая: «Лорд Витинари невиновен!»

Он подумал еще немного, но ничего менять не стал. Пусть потом спорят над справедливостью данного утверждения. А сейчас это неважно.

— Ну? — спросил Хорошагора. — А дальше? Следующая строка?

— Я ее написал, — ответил Вильям, передавая вырванную из блокнота страницу. — Заглавными, пожалуйста. Большими. Самым крупным шрифтом. Таким, каким в «Инфо» набираются заголовки об эльфах и самовзрывающихся людях.

— Вот таким? — уточнил гном, протянув руку к кассе с огромными

черными буквами. — Это и есть новости?

— Теперь — да.

Вильям принялся перелистывать назад страницы блокнота.

— А ты не хочешь сначала все записать? — предложил гном.

— Нет времени. Готов? «Заговор с целью незаконного захвата власти в Анк-Морпорке был раскрыт вчера вечером в результате кропотливой оперативно-розыскной деятельности Городской Стражи». С новой строки. «Насколько стало известно „Правде“, двое наемных убийц мужского пола, впоследствии погибшие, были приглашены в наш город, дабы очернить личность лорда Витинари и свергнуть его с поста патриция». С новой строки. «Для того чтобы обманом проникнуть во дворец, они использовали невинного человека, обладающего поразительным сходством с лордом Витинари. Проникнув туда...»

— Погоди, погоди! — воскликнул Хорошагора. — Но ведь Стража так и не разобралась с этим делом! Это *ты* разобрался!

— Я просто сказал, что все эти дни наша Стража кропотливо трудилась. И это чистая правда. Я ведь не обязан сообщать, что стражники ничего не добились. — Гном наградил его немного странным взглядом. — Послушай, очень скоро у меня появится куда больше весьма влиятельных врагов, чем это безопасно для человеческой жизни. Я предпочитаю, чтобы Ваймс злился на меня за то, что я выставил его хорошим, а не за то, что он из-за меня выглядит дураком. Понял?

— И все равно...

— Не спорь со мной!

Хорошагора опасливо замолчал. У Вильяма было *такое* лицо. Эта маленькая коробочка как будто изменила его. Вильям тогда застыл, а очнулся... совсем другим человеком.

Гораздо более раздражительным и куда менее терпеливым. Вот и сейчас его словно бы лихорадило.

— Так... На чем я остановился?

— «Проникнув туда...» — подсказал гном.

— Отлично. «Проникнув туда...» Нет... Пусть будет немного иначе: «„Правда“ выяснила, что лорд Витинари был...» Сахарисса, ты говорила, что человек в подвале был как две капли воды похож на Витинари?

— Да. Прической и абсолютно всем.

— Хорошо. «„Правда“ выяснила, что лорд Витинари был потрясен до глубины души, увидев самого себя, входящего в кабинет...»

— А как мы это выяснили? — спросила Сахарисса.

— Очень просто. Иначе и быть не могло. Да и кто сможет возразить?

Так, о чем я?.. «Однако злодейский замысел был сорван псом лорда Витинари Ваффлзом (16 л.), который отважно бросился на обоих злоумышленников». С новой строки. «Секретарь лорда Витинари Руфус Стукпостук...» Проклятье, я забыл спросить, сколько ему лет... «... Прибежал на шум, но сильнейший удар лишил его сознания». С новой строки. «Нападавшие решили использовать его вмешательство для осуществления...» Какое бы слово подобрать?.. «...Своего наиподлейшего замысла и нанесли Ступостуку удар одним из принадлежащих лорду Витинари кинжалов, имея целью убедить всех, что патриций превратился в кровожадного безумца». С новой строки. «Действуя с поразительным коварством...»

— А ты неплохо наострился, — заметила Сахарисса.

— Не перебивай его, — зашипел на нее Боддони. — Я хочу узнать, что подлецы сделали дальше!

— «...С поразительным коварством, они вынудили фальшивого лорда Витинари...»

— Отличное словечко, просто отличное, — произнес Хорошагора, с безумной скоростью набирая текст.

— Ты уверен, что «вынудили»? — уточнила Сахарисса.

— Они не те... были не из тех людей, что умеют вежливо просить, — отрубил Вильям. — Э... «...Вынудили фальшивого лорда Витинари сделать ложное признание сбежавшимся на шум слугам. Затем все трое, с бесчувственным лордом Витинари на руках и преследуемые разъяренным Ваффлзом (16 л.), спустились по лестнице в конюшню». С новой строки. «В конюшне к тому времени уже была создана вся необходимая обстановка, говорящая о том, что лорд Витинари якобы намеревался ограбить город». Скобка открывается: «Читай расследование в...»

— «Эксклюзивное расследование в...» — поправила Сахарисса.

— Согласен. «...Эксклюзивное расследование в одном из предыдущих выпусков „Правды“». Скобка закрывается. Далее с новой строки. «Однако Ваффлзу удалось бежать, после чего на него началась настоящая охота по всему городу как со стороны Стражи, так и со стороны преступников. Однако верный пес патриция был найден группой движимых заботой об интересах общества горожан, которые...»

Литеры посыпались из рук Хорошагоры.

— Ты имеешь в виду Старикашку Рона и его банду?

— «...Движимых заботой об интересах общества горожан, — повторил Вильям, неистово кивая, — которые прятали его, в то время как...»

Чтобы набрать скорость, в распоряжении холодных зимних бурь была вся равнина Сто. К Анк-Морпорку они подлетали стремительными и буйными, полными злобы.

На сей раз они обрушились на город градом. Куски льда размером с кулак разбивали черепицу на крышах. Забивали сточные канавы и осыпали улицы шрапнелью.

Градины в бессильной злобе колотили по крыше склада на Тусклой улице. Даже разбили стекла в парочке окон.

Вильям расхаживал взад-вперед, перелистывал страницы блокнота и орал во все горло, пытаясь перекрыть шум бури. Затем появился Отто и передал гномам несколько иконографических форм. Потом приковыляла и приползла Нищая Братия, чтобы разнести по городу свежий выпуск.

Вильям замолчал. Последние литеры заняли свое место в отпечатной форме.

— Ну, посмотрим, что у нас получилось, — сказал он.

Хорошагора нанес краску на шрифт, положил сверху лист бумаги и прокатал его валиком. Молча передал Сахариссе.

— Вильям, ты уверен? — спросила она.

— Да.

— Я имею в виду... Некоторые части... Ты уверен, что все это правда?

— Я уверен, что все это журналистика.

— И что это значит?

— Это значит, что в данный момент это правда.

— И тебе известны *имена*?

Некоторое время Вильям медлил с ответом. А потом сказал:

— Господин Хорошагора, ты можешь вставить дополнительный параграф?

— Никаких проблем.

— Хорошо. Тогда набери следующее: «„Правда“ может сообщить, что убийцы были наняты группой известных в городе людей, которую возглавлял...» «„Правда“ может сообщить, что...» — Он сделал глубокий вдох. — Попробуем иначе: «Заговор, как может сообщить „Правда“, возглавлял...» — Вильям покачал головой. — «Улики указывают на то, что заговор...» Гм... «Улики, как может сообщить „Правда“...» «Все улики, как может сообщить „Правда“...» «...Может сообщить...» — Он замолчал.

— Параграф будет длинным? — уточнил Хорошагора.

Вильям с несчастным видом смотрел на еще влажный пробный оттиск.

— Нет, — уныло промолвил он. — Параграфа вообще не будет. Хватит

и этого. Вставь только строку, в которой говорится, что «Правда» готова дать показания Страже с целью оказания помощи в проведении расследования.

— Показания? Мы что, в чем-то виноваты? — изумился Хорошагора.

— Пожалуйста, сделай, как я прошу.

Вильям скомкал оттиск, бросил его на верстак и направился куда-то за отпечатную машину.

Через несколько минут Сахарисса нашла его. В отпечатне было много укромных мест, которыми в основном пользовались те, чья работа требовала уединения, чтобы перекурить и подумать. Вильям сидел на пачке бумаги и смотрел в пустоту.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — спросила она.

— Нет.

— Ты знаешь, кто участвовал в заговоре?

— Нет.

— Тогда, быть может, следовало написать, что у нас имеются определенные подозрения насчет участвовавших в заговоре личностей?

Он сердито посмотрел на нее.

— Пытаешься отточить на мне свое журналистское мастерство?

— Ага, значит, мне полагается оттачивать его на ком угодно, только не на тебе? — фыркнула она, присаживаясь рядом.

Вильям рассеянно нажал кнопку на бес-органайзере.

— Уии-уидл... *Ложь успеваеt весь мир обежать...*

— Ты, наверное, не больно-то ладил с о...

— Ну и как я должен поступить? — перебил ее Вильям. — Это его любимое изречение. По его словам, оно доказывает, насколько доверчивы люди. Эти двое жили в нашем доме. Он увяз по самое горло!

— Да, но, может, он просто... оказывал кому-то услугу?

— Если мой отец и участвует в чем-либо, то только на главных ролях, — решительно заявил Вильям. — Не знать этого — значит не знать де Словвов. Мы не вступаем в команды, если не можем стать их капитанами.

— Но поселить убийц в собственном доме — это немного глупо...

— Не глупо, а очень, очень нагло, — возразил Вильям. — Мы всегда были «привилегированными», понимаешь? А слово «привилегия» расшифровывается с латинского как «частный закон». Отец всегда считал, что обычные законы к нему не относятся. Всегда считал, что они просто не могут его касаться. Считал, что достаточно громко прикрикнуть, чтобы они перестали его касаться. Такое поведение традиционно для де Словвов, и в этом мы преуспели. Кричать на людей, поступать по

собственным правилам, игнорировать общепризнанные законы. Это стиль жизни де Словвов. По крайней мере, так было до того, как появился я.

Сахарисса прилагала все усилия, чтобы лицо не выдало ее.

— Чего-чего, а такого я не ожидал... — закончил Вильям, вертя коробочку в руках.

— Ты сам говорил, что хочешь докопаться до истины.

— Но не до такой же! Вероятно... я что-то не так понял. Наверняка. Даже мой отец не может быть таким... *тупым*. Я должен выяснить, как все происходило в действительности.

— Ты что, собираешься поговорить с ним? — ужаснулась Сахарисса.

— Собираюсь. Он уже, наверное, знает, что все кончено.

— Но тебе нельзя идти туда одному!

— Мне нельзя туда идти с кем-либо, — отрезал Вильям. — Послушай, ты еще не знаешь, какие у моего отца друзья. Они созданы для того, чтобы отдавать приказы, они абсолютно уверены в том, что всегда поступают правильно, ведь если они так поступают, это должно быть правильным по определению, а когда они чувствуют угрозу, то готовы драться голыми руками, правда не снимая перчаток. Они настоящие головорезы. Головорезы и громилы, причем наихудшего сорта, потому что не умеют трусить и, почувствовав сопротивление, лишь начинают бить сильнее. Они выросли в мире, в котором ты можешь просто... исчезнуть, если начинаешь доставлять им слишком много неприятностей. Ты считаешь Тени дурным районом? Значит, ты понятия не имеешь, что происходит в Парковом переулке! А мой отец — один из худших. Но я член семьи. Мы... дорожим своей семьей. Поэтому со мной все будет в порядке. А ты останься здесь и помоги выпустить листок, хорошо? Полуправда лучше, чем ничего, — добавил он с горечью.

— Что это с ним происходит? — спросил подошедший Отто, глядя вслед Вильяму, который широким шагом покинул отпечатаю.

— Он... Он решил навестить отца, — растерянно ответила Сахарисса. — Который, очевидно, не очень приятный человек. И Вильям очень... раздражен. И весьма огорчен.

— Прошу прощения, — раздался чей-то голос. Девушка оглянулась по сторонам, но никого не увидела.

Затем она услышала усталый вздох.

— Да нет, внизу, — произнес тот же голос. Она опустила взгляд и увидела уродливого розового пуделя.

— Вот только давай не будем ходить вокруг да около, — предложил песик. — Да-да, собаки не умеют разговаривать. Еще раз повторили, все

ясно и понятно. Значит, это у тебя вдруг открылись невиданные психические способности. Так или иначе, разобрались. Я не мог не подслушивать, потому что слушал. Пареньку грозят большие неприятности. Я их *нюхом* чую.

— Ты какой-то особенный вервольф? — спросил Отто.

— Да, конечно, и раз в месяц, в полнолуние, становлюсь ужасно лохматым, — раздраженно буркнул песик. — Представляешь, как это вредит моей общественной жизни? Ладно, замяли...

— Но собаки определенно не умеют разговаривать... — сказала Сахарисса.

— Ай-ай-ай! — воскликнул Гаспод. — А я что, утверждал, будто бы умею разговаривать?

— Ну, не то чтобы утверждал...

— Вот именно. Феноменология — замечательная наука. Только что я видел, как за дверь вышли аж целых сто долларов, и я хочу, чтобы они вернулись, понятно? Лорд де Словв — самый гнусный тип из тех, что живут в этом городе.

— Ты знаком с аристократами? — спросила Сахарисса.

— Кошке ведь дозволяется смотреть на короля? Это разрешено *законом*.

— Ну, наверное...

— Значит, это правило распространяется и на собак. Должно распространяться, если распространяется на этих блохастых подлиз. Неважно. Я тут всех знаю. Лорд де Словв — подонок из подонков. Это он науськал своего дворецкого кормить бродячих собак отравленным мясом.

— Но... он ведь ничего не сделает Вильяму, верно?

— Я бы на это не ставил, — фыркнул Гаспод. — Но давай так договоримся: если с Вильямом что-то случается, мы все равно получаем свою сотню. Лады?

— Мы не имейт права вставайт сторона, — вмешался Отто. — Вильям мне приходит по душам. Он получайт хорошее воспитание, но делает все, чтобы оставайся хорошим человеком. Даже без какао и песнопеваний. Но против природы трудно спорийт. Мы обвязаны... помогайт ему.

Смерть поставил последние песочные часы обратно на воздух, и они медленно исчезли.

— НУ КАК? — спросил он. — ПРАВДА ИНТЕРЕСНО? И ЧТО ДАЛЬШЕ, ГОСПОДИН ТЮЛЬПАН? ТЫ ГОТОВ ОТПРАВИТЬСЯ В ПУТЬ?

Фигура сидела на холодном песке, уставившись в пустоту.

— ГОСПОДИН ТЮЛЬПАН? — повторил Смерть. Его балахон, развеваемый ветром, напоминал длинную, узкую полосу тьмы.

— Я должен... очень сильно жалеть, да?

— О ДА. КАКОЕ ПРОСТОЕ СЛОВО. НО ЗДЕСЬ ОНО ИМЕЕТ... ЗНАЧЕНИЕ. ЗДЕСЬ ОНО... ВЕЩЕСТВЕННО.

— Да, знаю. — Господин Тюльпан поднял голову, его глаза были красными, а лицо опухло. — Наверное, чтобы... настолько сильно раскаяться, нужно, ять, постараться.

— ДА.

— И сколько у меня времени?

Смерть поднял взгляд на странные звезды.

— ВСЕ ВРЕМЯ НА СВЕТЕ.

— Да... Может, так мне, ять, и надо. Может, к тому времени уже не станет мира, в который я смогу вернуться.

— НАСКОЛЬКО МНЕ ИЗВЕСТНО, ВСЕ ПРОИСХОДИТ НЕСКОЛЬКО ИНАЧЕ. КАК Я ПОНИМАЮ, ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ. КТО СКАЗАЛ, ЧТО ЖИЗНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМИ?

— То есть... я могу стать живым еще до своего рождения?

— ДА.

— Может, я сумею отыскать и убить себя, — пробормотал господин Тюльпан, уставившись на песок.

— НЕТ. ПОТОМУ ЧТО ТЫ НЕ УЗНАЕШЬ СЕБЯ. КРОМЕ ТОГО, ВОЗМОЖНО, У ТЕБЯ БУДЕТ СОВСЕМ ИНАЯ ЖИЗНЬ.

— Это хорошо...

Смерть похлопал господина Тюльпана по плечу, и тот вздрогнул от его прикосновения.

— А ТЕПЕРЬ Я ДОЛЖЕН ТЕБЯ ОСТАВИТЬ...

— Хорошая у тебя коса, — медленно, с трудом произнес господин Тюльпан. — Ни разу не видел такой изумительной работы по серебру.

— СПАСИБО, — поблагодарил Смерть. — МНЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПОРА УХОДИТЬ. НО Я ИНОГДА БУДУ ПРОХОДИТЬ МИМО. МОЯ ДВЕРЬ, — добавил он, — ВСЕГДА ОТКРЫТА.

И зашагал прочь. Одинокая сутулая фигура господина Тюльпана быстро скрылась в темноте, но буквально тут же появился еще один человек. Кто-то бежал как сумасшедший по не-совсем песку.

Бежал и размахивал картофелиной на веревочке. Увидев Смерть, вновь прибывший остановился, а потом, к немалому удивлению Смерти,

обернулся и посмотрел назад. Такого еще не случалось. Как правило, люди, встретившись лицом к лицу со Смертью, сразу переставали волноваться о том, что осталось позади.

— За мной никто не гонится? Ты никого не видишь?

— Э... НЕТ. А ТЫ КОГО-ТО ЖДЕШЬ?

— Ага. Никого, значит... Это здорово! — обрадовался господин Кноп, расправляя плечи. — Ага! Ха! Глянь, у меня есть картофелина.

Смерть прищурился и достал из недр своего балахона песочные часы.

— ГОСПОДИН КНОП? ПОНЯТНО... ВОТ И ВТОРОЙ. Я ТЕБЯ ЖДАЛ.

— Да, это я, и у меня есть картофелина, вот! И я обо всем сожалею и очень раскаиваюсь!

Господин Кноп чувствовал себя совершенно спокойным. В горах безумия плато здравости — крайне редкое явление.

Смерть смотрел на расплывшееся в безумной улыбке лицо.

— СОЖАЛЕЕШЬ, ЗНАЧИТ?

— О да!

— ОБО ВСЕМ?

— Конечно!

— В ТАКОЕ ВРЕМЯ? В ТАКОМ МЕСТЕ? ТЫ ЗАЯВЛЯЕШЬ О ТОМ, ЧТО СОЖАЛЕЕШЬ?

— Вот именно. Ты сразу усек. А ты смысленый. Если бы ты еще мог подсказать мне, как вернуться...

— А ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ПОДУМАТЬ ЕЩЕ РАЗ?

— Никаких споров. Я готов получить по заслугам. Сполна, так сказать, — объявил господин Кноп. — У меня есть картофелина. Вот, смотри.

— Я ВИЖУ, — ответил Смерть.

Он достал из недр балахона свою миниатюрную копию. Только из-под крошечного капюшона на Кнопа воззрился крысиный череп.

Смерть усмехнулся.

— ПОЗДОРОВАЙСЯ С МОИМ МАЛЕНЬКИМ ДРУГОМ, — сказал он.

Смерть Крыс протянул костлявую лапку и вырвал из рук Кнопа шнурок с картофелиной.

— Эй...

— НЕ СТОИТ ТАК ДОВЕРЯТЬ КОРНЕПЛОДАМ. ИНОГДА ВСЕ СОВСЕМ НЕ ТАК, КАК КАЖЕТСЯ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД, — продолжил Смерть. — ТЕМ НЕ МЕНЕЕ НИКТО НЕ ПОСМЕЕТ ОБВИНИТЬ МЕНЯ В ТОМ, ЧТО Я НЕ ЧТУ ЗАКОНЫ. — Он щелкнул пальцами. — ИДИ ЖЕ

ТУДА, КУДА ТЕБЕ НАЗНАЧЕНО.

На мгновение полыхнул синеватый свет, и удивленный Кноп вдруг исчез.

Вздохнув, Смерть покачал головой.

— В ТОМ, ПЕРВОМ, БЫЛО ЧТО-ТО... ЧТО МОГЛО БЫ БЫТЬ ЛУЧШЕ, — сказал он. — НО ЭТОТ... — Он снова глубоко вздохнул. — КТО ЗНАЕТ, КАКОЕ ЗЛО ТАИТСЯ В СЕРДЦАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ?

Смерть Крыс перестал грызть картофелину и посмотрел на своего хозяина.

— ПИСК, — сказал он. Смерть лишь махнул рукой.

— КОНЕЧНО, КОМУ ЖЕ, КАК НЕ МНЕ, ЭТО ЗНАТЬ... — промолвил он. — ПРОСТО Я НА МГНОВЕНИЕ ПОДУМАЛ... А ВДРУГ ЕСТЬ ЕЩЕ КТО-НИБУДЬ?

Перебегая от одной подворотни к другой, Вильям тем не менее понимал, что машинально выбирает самый длинный путь. Наверное, потому, что ему очень не хотелось *прийти*, как предположил бы Отто.

Буря немного стихла, но мелкие злые градины еще били по шляпе. Сточные канавы и всю мостовую усеивали их крупные товарки, выпавшие в первые минуты бешеной атаки бури. Телеги буксовали, а редкие прохожие с трудом передвигались по улицам, стараясь держаться стен.

Несмотря на бушевавшее в голове пламя, Вильям достал свой блокнот и записал: «Грдж блш мча дл глфа?» — и отметил про себя, что на всякий случай неплохо бы сравнить. Он уже начинал понимать, что его читатели могут весьма снисходительно относиться к вине политиков, но готовы с пеной у рта спорить о том, какая на самом деле была погода.

Следующую остановку Вильям сделал у Бронзового моста, спрятавшись под брюхом одного из гигантских гиппопотамов. Градины истязали поверхность реки, и воздух наполняли тысячи тонких чавкающих звуков.

Ярость постепенно ослабевала.

На протяжении большей части жизни лорд де Словв был для Вильяма некой далекой фигурой, глядящей в окно своего кабинета, стены которого были заставлены шкафами с ни разу не читанными книгами, в то время как сам Вильям, потупив взор, рассматривал хороший, но протертый до дыр ковер и выслушивал... если задуматься, в основном всякие гадости, суждения господина Крючкотвора, облаченные в более дорогие слова.

А хуже всего, пожалуй, хуже всего на свете было то, что лорд де Словв никогда не ошибался. Это абсолютно выпадало из его системы координат,

не соответствовало его личной географии. Люди, придерживавшиеся противоположной точки зрения, несли опасность для общества, были безумцами или вообще не были людьми как таковыми. С лордом де Словвом нельзя было спорить. По крайней мере, в обычном понимании этого слова. Спор подразумевает разные мнения, обсуждение оных и, наконец, согласие с той или иной точкой зрения, каковая будет наиболее разумной. Лорд де Словв никогда не спорил. Он отчитывал. Устраивал выволочку. Отповедь. Нагоняй.

Ледяная вода капала со статуи прямо Вильяму за шиворот.

Лорд де Словв произносил слова таким тоном и с такой громкостью, что они превращались в кулаки, но к физическому насилию он никогда не прибегал.

Для этого у него были специальные люди.

Еще одна полурастаявшая градина прокатилась по спине Вильяма.

И все-таки... даже его отец не мог вести себя настолько глупо.

«А может, — подумал Вильям, — стоит рассказать обо всем Страже? Прямо сейчас?» Но что бы там ни говорили о Ваймсе, у него была всего лишь горстка верных людей и великое множество влиятельных врагов. Врагов, чьи семейные традиции уходили корнями в глубь тысячелетий и чье благородство было действительно исключительным, поскольку встречалось лишь в собачьих драках.

Нет. Он — де Словв. А Стража нужна другим людям, тем, кто не способен решить свои проблемы собственными силами. Да и что такого плохого может еще случиться, кроме всего того, что уже произошло?

«О да, произошло столько событий, — думал он, продолжая путь. — Столько всякого... страшного. Даже не знаю, что было хуже всего...»

Целая галактика свечей горела в центре пола. В покрытых пятнами, развешенных по стенам зеркалах они были похожи на стайку светящихся глубоководных рыб.

Вильям прошел мимо перевернутых кресел. Впрочем, одно кресло стояло сразу за границей освещенного круга.

— А... Вильям, — произнесло кресло.

А потом лорд де Словв распрямил свою тощую фигуру, поднялся из уютных кожаных объятий и вышел на свет.

— Отец, — кивнул Вильям.

— Я так и думал, что ты придешь. Твоей матери тоже всегда нравился этот дом. Конечно... в те дни все было иначе.

Вильям ничего не ответил. Все и вправду было иначе.

— Наверное, этому безумию стоит положить конец, как считаешь? — продолжил лорд де Словв.

— По-моему, ему уже положен конец.

— Сомневаюсь, что ты имеешь в виду то же, что и я, — улыбнулся лорд де Словв.

— Я не знаю, что именно ты имеешь в виду, — сказал Вильям. — Я просто пришел, чтобы услышать от тебя правду.

Лорд де Словв вздохнул.

— Правду? Я поступал в интересах города, и тебе это известно. Когда-нибудь ты поймешь меня. Лорд Витинари лишь губит наш город.

— Да... Именно так все и начинается... — промолвил Вильям, удивляясь собственной выдержке, ведь в голосе его не было и следа дрожи. — С подобных слов. «Я хотел как лучше», «цель оправдывает средства», одни и те же слова каждый раз.

— Разве ты не согласен, что пора выбрать правителя, который прислушивался бы к мнению людей?

— Возможно. Но о каких конкретно людях ты говоришь?

Выражение снисходительности исчезло с лица лорда де Словва. Оно и так продержалось там довольно долго.

— И ты собираешься написать обо всем в этом своем помойном листке?

Вильям промолчал.

— Ты не сможешь ничего доказать и прекрасно понимаешь это.

Вильям шагнул на свет, и лорд де Словв увидел в его руке блокнот.

— У меня достаточно доказательств. По крайней мере, на данный момент. Остальными доказательствами будет заниматься... Стража. Ты знаешь, что люди называют Ваймса «терьером Витинари»? Терьеры копают и копают. И никогда не сдаются.

Лорд де Словв положил руку на эфес своей шпаги.

И вдруг Вильям услышал собственные мысли: «Спасибо, спасибо тебе, ведь я не верил, до самого последнего момента не верил...»

— У тебя что, совсем нет чести? — спросил лорд де Словв прежним спокойным голосом, от которого люди, как правило, приходили в бешенство. — Хорошо, пиши, и будь проклят. Вместе со своей Стражей. Мы не приказывали...

— Конечно не приказывали, — перебил Вильям. — Полагаю, ты просто сказал: «Сделайте вот так и вот так», а о деталях предоставил заботиться людям, подобным Кнопу и Тюльпану. Эти кровавые руки ты держал подальше от себя, чтобы не испачкаться.

— На правах твоего отца я приказываю тебе прекратить...

— Обычно ты приказывал мне говорить правду.

Лорд де Словв выпрямился во весь рост.

— О, Вильям, *Вильям*. Не будь таким наивным.

Вильям закрыл блокнот. Слова приходили гораздо легче. Он прыгнул с крыши дома и понял, что умеет летать.

— Скажи, какую правду ты имеешь в виду сейчас? Правду, настолько ценную, что ее нужно окружить караульными лжи? Правду, которая может показаться более странной, чем вымысел? Или правду, которая все еще надевает башмаки, пока ложь обегает весь мир? — Вильям сделал шаг вперед. — Это ведь твое любимое изречение. Впрочем, неважно. Думаю, господин Кноп пытался тебя шантажировать, и знаешь, я поступлю так же, каким бы наивным я тебе ни казался. Ты уедешь из города. Немедленно. Вряд ли с этим возникнут какие-то трудности. И тебе остается лишь надеяться, что ни со мной, ни с теми, с кем я работаю, ни с моими знакомыми ничего плохого не случится.

— Ты теперь указываешь мне, что делать?

— Немедленно! — закричал Вильям так громко, что лорд де Словв отшатнулся. — Ты не только обезумел, но и оглох? Ты уедешь немедленно и никогда не вернешься, потому что, если ты вернешься, я опубликую все произнесенные тобой слова. Все до последнего! — Вильям выхватил из кармана бес-органайзер. — Все до последнего! Слышишь меня? И даже господину Кривсу не удастся подмазать всех, чтобы выручить тебя. У тебя хватило наглости, тупой наглости использовать наш дом! Да как ты посмел?! Убирайся из города! И либо вытащи шпагу из ножен, либо уברי... руку... с... эфеса!

Он замолчал, чтобы перевести дух, и вытер раскрасневшееся лицо.

— Правда надела башмаки, — продолжил Вильям. — И скоро начнет лягаться. — Он прищурился. — *Я сказал: уברי руку с эфеса!*

— Как глупо, как глупо. А я ведь считал тебя своим сыном...

— Да, конечно, я об этом чуть не забыл, — фыркнул Вильям, неудержимо влекомый вперед яростью. — Знаешь, у гномов есть один обычай... О нет, конечно не знаешь, ведь ты не считаешь их достойными твоего внимания. Но я знаком с некоторыми из них и...

Он достал из кармана бархатный мешочек и бросил его на пол отцу под ноги.

— Что это такое? — спросил лорд де Словв.

— Больше двадцати тысяч долларов или около того. Оценивали эксперты, — ответил Вильям. — У меня не было времени выяснить точнее,

и я не хочу, чтобы ты считал меня нечестным, поэтому округлил в меньшую сторону. Этого должно хватить, чтобы оплатить все эти годы. Оплатить сделанное тобой для меня. Учебу, одежду и так далее. Должен признаться, ты весьма халтурно справился со своей задачей, учитывая то, что конечным результатом стал я. И теперь я выкупаю себя у тебя, понятно?

— Понятно. Эффектный жест. Но неужели ты действительно считаешь, что семейные отношения строятся только на деньгах? — уточнил лорд де Словв.

— Считаю, и вся история нашей семьи подтверждает мою точку зрения. На деньгах, земле и титулах, — сказал Вильям. — Насколько я помню, нам ни разу не удалось заключить брак с кем-либо, у кого нет по крайней мере двух вещей из трех перечисленных.

— Дешевый укор. Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Не знаю, понимаю ли, — пожал плечами Вильям. — Но знаю, что всего несколько часов назад нашел эти деньги на трупе человека, который пытался меня убить.

— Пытался тебя убить?

В голосе лорда впервые проступили нотки неуверенности.

— Да. Ты удивлен? — улыбнулся Вильям. — Когда подбрасываешь что-нибудь вверх, всегда сначала подумай, куда оно потом упадет...

— Да, ты действительно не понимаешь, — вздохнул лорд де Словв.

Он подал едва заметный знак рукой, и Вильям увидел, как тени отделились от еще более темных теней. Он помнил, что управлять именами де Словвов можно было только с помощью огромного числа наемных работников, и это касалось любого аспекта жизни. Работниками становились, как правило, крепкие парни в круглых шлемах, которые умели вышвыривать людей на улицу, лишать имущества, ставить ловушки на человека...

— Вижу, ты несколько переутомился, — продолжил отец, когда тени приблизились. — И думаю, тебе сейчас пойдет на пользу... ну да, конечно, небольшое морское путешествие. На острова Тумана или, возможно, на Четыре-Икса. Или на Бхангбхангдук. Насколько я знаю, молодые люди, не боящиеся замарать руки, до сих пор могут сделать там состояние. Здесь тебя определенно не ждет... ничего хорошего.

Вильям оглядел четверых мужчин. Он как-то видел их в имении. Кажется, у всех четверых были простые имена, типа Дженкс или Фикс. Люди с простыми именами, люди без прошлого.

— Господин Вильям, веди себя разумно, и все пройдет тихо и гладко,

— предупредил один из слуг.

— Ты будешь регулярно получать небольшие суммы, — сообщил лорд де Словв. — На них ты сможешь вести привычный образ жизни...

С невидимого в темноте потолка, кружась, как кленовые листья, посыпались хлопья пыли.

Они опустились на пол рядом с бархатным мешочком.

Над головами тихо зазвенела закрытая чехлом люстра.

Вильям посмотрел вверх.

— О нет, — пробормотал он. — Пожалуйста, только никого не убивай!

— Что?.. — изумился лорд де Словв.

Отто Шрик спрыгнул на пол и вскинул руки на манер когтистых лап.

— Гутен абенд! — поздоровался он с ошеломленными работниками лорда де Словва. Потом посмотрел на свои руки. — О, что йа себе позволяйт! — Сжав пальцы в кулаки, он принял боксерскую стойку и затанцевал с ноги на ногу. — Поднимайт свои руки, йа вызывайт вас на традиционный анк-морпоркский кулачный бой!

— Поднять руки? — переспросил мужчина, вскидывая дубину. — А как тебе вот это?

Прямой удар в челюсть, нанесенный Отто, сбил его с ног. Слуга, перевернувшись в воздухе, упал на спину и заскользил по полированному полу. Отто развернулся так быстро, что на мгновение потерял отчетливые очертания, и сочным ударом сбил с ног еще одного слугу.

— Что вы делает? Что делает? Йа вызывайт вас на цивилизованный кулачный бой, а вы не хотите драться? — спросил он, прыгая взад и вперед, как боксер-любитель. — Теперь ты, герр, показывайт, на что приспособлен...

Кулаки замелькали так быстро, что стали невидимыми, а противник Отто задрожал, как боксерская груша. Когда он упал, Отто выпрямился и как-то рассеянно нанес боковой удар в подбородок бросившегося на него четвертого слуги. Прежде чем упасть, тот эффектно перевернулся в воздухе.

На все это Отто потребовалось несколько секунд. А потом ошеломленный Вильям вдруг пришел в себя и крикнул, предупреждая Отто... Но опоздал.

Отто опустил взгляд на клинок, глубоко вонзившийся в его грудь.

— О, вы только посмотрейт! — воскликнул он. — С моей работа рубашка хватайт всего на два дня.

Он повернулся к попятившемуся лорду де Словву и громко хрустнул суставами пальцев.

— Убери *это* от меня! — закричал его светлость. Вильям покачал головой.

— О, вот как? — сказал Отто, подходя все ближе. — Ты имейт меня как нечто неодушевленное? Тогда позволяйт мне действовать соответствующе.

Он схватил лорда де Словва за лацканы и поднял высоко вверх на вытянутой руке.

— Моя родина тоже имейт подобные люди, — сообщил он. — Они управляют толпой. Йа ехают сюда, в Анк-Морпорк, потому что меня уверяйт: здесь все иначе, но везде одно и то же. Везде присутствуйт такие, как ты! Ну и что йа вам делает?

Второй рукой он сорвал со своего лацкана черную ленточку.

— Все равно йа ненавидейт какао!

— Отто!

Вампир обернулся.

— Йа, Вильям? Что ты хотейт?

— Это зашло слишком далеко.

Лорд де Словв побледнел. Вильям никогда не видел отца таким испуганным.

— О? Ты считайт? Думайт, йа его покусайт? Тебя покусайт, герр светлость? Думаю, найн, потому что Вильям хорошо ко мне относийтся. — Он согнул руку, и лицо лорда де Словва оказалось всего в нескольких дюймах от лица вампира. — А может, йа спросийт себя, заслуживайт ли йа такое отношение? Или, может, спросийт себя, кто ист лучше — йа или ты?

На пару секунд Отто задумался, а потом рывком притянул отца Вильяма к себе.

Крайне деликатно он поцеловал лорда де Словва в лоб. После чего опустил дрожащего лорда обратно на пол и погладил его по голове.

— По чести говорийт, какао не ист такой уж плохой, да и девушка на фисгармонии иногда мне подмигивайт... — усмехнулся Отто, отходя в сторону.

Лорд де Словв открыл глаза и посмотрел на Вильяма.

— Да как ты посмел...

— Заткнись, — оборвал его Вильям. — Сейчас я скажу тебе, что будет дальше. Никаких имен я называть не стану. Я так решил. Не хочу, чтобы мать узнала, что ее муж — предатель. Кроме того, я помню о Руперте и о сестрах. Да и о себе не забываю. Я защищаю наше доброе имя. Наверное, я поступаю неправильно, но тем не менее именно так я поступлю. Я собираюсь послушаться тебя еще один раз. Просто не скажу правду. Или

скажу не всю правду. Кроме того, я уверен, что люди, которые захотят разобраться, и без моей помощи все выяснят, причем достаточно быстро. И, смею тебя заверить, предпочтут решить проблему тихо, не поднимая шума. Примерно так же, как ты собирался ее решить.

— Предатель?.. — прошептал лорд де Словв.

— Так скажут люди.

Лорд де Словв кивнул. У него было лицо человека, пробудившегося от какого-то очень дурного сна.

— Я не могу взять у тебя деньги, — сказал он. — Желаю, чтобы они принесли тебе удачу, сын мой. Потому что теперь у меня не осталось никаких сомнений: ты — настоящий де Словв. Всего тебе доброго.

Он повернулся и пошел прочь. Через несколько секунд со скрипом открылась дверь, а потом тихо закрылась.

Вильям, пошатываясь, доковылял до колонны. Его трясло. Мысленно он прокрутил встречу с отцом. И где были его мозги?

— Вильям, ты порядок? — спросил Отто.

— Меня сейчас стошнит, а так... все в порядке. Свет не видывал такого тупоголового, упрямого, эгоистичного, наглого...

— О, ты имейт много-много времени исправляться, — успокоил Отто.

— Я говорил об отце.

— А.

— Всегда так уверен в своей правоте...

— Извиняйт меня, мы по-прежнему разговаривайт про твой отец?

— Ты хочешь сказать, я очень на него похож?

— О, найн. Совсем другой. Абсолютно другой. Никакого сходчества.

— Не стоит заходить так далеко, я все понял! — рывкнул он и тут же замолчал. — Кстати, я сказал тебе спасибо?

— Найн.

— Понятно...

— Но ты обращайт на это внимание, значит, все полный порядок, — успокоил Отто. — Каждый день по чуть-чуть, хоть в чем-то, мы становийтся лучше и лучше. Кстати, ты не мог бы помогайт вытаскивать эта шпага? Лишь полный идиот пытайся убить вампира шпагой. Только белье портить.

— Да, давай помогу... — Вильям крайне осторожно вытащил клинок.

— Иа имейт право включать рубашка в рабочие расходы?

— Думаю, что да.

— Гут. Что ж, все хорошо кончается, и наступайт время дарить призы и медали, — весело произнес вампир, поправляя жилетку. — Какие еще

проблемы имеют место?

— О, лично у меня проблемы только начинаются, — вздохнул Вильям.
— Думаю, не пройдет и часа, как я окажусь в лапах Стражи.

На самом деле уже через сорок три минуты Вильям давал Страже показания с целью Оказания Помощи в проведении того, что у стражников называлось Расследованием.

Сидевший напротив него за столом главнокомандующий Стражей Ваймс уже в который раз перечитывал «Правду». Вильям знал, что Ваймс специально тянет время, заставляя его понервничать.

— Я могу объяснить смысл самых длинных слов, если они вам непонятны, — предложил он.

— Просто здорово, — откликнулся Ваймс, не обращая внимания на его едкое замечание. — Но я хочу знать больше. Мне нужны *имена*. Думаю, ты знаешь *имена*. Где эти люди встречались? И так далее. Я хочу знать все.

— Кое-что и для меня осталось тайной, — ответил Вильям. — У вас сейчас более чем достаточно доказательств, чтобы освободить Витинари.

— Я хочу знать больше!

— Но от меня вы этого не узнаете.

— Перестань, господин де Словв. Мы на одной стороне!

— Нет. Мы на разных сторонах, которые сегодня случайно совпали.

— Господин де Словв, чуть раньше ты совершил нападение на одного из моих офицеров. Ты понимаешь, какие серьезные неприятности тебе уже грозят?

— Я думал о вас лучше, господин Ваймс, — пожал плечами Вильям.
— Вы хотите сказать, что я совершил нападение на офицера в форме? На офицера, который представился мне?

— Осторожно, господин де Словв.

— Командор, меня преследовал оборотень. Я принял меры, чтобы... причинить ему неудобства, которые помешали бы преследовать меня. Вы хотите устроить публичное обсуждение этого вопроса?

«Я веду себя как наглый, лживый, высокомерный паскудник, — подумал Вильям. — И у меня это *хорошо* получается».

— Значит, ты не оставляешь мне выбора. Я вынужден арестовать тебя за укрывательство...

— Я требую законника! — заявил Вильям.

— Правда? И чье имя приходит тебе на ум в такое время суток?

— Господина Кривса.

— Кривса? Думаешь, он станет тебя защищать?

— Нет. Я *знаю*, что он будет меня защищать. Уж поверьте мне.

— Да неужели?

— Честное слово.

— Может, хватит, а? — вдруг улыбнулся Ваймс. — Ну зачем нам все это? Долг гражданина — помогать Страже, не правда ли?

— Не знаю. Знаю только, что *Стража* так считает. Однако я не видел, чтобы это было где-то написано, — возразил Вильям. — И я никогда, кстати, не знал, что Стража имеет право следить за ни в чем не повинными людьми.

Улыбка застыла на лице командора.

— Это было для твоего же блага, — проворчал Ваймс.

— Значит, вы по долгу своей службы имеете право определять, что идет мне на благо, а что — нет?

И все же Ваймс был не лыком шит.

— Я не позволю водить себя за нос, — сказал он. — У меня есть все основания полагать, что ты скрываешь важную информацию о совершенном в городе тяжком преступлении, а это нарушение закона.

— Господин Кривс что-нибудь придумает. Найдет прецедент, готов поспорить. Если понадобится, перевернет все архивы. Все наши патриции были щедры на прецеденты. Господин Кривс будет копать и копать. Год, два, три. Именно этим он добился положения, которое сейчас занимает.

Ваймс наклонился над столом.

— Только между нами. И без твоего блокнота, — пробормотал он. — Господин Кривс — хитрющий и подлый мертвяк. Он любой закон свернет в трубочку и засунет тебе туда, где солнце не светит.

— Ага, — кивнул Вильям. — И он мой законник. Гарантирую.

— Но с чего бы господину Кривсу выступать на *твоей* стороне? — спросил Ваймс, не спуская глаз с Вильяма.

Вильям тоже смотрел ему прямо в глаза. «Все верно, — сказал он про себя. — Я настоящий сын своего отца. И мне остается лишь *пользоваться* этим».

— А может, он просто честный человек? — предположил Вильям. — Вы собираетесь посылать за ним гонца? Если нет, вам остается только одно: отпустить меня.

Не отводя взгляда, Ваймс протянул руку к переговорной трубке, висящей на боковой стенке стола. Дунув в трубку, он прижал ее к уху. Из трубки донесся звук, похожий на писк мыши, умоляющей о пощаде на другом конце канализационной трубы.

— Йата випси пойтл свуп?

Ваймс поднес трубку к губам.

— Сержант, пришли кого-нибудь отконвоировать господина де Словва в камеру.

— Свидл юмиюмпвипвипвип?

Ваймс вздохнул и повесил трубку обратно на крючок. Потом вышел из-за стола и открыл дверь.

— Фред, пришли кого-нибудь отконвоировать господина де Словва в камеру! — заорал он. — Пока назовем это предварительным заключением с целью защиты ценного свидетеля, — добавил он, повернувшись к Вильяму.

— Защиты меня от кого?

— Ну, например, я чувствую непреодолимое желание врезать тебе по уху, — ответил Ваймс. — И очень подозреваю, что не один такой. Однако не все могут похвастать моим самообладанием.

В камере было тихо и спокойно. Койка оказалась удобной. Стены были испещрены надписями, и некоторое время Вильям потратил на исправление орфографических ошибок.

Потом дверь открылась. Констебль с каменным лицом отконвоировал Вильяма назад в кабинет Ваймса.

Там уже сидел господин Кривс. С его стороны Вильям удостоился безразличного кивка. На столе командора лежала тонкая и тем не менее производящая солидное впечатление пачка бумаг, а сам Ваймс выглядел слегка помятым.

— Я надеюсь, — сказал господин Кривс, — господин де Словв может быть свободен?

Ваймс пожал плечами.

— Я только одному удивляюсь: и как это ты не потребовал выдать ему медаль? Вкупе с богато украшенной почетной грамотой? Ладно, хорошо. Я устанавливаю залог в одну тыся...

— Что-что? — перебил господин Кривс, поднимая серый палец.

Ваймс сердито посмотрел на него.

— В одну сот...

— Что-что?

Ваймс недовольно заворчал, порылся в кармане и бросил Вильяму доллар.

— Лови, — с язвительной насмешкой произнес он. — Но если ты не предстанешь перед патрицием завтра ровно в десять утра, будешь должен мне доллар. Доволен? — обратился он к Кривсу.

— Перед каким именно патрицием? — уточнил Вильям.

— И держи свое остроумие при себе, — буркнул Ваймс. —

Постарайся не опоздать.

Господин Кривс молчал, пока они не вышли на морозный ночной воздух, но потом сказал:

— Я подал исковое заявление экзео карко кум нихил претии на основании ольфасере виоларум и сини пленис писцис. Завтра я заявлю, что ты аб хамо, а если и это не поможет, я...

— На основании «нюханья фиалок»? — удивился Вильям, который уже успел перевести услышанное. — И «набитых рыбой карманов»?

— На основании дела, имевшего место шестьсот лет назад, в котором обвиняемый оправдал себя тем, что после того, как он толкнул потерпевшего в озеро, тот выбрался оттуда с набитыми рыбой карманами и получил личную выгоду, — решительно заявил господин Кривс. — Так или иначе, я приведу довод, что, если сокрытие информации от Стражи является преступлением, в нем можно обвинить каждого жителя города.

— Господин Кривс, мне очень не хотелось бы говорить, где и как я получил эту информацию, — промолвил Вильям. — Ведь в таком случае мне придется рассказать все.

Забранный синий стеклом фонарь, висевший над входом в штаб-квартиру Стражи, придавал лицу законника крайне нездоровый цвет.

— Ты действительно считаешь, что у тех двоих были... соучастники? — спросил господин Кривс.

— Абсолютно уверен, — подтвердил Вильям. — И могу *воспроизвести* свои доводы.

В этот момент ему стало почти жаль законника. Но только почти.

— Возможно, интересы общества не требуют такого *воспроизведения*, — медленно произнес господин Кривс. — Но нужно время на... определенное урегулирование.

— Конечно. Поэтому я уверен, что ты предпримешь все необходимые меры. Ведь мои бы слова да Ваймсу в уши!

— Как ни странно, существует прецедент одна тысяча четыреста девяносто седьмого года, когда кошка успешно...

— Вот и хорошо. А еще ты переговоришь с Гильдией Граверов. Тихо, спокойно. Как только ты умеешь.

— Разумеется, сделаю все, что от меня зависит. Счет, однако...

— ...Так и не будет выставлен, — закончил Вильям. И только после этого пергаментное лицо господина Кривса дало трещину.

— Что, про боно публико? — уточнил он.

— Именно. Ради блага того самого общества, — согласился Вильям. — А что хорошо обществу, хорошо и тебе. Как удачно все складывается,

правда?

— *С другой стороны*, — промолвил господин Кривс, — возможно, ты прав. Безусловно, все мы хотим поскорее забыть об этом печальном происшествии, и я, гм, буду только счастлив безвозмездно оказать необходимые услуги.

— Большое тебе спасибо. В данный момент патрицием является Скряб?

— Да.

— И он был избран общим голосованием на собрании Гильдий?

— Разумеется.

— И оно проводилось в открытую?

— Я не обязан...

Вильям поднял палец.

— Что-что?

Господин Кривс аж передернулся.

— Нищие и Белошвейки проголосовали за отсрочку, — признался он. — Как и Прачки, а также Гильдия Обнаженных Танцовщиц.

— Значит, это были Королева Молли, госпожа Лада, госпожа Ясли и госпожа Дикси Вум. Интересная жизнь была у лорда Витинари.

— Без комментариев.

— Как по-твоему, господину Скрябу уже не терпится взяться за решение многочисленных проблем, связанных с управлением городом?

Господин Кривс серьезно обдумал вопрос.

— Думаю, возможно, так и есть.

— Не последней в числе которых является проблема полной невиновности лорда Витинари? Но надо ж, какая интересная ситуация складывается. Эта же самая проблема ставит под очень большой вопрос законность назначения господина Скряба... Так или иначе, если он все же приступит к управлению Анк-Морпорком, посоветуй ему прихватить на рабочее место пару-другую запасных подштанников. На мою последнюю реплику можешь не отвечать.

— В мои обязанности не входит принуждение собрания Гильдий отменять законно принятое решение, пусть даже оно было основано на... ошибочной информации. Также я совсем не обязан давать господину Скрябу советы в области выбора нижнего белья.

— До завтра, господин Кривс, — попрощался Вильям.

Вильям едва успел раздеться и лечь, как настало время вставать. Он умылся, насколько это было возможно, надел чистую рубашку и осторожно

спустился вниз завтракать.

Пока жильцы собирались к завтраку, в столовой стояла привычная, ничем не нарушаемая тишина. Постояльцы госпожи Эликсир не утруждали себя разговорами, если им было нечего сказать. Господин Маклдафф, расположившись за столом, привычным жестом достал из кармана номер «Правды».

— Не смог купить «Инфо», — пожаловался господин Маклдафф. — Пришлось купить это.

Вильям откашлялся.

— Есть что-нибудь интересное? — спросил он. Даже со своего места он мог прочесть набранный огромными буквами заголовок:

СОБАКА КУСАЕТ ЧЕЛОВЕКА!

Он все-таки сделал *это* новостью.

— О... Лорд Витинари ушел чистеньким, — сообщил господин Маклдафф.

— Иначе и быть не могло, — заметил господин Ничок. — Очень умный человек, что бы о нем ни говорили.

— И его пес в полном порядке, — продолжил господин Маклдафф.

Вильяму очень хотелось схватить его за шиворот и встряхнуть, чтобы читал быстрее.

— Приятно слышать, — отозвалась госпожа Эликсир, разливая чай.

— Что, и *всё*? — изумился Вильям.

— Остальное — обычная политическая чепуха, — фыркнул господин Маклдафф. — Всякие притянутые за уши рассказы.

— А никаких интересных овощей там не отпечатано? — спросил господин Каретник.

Господин Маклдафф внимательно просмотрел листок.

— Нет.

— Моя фирма подумывает обратиться к этому человеку, чтобы он продал нам семена своих овощей, — признался господин Каретник. — Такой товар пользуется большим спросом. — Он поймал на себе взгляд госпожи Эликсир. — Только тех овощей, что для семейного просмотра, разумеется, — быстро добавил он.

— О да, смех — полезная штука, — мрачно заметил господин Маклдафф.

«Интересно, — несколько не к месту подумал Вильям, — а смог бы господин Винтлер вырастить горошину какой-нибудь презабавной формы?»

Наверное, смог бы», — тут же ответил он сам себе.

— Лично мне кажется очень важным, — произнес он, — узнать о том, что лорд Витинари невиновен.

— Да, конечно, *им* это очень важно знать, — откликнулся господин Маклдафф. — Но не совсем понимаю, какое это имеет отношение к *нам*.

— А как же... — начал было Вильям. Госпожа Эликсир многозначительно поправила прическу.

— Я всегда считала лорда Витинари самым красивым мужчиной Анк-Морпорка, — провозгласила она и заметно разволновалась, когда все дружно уставились на нее. — Ну, то есть я всегда несколько удивлялась отсутствию леди Витинари. Так сказать. Гм.

— А знаете, говорят, что... — хмыкнул господин Крючоктвор.

Руки с быстротой молнии мелькнули над столом, схватили ошеломленного мужчину за лацканы и подняли так, что его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от лица Вильяма.

— Я вот не знаю, что говорят, господин Крючоктвор! — заорал Вильям. — Зато *ты* все знаешь, господин Крючоктвор! Почему бы тебе не рассказать нам, что говорят, а, господин Крючоктвор?! Почему бы тебе не рассказать нам, кто *тебе* об этом сказал, господин Крючоктвор?!

— Господин де Словв! Что ты себе позволяешь?! — воскликнула госпожа Эликсир, а господин Ничок убрал подальше свой тост.

— Прошу меня извинить, госпожа Эликсир, — ответил Вильям, не выпуская отчаянно сопротивляющегося господина Крючоктвора, — но мне тоже хочется знать то, о чем все уже, судя по всему, знают. И я хочу знать, откуда все об этом знают, господин Крючоктвор!

— Говорят, у него есть любовница в Убервальде. Весьма влиятельная дама... — пробормотал господин Крючоктвор. — И я был бы весьма признателен, если бы ты отпустил меня.

— И *это* все? Но что в этом дурного? Это дружественная нам страна!

— Да, но говорят...

Вильям отпустил его. Крючоктвор упал обратно на свой стул, а Вильям, тяжело дыша, остался стоять.

— Так вот, это я пишу статьи в «Правду»! — резко произнес он. — И то, что в них написано, говорю я. Я все сам выясняю, все проверяю, а еще люди, которые часто используют букву «ять», пытались меня убить! Я не чей-то там брат, с которым вы встретились в пивной! Я не дурацкий слух, который распространили лишь для того, чтобы посеять беду! Постарайтесь вспомнить об этом, прежде чем нести какую-нибудь чушь, уверяя, что «все это знают». А еще примерно через час я пойду во дворец,

чтобы встретиться с командором Ваймсом и тем, кто сейчас является патрицием, и еще со многими людьми, чтобы наконец разобраться во всей этой чепухе! И встреча не обещает быть приятной, но я все равно пойду, потому что хочу, чтобы вы узнавали о том, что действительно *важно!* Прошу прощения за чайник, госпожа Эликсир. Уверен, его еще можно починить.

В гробовой тишине господин Ничок взял в руки новостной листок и спросил:

— Так это все ты пишешь?

— Да!

— А я... э-э... думал, у них для этого специальные люди...

Все смотрели на Вильяма.

— Нет никаких «их». Есть только я и одна девушка. Мы вдвоем все и пишем.

— Но... кто вам говорит, о чем писать?

Все снова перевели взгляды на Вильяма.

— Мы сами решаем.

— Э-э... А это правда, что большие серебрястые блюда похищают людей?

— Нет!

К немалому удивлению Вильяма, господин Каретник поднял руку.

— Да, господин Каретник?

— У меня есть очень важный вопрос, господин де Словв, раз это все ты и так далее...

— Да?

— Ты случайно не помнишь адрес того мужчины? Ну, с презабавными овощами?

Вильям и Отто подошли к дворцу без пяти минут десять и увидели у ворот небольшую толпу.

Командор Ваймс стоял во внутреннем дворе и разговаривал с Кривсом и главами некоторых Гильдий. Увидев Вильяма, он невесело улыбнулся.

— Опаздываешь, господин де Словв.

— Я пришел даже рано!

— Я имел в виду... произошли некоторые события.

Господин Кривс откашлялся.

— Господин Скряб прислал записку, — сказал он. — В которой говорится, что он заболел.

Вильям достал свой блокнот.

Все городские вожди дружно уставились на него. Он было засмутился, но потом нерешительность как будто испарилась. «Я — де Словв, — подумал он. — Вы не смеете смотреть на меня сверху вниз! Я заставлю вас считаться с „Правдой“. Ладно. Итак...»

— Записку написала его мать? — уточнил Вильям.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — отозвался законник, но некоторые из глав Гильдий отвели глаза.

— Ну и что теперь будет? — удивился Вильям. — У нас нет правителя?

— К счастью, — продолжил господин Кривс, который, похоже, ощущал себя так, словно горел в своем маленьком личном аду, — лорд Витинари чувствует себя гораздо лучше и готов с завтрашнего дня приступить к выполнению своих обязанностей.

— Прошу прощения, а ему разрешено записывать все это? — уточнил лорд Низз, глава Гильдии Наемных Убийц.

— А кто должен отдать такое разрешение? — спросил Ваймс.

— Дать разрешение... — едва слышно поправил Вильям.

— Ну, он же не может записывать все, что вздумается, верно? — вскинул брови лорд Низз. — А вдруг он запишет то, что мы не хотим, чтобы он записывал?

Ваймс посмотрел Вильяму прямо в глаза.

— Законом это не запрещается, — сказал он.

— Лорд Низз, — промолвил Вильям, выдержав взгляд Ваймса, — означает ли это, что лорд Витинари освобожден от всех обвинений?

Сбитый с толку Низз повернулся к Кривсу.

— А он имеет право это спрашивать? Просто так задавать подобные вопросы?

— Да, милорд.

— И я обязан отвечать?

— Вполне разумный вопрос в сложившихся обстоятельствах, милорд, но отвечать вы *не обязаны*.

— Вы, главы Гильдий, ничего не хотите сообщить гражданам Анк-Морпорка? — вежливо поинтересовался Вильям.

— Мы что-то хотим сообщить, господин Кривс? — спросил лорд Низз. Господин Кривс вздохнул.

— Я бы рекомендовал, милорд.

— О, тогда ладно... Никакого суда не будет. Очевидно.

— Стало быть, помилование лорда Витинари отменяется? — настаивал Вильям.

Лорд Низз повернулся к господину Кривсу, но законник лишь снова вздохнул.

— Повторяю еще раз, милорд, я бы советовал...

— Хорошо, хорошо... Конечно, отменяется, поскольку всем и так ясно, что лорд Витинари ни в чем не виновен, — раздраженно произнес Низз.

— Наверное, вы хотели бы заявить, что это стало ясно благодаря великолепной работе командора Ваймса, его преданных делу стражников и некоторой помощи со стороны «Правды»? — предположил Вильям.

Лорд Низз выглядел весьма озадаченным.

— Чтобы я захотел заявить такое?

— Думаю, что захотели бы, милорд, — подсказал еще более помрачневший Кривс.

— Тогда да. Именно это и хотел бы, — подтвердил лорд Низз. — Заявляю.

Вытянув шею, он попытался заглянуть в блокнот Вильяма. Краем глаза Вильям заметил лицо Ваймса, на котором сейчас были написаны удивление и ярость.

— А не хотели бы вы также заявить, как представитель Совета Гильдий, что собираетесь соответствующим образом поощрить командующего Ваймса?

— Слушай... — попытался вмешаться Ваймс.

— Именно это мы и собирались сделать.

— По-моему, он вполне заслужил почетную Стражническую медаль или, по крайней мере, похвальную грамоту.

— Ну я тебе...

— Вполне. Очень даже, — согласился лорд Низз, весьма потрепанный ветрами перемен.

Вильям все аккуратно записал и закрыл блокнот. Все без исключения с облегчением вздохнули.

— Большое спасибо, милорд, дамы и господа, — жизнерадостным гоном произнес Вильям. — Да, господин Ваймс, вы хотели что-то обсудить?

— В данный момент нет, — проворчал Ваймс.

— Отлично. Тогда я, с вашего разрешения, удаляюсь. Мне нужно писать статью. Еще раз большое спасибо...

— Но ты ведь покажешь нам свою статью, прежде чем помещать ее в листок? — спросил немного пришедший в себя лорд Низз.

Вильям гордо запахнул полу высокомерия.

— Гм, нет, милорд, не покажу. Видите ли, это мой листок.
— Он что, может...
— Да, милорд, может, — перебил господин Кривс. — Боюсь, что может. Свобода речи — эта древняя и славная анк-морпоркская традиция.
— О боги, неужели?
— Да, милорд.
— И как ей удалось сохраниться?
— Не могу сказать, милорд, — пожал плечами господин Кривс, — но господин де Словв, — продолжил он, не спуская глаз с Вильяма, — как мне кажется, умный человек. Он не допустит того, чтобы какие-то опрометчивые слова нарушили размеренную жизнь нашего города.

Вильям вежливо улыбнулся ему, кивнул всем остальным, пересек двор и вышел на улицу. Он постарался отойти от дворца как можно дальше и только потом позволил себе расхохотаться.

Прошла неделя. Она была примечательна тем, что ничего особенного в течение ее не произошло. Даже господин Карней и Гильдия Граверов куда-то пропали. Вильям уже начал было подумывать о том, что его аккуратно поместили в какую-нибудь папку с надписью «Оставить В Покое». Наверное, все решили, что Витинари теперь у «Правды» в долгу, а кому хочется становиться средством уплаты долга? Стража тоже не беспокоила Вильяма. Хотя в один прекрасный день на улице вдруг прибавилось дворников, но Вильям тут же отправил Гарри Королю сто долларов и послал букет цветов его жене, после чего Тусклая улица снова потускнела.

Пока старый сарай ремонтировался, отпечатня заняла помещение по соседству. С господином Сыром было легко договориться. Он просто хотел получать деньги. С такими вот простыми людьми легко иметь дело, пусть даже ты должен постоянно проверять свой кошелек.

Новую отпечатную машину доставили очень быстро — деньги и тут придали необходимую смазку. Как только машину установили, гномы мгновенно принялись ее переделывать.

Новый сарай был меньше прежнего, но Сахариссе удалось отгородить для своих редакторских нужд крохотный закуток. Она принесла цветок в горшке и поставила там вешалку для одежды, а еще она постоянно твердила о том, какая огромная комната у них будет, когда старый сарай расширят и отстроят заново, однако Вильям придерживался другого мнения: каким бы большим помещением ни было, порядка все равно не будет. Сотрудники листка всегда считали пол таким большим плоским шкафом.

Зато у Вильяма появился новый стол. Даже не новый, а гораздо лучше — настоящий, старинный, сделанный из ореха, с затянутой колеей столешницей, двумя чернильницами, огромным количеством ящичков и настоящими древоточцами. За таким столом и пишется легче.

Чего у стола не было, так это наколки.

Вильям изучал письмо, доставленное из анк-морпоркской Лиги Приличности, когда вдруг понял, что рядом кто-то стоит. Он поднял голову.

Сахарисса привела к нему группу необычно выглядевших незнакомцев, хотя через пару секунд Вильям узнал в одном из них покойного Господина Скрюча, который был никаким не незнакомцем, а просто необычно выглядел.

— Помнишь, ты говорил, что нам нужны писатели? — спросила Сахарисса. — Господина Скрюча ты уже знаешь, а это госпожа Тилли. — Вильям посмотрел на маленькую седоволосую женщину, которая тут же сделала реверанс. — Она любит кошек и всякие жестокие убийства. А вот господин О'Бисквит. — Это был мускулистый загорелый юноша. — Он приехал с самих Четырех-Иксов и хотел бы, прежде чем возвращаться домой, заработать немного денег.

— Правда? И чем ты на Четырех-Иксах занимался, господин О'Бисквит?

— Учился в университете Пугалоу, мужик.

— Так ты волшебник?

— Да не, мужик. Меня оттуда вышибли за писанину в студенческом журнале.

— И о чем же ты там писал?

— На самом деле, мужик, обо всем.

— Понятно. Госпожа Тилли, кажется, ты прислала нам то письмо, написанное в хорошем стиле и почти без ошибок, с предложением раз в неделю пороть всех горожан младше восемнадцати лет, чтобы они меньше шумели?

— Раз в день, господин де Словв, — поправила госпожа Тилли. — Это их научит настоящей молодости!

Вильям пребывал в замешательстве, но отпечатную машину нужно было кормить, да и Сахарисса нуждалась в отдыхе. Рокки уже начал писать спортивные новости, и Вильям, хотя сам не понимал ни слова из написанного им, разрешил отпечатывать его колонку в листке, логично рассудив, что любители спорта вряд ли умеют читать, раз им интересно такое. Но требовались еще работники. Так что... стоило попробовать.

— Ну ладно, — подытожил он. — Мы возьмем вас с испытательным

сроком, начиная с... О!

Вильям вскочил со стула. Все обернулись, чтобы посмотреть почему.

— Не обращай на меня внимания, — сказал стоявший у двери лорд Витинари. — Это неофициальный визит. Принимаешь на работу новых сотрудников?

Патриций пересек комнату, за ним по пятам следовал верный Стукпостук.

— Э... да, — сказал Вильям. — Как вы себя чувствуете, сэр?

— Хорошо. Но много дел, конечно. Пришлось прочесть целую стопку листков. Но я решил выкроить время, чтобы самому посмотреть на эту «свободную отпечатать», о которой так подробно доложил мне командор Ваймс. — Витинари постучал тростью по раме отпечатной машины. — Гм, насколько я вижу, она весьма надежно привинчена к полу.

— Сэр, слово «свободная» характеризует то, что отпечатывается. А не то, на чем отпечатывается, — пояснил Вильям.

— Однако ты берешь за свой листок деньги?

— Конечно, ведь...

— Понятно. Хочешь сказать, истинная свобода — это когда ты можешь отпечатывать все, что пожелаешь?

Выхода не было.

— В широком смысле... да, сэр.

— Потому что все это делается... есть один очень занятный термин... в интересах общества?

Лорд Витинари взял литературу и внимательно ее рассмотрел.

— Думаю, что так, сэр.

— А все эти байки о золотых рыбках-людоедах и мужьях, похищенных серебристыми тарелками?

— Это, сэр, как раз то, что больше всего интересует общество. Но мы занимаемся совсем другим, сэр.

— Овощами презабавной формы?

— Ну, частично и этим, сэр. Сахарисса называет это очерками, предназначенными для широкой публики.

— И там вы пишете о всяких овощах и животных?

— Да, сэр. По крайней мере, мы пишем о *настоящих* овощах и животных.

— Итак... Что мы имеем? А мы имеем темы, интересующие людей, очерки, интересные для широкой публики, и то, что делается в интересах общества, но никого не интересует.

— Кроме самого общества, сэр, — добавил Вильям, пытаюсь

поддерживать разговор.

— А общество — это не то же самое, что люди и публика?

— Думаю, все куда сложнее, сэр.

— Очевидно. По-твоему, общество отличается от людей, которых ты видишь на улицах? Ты утверждаешь, что общество способно только на благородные, разумные, взвешенные мысли, а люди — лишь на глупости?

— Думаю, да, но, признаюсь, в этом следует разобраться более тщательно.

— Гм. Интересно. Я не мог не заметить, что в головы умных и образованных людей, стоит им только собраться вместе, — людям, разумеется, не головам, — частенько приходят весьма глупые мысли, — промолвил лорд Витинари. И смерил Вильяма взглядом, в котором отчетливо говорилось: «Я могу прочесть твои мысли, даже отпечатанные самым мелким шрифтом», после чего снова оглядел отпечатный цех. — Вижу, тебя ждет полное событий будущее, и я не хочу делать его более трудным, чем оно обязательно будет. Кажется, вы что-то еще строите?

— Возводим семафорную башню, — с гордостью сообщила Сахарисса. — Будем получать сообщения прямо с главной башни. А еще мы открываем конторы в Сто Лате и Псевдополисе!

Лорд Витинари удивленно поднял брови.

— Ничего себе, — поразился он. — Это ж сколько необычных овощей можно насобирать... С нетерпением жду возможности полюбоваться на них.

Вильям решил пропустить эту явную издевку мимо ушей.

— Однако что меня поражает... Все новости так ладно укладываются в свободное место, — продолжил лорд Витинари, глядя на страницу, над которой трудился Боддони. — Ни одной дырочки свободной. И каждый день случается нечто важное, заслуживающее места на первой странице. Как-то странно... Кстати, в слове «приобрести» после первой «р» идет «и»...

Боддони поднял голову. Трость лорда Витинари со свистом описала дугу и зависла над центром плотно набранной колонки. Гном наклонился ближе, кивнул и взял в руку какой-то маленький инструмент.

«Текст расположен вверх ногами и задом наперед, — подумал Вильям. — И слово находится в середине текста. А он все равно заметил».

— Все расположенное задом наперед куда проще понять, если поставить еще и с ног на голову, — объяснил лорд Витинари, рассеянно постукивая себя по подбородку серебряным набалдашником трости. — Как в жизни, так и в политике.

— А как вы поступили с Чарли? — вдруг спросил Вильям.

Лорд Витинари посмотрел на него с искренним удивлением.

— Отпустил, конечно. А как еще я должен был с ним поступить?

— И вы не заперли его в глубокой темнице? — недоверчиво спросила Сахарисса. — Не заставили все время носить железную маску? Не приставили к нему глухонемого тюремщика?

— Э... По-моему, нет, — улыбнувшись, сказал лорд Витинари. — Впрочем, очень интересная идея для какой-нибудь книжки. Но нет. Насколько мне известно, он вступил в Гильдию Актеров, хотя, и я лично в этом не сомневаюсь, некоторые люди посчитали бы глубокую темницу куда более предпочтительным вариантом. Однако, по-моему, его ждет весьма успешная карьера. Детские праздники, все такое прочее.

— И он что, будет изображать вас?

— Конечно. Будет очень забавно.

— Может, и у вас для него найдется работа? Например, когда вам придется заниматься чем-то исключительно скучным или позировать художнику? — предложил Вильям.

— Гм? — откликнулся Витинари. Вильям думал, что Ваймс лучше всех умеет делать свое лицо непроницаемым, но лицо командора было воплощением улыбчивости по сравнению с лицом его светлости. — У тебя есть еще вопросы, господин де Словв?

— Сейчас нет, но будут. И много, — набравшись храбрости, заявил Вильям. — «Правда» внимательно следит за происходящими в обществе событиями.

— Весьма похвально, — одобрил патриций. — Обращайся к Стукпостуку. Уверен, я выкрою время, чтобы дать тебе интервью.

«Верное Слово в Нужном Месте...» — подумал Вильям. Воспоминания нельзя было назвать приятными, но его предки всегда были в первых рядах в любом конфликте. В любой осаде, в любой засаде, в любой безумной атаке на укрепленные позиции какой-нибудь де Словв галопом скакал к славе или смерти, а иногда и к тому и к другому. Не было врага слишком сильного, не было раны слишком глубокой, не было меча слишком тяжелого для де Словва. И могилы слишком глубокой тоже не было. Пока инстинкты сражались с языком, Вильям чувствовал, как предки толкают его в спину, заставляя ввязаться в драку. Витинари слишком откровенно играл с ним. «Ну ладно, по крайней мере, погибну за нечто пристойное... Вперед к смерти или к славе, или к тому и другому!»

— А я уверен, милорд, что, когда бы вы ни захотели дать интервью, «Правда» предоставит вам такую возможность, — сказал Вильям. — Мы

постараемся выкроить место в нашем листке.

Он не понимал, какой шум стоял в отпечатке, пока тот не стих. Стукпостук закрыл глаза. Сахарисса смотрела прямо перед собой окаменевшим взглядом. Гномы замерли, словно статуи.

Тишину нарушил сам лорд Витинари.

— «Правда»? Ты говоришь о себе и присутствующей здесь молодой даме? — уточнил он, удивленно подняв брови. — *Понятно*. То есть... Общество. Ну хорошо, а если я чем-то могу помочь «Правде»...

— И нас невозможно подкупить, — перебил Вильям.

Он понимал, что скачет галопом сквозь лес острых пик, но не мог позволить, чтобы к нему относились покровительственно.

— Подкупить? — переспросил Витинари. — Глубокоуважаемый сэръ, я не решился бы дать тебе даже пенни, особенно после того, как узнал, что ты способен сделать бесплатно. Нет, мне нечего тебе предложить, кроме благодарности, которая, к сожалению, весьма эфемерна. А, вот еще что... В субботу я устраиваю небольшой официальный обед. Будут главы некоторых Гильдий, несколько послов... Достаточно скучно, но если ты и эта очень смелая молодая дама... прошу прощения, я, конечно, имел в виду «Правду»... посчитаете возможным к нам присоединиться...

— Я не... — успел произнести Вильям, но вдруг замолчал.

Удар каблуком в лодыжку и не такие чудеса творит.

— «Правда» с восторгом принимает ваше приглашение, — с лучезарной улыбкой отозвалась Сахарисса.

— Грандиозно. В таком случае...

— Честно говоря, я хотел вас просить об одном одолжении, — встрял Вильям.

Витинари улыбнулся.

— Конечно. Ради «Правды» я готов на все...

— Вы будете на свадьбе дочери Гарри Короля в субботу?

Он про себя порадовался, увидев взгляд Витинари. Этот взгляд был совершенно пустым, потому что Витинари нечем было его заполнить. Но Стукпостук быстро подскочил и что-то прошептал ему на ухо.

— А? — отозвался патриций. — Гарри Король... Да, припоминаю. Воплощение людей, сделавших наш город таким, каким он стал. Разве я не повторял это постоянно, Стукпостук?

— Несомненно, сэръ.

— Обязательно буду. И полагаю, моему примеру последуют многие видные граждане нашего города?

Вопрос был деликатно оставлен подвешенным в воздухе.

— Не сомневаюсь, их будет много, — ответил Вильям.

— Красивые экипажи, тиары, великолепные наряды? — произнес лорд Витинари в набалдашник своей трости.

— Естественно.

— Да, на этой свадьбе будут все, — усмехнулся Витинари.

И Вильям понял, что Гарри Король проведет свою дочь вдоль строя аристократов, которых даже не сможет сосчитать, а считать он умел хорошо, пусть и не совсем ладил с буквами. Ну а госпожа Король... Остается только надеяться, что приступы снобизма не влекут за собой летального исхода.

— В свою очередь, — промолвил патриций, — я прошу тебя не раздражать лишний раз командора Ваймса. — Он откашлялся. — Без особой необходимости.

— Уверен, сэр, мы с ним договоримся.

Лорд Витинари уже в который раз удивленно поднял брови.

— Надеюсь, что нет. Действительно надеюсь. Всякого рода договоры — первый шаг к деспотизму и тирании. А свободные люди должны тянуть в разные стороны. — Он улыбнулся. — Только это обеспечивает прогресс. Ну и разумеется, надо идти в ногу со временем. Всего доброго.

Он кивнул всем и покинул отпечатаю.

— А вы что здесь делаете? — спросил Вильям, когда чары рассеялись.

— Э... А где нам еще быть? — удивленно ответила госпожа Тилли.

— Вы должны искать то, о чем людям будет интересно прочитать в листке, — сказала Сахарисса.

— И то, о чем людям будет не интересно прочитать в листке, — добавил Вильям.

— И все такое интересное, — согласилась Сахарисса.

— Как тот дождь из собак, что случился несколько месяцев назад? — спросил господин О'Бисквит.

— Да не было никакого дождя из собак! — отрезал Вильям.

— Но ведь...

— Один щенок — это не дождь. И щенок просто выпал из окна. Послушай, нас не интересуют выпадение осадков из домашних животных, самочеловековозгорание или случаи похищения людей странными предметами...

— Если, конечно, это не произошло на самом деле, — пояснила Сахарисса.

— Естественно, нас это интересует, если только произошло на самом деле, — согласился Вильям. — И не интересует, если не произошло. Все

ясно? Новости — это необычные происшествия...

— И обычные происшествия, — сказала Сахарисса, комкая в руке отчет о заседании анк-морпоркского Общества Любителей Презабавных Овощей.

— И обычные тоже, — кивнул Вильям. — Но новости... В основном это то, что кому-то где-то очень не хочется увидеть в новостном листке...

— Но иногда не только это, — поддакнула Сахарисса.

— Новости — это... — сказал Вильям и замолчал. Все молча смотрели, как он стоит, подняв палец.

— Новости, — повторил он, — *зависят от обстоятельств*. Новости узнаются с первого взгляда. Понятно? Отлично. А теперь ступайте и постарайтесь их найти.

— Этот приезд патриция... — промолвила Сахарисса, когда все разошлись. — Как-то оно все неожиданно.

— Да. Я тоже подумал, — согласился Вильям. — Все как в старые смешные времена... То одно, то другое...

— ...Сначала нашествие собак, потом какие-то люди пытались тебя убить, а затем тебя бросили в тюрьму. И пожар, и твои ответы лорду Витинари...

— Да, а поэтому... думаю, ничего особого не случится, если ты и я, ну, понимаешь... ты и я... устроим себе выходной. В конце концов, — с каким-то бесшабашным отчаянием добавил он, — нигде ведь не сказано, что мы обязаны выпускать листок каждый день, верно?

— Только на самом листке. Сверху, на первой странице, — улыбнулась Сахарисса.

— Да, но нельзя же верить всему, что написано в листках.

— Ну... хорошо. Я только закончу отчет...

— Письма для тебя, господин Вильям! — крикнул один из гномов, бросив ему на стол пачку бумаг.

Вильям, недовольно заворчав, принялся перебирать корреспонденцию. С самого верха лежали несколько пробных семафорных сообщений из Ланкра и Сто Лата. Похоже, очень скоро придется ехать туда, чтобы найти настоящих новостников (или новостейщиков? а, вот хорошее чужеземное словечко — репортер!), потому что у этих честных посланий от местных бакалейщиков и трактирщиков, которым платили по пенсу за строку, было весьма ограниченное будущее. Далее шла парочка сообщений, доставленных голубиной почтой, — еще не все сотрудники листка овладели новой техникой.

— О боги, — едва слышно прошептал Вильям. — В мэра Щеботана

попал метеорит. *Опять.*

— А такое возможно? — удивилась Сахарисса.

— Очевидно. Письмо пришло от господина Спуна. Вполне разумный юноша, работает там в консульстве, полное отсутствие какого-либо воображения. Он сообщает, что на сей раз метеорит поджидал мэра в темном переулке.

— Правда? А у женщины, которая стирает нам белье, сын читает в Университете лекции по карающей астрономии.

— Он сможет дать нам интервью?

— Он всегда мне улыбается, когда мы встречаемся в лавке, — твердо заявила Сахарисса. — Конечно, даст.

— Отлично. Если ты...

— Добрый день всем!

В дверях с картонной коробкой в руках стоял господин Винтлер.

— О, только не это... — пробормотал Вильям.

— А я вам кое-что принес! — воскликнул господин Винтлер, который не понимал намеков, даже если ими была обернута свинцовая труба.

— Думаю, у нас уже достаточно презабавных овощей... — ответил Вильям.

И замолчал.

Румяный мужчина доставал из коробки огромную картофелину. Она была шишковатой. Вильяму и раньше приходилось видеть подобные экземпляры, некоторые вполне могли напоминать человеческие лица, если, конечно, рассматривать картофель было вашим любимым развлечением. Но чтобы разглядеть что-то в этой картофелине, не нужно было обладать воображением. Она действительно представляла собой лицо. Составленное из ямок, шишек и глазков и очень похожее на лицо того самого безумца, который совсем недавно смотрел Вильяму прямо в глаза и пытался его убить. Этого человека Вильям не мог забыть, потому что почти каждую ночь, просыпаясь где-то часа в три, видел его перед собой.

— По-моему... это... совсем... не... смешно, — отчетливо произнесла Сахарисса, бросив взгляд на Вильяма.

— Поразительно, да? — ухмыльнулся господин Винтлер. — Я бы не принес ее, но твой листок всегда проявлял такой интерес...

— День без раздвоенного пастернака — это как день, прожитый без солнца, господин Винтлер, — очень милым голосом произнесла Сахарисса. — Вильям?

— А? — Вильям с трудом оторвал взгляд от картофелины. — Мне кажется, или лицо действительно выглядит удивленным?

— Довольно-таки удивленным, — согласилась Сахарисса.

— Ты только что ее выкопал? — спросил Вильям.

— Нет. Уже несколько месяцев валялась в одном из мешков, — ответил господин Винтлер.

...Что несколько замедлило ход оккультного поезда, уже разгонявшегося в голове Вильяма. Впрочем, вселенная иногда бывает не менее забавной, чем овощи. Причина и следствие, следствие и причина... Нет, он лучше отрежет себе правую руку, чем напишет об этом.

— И что ты собираешься с ней сделать? — спросил он. — Сваришь?

— Да ну, как можно. Этот сорт слишком мучнистый. Я сделаю из нее чипсы.

— Чипсы, значит? — уточнил Вильям.

Почему-то ему показалось, что именно так и следовало поступить.

— Да. Да, хорошая мысль. Пусть поджарится, господин Винтлер. Пусть поджарится.

Время неумолимо шло вперед.

Вернулся один из новых репортеров, чтобы сообщить о том, что взорвалась Гильдия Алхимиков, и спросить, можно ли это считать новостью. Отто был вызван из своего склепа и послан сделать снимки. Вильям дописал статью о вчерашних событиях и передал ее гномам. Потом появился какой-то добрый горожанин и рассказал, что на Саторской площади собралась настоящая толпа, чтобы поглазеть на университетского казначея (71 г.), который сидит на крыше семиэтажного дома и выглядит весьма изумленным. Сахарисса, метко действуя пером, вычеркивала все прилагательные из отчета собрания анк-морпоркского Общества Любителей Букетов и в результате сократила его объем почти вдвое.

Вильям вышел на улицу, чтобы выяснить, как обстоят дела с казначеем (71 г.), и написать об этом несколько строк. Волшебники, совершающие странные поступки, — это не новости. Волшебники, совершающие странные поступки, — это *волшебники*.

Потом он бросил статью в корзинку для исходящих бумаг и посмотрел на отпечатную машину.

Она была огромной, черной и сложной. Без глаз, без лица, без жизни... она смотрела на него.

«Зачем какие-то там древние камни для жертвоприношений? — подумал он. — В этом лорд Витинари был не прав». Он коснулся рукой лба. Шишка давно исчезла.

«Ты поставила на мне свое клеймо. Я тебя раскусил!»

— Пошли, — сказал он.

Сахарисса, занятая своими мыслями, подняла голову.

— Что?

— Пошли отсюда. Немедленно. Погулять, попить чаю, за покупками,
— ответил Вильям. — Просто уйдем отсюда. И пожалуйста, не спорь. Одевайся. Немедленно. Пока она не поняла. Пока не придумала, как нас остановить.

— О чем ты вообще говоришь?

Он сорвал с вешалки ее пальто и схватил Сахариссу за руку.

— Нет времени объяснять!

Она позволила ему вытащить себя на улицу. Там Вильям немного успокоился и вдохнул полную грудь воздуха.

— А теперь потрудись объяснить, что ты себе позволяешь? — потребовала Сахарисса. — У меня еще целая куча работы.

— Знаю. Пошли. Надо уйти подальше. На улице Вязов открылась харчевня, где подают весьма неплохую лапшу. Так во, всяком случае, рассказывают. Что скажешь?

— Но у нас столько дел!

— Ну и что? Дела никуда не денутся.

Сахарисса немного поразмыслила.

— Ну хорошо. Час или два все равно ничего не изменят.

— Вот и отлично. Идем.

Они были пойманы на пересечении улиц Паточной Шахты и Вязов.

Сначала до них донеслись крики. Вильям повернул голову и увидел, как по улице несется груженная пивом телега, запряженная четверкой лошадей. Увидел разбегающихся людей. Увидел, как из-под лошадиных копыт размером с суповую тарелку летит грязь вперемешку со льдом. Увидел блестящую бронзовую упряжь, валивший от коней пар...

Затем голова повернулась в другую сторону, и он увидел старушку на костылях, переходящую улицу и даже не подозревающую о несущейся на нее верной гибели. Увидел шаль, седые волосы...

Что-то мелькнуло рядом. Какой-то мужчина перевернулся в воздухе, приземлился на плечо прямо посреди улицы, перекатился, схватил старушку в объятия и прыгнул...

Обезумевшие лошади пронесли мимо в туче пара и грязных брызг. Упряжка попыталась повернуть на перекрестке. Телега воспротивилась. Клубок из копыт, лошадей, колес, грязи и отчаянных воплей прокатился чуть дальше, выбил несколько витрин, но потом телега, наткнувшись на каменный столб, остановилась.

Однако в соответствии с законами физики и правилами повествования

о подобных событиях груз даже не думал останавливаться. Бочки, порвав связывавшие их веревки, посыпались на мостовую и раскатились в стороны. Некоторые развалились, залив пенным напитком водостоки. Остальные, подпрыгивая и сталкиваясь, помчались прочь по улице, что, разумеется, не ускользнуло от внимания законопослушных горожан — еще бы, добрая сотня галлонов пива, вдруг перестав кому-либо принадлежать, решила обрести свободу.

Вильям и Сахарисса переглянулись.

— Так, я пишу статью, а ты зовешь Отто!

Они произнесли эту фразу одновременно и вызывающе уставились друг на друга.

— Ну ладно, ладно, — наконец сдался Вильям. — Найди какого-нибудь пацана и заплати ему, чтобы он сбегал за Отто. Далее. Я говорю с этим Отважным Стражником, который спас старушку от Неминуемой Гибели, а ты освещаешь Большой Тарарам. По рукам?

— Я найду пацана, — согласилась Сахарисса, доставая свой блокнот, — но ты описываешь аварию и Пивную Халяву, а я разговариваю с Седой Бабушкой. Для широкой публики, понятно?

— Понятно! — уступил Вильям. — Кстати, нашим спасителем был капитан Моркоу. Пусть Отто обязательно сделает снимок, а ты не забудь узнать его возраст!

— Конечно!

Вильям направился к толпе, собравшейся вокруг разбитой телеги. Часть зевак бросилась преследовать бочки, и периодические вопли сообщали о том, что мучимые жаждой люди зачастую не осознают, насколько трудно остановить сто галлонов пива, да еще если они пребывают в катящейся дубовой бочке.

Первым делом Вильям старательно переписал с борта телеги название компании. Двое мужчин помогали лошадям подняться, но, судя по всему, к развозке пива они не имели никакого отношения. Скорее всего, они были самыми обычными людьми, которые пытались помочь испуганным лошадам, отвести их в конюшню и позаботиться о них. И даже если лошади в процессе окажутся перекрашенными... что ж, всякое случается, а-вообще-клянусь-всеми-богами-этих-лошадей-я-купил-уже-два-года как.

Вильям подошел к одному из зевак, который, похоже, не совершал никаких преступных деяний. По крайней мере, в данный момент.

— Изви... — успел только произнести он, как вдруг заметил устремленный на блокнот взгляд.

— Я все видел, — сказал горожанин.

— Правда?

— Это было ужасное зрелище, — принялся надиктовывать мужчина. — Но стражник, пренебрегая смертельной опасностью, бросился вперед и спас старушку. Он заслуживает медали.

— В самом деле? — откликнулся Вильям, торопливо царапая в блокноте. — А ты?..

— Сэмюэль Арблестер (43 г.), каменщик, Поносная, одиннадцать «б».

— Я тоже все видела, — вмешалась стоявшая рядом дама. — Госпожа Флорри Перри, мать-блондинка троих сыновей, из «Сестер Долли». Это был просто кошмар...

Вильям украдкой посмотрел на свой карандаш, который периодически служил ему волшебной палочкой.

— А где иконографист? — осведомилась госпожа Перри, с надеждой оглядываясь по сторонам.

— Э... Пока не подошел, — сказал Вильям.

— О. — Госпожа Перри явно была разочарована. — Кстати, та женщина и змея... Какая страшная судьба, правда? Готова поспорить, сейчас он делает ее снимки.

— Надеюсь, что нет, — покачал головой Вильям.

Денек выдался хлопотный. Одна бочка закатилась в парикмахерскую и там взорвалась. Затем появились люди из пивоварни, и завязалась драка между ними и новыми владельцами бочек, которые яро отстаивали свое право на пиво, поскольку, формально говоря, нашли эти бочки валяющимися на городском берегу после телегокрушения. Самый предприимчивый горожанин отгородил одну бочку лентой и устроил на тротуаре временную пивную. Потом появился Отто. Он сделал иконографию спасателей бочек. Сделал иконографию драки. Сделал иконографию стражников, которые явились арестовать тех, кто еще мог стоять на ногах. Сделал иконографию седой старушки, гордого капитана Моркоу и — в суматохе — своего большого пальца.

В целом материал получился хороший. Сидя в конторе «Правды», Вильям уже написал добрую половину статьи, как вдруг вспомнил.

Он увидел несущуюся телегу. И *потянулся за блокнотом*. Эта мысль очень обеспокоила его, и он поделился своими размышлениями с Сахариссой.

— Ну и что? — откликнулась она со своей стороны стола. — Кстати, сколько «л» в слове «галантный»?

— Одна, — ответил Вильям. — Я хочу сказать, что ничего не

попытался предпринять. Просто подумал, что это хорошая история, надо бы все записать.

— Ага, — кивнула Сахарисса, продолжая что-то строчить. — Но у нас есть оправдание. Мы ходим под *прессом*.

— Но это...

— Взгляни на происходящее с другой стороны, — посоветовала Сахарисса, открывая в своем блокноте чистую страницу. — Некоторые люди — герои. А некоторые только пишут о героях.

— Да, и все же...

Сахарисса подняла голову и улыбнулась ему.

— Но иногда это один и тот же человек.

На этот раз голову опустил Вильям. Из скромности.

— И ты считаешь, что это действительно так? Что это *правда*?

Она пожала плечами.

— Правда ли это? Кто знает? Но мы работаем в новостном листке. А значит, до завтрашнего дня это — правда.

Вильям почувствовал легкий жар. У Сахариссы была очень привлекательная улыбка.

— Ты... уверена?

— Да, конечно. И пусть наша правда живет только один день, меня это вполне устраивает.

А за ее спиной огромная черная отпечатная машина-вампир ждала, когда ее покормят, после чего в ночной темноте она оживет во имя утреннего света. Эта машина разрубала сложности мира на маленькие истории и всегда была голодна.

Кстати о голоде, вспомнил Вильям. Как раз сейчас ей срочно требовалась статья в две колонки на вторую полосу.

А всего в двух дюймах под его ладонью довольный древоточец вгрызлся в древнюю древесину. Перевоплощение любит шутить шутки ничуть не меньше любой другой философской теории. Древоточец точил дерево и думал: «Офигительное, ять, дерево!»

Ибо ничто не обязано быть правдивым вечно. Лишь столько, сколько необходимо, если говорить правду.

[1]

Кстати, широко распространенная галлюцинация, которой страдает большинство людей.

[2]

Самый редкий и самый зловонный на Диске фрукт, высоко ценимый гурманами (которые редко ценят что-либо дешевое и часто встречающееся). Также жаргонное название Анк-Морпорка, хотя запах фрукта гораздо приятнее.

[3]

Мозг, Отравленный Наркотиками, поистине ужасное зрелище, но господин Тюльпан являлся живым доказательством того, что Мозг, Отравленный Коктейлем Из Лошадиной Мази, Шербета И Измельченных Таблеток От Недержания Мочи, ничуть не привлекательнее.

[4]

Слова сродни рыбам, а некоторые виды особо странных рыб могут существовать только в отдельно взятых рифах, которые защищают их от бурной жизни открытого океана. Вот и такие слова, как «сумятица» и «кавардак», можно встретить лишь в определенного рода газетах (подобно тому, как слово «напитки» встречается только в определенных меню). В нормальном разговорном языке эти слова никогда не используются.

[5]

Что было совсем не трудно, как язвили всяческие недоброжелатели.

[6]

Кроме того, любой осмелившийся употребить анк-морпоркский бифштекс с кровью обеспечивал себе полную приключений и опасностей жизнь, которая удовлетворила бы даже самого отвязного авантюриста.

[7]

Следует отметить, что Вильям де Словв обладал весьма живым, чуть ли не графическим воображением.

[8]

Окружение Вильяма считало справедливость сродни углю или, допустим, картошке. Типа: «когда понадобится, тогда и закажем».

[9]

Вокруг Анк-Морпорка росло слишком много капусты, поэтому жители города, тренируясь в стрельбе, стреляли не по яблокам, а по маленьким капустным кочанам.

[10]

На самом деле данная аббревиатура расшифровывалась вполне невинно — Санитарно-Сырьевое Управление.

[11]

Разумеется, речь идет о других вампирах, а не о тех, которые вечерами собираются вокруг фисгармонии в Миссии Трезвенников, чтобы дрожащими голосами распевать песенки о любви к какао.

Даже если два гнома решали пожениться, все равно и к тому и к другому в подавляющем большинстве случаев применялось местоимение «он». Просто предполагалось, что один из них там, под кольчугой, гномиха и оба новобрачных знают, кто именно. Традиционные гномы предпочитали не обсуждать всякие скользкие половые вопросы — возможно, из скромности, а возможно, потому, что эти вопросы не особо их интересовали... И определенно потому, что все гномы придерживались весьма простой точки зрения: если два гнома решили пожениться, это касается только их двоих.

Наиболее полно господина Крючкотвора можно описать примерно следующим образом. Идет собрание. Вам хочется уйти с него пораньше, как и всем остальным. Кроме того, обсуждать особо нечего. И вот, когда все уже видят Всякие Очень Важные Дела, замаячившие на горизонте, и начинают аккуратно складывать бумаги в портфели, вдруг раздается чей-то голос: «Господин председатель, разрешите поднять вопрос, который может показаться незначительным...» — и у вас деревенеет желудок, потому что вы понимаете, что собрание продлится вдвое дольше, чем подразумевалось, из-за бесконечных ссылок на протоколы предыдущих собраний. Человек, который произнес эти слова и который теперь сидит с самодовольной улыбкой, выражая всем своим видом преданность делам комитета, походит на господина Крючкотвора как две капли воды. А еще все господа Крючкотворы вселенной очень часто используют фразу «по моему скромному мнению», что, по их скромному мнению, придает *вес* их заявлениям и вовсе не указывает на то, что на самом деле эти заявления являются «не более чем убогими замечаниями не менее убогих людей с социальной ответственностью как у ряски».

[14]

Хотя в других обстоятельствах с таким же успехом можно *было* ожидать, что коровы запоют «О, дайте нам облиться кетчупом в экстазе».

[15]

Честно говоря, очень немногие приравнивают друг к другу эти два понятия. Да и найти их рядом можно лишь в ну очень сокращенных толковых словарях. Зато зловонная набедренная повязка и волосы в крайней стадии колтунности, как правило, считались отличительной чертой всех пророков, чей отказ от всего мирского начинался почему-то с мыла.